ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ НА ПЕРЕПУТЬЕ (1917—1999)

Владимир Мосс

Copyright: Vladimir Moss, 2002-2007

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ СЕРИИ: НЕМНОГО О КНИГЕ И ЕЕ АВТОРЕ 4
ВВЕДЕНИЕ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И РЕВОЛЮЦИЯ 7
Экукоммунизм и Церковь 7
Русско-еврейская революция 9
Революция: I. Детерминистическое освобождение 12
Революция: II. Националистический интернационализм 13
Революция: III. Демократическая сатанократия 15
Прогресс революции 16
ГЛАВА I РОССИЯ: ЦАРЕУБИЙСТВО 19
Реформы против стабильности 19
Архиепископ Антоний (Храповицкий) и Карпатская Русь 20
Февральская революция 23
Московский Собор 1917–1918 годов 27
Убийство Царя 33
Патриарх и комиссары 35
Церковь и голод в Поволжье 38
Заговор против патриарха 42
Русская Церковь в изгнании 44
Обновленческий переворот 47
Церковь в Грузии и на Украине 49
Обновленческий собор 1923 года 52
Уроки обновленчества 55
ГЛАВА II ГРЕЦИЯ И БАЛКАНЫ: КАЛЕНДАРНЫЙ РАСКОЛ 57
Вселенская патриархия смотрит на Запад 57
Окружное послание 1920 года 59
Выдвижение Мелетия Метаксакиса 61
Империализм Метаксакиса 65
Второе падение Константинополя 68
"Всеправославный собор" 1923 года 70
Введение нового стиля 74
Грех против единства 76
ГЛАВА III. РОССИЯ: СОВЕТИЗАЦИЯ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ 79
Давление на патриарха 79
Концепция Катакомбной Церкви 82
Митрополит Петр Крутицкий 83
Выдвижение митрополита Сергия 86
Послание соловецких епископов 91
Архиепископ Серафим Угличский 93
Декларация митрополита Сергия 95
Рождение Катакомбной Церкви 98
Ересь сергианства 103
Плоды сергианства 105
Позиция митрополита Кирилла 109
Усть-Кутский Катакомбный Собор 111
ГЛАВА IV ГРЕЦИЯ И БАЛКАНЫ: НАРОДНАЯ ИСТИНА 116
Чудо Креста 117
Румынские старостильники 119
Исповедники Греции и Афона 121
Не преклонившие колени перед Ваалом 125
Три святых священника 127

Возвращение трех архиереев 129
Знамения с небесе 131
Гонение в Румынии 133
Разделения среди греческих старостильников....134
Вопрос о соборной компетенции 136
ГЛАВА V РОССИЯ: ОТ ГИТЛЕРА ДО ХРУЩЕВА 137
Гонение в Польше....137
Россия под немцами....138
Пакт Сталина—Сергия....142
Культ Сталина в Церкви 148
Поворот к экуменизму....149
Церковь в катакомбах....152
Русская Зарубежная Церковь....155
Москва и Митрополия....157
ГЛАВА VI ГРЕЦИЯ И БАЛКАНЫ: УДАР С ЗАПАДА 160
Геноцид православных сербов 160
У румын появляется иерархия....163
Греческая Церковь и коммунисты 164
Дальнейшие разделения в Греческой Церкви....166
Гонения в Греции и на Кипре....169
Экуменизм набирает обороты 171
Митрополит Хризостом Флоринский....173
Всемірный совет церквей....174
Румыны консолидируются....176
Хризостомовцы обретают иерархию 178
Снятие анафем....181
Падение славянских Церквей 183
"Ересь ересей" 186
ГЛАВА VII ЗЕНИТ ЭКУМЕНИЗМА И УПАДОК КОММУНИЗМА 189
Разделения среди греческих старостильников....189
Российские диссиденты и экуменисты 193
Вопрос о благодати....199
Гласность и перестройка....202
Украинские автокефалисты 205
РПЦЗ обвиняет: 1. Сергианство 208
РПЦЗ обвиняет: 2. Новомученики 214
РПЦЗ обвиняет: 3. Экуменизм....216
РПЦЗ и Катакомбная Церковь....219
Свободная Российская Православная Церковь 224
Сербская война....226
Признаки возрождения....228
ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ВОССТАНОВЛЕНИЕ РОМЕИЗМА 232
Политизация Церкви 232
Крест и Корона....234
Препятствия: I. Национализм 237
Препятствия: II. Экуменизм....239
Препятствия: III. Европейский антихрист....242
Три свидетельства....246
ПРИЛОЖЕНИЕ СЕРГИАНСТВО КАК ЭККЛЕСИОЛОГИЧЕСКАЯ ЕРЕСЬ
....250

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ СЕРИИ: НЕМНОГО О КНИГЕ И ЕЕ АВТОРЕ

Изучение современной церковной истории — не столько увлекательное занятие для историка, сколько печальная необходимость для всякого, ищущего спасения души. Впрочем, конечно, историку от этого только интереснее.

Если пытаться обобщить сделанное историками, то главные их достижения пока что придется отнести к области источниковедения. Прежде всего, это публикации источников (на основные из которых ссылается автор настоящей книги).

Официальные историки тех церковных организаций, что объединены в так называемое "мировое православие" ("World Orthodoxy"), весьма неохотно делятся какими бы то ни было сведениями об екклисиологических проблемах и конфликтах, где их право именоваться Церковью ставится под сомнение, а уж сколько-нибудь детального обзора истории их "конкурентов" от таких историков не приходится ждать вовсе (1) . Что же касается истинно-православных Церквей (2) , то их материальная скудость и слишком долгая жизнь в условиях гонений не создавали благоприятных условий для появления достаточно фундаментальных исследований (то немногое, что все-таки было написано, почти сполна цитируется автором настоящей книги). Тем не менее, за последние годы появилась одна фундаментальная монография по истории греческого старостильного движения, написанная отцами Свято-Преображенского монастыря в Бостоне (3) , а также ряд архивных публикаций по истории Российской катакомбной Церкви и иосифлянского движения, подготовленных российскими светскими историками (4) . Едва ли нужно подчеркивать, что как исторические обобщения, так и особенно историко-екклисиологические концепции всех современных исследований по истории Церкви в XX в., не исключая и настоящей книги, остаются весьма дискуссионными и, тем самым, служат приглашением к дальнейшим изысканиям.

Общим недостатком всей историографии истории Церкви в XX в. является ее региональная раздробленность: греки пишут о греках, русские — о русских, румыны — о румынах, — но почти никто не пишет о том, что происходило в истекшем столетии с Православной Церковью в целом — в том целом, которое являли собой еще в начале XX века поместные православные Церкви (пять исторических патриархатов — Константинопольский, Александрийский, Антиохийский, Иерусалимский, Московский — и несколько автокефальных Церквей). Между тем, как раз самые главные процессы шли в каждой из этих Церквей вследствие именно того, что происходило с православным миром как целым. Еще в начале века этот мир — земные организации поместных православных Церквей — осенял купол Российской империи. В 1917 г. этот купол рухнул — разбив то, что находилось под его вершиной, и разбросав во все стороны то, что находилось по краям... О дальнейшем читателю расскажет предлагаемая книга, автор которой, впервые в историографии, отнесся с одинаковым вниманием к процессам, имевшим место как в России, так и в Греции и на Балканах.

* * *

А мы скажем несколько слов об авторе. Энтони Эдвард Мосс родился в 1949 г. в англиканской семье. Обратившись в Православие, он стал членом прихода Св. Архангела Михаила в Гилфорде (5) (недалеко от Лондона), образовавшегося в 1973 г. в юрисдикции Московской патриархии. Вскоре, однако, основная часть прихожан убеждается в еретичности экуменизма, исповедуемого Московской патриархией, и в 1975 г. приход переходит под омофор архиепископа Лондонского Никодима (Русская Православная Церковь Заграницей). Четверо бывших англикан, принятые когда-то в МП без крещения, принимаются архиепископом Никодимом через таинство Крещения; в их числе был и Энтони Эдвард, получивший в Крещении имя Владимира. Дальнейшая судьба Гилфордского прихода не была проста: архиепископ Никодим вскоре умер, и английские приходы РПЦЗ попали в сферу влияния архиепископа Женевского Антония, который, в противоположность архиепископу Никодиму и

возглавлявшему тогда Зарубежную Церковь святителю Филарету, настаивал на принадлежности РПЦЗ к World Orthodoxy, а не к истинному Православию. Святомихайловский приход не последовал известному принципу cujus regio (кто архиепископ) — ejus religio, и в 1978 г. перешел под омофор митрополита Китийского Епифания, бывшего тогда Западноевропейским экзархом "матфеевского" Синода Истинно-православной церкви Греции. Только в 1998 г. приход смог вернуться в Русскую Церковь, в юрисдикцию Российской Православной Автономной Церкви, возглавляемой архиепископом Суздальским и Владимирским Валентином.

Даже такого беглого перечня событий приходской жизни одного "конвертского" (6) западного прихода достаточно, чтобы понять, какой водопад проблем обрушивается на западного человека, решившего принять Православие. Если и сам по себе такой шаг был для него крайне труден вследствие культурных барьеров, то те трудности, которые возникают после, когда нужно разобраться, какое же православие истинное, — многим кажутся непреодолимыми. Большинство предпочитают закрывать глаза и пребывать в послушании тем епископам, в чьей юрисдикции они случайно оказались. Меньшинство... обрекает себя на весьма и весьма тернистый путь поисков и отстаивания Истины.

Владимир Мосс решил не останавливаться ни перед чем. Ему даже пришлось, будучи по образованию психологом, осваивать параллельно профессию историка, и, что гораздо труднее, — изучать экзотические языки вроде новогреческого (чтобы общаться с не понимающими ни на каком другом языке греческими иерархами) и русского (чтобы общаться с российскими катакомбниками), подолгу живя и работая в соответствующих странах...

Настоящий труд Владимира Мосса публикуется впервые — но не в английском оригинале, а в переводе на русский язык, сделанном прямо с рукописи. Это создает приятную иллюзию — будто русская церковно-историческая наука, как в дореволюционные времена, опять вырывается вперед в деле создания обобщающих трудов по современной истории Церкви... Иллюзия остается, увы, иллюзией, но, к счастью, в ней уже сейчас есть доля реальности: именно в России, по моему глубокому убеждению, книга Владимира Мосса найдет себе больше всего благодарных (и неблагодарных, но все равно нуждающихся в ней) читателей и даже, быть может, продолжателей его дела.

1) Примеры официозной (с позиции Московской патриархии) истории Церкви в России являют собой книги В. Цыпина — "История Русской Православной Церкви. 1917–1990. Учебник для православных духовных семинарий" (М., 1994) и огромная "История Русской Церкви. 1917–1997" (М., 1997), выпущенная в качестве т. IX одноименного труда митр. Макария Булгакова.

2) Термин возник одновременно, но независимо в России (в среде иосифлян; его авторство не без основания приписывается священномученику митр. Иосифу Петроградскому) и в Греции (в среде тогда еще единого старостильного движения) в конце 1920-х гг.

3) The Struggle Against Ecumenism. The History of the True Orthodox Church of Greece from 1924 to 1994 (Boston, MA: The Holy Orthodox Church in North America, 1998); изд. русского перевода готовится; предварительная версия этого перевода уже опубликована: Воздвижение. Исторический альманах 6–7 (26–27) (Московское подворье Истинно-Православной Церкви Греции, 1998); 8–11 (28–31) (1999). Ср. рец. В. Мосса (где уточняется ряд исторических подробностей, особенно относительно Истинно-православной церкви Кипра): Вертоградъ-информ 8 (41) (М.; СПб., 1998) 21–22.

4) Самые заметные из этих публикаций: И. И. ОСИПОВА, "Сквозь огнь мучений и воду слёз..." Гонения на Истинно-Православную Церковь. По материалам следственных и лагерных дел заключенных (М.: Серебряные нити, 1998); М. В. ШКАРОВСКИЙ, Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви (СПб.: Научно-информационный центр "Мемориал", 1999) (Исторические сборники, 4).

5) Многим из российских читателей будет интересно узнать, что приход занимает здание бывшей англиканской кладбищенской церкви, построенной рядом с могилой Льюиса Кэролла на завещанные им деньги. Согласно воле завещателя, здание не может быть обращено на нецерковные нужды. Поэтому, когда англиканский приход — подобно огромному числу англиканских приходов в Англии — распался за отсутствием прихожан, гилфордский горсовет передал здание приходу православному.

6) От англ. convert — "обратившийся" (имеется в виду, в Православие). "Конвертами" в русской эмигрантской среде любовно называют тех представителей коренных западных народностей, которые принимают Православие — а те, как заверяла меня одна английская старушка русского происхождения, и не подозревают, что они "envelopes"...

Иеромонах Григорий (В. М. Лурье)

ВВЕДЕНИЕ
ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И РЕВОЛЮЦИЯ

На сем камени созижду Церковь Мою,
и врата адова не одолеют ей.
Мф. 16:18

Экукоммунизм и Церковь

Эта книга — история Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви в период от начала русской революции в 1917 г. до падения советской власти в 1991 г. Смысл названия "Единая, Святая, Соборная и Апостольская" на протяжении этого труда станет яснее. Кратко можно сказать, что это — Православная Церковь; точнее — та часть Православной Церкви, которую не подкосили последние удары экуменизма и коммунизма или, как я его называю, — экукоммунизма (1) .

Экукоммунизм может быть определен как современная (двадцатого века) доктрина о человеке в обществе, пытающаяся занять место догмата о Церкви в сознании людей.

Экуменический аспект этой ереси усиливается разрушить значение Церкви как столпа и утверждения Истины (I Тим. 3:15) проповедью о том, что, якобы, не существует одной истины, а стало быть и одной Церкви, являющейся ее столпом. Экуменизм утверждает, что все церкви, а в своей более крайней, современной форме — все религии содержат частичные или относительные истины, которые, будучи приведены к их общему нижайшему знаменателю, образуют из себя догматический базис новой "церкви" или универсальной религии нового, просвещенного человечества. Развитие этой доктрины, впервые появившейся в Англии и на Западе до своего проникновения в православный мір через Греческую Церковь, прослеживается особенно во II, IV, VI и VIII главах настоящей книги.

Коммунистический аспект экукоммунистической ереси усиливается разрушить нравственное, социальное и эсхатологическое учение Церкви проповедью новой "революционной морали", цель которой — не Царство Небесное, а коммунистический рай на земле. Вместо Церкви мы здесь видим Партию, вместо Бога — Историю. Коммунизм, как и экуменизм, проник в православный мір с Запада, и мы прослеживаем его борьбу с Церковью в главах I, III, V и VII.

"Идеологом экуменизма, — писал архиепископ Аверкий, — явившегося естественным следствием ностальгии протестантского міра по Церкви, которую они потеряли, был немецкий пастор Кристофер Блюмгардт, коего протестанты зовут поэтому "великим пророком современного міра". Он призывал всех протестантов к объединению для "созидания Царства Божия на земле", но он умер в 1919 г., не дожив до организации экуменического движения. Основная его идея состояла в положении, что "старый мір рухнул, и на его руинах восстает новый". Он поставил перед христианством три задачи: 1) создание наилучшей социальной структуры, 2) преодоление конфессиональных разногласий и 3) совместная работа по образованию всемірного сообщест ва наций при совершенной ликвидации войн.

Именно в этих трех пунктах были сформулированы цели экуменизма и нынешним генеральным секретарем Совета экуменического движения, Виссерт Хуфтом, который видел средства для их реализации в том, чтобы Церковь преследовала общественные цели. Для этого прежде всего необходимо преодолеть конфессиональные различия и создать одну церковь. Обновленная единая церковь будет иметь возможность приуготовить путь триумфу социализма, который приведет к созданию единого мірового государства, как Царства Божия на земле..."(2).

Борьба между экукоммунизмом и Церковью была прообразована уже в начале века борьбой между писателем Львом Толстым, выступавшим за сведение христианства к "чистой" морали без Церкви, таинств или каких-либо иных неотмірных элементов, и

священником о. Иоанном Кронштадтским, продемонстрировавшим своей чудесной жизнью, изобиловавшей добрыми делами и чрезвычайным множеством чудес, что христианство — не в мудрости человеческой, но в силе Божией (I Кор. 2:5). Эта борьба привела к отлучению Толстого от Церкви за богохульство, тогда как о. Иоанн прославляем в лике Святых по всему міру. Но конфронтация между Толстым и о. Иоанном, подобно как и между Арием и Свт. Афанасием на I Вселенском Соборе, была лишь прелюдией к титанической борьбе, захватившей сотни миллионов людей на разных континентах, которая до сих пор не пришла еще к своему концу. На протяжении этой борьбы природа Церкви стала яснее благодаря тому, что встала необходимость ответить на вопросы: является ли Церковь Единой, Святой, Соборной и Апостольской, как ее определяет Никейский Символ Веры? Действительно ли она имеет Божественное происхождение и природу, или же это чисто человеческая организация? Эволюционирует ли она в своем учении и практике или же остается той же самой? Включает ли она в себя все бесчисленное множество именующихся сегодня христианами или же состоит из малого остатка верных на земле? Действительно ли она — единственный ковчег спасения или же лишь один из многих путей, ведущих к Богу?

Однако, чтобы понять экукоммунизм, мы должны понимать, что в своих нападках на догмат и самое существование Церкви он является лишь частью еще более широкомасштабного нападения на понятие Предания (традиции), как источника истины не только в Церкви, но и во всех отраслях знания. Это широчайшее движение, которое я назову совершенно просто: Революция, — прошло через несколько исторических стадий, из которых первой была революция в Церкви, совершенная папой Григорием VII. Папизм привел к схоластике и гуманизму, затем к протестантизму, сайентизму, деизму, материализму, романтизму, гегельянству, дарвинизму, марксизму, фрейдизму, экуменизму и, наконец, к нью-эйджизму. Показать, как все эти "измы" связаны друг с другом и берут свое начало от первичного мятежа против Церкви, который мы называем "схизма" (раскол), — выходит за пределы нашей работы. Достаточно сейчас сказать, что подтекстом революции во всех ее стадиях является одна и та же антихристианская, антитеистическая, человекоцентристская философия.

Эту философию можно кратко сформулировать следующим образом. Человек — сам себе хозяин. Если есть Бог, то это Бог по образу самого человека, возможно — даже творение самого человека; и человек не зависит от Него в познании истины, ибо его собственный ум достаточен для этого и не нуждается в чьей-либо помощи. Мудрость веков — это миф; традиция — тормоз прогресса. Раз человек — продукт эволюции низших видов животных, то и его социальные, религиозные и политические институты находятся в процессе постоянной, восходящей эволюции. Поэтому нет такой вещи как абсолютная истина, нет никакого священного, неизменного, богоданного авторитета. Все течет, значит — все должно изменяться. Единственный неизменный, неизбежный факт — это факт революции: социальной революции, политической революции, религиозной революции и над всем этим научной революции, на которой базируются все остальные революции. Отсюда единственный непрощаемый грех (если это просто не форма заболевания, которая может быть медикаментозно вылечена в психиатрической клинике) — это грех контрреволюции, грех мракобесия, неспособности к изменению, несовременности. Позволено все — нелепейшие верования, самые ненормальные стили жизни, — лишь бы это не стояло на пути революции, той революции, которая делает человека хозяином самого себя и окружающий среды. Но тем, кто стоит на пути у "прогресса", не будет пощады; они будут выброшены на свалку истории подобно вымершим видам дарвиновской предыстории. Ибо ничто не должно стоять на пути восхождения человека к состоянию богоподобия. Как в физике антропный принцип "кажется стоящим на грани замены Бога человеком, намекая, что сознание, не связанное временнысми рамками, вызывает творение"(3), так в жизни, основанной на научной революции, человек должен заместить собою Бога, устраняя все препоны, связанные с Божественным Творцом.

После двух "пробных забегов" — английской и французской революций — свое наиболее полное воплощение революция получила в русской революции 1917 г., при этом низвергнув основной оплот традиционного мышления в міре. Поскольку все

отступнические течения европейской истории, начиная с одиннадцатого столетия, подготавливали русскую революцию и нашли в ней свое завершение, то вся міровая история с 1917 г. определяется ею и протекает в ее тени.

Сейчас принято думать, что антикоммунистические перевороты 1989–1991 гг. положили конец этой фазе истории. Но это — ошибка. Если некоторые экономические идеи революции и дискредитированы, то ее основные принципы: замена Христианской Церкви атеистическим государством, Бога — народом, Предания — наукой, Духа — материей, — стоят так же крепко, как и всегда. Русская революция была подобна ядерному взрыву, расщепляющему элементы не только религиозной, но и всей культурной и общественной жизни; она стремилась разрушить веру, семью, нацию и личность(4) . И излучение от русской революции, так же как радиоактивное излучение от ядерного взрыва, ощущается на большом пространстве еще долгое время спустя.

Ибо, как сказали иерархи Русской Зарубежной Церкви в своем послании в октябре 1991 г., "если последствия чернобыльской катастрофы все еще дают о себе знать в организмах детей из близлежащих областей, то духовная катастрофа всей России будет оказывать свое действие в течение гораздо большего периода времени. Ясно, что как чернобыльская радиация будет продолжать многие годы уничтожать жизни детей нашей планеты своим зловещим, невидимым огнем, так и последствия духовной катастрофы не скоро удалятся от нас"(5). Вот почему эта книга начинается с русской революции и оканчивается перспективами конечного очищения религиозной и общественной жизни от ее ядовитого воздействия.

1 V. MOSS, Ecucommunism // Living Orthodoxy. Vol. XI, № 5 (September–October 1989) 13–18.
2 Архиепископ АВЕРКИЙ, О положении православных христиан в современном мире // Истинное Православие и современный мир (Джорданвилль: Свято-Троицкий монастырь, 1971)* (Цитаты, помеченные астериксом, даны в обратном переводе.)
3 M. KOHN, Joyfullyback to Church? // New Statesman and Society (May 1, 1992) 32.
4 См.: И. ШАФАРЕВИЧ, Социализм как явление мировой истории (Париж: ИМКА-Пресс, 1977). См. также его статьи в: Из-под глыб / Изд. А. СОЛЖЕНИЦЫНА (Париж: ИМКА-Пресс, 1974).
5 Orthodox Life. Vol. 41, № 6 (November–December 1991) 10.

Русско-еврейская революция

Чтобы понять русскую революцию, необходимо понять ее корни, уходящие не только в европейские революции последнего тысячелетия, но также и в еврейскую революцию, происшедшую еще тысячей лет раньше. Такое понимание не есть проявление антисемитизма, как это может показаться западным людям; ибо как может христианский историк, почитающий Бога Израилева и являющийся членом Церкви, основанной апостолами исключительно еврейской национальности, всерьез утверждать антисемитские идеи? Оно является плодом простого, но основополагающего и неоспоримого факта, что русская революция на своей начальной стадии была делом, главным образом, евреев, вдохновленных еврейской по существу философией истории; и что даже когда впоследствии лидерами революции были уже не евреи, они продолжали мотивировать свои действия, сознательно или бессознательно, идеями по существу еврейскими. Автор данного труда отнюдь не антисемит, но он — антииудаист в том смысле, что он противник религии, основанной на Талмуде, религии ожесточенно и определенно антихристианской в своих фундаментальных верованиях. В этом смысле все апостолы, святые отцы и мученики были антииудаистами, каковыми должны быть и все сознательно верующие православные христиане.

С тех пор, как Авраам покинул Ур халдейский в поисках земли обетованной, в которой один Бог будет Царем, всемірная история стала серией сильнейших колебаний между полюсами: Сионом и Вавилоном, Богочеловеком и человекобогом, теократией и сатанократией.

Две тысячи лет спустя Сам Богочеловек посетил Свое Царство, и произошла вторая серия отчаянных колебаний. Сначала цари с Востока пришли почтить Его: Вавилон поклонился Сиону. Затем завеса храма раздралась надвое, сам храм был разрушен, и народ Божий рассеян по лицу земли: Сион стал духовно Вавилоном, и в вавилонском Талмуде евреи выработали отступническое учение сионизма.

Но в Сионе родился Новый Израиль, Исраиль Божий (Гал. 6:16), Церковь Христова, — и бывшие чада гнева из Западного Вавилона, язычники Греции и Рима, пришли и склонились у ее ног. И когда Константин стал царем Ветхого Рима, даже основание и венец вавилонской системы — почитание богочеловека-императора — превратилось в свою противоположность: богоборческая сатанократия Ветхого Рима стала боголюбивой теократией Нового Рима.

Сейчас, почти через две тысячи лет после Рождества Христова, мы находимся посередине третьей великой серии резких колебаний міровой истории. В 1917 г. боголюбивая теократия Третьего Рима, России, превратилась в богоненавистническую сатанократию Северного Вавилона — Советского Союза, и отступники иудеи отыгрались на Третьем Риме за разрушение своего государства первым, Ветхим Римом.

Истинное значение русской революции проявилось через одно необычайное "совпадение", мало кем замеченное. 9 ноября 1917 г. лондонская "Таймс" на одной полосе сообщила о двух событиях: вверху — о большевицкой революции в Петрограде, и сразу же ниже — об обещании британского министра иностранных дел Лорда Бальфура вернуть евреям родину в Палестине. Для неверующего эти два события представляются никак не связанными между собой; тот факт, что они случились точно в одно и то же время и под руководством людей одной расы, класса и места жительства — еврейской интеллигенции Западной России и Польши, — кажется чисто случайным. Для ока верующего, однако, это суть два аспекта, проявившихся в двух различных географических областях, одного и того же события — события, названного в Евангелии началом болезней (Мф. 24:8), в посланиях Апостола Павла — взятием от среды удерживающего (II Сол. 2:7), а в Апокалипсисе Апостола Иоанна — освобождением зверя из бездны (Апок. 20:3).

Теперь, если взглянуть на это событие с точки зрения евреев, то оно выглядит как триумф чисто национального движения — сионизма. С другой стороны, с точки зрения русских, оно выглядит как социально-политический переворот в чистом виде, вызванный чисто мірским висдением всемірной истории — марксизмом-ленинизмом. В действительности, однако, сионизм и марксизм-ленинизм суть два аспекта движения, которое по своей сущности не является ни чисто националистическим, ни политическим; оно — религиозное или, вернее, демоническое.

Яснее всего это видно из убийства Царя 4/17 июля 1918 г. На стене помещения, где его убили, была обнаружена надпись, дающая надлежащую оценку делу с точки зрения еврейской революции. Это была цитата из немецкого еврейского поэта Гейне, слегка измененная, чтобы получилось слово "царь" и идентифицирующая царя с Валтасаром:

Belsatzar ward selbiger Nacht В эту самую ночь Валтасар

Von seinen Knechten umgebracht. Был убит собственными рабами (6).

Но действительность была совершенно противоположной. Валтасар ненавидел народ Божий, и его устранение открыло дорогу восстановлению храма Божия в Сионе. Убиение Царя Николая, напротив, открыло дорогу разрушению православной России и ее превращению в Вавилон.

Такого взгляда на события придерживаются не только одни православные или "антисемиты". Например, Уинстон Черчилль писал: "Может иногда показаться, будто Евангелие Христово и евангелие антихристово по своему замыслу должны были брать начало среди одного и того же народа, и что этот мистический и таинственный народ был избран для высших проявлений как божественного, так и диавольского... От дней

"Спартака" Висгаупта до дней Карла Маркса и далее — к Троцкому (Россия), Бела Куну (Венгрия), Розе Люксембург (Германия) и Эмме Голдман (США) — этот всемірный тайный заговор для ниспровержения цивилизации и восстановления общества на основе остановленного развития, завистливого злорадства и невозможного равенства постоянно возрастал. Он играл, как современная писательница, г-жа Неста Уэбстер, столь искусно показала, определенно узнаваемую роль в трагедии Французской Революции. Он был главным источником всякого подрывного движения на протяжении девятнадцатого столетия; и теперь, наконец, эта шайка негодяев со дна больших городов Европы и Америки схватила русский народ за волосы и практически стала хозяйничать в этой огромной империи. Нет никакой нужды преувеличивать роль, сыгранную в создании большевизма и осуществлении русской революции этими интернациональными и по большей части неверующими евреями. Она действительно очень велика; возможно, больше, чем роль всего остального"(7).

Дуглас Рид подтверждает это статистикой: "Центральный Комитет Партии большевиков, наделенный верховной властью, состоял из трех русских (включая Ленина) (8)и девяти евреев. Второй по значению орган, Центральный Исполнительный Комитет, состоял из сорока двух евреев и девятнадцати русских, латышей, грузин и лиц иных национальностей. Совет Народных Комиссаров — из семнадцати евреев и пяти лиц другой национальности. Московская ЧК — из двадцати трех евреев и тринадцати не евреев. Среди фамилий пятисот пятидесяти шести высших должностных лиц большевицкого государства, оффициально опубликованных в 1918–1919 гг., было четыреста пятьдесят восемь еврейских и сто восемь остальных национальностей. В центральных комитетах небольших, якобы "социалистических" или иных не коммунистических партий... было пятьдесят пять евреев и шесть остальных" (9).

Даже такой "просемитский" историк, как Ричард Пайпс, признает: "Евреи, бесспорно, играли в большевицкой партии и в ранних советских структурах роль непропорциональную их доле в процентном составе населения. Число еврейских активистов коммунистического движения в России и за границей было непомерным: в Венгрии, например, оно достигало девяносто пяти процентов главных руководителей диктатуры Белы Куна. Они были также диспропорционально представлены среди коммунистов Германии и Австрии во время тамошних революционных брожений 1918–1923 гг. и в структурах Коммунистического Интернационала" (10).

Конечно, евреи-большевики не были религиозными иудеями и были, фактически, в такой же оппозиции к талмудическому иудаизму, как и любая другая прослойка населения. Более того, как подчеркивает Пайпс, "результаты выборов в Учредительное Собрание показали, что поддержка большевикам шла не из районов концентрации евреев, старой черты оседлости, а из среды вооруженных сил и крупных городов Великороссии, где навряд ли было много евреев" (11). Так что вина за русскую революцию падает на русских так же, как и на евреев; и в действительности едва ли какая-либо из наций, составлявших Российскую империю, может утверждать свою непричастность к катастрофе. Тем не менее, чрезвычайная роль, сыгранная евреями в русской революции, является фактом, который можно отнести, по крайней мере частично, на счет традиционно антирусской и антихристианской настроенности еврейской культуры, отразившейся в обоих ее главных политических проявлениях — большевизме и сионизме. Ибо, как показал в своей "Автобиографии" Хаим Вейцман, первый президент Израиля, атеисты большевики и теисты сионисты вышли из одной среды, часто из одних и тех же семей, так что его мать могла видеть триумф своих сыновей как в большевицкой Москве, так и в сионистском Иерусалиме (12)... Более того, еврейское господство в России стало в результате революции столь полным, что говорить о "русской" революции, фактически, неправильно; правильнее будет назвать ее антирусской или русско-еврейской революцией. В самом деле, русскую революцию можно рассматривать как одно из ответвлений того всеобщего триумфа еврейских сил, который мы наблюдаем в XX в. равно на Западе и на Востоке, будь то в России, или в Америке, или в Израиле. Как бы по Божьему попущению и в наказание за грехи многих народов, восстала в черте оседлости банда мстителей, устранившая последнюю великую удерживающую силу и возвестившая эпоху Апокалипсиса.

6 См.: Н. КОЗЛОВ, Крестный путь (М., 1993). См. также: ЭНЕЛЬ, Жертва // Колокол. № 5 (М., 1990) 17–37. См. также: М. ОРЛОВ, Екатеринбургская Голгофа // Колокол. № 5 (М., 1990) 37–55.
7 Illustrated Sunday Herald (February 8, 1920). Цит. по: D. REED, The Controversy of Zion (Durban–S.A.: Dolphin Press, 1978) 272–273.
8 Однако, Ленин тоже был отчасти евреем. Его деда, прежде чем он выкрестился в Православие, звали Израиль, а прадеда — Мойша Бланк. См.: Л. АВЕРИНА, Еврейский корень // Наша страна (Израиль) (22 января 1997).
9 REED, The Controversy of Zion... 274. Евреи — даже религиозные иудеи — продолжали играть важную роль в компартиях Восточной Европы и после II Міровой войны. Например, Моисей Розен стал членом Коммунистической партии Румынии после войны и продолжал свою деятельность в ней даже после того, как в 1948 г. стал главным раввином Румынии. Он пользовался в ней сильным влиянием и после падения Чаушеску в 1989 г. См.: Пятница (Израиль). № 69 (22 января 1997) 8.
10 R. PIPES, Russia under the Bolshevik Regime, 1919–1924 (London: Fontana Press, 1995) 112–113.
11 Ibid. 113.
12 См.: C. WEITZMANN, Trial and Error: The Autobiography of Chaim Weitzmann (New York: Harper, 1949).

Революция: I. Детерминистическое освобождение

Если мы обратимся к философским основаниям революции, мы обнаружим, что с ними неразрывно переплетен все тот же еврейский элемент, — и это не только потому, что среди теоретиков революции было так много евреев. Как подметил Бернард Рассел, многие элементы марксистской системы являются реминисценциями иудаизма: то же стремление к земле обетованной здесь и сейчас (коммунизм и отмирание государства); то же разделение народов міра на избранный народ (пролетариат) и гоев (эксплуататорские классы) и лютая ненависть к последним; тот же культ лжемессии (непогрешимого лидера партии, вождя) (13).

Утопизм — вот сердцевина философской системы марксизма-ленинизма. Игорь Шафаревич набросал примеры утопической мысли о государственности различных стран и эпох. Он пришел к выводу, что она всегда: а) тоталитарная, ведущая к отмене частной собственности, семьи и религии; б) руководима некоей жаждой смерти, результатом чего является физическая и духовная гибель народа (14).

Под именем "хилиазма" или "милленаризма" утопизм был известен как одна из раннехристианских ересей (с весьма сильным, как можно видеть, иудейским колоритом). Возможно, что прибавление к Никейскому Символу Веры на Втором Вселенском Соборе в Константинополе в 381 г. слов: "Егоже Царствию не будет конца", — было направлено против этой ереси (15). Ибо ересь хилиазма в своем существе сводится к верованию, будто Сам Христос придет на землю прежде Страшного Суда, с тем чтобы установить Свое Царствие видимым образом на период в тысячу лет, и царство это характеризуется, согласно еретическому учению, триумфом еврейского племени и иудейского закона.

Но Церковь отвергла это, уча, что истинное Царствие Христово наступит лишь после Суда, и что это будет духовное царство не от міра сего, которому не будет конца. Мы отчасти можем входить в Царствие Божие до Суда, но только в Церкви и через Церковь, которая не является и не может являться чувственно постигаемым, временным царством.

Утопизм основывается не только на еретической эсхатологии, но и на ложной антропологии, отрицающей грехопадение человека. Ибо утопия на земле возможна только на основе предположения, что живущие на ней люди бесстрастны, безгрешны и движимы одной совершенной любовью и смирением. Предположение, что какой-либо класс людей, однажды освобожденный от несправедливости и бедности, автоматически уподобится ангелам, — это миф. Еще более мифична идея, что царство любви и братства наступит в результате жестокой и братоубийственной войны. Цель

не оправдывает средства; и использование дурных средств неизбежно приводит к дурным результатам.

Как сказал Александр Солженицын, линия, отделяющая добро от зла, проходит не между классами или народами, но через каждое человеческое сердце. Поэтому окончательная победа добра над злом возможна только через очищение человеческого сердца, каждого человеческого сердца. И это — цель духовная, которая достигается духовными, а не материальными или политическими средствами; исповеданием веры и покаянием в грехах, а не восстанием против Царя и перераспределением собственности.

Это подводит нас к еще более глубокому изъяну утопизма — его материализму. Ибо если ересь хилиазма все-таки признает существование Бога и духовной природы человека, то утопизм сводит все к слепому детерминизму бесчувственной материи. Для древних еретиков утопия могла быть устроена только Богом и была наградой праведным за должное употребление свободной воли. Для современных же хилиастов нет ни Бога, ни свободной воли, и утопия в любом случае должна наступить в результате железных законов необходимости. Эта фаталистическая вера и придает революции ее страшную силу — ибо люди становятся чрезвычайно самоуверенными, когда знают, что должны в конце концов победить, — и обуславливает ее ужасающую жестокость — ибо без свободной воли нет и ответственности, как сказал Достоевский: "если Бога нет, то все позволено".

"Космическая одержимость, — пишет о. Георгий Флоровский, — так можно определить утопическое самочувствие. Чувства безусловной зависимости, всецелой определенности извне, полной вовлеченности и включенности во вселенский строй определяет утопическую самооценку и оценку міра. Человек чувствует себя "органным штифтиком", звеном какой-то всеобъемлющей цепи, — он чувствует свою однозначно-неизменную скованность с космическим целым...

Из делателя и творца, сознательно волящего и избирающего, а потому несущего риск ответственности за свое самоопределение человек превращается в вещь, в иглу, которой кто-то что-то шьет. В этом органическом всеединстве нет места действию, — здесь возможно только движение... Нет места акту, ни места подвигу"(16).

13 B. RUSSELL, A History of Western Philosophy (London: Allen Unwin, 1947) 383.
14 См.: И. ШАФАРЕВИЧ, Социализм // Из-под глыб... 97–114; И. ШАФАРЕВИЧ, Социализм как явление мировой истории (Париж: ИМКА-Пресс, 1977).
15 Однако, епископ КАЛЛИСТ Диоклийский пишет (Личное сообщение от 21 января 1997 г.): "Кажется более вероятным, что оно было направлено против учений Маркелла Анкирского (который не был хилиастом); Маркелл и его последователи упомянуты в Первом Правиле Собора 381 года. Дж. Н. Д. Келли в своей книге "Раннехристианские Символы Веры" придерживается мнения, что означенное прибавление сделано против Маркелла. Брайан Е. Далей в своем труде "Упование древний Церкви. Справочник по святоотеческой эсхатологии" не говорит ничего о каком бы то ни было осуждении хилиазма в 381 году".
16 Г. ФЛОРОВСКИЙ, Метафизические предпосылки утопизма // Путь. № 4 (Июнь–Июль 1926) 30, 32.

Революция: II. Националистический интернационализм

Если хилиазм-утопизм — это одна из самых ранних иудео-христианских ересей, то разделение міра на "чистые" и "нечистые" классы или нации — самая ранняя. Она была предметом самого первого церковного Собора, проходившего в Иерусалиме под председательством апостола Иакова. И если даже великий апостол обрезания св. Петр впал в нее, хотя впрочем и ненадолго, тогда что удивительного, что отступническое еврейство и марксисты-ленинисты ее увековечили? Это искушение также не является специфическим для одних лишь евреев: национализм, возвышение собственного народа или класса, как якобы превосходящего все другие, — это вечное искушение для всех народов, и некогда оно не было бóльшим, чем сегодня у некоторых православных наций.

Когда Бог повелел Ною ввести в ковчег пары и "чистых", и "нечистых" животных, и когда Он повелел Апостолу Петру есть как "чистую", так и "нечистую" пищу, Он тем самым показал, что нет чистых по существу народов. Несть бо разнствия, вси бо согрешиша и лишени суть славы Божия (Рим. 3:22–23). Вне ковчега, вне Церкви Христовой — все нечисты; и все в Церкви, если и не совершенно чисты, то во всяком случае находятся в процессе очищения. И все, безотносительно к их национальности, могут войти в Церковь. Ибо или иудеев Бог токмо, а не и языков? Ей, и языков; понеже един Бог, Иже оправдит обрезание от веры и необрезание верою (Рим. 3:29–30).

Конечно, национализм — это не всегда патологический феномен. И иногда он требуется для спасения нации и подкрепления истинной веры; так что, возможно, следует оставить термин "национализм" для обозначения болезненного феномена, используя для обозначения явления положительного, которому мы сейчас хотим уделить внимание, другой термин — например, "патриотизм".

Когда, в середине XIX в. русский Император Николай I одобрил лозунг славянофилов "Православие, Самодержавие, Народность" (17), он понимал под "народностью" положительную добродетель любви к своей стране. Народность была, по мысли Николая и славянофилов, связана с Православием, поскольку она была подчинена Православию и возвышала нацию не ради нее самой, а как носительницу некоторого аспекта Божественной идеи национального существования. Так что целью национального самосознания, согласно этой концепции, является "достижение в судьбе и духе народа того, что Бог мыслит о нем в вечности", как выразился Владимір Соловьев (18).

Революция стремится разрушить "божественную идею национального бытия", коллективное лицо каждой нации, точно так же как стремится разрушить божественный образ бытия человека, индивидуальное лицо каждого человека. Так, Ленин сказал, что цель социализма — не только сплочение наций, но и их слияние — т. е. их разрушение. Ибо, как говорил Достоевский, "социализм лишает национальный принцип его индивидуальности, подрывая самые основания национальности" (19). Конечно, Ленин не брезговал поддерживать и разжигать национализм малых народов Российской Империи, с целью сокрушить богоносный народ, который он ненавидел и которого боялся больше всего. Но, разжигая национальные чувства, он затем старался вновь подавить их, подчиняя все нации единственной нации и касте, к которой он благоволил, — нации еврейского интернационализма, Коммунистической партии Советского Союза (20).

Тот парадокс, что социализм одновременно разжигает национализм и разрушает нацию, — это один из аспектов общей парадоксальности социалистической революции, проповедующей свободу и практикующей рабство, провозглашающей равенство и создающей неравенство, мечтающей о братстве и разжигающей братоубийственную войну. Подобным образом французская революция провозгласила свободу и равенство всех наций; но ее первое появление на международной сцене произошло в форме наполеоновского империализма, который пытался лишить свободы все народы Европы. И, как это ни парадоксально, именно самодержавная Россия, победительница Наполеона, обеспечила выживание народов Запада и их свободу от тоталитаризма, по крайней мере, на последующие сто лет.

Ибо на самом деле революция, разжигая страсти к личной и национальной свободе, с тем чтобы расшатать старые церковные и государственные структуры, имела целью уничтожение всякой свободы и индивидуальности, как личной, так и национальной. И лицемерно обращаясь к тем вселенским идеалам, которые дало міру Христианство, — несть иудей, ни еллин; несть раб, ни свободь; несть мужеский пол, ни женский, — она на деле стремилась к их совершенному разорению, разрушая основание, на котором все они держатся: вси бо вы едино есте о Христе Иисусе (Гал. 3:28). Так, подобно змию в Эдеме, она обещала жизнь, а давала смерть...

17 Авторство этого лозунга часто ошибочно приписывают славянофилам, т. к. они его широко употребляли. На самом деле его автор — министр народного просвещения граф С. С. Уваров (1786–1855). — Прим. ред.

18 Цит. по: В. М. БОРИСОВ, Национальное возрождение и национальность // Из-под глыб... 202.
19 F. M. DOSTOYEVSKY, The Diary of a Writer (Haslemere: Ianmead, 1984) 738*.
20 См.: И. ШАФАРЕВИЧ, Обособление и сближение // Из-под глыб... 97–114.

Революция: III. Демократическая сатанократия

Однако наиболее характерной чертой еврейско-русской революции, даже более характерной, чем ее антиличностная и антинациональная страсти, была ее жгучая потребность в почитании лжемессии. За счет своего утопизма, революция поглощает личности своих последователей в стихийном, всеобъемлющем процессе, которому они подчиняют свою свободу и индивидуальность. И за счет классовой борьбы и антипатриотизма, она разрушает те последние бастионы личной и коллективной свободы, которые стоят на пути к ее конечной победе. Но что же это за "победа", если нет ни верховного победителя, к чьим ногам можно сложить трофеи, ни вождя, в своей личности воплощающего причину победы пролетариата? Вот почему революция не закончена, пока она не нашла своего бога, вот почему личная "скромность" Ленина должна была быть "исправлена" "всемудрым" Сталиным, и вот почему коллективный антихрист советизма должен однажды достигнуть своего апофеоза в личном антихристе иудаизма...

Достоевский в "Братьях Карамазовых" ясно показал эту потребность всецелого поклонения, которая лежит в самом сердце революции. И он возводит ее происхождение к почитанию непогрешимого папы еретического Рима и далее к почитанию императора — pontifex maximus'а языческого Рима. Глубоко в душе человека, по слову блаженного Августина, находится богозданный сосуд; и если этот сосуд не заполнен почитанием Бога истинного, то он заполнится почитанием ложного бога, и этому богу человек отдаст всего себя целиком. Так недавно, после похорон диктатора Берега Слоновой Кости (который построил самый большой в мiре храм по образцу собора Св. Петра в Риме), некий молодой человек, вне себя от горя, бросился в кишащую крокодилами воду рва, окружавшего дворец диктатора. Это показывает, что потребность в абсолютном почитании и всецелом самопожертвовании так же жива сейчас, в нашу материалистическую и демократическую эпоху, как это было и всегда.

В настоящее время Запад приписывает опасность тоталитаризма в России слабости ее демократических институтов в 1917 г. и ее долгой истории самодержавного правления. Сатанократия большевизма, согласно этой концепции, является близкой родственницей теократии Святой Руси и вместе с ней противопоставляется "истинному благочестию" западной демократии. В самом деле, самый институт царской власти представляется злом в глазах Запада.

Однако, в действительности самое основание общества иерархически упорядочено. Вот что пишет об этом иеромонах Дионисий (Алферов):

"Ячейкой государства является семья. В семье отец природно является главой, а сын — подчиненным; власть отца не есть результат семейных выборов, но "вручена ему естественно законом Божиим" (митр. Филарет Московский). Как из разросшейся семьи — племени — возникает народ, так и из семейного единоличного возглавления вырастает царское самодержавие.

Как семейное, так и монархическое устройство есть установление Божие для земного существования греховного падшего человека. Первозданный человек, пребывавший в живом богообщении, не подчинялся никому, кроме Бога, и был владыкой над неразумными тварями. Человек согрешивший, нарушивший божественную иерархию подчиненности, отпавший от Бога — стал рабом греха и диавола, и, как следствие этого, стал подчиненным человеку, подобному себе. Греховная воля человека для ограничения своей разрушительной деятельности требует подчинения. Это Божественное установление имеет в виду единственно благо человека — ограничить распространение зла. И сама история подтверждает, что каковы бы ни были недостатки монархий, они не шли ни в какое сравнение с тем злом, какое приносили людям революции и анархии.

Монархическое правление установлено Богом по Своему подобию. "Бог, как Единый, установил власть единоличную; как Всемогущий — власть самодержавную; как Вечный — власть наследственную" (митр. Филарет Московский). Такова монархия вообще, независимо от ее духовного содержания; будучи установлена по подобию Божию, она уже имеет воспитательное религиозное значение. Христианская же монархия сложилась и развивалась под непосредственным водительством и благодатным освящением Христовой Церкви, и потому имеет особое духовное содержание" (21) .

Революция стремилась ниспровергнуть этот естественный порядок не из любви к демократии и народу — то была лишь маска, чтобы ввести в заблуждение образованные классы общества. Ее целью было господство народа — но не русского народа, а евреев; ибо, как сказано в Талмуде, "еврейский народ и есть Мессия в прямом смысле слова" (22) . Это явствовало уже из Французской революции, когда, добившись посредством подкупа, личного влияния и насилия эмансипации своей расы, евреи принялись так злоупотреблять своими новоприобретенными привилегиями, что в 1806 г., возвращаясь после Аустерлица, Наполеон был вынужден созвать специальное заседание Синедриона, чтобы задать им странный вопрос: лояльны ли вы к Французскому государству и его законам? Он получил тот ответ, которого желал; но евреи продолжали злоупотреблять своей свободой господствовать над остальными в такой степени, что он был вынужден отменить некоторые из их привилегий.

Во всяком случае, как раз когда демократические революции XIX века в Европе привели к эмансипации евреев почти повсюду, раввины, боясь растворения еврейской самотождественности среди язычников, создали сионистское движение, с целью воссоздать еврейские гетто в Палестине. Таким образом, демократия для еврейской революции была лишь средством к достижению диктатуры еврейского "пролетариата", а в конечном счете — антихриста. Ибо если народ не может вполне выразить свою победу, не фокусируя ее в почитании вождя, то преодоление теократии "демократией" имеет своим конечным следствием сатанократию — воцарение антихриста. И действительно, демократия по своей природе не может быть устойчивой, и в новейшие времена она представлена все ускоряющимся нисхождением от теократии к сатанократии. Она может быть только переходным состоянием, ибо управление народом народа — это логическое противоречие. Ведь "править" означает навязывать одну волю воле народа, тогда как воля народа, по крайней мере в его падшем состоянии, всегда множественна.

Вот почему великие святые XIX и начала XX вв. настаивали на необходимости — религиозной необходимости — верности Царю. Так, святой Серафим Саровский сказал, что после Православия верность Царю — это "первый долг наш русский и главное основание истинного христианского благочестия" (23). И св. Иоанн Кронштадтский говорил: "Самодержавие есть единственное условие благоденствия России; не будет самодержавия — не будет России; заберут власть евреи, которые сильно ненавидят нас..." (24).А митрополит Макарий, апостол Алтая, сказал: "Не хотите вы своей русской власти, так будет же у вас власть иноплеменная" (25).

21 О христианской государственности // Священник ТИМОФЕЙ, иеромонах ДИОНИСИЙ, О Церкви, православном Царстве и последнем времени (М.: Русская идея, 1998) 15.
22 Цит. по: E. DILLING, The Jewish Religion: Its Influence Today (The Noontide Press, 1983).
23 Цит. по: С. ФОМИН, Россия перед вторым пришествием (М., 1993) 100.
24 ФОМИН, Россия перед вторым пришествием... 104.
25 ФОМИН, Россия перед вторым пришествием… 104. О ситуации в России в XIX — начале XX вв. см. цитаты из писем Свт. Игнатия (Брянчанинова) в: М. А. НОВОСЕЛОВ, Письма к друзьям / Предисл., комм. и научн. подготовка текста Е. С. ПОЛИЩУКА (Москва, 1994) 94–95.

Прогресс революции

Итак, подведем итог: міровая история есть непрестанная борьба между двумя взаимопротивоположными и несогласными друг с другом принципами: теократией и

сатанократией. Теократия означает такой тип общества, в котором вся жизнь народа, включая политику, посвящена в первую очередь служению Богу, Который рассматривается как истинный Царь царствующих и Господь господствующих. Строго говоря, истинная теократия может быть лишь Царствием Божиим на земле, которым является Церковь. Однако, ввиду падения человека и необходимости вследствие этого ведения войн и других недуховных дел, теократические общества со времен царей Израильских создали своего рода разделение труда между Церковью, с одной стороны, занимающейся более или менее исключительно духовными вопросами, и Царством с другой, имеющем дело с вопросами более материальными; хотя Церковь и Царство, как душа и тело, оба служат одной цели, вроде некоего симбиоза, симфонии властей (26). Сатанократия, напротив, отрицает разделение между Церковью и государством и подчиняет общество во всех его сферах жизни воле земного правителя, который признается воплощением бога (как в древних Вавилонии и Египте), или безличной небесной гармонии (как в древнем Китае и в платоновской, аристотелевской и гегельянской философиях), или, более динамично, исторического развития (как в марксизме-ленинизме). "Чистые" сатанократии после Рождества Христова бывали редко, в значительной степени по причине сильного влияния православных теократических идеалов. Но эти идеалы стали подрываться с одной стороны псевдо-теократиями, такими как папизм и ислам, а с другой стороны — антитеократическими теориями, лживо представлявшими себя совместимыми с истинным теизмом, такими как протестантская демократия и еврейский национализм. Наконец, после "пробы пера" во Французской революции, "чистая" сатанократия пришла к власти на развалинах русской теократии. Эта сатанократия сочетала в себе элементы всех предыдущих сатанократий и псевдои антитеократий: тоталитаризм и индивидуалистическое человекопоклонение древних языческих монархий и папства, фаталистический детерминизм ислама, коллективистское человекопоклонение протестантских демократий и еврейский и других видов национализм.

Если до 1917 г. революция лишь частично вторгалась в жизнь Православной Церкви, то в последующие десять лет она проникла в самое сердце ее внешней организации, устранив последнего из благочестивых Самодержцев и в конце концов приведя все Поместные Автокефальные Церкви, за возможным исключением Матери Церквей — Иерусалима, — к отпадению от истины. Это привело к возникновению движений противостоящих оффициальным отпадшим церквам, известные под именем "Истинно-Православных", или "Старостильных", или "Катакомбных" Православных Церквей, в противоположность их лжеправославным или новостильным легально существующим оффициальным двойникам. Главными из них были Истинно-Православная или Катакомбная Российская Церковь, Истинно-Православные или Старостильные Церкви Греции и Румынии и Русская Зарубежная Церковь. Так, по контрасту с внешне едиными, здоровыми и многочисленными Церквами Православного Христианства в 1914 г., картина, открывающаяся ныне, представляет собой малый, гонимый и внешне разделенный остаток.

Главная цель этой книги — показать, как произошла эта перемена, как дореволюционная Православная Церковь превратилась в Православную Церковь новейшего времени, и каковы перспективы ее восстановления в настоящее время.

Конечно, очень легко преувеличить различия. Церковная жизнь накануне катастрофы была, как и можно было ожидать, на низком духовном уровне, несмотря на внешнюю помпезность (27). Экуменизм и социализм уже посеяли свои пагубные семена, особенно в среде образованных классов; а национализм уже произвел, по меньшей мере, один формальный церковный раскол — между Греческой и Болгарской Церквами (28). Катастрофа была в большой степени просто созреванием дурных плодов, уже посеянных прежде. Более того, нынешние разделения между Истинно-Православными Церквами, хотя наносящие им ущерб, возможно, скрывают под собой большее единство по отношению к главным вопросам эпохи, чем то, которое существовало в начале века.

Апостол Павел сказал: Подобает бо и ересем в вас быти, да искуснии явлени бывают в вас (I Кор. 11:19). Никогда истина этих слов не была более очевидной, чем в нашем веке, когда мученики, подвизавшиеся против ересей экуменизма и коммунизма, исчисляются миллионами. Поэтому другая цель этой книги — воспеть славу нашего

столетия, его новых мучеников и исповедников. Ибо отмечать триумфы сатаны и при этом игнорировать подвиги тех, кто одолел всю его силу в наитруднейших обстоятельствах, значило бы искажать истину. Сам Христос пришел на падение и на востание многим во Исраили (Лк. 2:34), и именно к изучению восстания одних и падения других в Церкви двадцатого столетия мы и пришли ради наиболее полного познания Истины.

Но что это за Истина, установлению которой, смеем надеяться, поможет сей скромный труд? Истина Церкви: истина, состоящая в том, что, в противоположность учению еретиков, Церковь есть поистине Единая, Святая, Соборная и Апостольская. Истина того, что это единство, святость, соборность и апостольство сохранились до наших дней исключительно в остатке Православной Церкви, известном как Истинно-Православная Церковь. Наконец, истина того, что в нашу эпоху "торжества сатаны и власти Антихриста", по выражению патриарха-мученика Тихона, врата адова не одолеют Церковь, которая есть и всегда будет единственным ковчегом спасения (29).

Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас!

26 См.: И. Н. АНДРУШКЕВИЧ, Доктрина св. Императора Юстиниана Великого // Православная Русь. № 4 (1529) (15/28 февраля 1995) 4–12.
27 О ситуации в России см.: В. ВЕРХОВЦЕВА, Несколько слов о нашем духовенстве (Храм Христа Спасителя) // Религия и демократия (М.: Прогресс, 1993) 141–148. О ситуации в Константинополе в начале XX в. см.: P. Botsis. Ieronimos ho isihastis tes Aiginas (Athenai. 1991) 58–77.
28 См.: К. ДИНЕКОВ, История на Българската Църква (Враца, 1953) 2.
29 Цит. по: Л. РЕГЕЛЬСОН, Трагедия Русской Церкви, 1917–1945 (Париж: ИМКА-Пресс, 1977) 313.

31 декабря / 13 января 1999/2000 года, Отдание Рождества Христова. Восточный Дом на Буковом Холме, Мэйфорд, Уокинг, Сюррей, Англия.

ГЛАВА I
РОССИЯ: ЦАРЕУБИЙСТВО

В начале XX в. Православная Церковь в обоих главных государствах, в которых она жительствовала — Российской и Османской Империях, — находилась в состоянии подчиненности правительству, — положении, имевшем в себе некоторые внешние преимущества, но противоречащем священным канонам Церкви, и потому, в конечном счете, весьма ослаблявшем ее силы.

Реформы против стабильности

В Османской империи мусульманское государство под страхом смерти воспрещало обращение в Православие, притесняло Церковь различными другими способами и сделало должность самого патриарха предметом торга, отдавая ее тому, кто дает наибольшую плату; таким образом, это одновременно истощало материальные ресурсы православной общины и делало человека, который в результате был "избираем" в патриархи, фактически повинным в симонии. В то же самое время, такое положение патриархии заключало в себе и хорошие стороны, которые стали видны лишь после распада империи. Во-первых, османские правители давали некоторую защиту от проникновения западных миссионеров, которые, если дать им свободу действия в православных землях, могли легко отторгнуть значительную часть необразованной паствы от Православия (как это произошло в Трансильвании, где турецкая власть была слабее). И во-вторых, система миллетов, согласно которой административное деление империи осуществлялось по конфессиональному принципу, сплачивала православные народы, сдерживая их центробежные тенденции, которые уже приводили к войнам между Византией, Болгарией и Сербией до турецкого завоевания. Трагедия греческого и балканского Православия в XX в. состояла в том, что, по ниспровержении несомненно неканоничной системы зависимости от турецких правителей, православные сами подчинились еще более деструктивным силам национализма с одной стороны, и западному влиянию с другой (1).

В России регламент Петра Великого от 1721 г. отменил патриаршество, национализировал церковные земли и сделал Церковь по существу государственным ведомством под управлением обер-прокурора, назначаемого Царем. Опять же, и в этом неканоничном положении были сокрыты свои положительные стороны: государство поддерживало Церковь материально, вдохновляя ее миссионерскую и просветительскую деятельность; государственное законодательство также обуздывало деятельность сектантов и униатов на границах Империи. Однако, к началу двадцатого столетия многим в Церкви, от председателя Совета министров и членов Святейшего Синода и до церковной интеллигенции и белого духовенства, стало очевидно, что эти преимущества бледнеют перед недостатками, которые заключались в следующем: бессилие архиереев, чьи административные функции во многих случаях переходили к епархиальным консисториям, ответственным пред обер-прокурором; унизительное положение священников, обязанных доносить о противоправительственной деятельности своих прихожан, хотя бы это и было связано с нарушением тайны исповеди; взгляд на проповедников Православия среди инославных как на агентов правительства, что весьма снижало вероятность обращения мусульман, старообрядцев, протестантов и униатов.

Поскольку Российская Церковь была самой большой и сильной Церковью в православном мiре и главным оплотом Империи, и от нее зависело благополучие остальных Православных Церквей во всем мiре, то реформа ее отношений с государством и ее внутреннего управления была самой насущной необходимостью. Это признавал и сам Царь, который поддерживал и восстановление патриаршества, и созыв Поместного Собора. Он даже сделал такое предложение: он примет монашеские обеты и сам станет патриархом, — на что Синод ответил лишь изумленным молчанием (2). Однако, разрушительная русско-японская война 1904–1905 гг. и последовавшая за ней революция 1905–1906 гг. затормозили процесс реформ как раз накануне начала их осуществления.

Ибо допустить радикальные перемены в Церкви в то время, когда самые основания государства потрясались до глубины, значило бы открыть дверь для еще большей дестабилизации, — особенно когда революционный дух уже проник глубоко и в самую Церковь. И все же царский Указ о веротерпимости от апреля 1905 г., позволивший всем неправославным исповеданиям Империи организовываться автономно и принимать лиц из других конфессий, но в то же время оставивший Православную Церковь прикованной к государству, сделал необходимость реформ еще более острой. Ибо только преобразованная и исполненная новых сил Церковь, которая пребывала бы в гармонии или "симфонии" с государством, а не была бы принуждаема, с закрученной за спину одной рукой, служить его политическим целям, могла надеяться успешно противостать внезапному всплеску активности неправославных религий, особенно униатов в юго-западных областях Империи.

Однако, балансируя между потребностью в реформе и необходимостью стабильности, Царь склонился на сторону стабильности, и его указ о созыве Собора так никогда и не увидел свет. Последовало десятилетие, на протяжении которого продолжалось углубление язв Церкви и падение авторитета ее и государства, пока, наконец, столь необходимый Поместный Собор не был созван промыслом Божиим, лишь когда самого Царя уже не было у власти (3)...

И все же в предреволюционный период были и духовные достижения. В ходе работы предсоборной комиссии были обсуждены главные вопросы, определившие историю Православной Церкви в наступившем столетии, включая церковно-государственные отношения, отношения между иерархией и мірянами в Церкви (то есть соборность) и первые шаги экуменизма. Многие из рекомендаций комиссии были впоследствии приняты без значительных изменений Поместным Собором 1917–1918 гг. Более того, в этот период выдвинулись в первые ряды некоторые из тех церковных деятелей, кому надлежало сыграть столь важную роль, положительную или отрицательную, в грядущей борьбе с революцией: с одной стороны, такие иерархи, как митрополит Владимір (Богоявленский), архиепископ Антоний (Храповицкий) и архиепископ Тихон (Беллавин); а с другой стороны — епископ Антонин (Грановский), епископ Сергий (Страгородский) и епископ Евлогий (Георгиевский). Таким образом, линия фронта грядущей битвы была намечена, и внимательный наблюдатель мог даже предвидеть ее исход, основываясь на событиях 1905–1907 гг.

1 См.: Sir STEVEN RUNCIMAN, The Great Church in Captivity (Cambridge University Press, 1968). См. также: C. FRAZEE, The Orthodox Church and Independent Greece 1821–1853 (Cambridge University Press, 1969).
2 См.: История Русской Православной Церкви от восстановления патриаршества до наших дней, 1917–1970 / Под ред. М. В. ДАНИЛУШКИНА (СПб: Воскресение, 1997) Т. 1. 67–69.
3 См.: J. CUNNINGHAM, A Vanquished Hope: the movement for Church renewal in Russia, 1905–1906 (Crestwood, NY: St. Vladimir's Seminary Press, 1981); A. BOGOLEPOV, Church Reforms in Russia, 1905–1918 (Bridgeport, Conn.: Publications Committee of the Netropolitan Council of the Russian Orthodox Church of America, 1966).

Архиепископ Антоний (Храповицкий) и Карпатская Русь

Особенной известностью в предвоенные годы пользовался архиепископ Антоний Волынский. Он поддерживал Царя и упрекал либеральную "нецерковную" часть населения России, написав о них в 1899 г. следующие строки: "Это больше не народ, а гниющий труп, который принимает свое гниение за признак жизни, хотя на нем, или в нем, живут лишь кроты, черви и насекомые ... ибо в живом теле им было бы не найти удовлетворения своей алчности и не на чем было бы питаться" (4).

В революционную смуту 1905 г. Владыка Антоний смело высказывался за самодержавие и был видным членом патриотического "Союза русского народа", так называемых "черносотенцев". По этой причине его обвиняли в антисемитизме, на что он отвечал:

"...Неприятно говорить о себе, но если вы спросите кого-либо, близко и давно меня знающего: чем наиболее заинтересован такой-то? — то вам скажут: монашеством, преобразованием церковного управления, патриаршеством, общением с восточными церквами, борьбой с латинством, преобразованием духовной школы, созданием нового направления православного богословия, единоверием, богослужебным уставом, славянофильством, православием в Галиции... и т. д. Но никто не назовет в числе моих важнейших интересов юдофобства.

...О евреях я говорил и отпечатал поучение в 1903 году (против погромов), благодаря которому на Волыни не было в том году погромов, облетевших весь юго-западный край; в 1905 году на 6-й неделе Великого поста евреи расстреливали в Житомире портреты Государя и были за это побиты жителями предместья; за день до Вербной субботы прибыл я из Петербурга и на Страстной седмице сказал опять речь против погрома, готовившегося на первый день Пасхи. Погром этот не состоялся, и лишь после убийства еврейским наймитом популярного пристава Куярова в Фомино воскресенье, вечером, когда я выезжал из Житомира в Петербург, начались драки с евреями, которые потом говорили, что "правительство нарочно вызвало нашего архиерея в Петербург, потому что пока он в городе, нас не били"; в 1907 году я напечатал в газете, а потом брошюрою статью "Еврейский вопрос и св. Библия", которую теперь переиздаю на еврейском жаргоне. Все это, однако, не мешает либералам обо мне печатать, что я хожу с крестными ходами для возбуждения погромов. Между тем, всякие погромы прекратились на Волыни с тех пор, как образовался Почаевский Союз русского народа в 1906 году...

...Если говорят об ограничении прав (евреев. — В. М.) не из высших побуждений защиты бедных малороссов от еврейских эксплуататоров, а из ненависти к последним, то это действительно отвратительно, но если патриоты не ненавидят евреев, а любят и жалеют их, но не хотят давать рога бодливой корове, тогда это оправданно, справедливо и гуманно..." (5).

Другой главнейшей заботой Владыки Антония была защита православного населения Австро-Венгрии. Венгерское правительство и униаты всеми силами пытались помешать возвращению карпатороссов к их праотеческой православной вере.

"С унией Владыка Антоний боролся и печатным словом, и в своих проповедях не раз обращался к этой теме. Он старался всеми силами разрушить установившееся в России неправильное воззрение на унию, что это тоже Православие, только поминающее Римского папу. Он с глубокой скорбью и досадой говорил: "Они никак не могут воспринять той простой истины, что уния есть полное вступление в Римскую католическую церковь с признанием Православной Церкви схизмою, т. е. расколом, с признанием всех латинских святых и с осуждением православных святых, как пребывающих вне истинной Церкви схизматиков..."

Владыка Антоний также много потрудился, чтобы установить в русском обществе православный взгляд на католичество. В русском интеллигентном обществе и в церковных кругах в Синодальный период Русской Церкви широко распространился взгляд на католичество как на одну из ветвей христианства, которой, как учил В. С. Соловьев, к концу времен надлежит объединиться в единое христианство с другими, якобы, ветвями — Православием и протестантством, о чем будто бы и молится Св. Церковь в своих прошениях: "О благостоянии Святых Божиих Церквей и соединении всех".

Правильный взгляд на католичество, как на отпавшую ересь, был настолько поколеблен, что Св. Синод, под давлением императора Петра I и с благословения его фаворита, протестантствующего митрополита Феофана (Прокоповича), разрешил военнопленным шведам в Сибири жениться на русских девушках без обязательного перехода в Православие; вскоре эта неканоничная практика смешанных браков вошла в закон и распространилась особенно в западном крае. В своей епархии Владыка Антоний строго запрещал духовенству совершать смешанные браки.

Владыка Антоний хорошо знал, что католическое влияние в среде русского духовенства велось через духовные школы: "У нас был утрачен (правильный взгляд на католичество) потому, что те руководства, по которым мы учились в школе и которые составляют содержание нашей богословской науки, догматической и моральной, заимствованы у католиков и протестантов; у нас только опущены известные всем и осужденные церковными авторитетами прямые заблуждения инославия..."

Видя ненормальное положение церковной жизни в подъяремной Карпатской Руси, владыка Антоний обратился к вселенскому патриарху Иоакиму III с просьбой принять православных галичан и карпатороссов под свой омофор, так как Русский Синод, по политическим мотивам, не мог распространить туда свое влияние. Патриарх охотно согласился и назначил владыку Антония своим экзархом Галиции и Карпатской Руси. Галичане часто, после окончания полевых работ, несмотря на большие препятствия при переходе границы, иногда и с прямой опасностью для жизни, большими группами совершали паломничества в Почаевскую Лавру. Многие карпатороссы и галичане поступали в Волынскую Духовную Семинарию.

Под влиянием всей этих мероприятий православное движение в этих областях с каждым годом стало стихийно расширяться, что вызвало репрессии со стороны Австро-венгерского правительства, стремившегося подавить это движение. Гонения росли, и вскоре владыка вынужден был выступить в защиту гонимых христиан. В августе 1913 г. он опубликовал "Окружное послание", в котором красочно изобразил все беды и гонения православного населения западного края. Перечисляя различные случаи издевательств католиков над православными, владыка привел и такой пример стойкости гонимых и жестокости гонителей: "Девственниц, которые собрались вместе, чтобы спасать души в посте и молитве, раздели зимой, загнали в мерзлое озеро, как сорок мучеников Севастийских, после чего некоторые скоро скончались. Так мучат наших русских в Венгрии и Австрии среди бела дня в наш просвещенный век..."

Когда же начались массовые аресты и истязания православных и происходил суд над 94 православными в Сигете, владыка Антоний составил особую молитву и прошения на ектениях, которые читались во всех храмах Волынской епархии в течение всего процесса, длившегося два месяца.

Это был единственный голос в защиту гонимых, не только в России, но и во всей Европе.

Австро-венгерские политические круги, в согласии с Ватиканом, предприняли решительные меры для подавления начавшегося массового возвращения в Православие карпатороссов и галичан; они, по-видимому, предприняли дипломатические переговоры в Санкт-Петербурге, чтобы убрать главного виновника возникшего движения — владыку Антония — с Волынской кафедры.

20 мая 1914 года последовал Высочайший указ о бытии архиепископу Волынскому Антонию — архиепископом Харьковским" (6) .

Однако, там где отступаются земные вожди, вступает Царь царствующих. Первая Міровая война, разразившаяся 19 июля 1914 г., в праздник недавно канонизированного преподобного Серафима Саровского, принесла избавление, по крайней мере, на время, от многих опасностей, возникших в предвоенные годы, с которыми боролся архиепископ Антоний. Так, вновь ожили патриотические настроения и почитание Царя, а тревога за судьбу православных христиан в Сербии превратила войну в умах многих россиян в священную борьбу в защиту Православия от воинствующего католицизма и протестантизма.

Обратимся теперь к явлению, долженствовавшему вскоре смести прочь государство и поставить Российскую Православную Церковь, а через нее и всю полноту Церкви Христовой на земле на самую грань полного разрушения, — к революции.

4 Цит. по: Н. ТАЛЬБЕРГ, История Русской Церкви (Джорданвилль, 1959) 831.
5 Письма Блаженнейшего Митрополита Антония (Храповицкого) (Джорданвилль, 1988) 37, 39.
6 Письма Блаженнейшего Митрополита Антония… 48–50.

Февральская революция

"Страшен и загадочен, — писал митрополит Анастасий, второй Первоиерарх Русской Зарубежной Церкви, — мрачный лик революции. Рассматриваемая со стороны своего внутреннего существа, она не вмещается в рамки истории и не может быть изучаема наряду с другими историческими фактами. Своими глубочайшими корнями она уходит за пределы пространства и времени, как это установил еще Густав ле Бон, считавший ее иррациональным явлением, в котором действуют какие-то мистические потусторонние силы.

То, что могло казаться сомнительным прежде, то стало совершенно очевидным после Русской революции.

В ней все почувствовали, как выразился один современный писатель, предельное воплощение абсолютного зла в человеческом облике; другими словами, здесь ясно обнаружилось участие диавола — этого отца лжи и древнего противника Божия, пытающегося сделать человека своим послушным богоборческим оружием" (7) .

Великие светочи веры, такие как святой Иоанн Кронштадтский, предупреждали о грядущей катастрофе. В 1907 г. епископ Андроник, будущий священномученик, писал:

"Дело не в борьбе двух режимов управления, а в борьбе между верой и неверием, между христианством и антихристианством. Древний антихристианский заговор, начавшийся от тех, которые кричали Пилату с яростью на Иисуса Христа: "Распни, распни Его! Кровь Его на нас и на чадех наших", — продолжавшийся в разных разветвлениях и тайных обществах, в XVI веке вылился в особый тайный противохристианский орден "Рыцарей Храма", а в XVIII века еще более определился в Иллюминатах, Розенкрейцерах и, наконец, во франкмасонстве слился со всемірной иудейской организацией... А теперь, забравши силу до того, что Франция оказалась совершенно в руках масонов, оно — масонство — там уже открыто гонит христианство из жизни; в конце же концов масонство выльется в одного человека беззакония, сына погибели — Антихриста (II Сол. 2). В этом разгадка и наших самых последних свобод: цель их — погибель Христианства на Руси. Вот почему прежнее французское слово "либерал", означавшее у масонов "щедрого" жертвователя на масонские цели, а потом получившее смысл "свободолюбивого" по вопросам веры, теперь перешло уже в открытое антихристианство. В этом разгадка и той упорной борьбы за обладание школою, которая идет и в земстве, и в Государственной Думе: заберет школу либеральное течение — успех антихристианства обеспечен. Вот разгадка и сочувствия либералов всяким сектам в христианстве и нехристианским религиям. И сектанты не дремлют — принялись теперь и за малых детей... А подрастут ваши дети, попадут в университет, — там Милюков (будущий министр иностранных дел во Временном правительстве. — В. М.) и К°, также подтасовывая и обманывая, будут учить их, что наука доказала происхождение человека от обезьяны. И сделают ваших детей, действительно, зверями, с тою лишь разницею, что обезьяна — мирное и послушное животное, а эти звери — человеки будут горды, дерзки, жестоки и грязны..." (8).

Однако, первоначальная реакция Православной Церкви на революцию была молчаливой. Отречение Царя в пользу своего брата, Великого Князя Михаила Александровича, 2/15 марта 1917 г. вызвало на удивление слабый отклик, сравнительно с огромным, поистине апокалиптическим значением этого события. К сожалению, даже Святейший Синод оказался не на высоте своего положения.

Первый вопрос, на который надлежало ответить, касался легитимности нового Временного Правительства. Законы Российской Империи не дозволяли какого-либо перехода к несамодержавной, а тем более антисамодержавной форме правления. Однако, Синод не только отверг требование царского обер-прокурора Раева публично

поддержать монархию, — он приветствовал отказ Великого Князя Михаила занять престол брата и не оказал никакого сопротивления, когда новый обер-прокурор князь В. Львов вынес царский трон из зала заседаний; а 9/22 марта Синод опубликовал "Обращение к верным чадам Православной Церкви", в котором говорилось, что "свершилась воля Божия", и содержался призыв к церковному народу поддержать новое правительство.

"Этот документ, появившийся в те дни, когда вся православная Россия тревожно ждала, что же скажет Церковь по поводу происшедших в стране событий, не привнес никакой ясности в церковное сознание народа. Синод не произнес ни слова об аресте Императора и даже его ни в чем не повинных детей, о кровавых расправах солдат над своими офицерами или о беспорядках, которые вели к погибели народа; он не дал религиозно-нравственной оценки революционных эксцессов, не осудил виновных. Наконец, Обращение совершенно обходило вопрос, как следует относиться к свержению и аресту Помазанника Божия, как проводить богослужения в церкви без важных молитв о благосостоянии Императорского Дома..." (9).

Однако, церковным либералам Обращение показалось явно недостаточным. Они хотели устранения не только одного Царя, но и самой идеи священной монархии. На своих заседаниях 11 и 12 марта Совет петроградского религиозно-философского общества постановил:

"Принятие Синодом акта отречения Царя от престола ... совершенно не соответствует тому огромной религиозной важности акту, которым Церковь признала Царя в священнодействии коронования помазанником Божиим.

Необходимо издать для раскрепощения народной совести и предотвращения возможности реставрации соответственный акт от лица церковной иерархии, упраздняющий силу Таинства Царского Мyропомазания, по анологии с церковными актами, упраздняющими силу Таинств Брака и Священства" (10).

Наконец, весьма немногие отказались принести новую присягу Временному правительству. Среди этих немногих был граф Павел Михайлович Граббе, который впоследствии поднял вопрос о восстановлении патриаршества на Поместном Соборе Российской Церкви, а еще несколько лет спустя удостоился мученического венца. Лишь чуть менее бескомпромиссной была позиция главного иерарха-монархиста архиепископа Антония (Храповицкого), который 5/18 марта обратился к своей харьковской пастве со следующими словами проповеди: "Когда мы получили, — сказал он, — известие об отречении от Престола Благочестивейшего Императора Николая Александровича, мы приготовились, согласно Его распоряжения, поминать Благочестивейшего Императора Михаила Александровича. Но ныне и Он отрекся и повелел повиноваться Временному правительству, а посему, и только посему, мы поминаем Временное правительство. Иначе бы никакие силы нас не заставили прекратить поминовение Царя и Царствующего Дома" (11).

Однако, когда министр иностранных дел нового правительства П. Милюков был спрошен о том, кто избрал это правительство, он ответил: "Русская революция избрала нас" (12). Но революция не может быть законной, будучи воплощением беззакония... Посему смущение совести продолжалось. Это можно видеть из письма неких православных христиан в Святейший Синод, датированном 24 июля 1917 г.: "Мы, православные христиане, усерднейше просим разъяснить нам в газете "Русское слово", что означает присяга, данная нами на верность Царю, Николаю Александровичу? У нас идут разговоры, что ежели эта присяга ничего не стоит, то ничего не будет стоить и новая присяга новому Царю (Временному правительству? — В. М.). Которая присяга должна быть милее Богу? Первая аль вторая? Потому как Царь не помер, а живой в заточении находится" (13).

Во всяком случае, Св. Синоду вскоре пришлось убедиться на собственном опыте, чту представляет из себя новое правительство. Вместо разграничения между Церковью и государством, обещанного правительством и чаемого столь многими церковными вождями, новый обер-прокурор князь Львов сразу же повел себя как новый диктатор,

хуже любого из обер-прокуроров имперского периода. Как мы уже говорили, при первом же своем появлении в Синоде 4/17 марта, он начал с того, что приказал унести царский трон (он был помещен в музей). Двумя днями позже он произвел насильственное увольнение митрополита Петроградского Питирима на том основании, что последний получил кафедру благодаря Распутину. Устранение всеми почитаемого митрополита Московского Макария, апостола Алтая, потребовало несколько большего времени и личного визита в Москву самого Львова, чтобы раздуть оппозицию митрополиту в среде его клира и паствы.

Митрополит Макарий так никогда и не смирился со своим насильственным и неканоничным удалением с кафедры. Вот что он впоследствии писал обо всем Временном правительстве в целом и Львове в частности:

"Кто возвел гонение на Православную Церковь и предавал главу ее на пропятие? Кто требовал казни патриарха? Те ли, кого Дума ославила как "прислужников темных сил", кого клеймила как врагов церковной свободы?...

Нет, не они, а тот, кого Дума противополагала им, как истинного защитника Церкви, кого прочила и провела в обер-прокуроры Святейшего Синода, — член Временного правительства, ныне слуга Совнаркома — Владимір Львов" (14).

14/27 апреля состоялась довольно напряженная встреча членов Св. Синода со Львовым по поводу незаконной передачи последним оффициального синодального органа "Церковно-общественный вестник" в руки обновленца, профессора Титлинова, который стал теперь использовать его для проповеди своего "евангелия социалистического христианства". На следующий день Львов явился в Синод во главе отряда солдат и зачитал приказ о роспуске зимней сессии Синода и отставке всех его членов, за единственным исключением архиепископа Финляндского Сергия (Страгородского).

Так, немногим более чем через месяц после отречения Царя от престола, Церковь действительно оказалась в руках мірского диктатора, который единолично устранял первых по старшинству ее архиереев во имя, якобы, "церковной свободы". Но кто же был этот архиепископ Сергий, единственный член старого Синода, которого революционные силы не захотели устранить?

Архиепископ Сергий (род. 1867 г.) был, возможно, самым влиятельным из ученых академических епископов после своего учителя архиепископа Антония (Храповицкого). Благодаря своей эрудиции и общеизвестной "широте" взглядов, он играл весьма активную роль в деятельности Общества за воссоединение Православной и Англиканской церквей. Симпатии к западным течениям мысли выразились также в его активном участии в деятельности религиозно-философского общества и в его сочувствии к социал-революционерам. Так, когда в 1906 г. был расстрелян революционер Петр Шмидт, архиепископ Сергий, бывший в то время ректором Санкт-Петербургской Духовной Академии, отслужил панихиду на его могиле; он также предоставил убежище в своем архиерейском доме в Выборге революционерам Михаилу Новорусскому и Николаю Морозову. Не удивительно, что с таковыми своими симпатиями он не был любим Царской Фамилией: в 1915 году Императрица писала Императору, что Сергий "должен покинуть Синод" (15).

Не удивительно поэтому, что архиепископ Сергий был среди тех, кто приветствовал Февральскую революцию, хотя, как мы видели, было много и других архиереев и священников, чья реакция на события была такой же. Более того, он был одним из двух членов Синода, которые поддержали передачу Львовым оффициального органа "Церковно-общественный вестник" в руки Титлинова. Б. В. Титлинов в то время был профессором Петроградской Академии, в которой архиепископ Сергий являлся ректором, и они тесно сотрудничали друг с другом, вдохновляясь одними и теми же либеральными взглядами. Архиепископ (впоследствии патриарх) Тихон протестовал против этой передачи, и слишком малое количество подписей в ее поддержку делало ее незаконной. Львов, однако, в своем рвении отдать этот важный церковный орган в

руки либералов, совершенно игнорировал незаконность этого акта и вручил издание Титлинову (16).

На заседании 14/27 апреля архиепископ Сергий вдруг изменил курс и согласился с остальными архиереями в осуждении незаконной передачи. Однако, Львов понял, что это был лишь тактический маневр. Потому-то он не включил Сергия в число изгнанных им из Синода архиереев. Он думал, что Сергий будет оставаться его послушной марионеткой в деле проводимой ми революции в Церкви. И не ошибся.

29 апреля / 12 мая новый Синод, возглавленный архиепископом Сергием, принял Обращение к Церкви, касавшееся установления принципа выборности епископата, подготовки к Собору и образования Предсоборного Совещания. Это Обращение и стало началом революции в Церкви. Революционным было то, что по всей стране принцип выбора при участии мірян заменял собою преобладавшую до того систему "монархического епископата". Почти во всех епархиях Епархиальные собрания избрали особые "епархиальные советы" или комитеты, составленные из духовенства и мірян, с целью ограничить власть епископа. Применение принципа выборности почти по всем церковным должностям, от приходских вакансий до архиерейских кафедр, привело к устранению некоторых архиереев с их кафедр и избранию на их место новых.

Хотя эта революционная волна и приводилась в действие явно антицерковным в сущности своей духом, но промыслом Божиим она привела, наряду с вредными, и к некоторым полезным для Церкви переменам. Так, видный монархист архиепископ Харьковский Антоний (Храповицкий), вынужденный было уйти на покой, был восстановлен на своей кафедре по требованию народа. Также, архиепископ Литовский Тихон (Беллавин) был избран митрополитом Московским, архиепископ Вениамин (Казанский) стал митрополитом Петроградским, а архиепископ Сергий — митрополитом Владимірским (17).

С 1 по 7 июня в Москве прошел Всероссийский Съезд духовенства и мірян в составе 800 представителей от всех епархий. Съезд этот носил обновленческий характер; и при том, что во главе Предсоборного Совещания стоял архиепископ Сергий, казалось, что Всероссийский Собор, все приготовления к которому были уже завершены, окончательно запечатлеет разрыв с дореволюционным прошлым и приведет Российскую Церковь в основное русло церковной жизни XX столетия, под которым либералам виделось на деле ее протестантизация. Но этого не произошло.

7 Беседы с собственным сердцем (Белград, 1935) [репринт: Троицкий православный русский календарь на 1998 г. (Джорданвилль)] 123.
8 Епископ АНДРОНИК, Русский гражданский строй жизни перед судом христианина (Фрязино, 1995) 24–25.
9 История Русской Православной Церкви... 1917–1970... 88.
10 Цит. по: Т. ГРОЯН, Царю Небесному и земному верный (М.: Паломник, 1996) CXLII. Курсив Т. Гроян.
11 Письма Блаженнейшего Митрополита Антония... 57. Ср.: В. АНТОНОВ, 1917 год: Архиепископ Антоний и февралисты // Возвращение. № 2 (6) (1994) 25.
12 Цит. по: Г. М. КАТКОВ, Февральская революция (Париж: ИМКА-Пресс, 1984) 370.
13 Цит. по: ГРОЯН, Царю Небесному и земному верный... CXXII–CXXIII.
14 ГРОЯН, Царю Небесному и земному верный... CLXXXIV. Епископ ГРИГОРИЙ (ГРАББЕ) называл Львова "не вполне нормальным фантазером" (Русская Церковь перед лицом господствующего зла (Джорданвилль, 1991) 4).
15 А. ПАРЯЕВ, Митрополит Сергий Страгородский: неизвестная биография // Суздальские епархиальные ведомости. № 1 (Сентябрь, 1997) 12–15.
16 См.: К восьмидесятилетию избрания Святейшего Патриарха Тихона на Священном Соборе Российской Церкви 1917–18 гг. // Суздальские епархиальные ведомости. № 2 (Ноябрь, 1997) 19.
17 Избиратели во Владиміре перед тем отвергли всех кандидатов, выказывавших до революции монархические или "реакционные" настроения. Так что либерал Сергий был для них единственным кандидатом на избрание. См.: ПАРЯЕВ, Митрополит Сергий Страгородский...

Московский Собор 1917–1918 годов

Церковный Собор, первый в истории Русской Церкви после 1667 г., собрался в храме Христа Спасителя в Москве 15/28 августа. Этот Собор, созванный под влиянием наплыва революционных настроений в Церкви, состоял из 564-х делегатов, из которых 350 были мірянами.

В начале казалось, что очень и очень мало кто из делегатов понимает все апокалиптическое значение переживаемых событий. Революционные настроения преобладали, и многие сопротивлялись одному из главнейших пунктов повестки дня — восстановлению патриаршества — на том основании, что это было реакционной, монархической мерой. Парадоксально, но лишь когда в октябре к власти пришли большевики, на Соборе стал преобладать иной дух.

Один из делегатов, митрополит Западноевропейский Евлогий, так описывал эту перемену: "Русская жизнь в те дни представляла собою море, взбаламученное революционной бурей. Церковная жизнь пришла в расстройство. Облик Собора, по пестроте состава, непримиримости, враждебности течений и настроений, поначалу вызывал тревогу, печалил, даже казался жутким... Некоторых членов Собора уже захватила волна революции. Интеллигенция, крестьяне, рабочие и профессора неудержимо тянули влево. Среди духовенства тоже были разные элементы. Некоторые из них оказались теми "левыми" участниками предыдущего революционного Московского епархиального съезда, которые стояли за всестороннюю "модернизацию" церковной жизни. Отсутствие единства, разброд, недовольство, даже взаимное недоверие... — вот состояние Собора в начале. Но — о, чудо Божие! — постепенно все стало изменяться... Толпа, затронутая революцией, соприкоснувшаяся с ее темной стихией, стала перерождаться в некое гармоническое целое, внешне упорядоченное, а внутренне солидарное. Люди становились мирными, серьезными работниками, начинали по-иному чувствовать, по-иному смотреть на вещи. Этот процесс молитвенного перерождения был очевиден для всякого внимательного глаза, ощутим для каждого соборного деятеля. Дух мира, обновления и единодушия поднимал всех нас..." (18).

Собор заседал больше года, до сентября 1918 г. Таким образом, он совпал с наиболее важными событиями русской истории: войной с Германией, падением Временного правительства и большевицким переворотом, разгоном Учредительного Собрания и началом Гражданской войны. О всех этих событиях Собор мог делать заявления, выражавшие мнение верующей России. Реально, при отсутствии какого-либо другого представительного собрания, это был голос России, во всяком случае — той значительной части ее населения, которая не была охвачена революционным безумием. Что же касается большевиков, чьи декреты относительно Церкви либо не принимались во внимание, либо открыто нарушались Собором, то они не предпринимали каких-либо серьезных попыток прервать его деятельность.

Значение этого Собора для понимания и оценки нынешнего состояния Русской Церкви невозможно переоценить. Он авторитетно высказался почти о всех главных вопросах, разделяющих русских православных христиан на протяжении последующих восьмидесяти лет. Рассмотрим же каждый из них.

I. Избрание патриарха

Первым важным деянием Собора было избрание и интронизация патриарха, который, согласно второму постановлению от 4 ноября, должен возглавлять церковное управление и "является первым среди равных ему епископов", но в то же время "вместе с органами церковного управления подотчетен Собору". Этот важный первый шаг к восстановлению канонического порядка в Церкви был в принципе одобрен Царем в 1905 г., но затем был отложен. И в начале Собора он встретил некоторое сопротивление, которое, однако, постепенно угасло в течение осени, и 31 октября, через шесть дней после большевицкого переворота, три кандидата были избраны всем Собором — епископами, клиром и мірянами. Это были: архиепископ Антоний Харьковский, митрополит Арсений Новгородский и митрополит Тихон Московский. 5

ноября был брошен жребий, кому из троих быть патриархом, и он пал на митрополита Тихона, который и был надлежащим образом интронизирован 21 ноября в Кремлевском Успенском соборе под звуки ружейной пальбы, доносившиеся с московских улиц. Так исполнилось пожелание, высказанное одним из крестьянских депутатов на Соборе: "У нас нет больше Царя, нет отца, которого бы мы любили. Синод любить невозможно; а потому мы, крестьяне, хотим патриарха".

Согласно новому уставу Российской Церкви, принятому на Соборе, высшим ее органом являлся Священный Всероссийский Собор, состоящий из архиереев, духовенства и мірян, который должен быть периодически созываем патриархом, но которому сам патриарх подотчетен. Между соборами патриарх управляет Церковью с помощью двух постоянных учреждений: Архиерейского Синода и Высшего Церковного Совета. Вопросы, относящиеся к богословию, церковной дисциплине и управлению, были прерогативой Архиерейского Синода, тогда как секулярно-юридические, касающиеся благотворительности и других церковно-общественных отношений вопросы должны были быть прерогативой Высшего Церковного Совета.

25 января 1918 г. был замучен большевиками митрополит Владимір Киевский — первая крупная жертва их гонения на Церковь.

Эта трагедия заставила всех всерьез задуматься о том, что будет, случись патриарху пострадать тоже; и в тот же день Собор издал резолюцию, которой патриарху поручалось назвать имена трех лиц, которые могли бы стать патриаршими местоблюстителями в случае его смерти до выборов нового патриарха. Имена эти должны были держаться в секрете, и они действительно были преданы огласке лишь после смерти патриарха в 1925 г., когда его завещание (пересмотренное им к концу 1924 г.) было прочитано в присутствии шестидесяти архиереев: "В случае Нашей кончины Наши патриаршие права и обязанности, до законного выбора нового патриарха, предоставляем временно Высокопреосвященному митрополиту Кириллу (Смирнову). В случае невозможности по каким-либо обстоятельствам вступить ему в отправление означенных прав и обязанностей таковые переходят к Высокопреосвященному митрополиту Агафангелу (Преображенскому). Если же и сему митрополиту не представится возможность осуществить это, то Наши патриаршие права и обязанности переходят к Высокопреосвященнейшему Петру (Полянскому), митрополиту Крутицкому". Поскольку митрополиты Кирилл и Агафангел оба к моменту смерти патриарха были в ссылке, то патриаршим местоблюстителем стал митрополит Петр.

Выбор патриархом Тихоном митрополита Петра явно оказался вдохновением свыше, хотя во время Собора он не был хорошо известен, и его молниеносная карьера вызывала у ряда архиереев некоторые подозрения. Как отмечает Л. Регельсон, "первосвятительскую власть в Русской Церкви после смерти патриарха Тихона удалось сохранить лишь благодаря тому, что одним из своих местоблюстителей патриарх Тихон избрал в 1918 г. будущего митрополита Петра, который в момент избрания был всего лишь синодальным служащим! Многих архиереев изумляла и смущала его дальнейшая стремительная "карьера", в течение шести лет превратившая его в митрополита Крутицкого и Коломенского... Но именно благодаря необычайности своей судьбы он оказался единственным избранником патриарха (фактически, избранником Собора, по доверию к патриарху), оставленным на свободе к моменту смерти патриарха Тихона. Трудно даже предположить, как сложилась бы и без того трагическая судьба Русской Церкви, если бы мудрый замысел Собора и патриарха не был осуществлен в жизни" (19).

II. Отношение к советской власти

Собор отказался признать законность советской власти. Так, когда на следующий день после переворота Ленин национализировал всю землю, сделав незаконной собственность Церкви и приходских священников, и когда в последующие месяцы были изданы декреты, национализировавшие все церковные школы, секуляризировавшие регистрацию рождений, смертей, браков и разводов, прекратившие финансовую помощь на нужды религиозных культов и на зарплату священникам и преподавателям Закона Божия и запретившие церквям и другим

религиозным организациям владение собственностью, Церковь не замедлила откликнуться. 11 ноября Собор адресовал верным послание, часть кото- рого посвящена полному отрицанию большевицкого режима: "Открыто проповедуется борьба против веры Христовой, противление всякой святыне и самопревозношение против всего, называемого Богом (II Фес. 2:4)... Но не может никакое земное царство держаться на безбожии: оно гибнет от внутренней распри и партийных раздоров. Посему и рушится Держава Российская от этого беснующегося безбожия... Для тех, кто видит единственное основание своей власти в насилии одного сословия над всем народом, не существует родины и ее святыни. Они становятся изменниками Родины, которые чинят неслыханное предательство России и верных союзников наших. Но, к нашему несчастью, доселе не родилось еще власти воистину народной, достойной получить благословение Церкви Православной. И не явится она на Русской земле, пока со скорбною молитвою и слезным покаянием не обратимся мы к Тому, без Кого всуе трудятся зиждущие град" (20).

Определение Собора от 2 декабря "О правовом положении Православной Российской Церкви" продолжает заявлять о правовом статусе Православной Церкви как государственной Церкви России. Оно постановляет, с одной стороны, что государство не может издавать какие-либо законы, касающиеся Церкви, без соглашения с нею и, с другой стороны, что все постановления и указания Православной Церкви, поскольку они прямо не противоречат государственным законам, должны быть признаваемы государством имеющими юридическую силу. Церковные праздники должны оставаться государственными, богохульство и попытки совращения членов Церкви к отпадению от нее должны оставаться вне закона, а церковные школы всех уровней должны признаваться государством наравне с секулярными. Из этого определения совершенно ясно, что Церкви предстояло идти своим собственным путем, вполне игнорируя так называемые "власти".

Власти же вскоре начали свое дело. 19 января А. Коллонтай, народный комиссар Общественного благосостояния, послала отряд матросов занять Александро-Невскую Лавру в Петрограде, чтобы обратить ее в приют для инвалидов войны. Их встретили разгневанные толпы богомольцев, и в завязавшейся стычке одни священник, о. Петр Скипетров, был застрелен. Как считает О. Фиджес (21), Ленин еще не был готов к конфронтации с Церковью, но действия Коллонтай придали ему уверенности, и он решил издать свой известный Декрет об отделении Церкви от государства.

Однако 19 января патриарх Тихон, предупредив декрет, издал свою знаменитую анафему против большевиков. Значение этой анафемы состоит не столько в отлучении самих большевиков (все, кто отрицает Бога, подлежат анафеме, то есть отлучению от Бога, по самому факту этого отрицания), сколько в повелении верным: "Заклинаем и всех вас, верных чад Православной Церкви Христовой, не вступать с таковыми извергами рода человеческого в какое-либо общение: "Измите злаго от вас самех" (I Кор. 5:13)". Иными словами, правительство нужно рассматривать не только как отступников от Бога (что и так очевидно), но также и как не имеющее никакого морального авторитета и вовсе никакого права требовать себе послушания, — подход, какого Церковь не имела ни к одному правительству на всем протяжении своей истории. Послание оканчивается призывом к защите Церкви, если это потребуется. Ибо врата адовы не одолеют ей (Мф. 16:18) (22).

Некоторые пытаются доказать, что этот указ анафематствует не советскую власть как таковую, а только тех, кто создавал беспорядки и творил святотатство в отношении Церкви в разных частях страны. Однако выдвигающие эти аргументы оставляют без внимания ряд фактов. Первое — что сам патриарх в своих заявлениях от 3/16 июня и 18 июня / 1 июля 1923 г. раскаивался именно в своем "анафематствовании советской власти" (23). Второе — что даже если указ формально не анафематствовал советскую власть как таковую, тем не менее, поскольку советская власть санкционировала и вдохновляла акты надругательства и святотатства, верные на деле призывались не иметь с ней ничего общего. И третье, что в своем Послании Совету народных комиссаров, написанном 25 октября / 7 ноября, по поводу первой годовщины Октябрьской революции, патриарх мягко, но вполне очевидно подтвердил свое непризнание советской власти, сказав: "Не наше дело судить о земной власти; всякая власть, от Бога допущенная, привлекла бы на себя Наше благословение, если бы она

воистину явилась "Божиим слугой" на благо подчиненных и была "страшна не для добрых дел, а для злых" (Рим. 13:3). Ныне же к вам, употребляющим власть на преследование ближних и истребление невинных, простираем Мы Наше слово увещания..." (24).Иначе говоря, патриарх отказался признать советскую власть законной в том значении этого слова, какое вкладывал в него св. Павел.

Но, возможно, самым важным из всего этого было то, что когда патриарший указ был 22 января зачитан на Соборе, он был с энтузиазмом одобрен в таких выражениях, которые не оставляли сомнения, что Собор понял патриарха в смысле анафематствования им советской власти.

Это соборное одобрение имело даже большее значение, чем сама патриаршая анафема, и совершенно ясно повелевало верным иметь возможно более враждебное отношение к большевикам: "Патриарх Московский и всея России в послании возлюбленным о Господе архипастырям, пастырям и всем верным чадам Православной Церкви Христовой обнажил меч духовный против извергов рода человеческого — большевиков и предал их анафеме. Глава Православной Церкви Российской заклинает всех верных чад ее не вступать с этими извергами в какое-либо общение. Они за свое дело сатанинское прокляты и в сей жизни и в будущей. Православные! Святейшему патриарху дано право вязать и решить, по слову Спасителя нашего... Не губите же душ ваших, прекратите общение с сатанинскими слугами — большевиками. Родители, если дети ваши — большевики, требуйте властно, чтобы отреклись они от заблуждений своих, чтобы принесли покаяние в вечном грехе, а если не послушают вас, отрекитесь от них. Жены, если мужья ваши — большевики и упорствуют в служении сатане, уйдите от мужей ваших, спасите себя и детей от заразы, губящий душу. Не может быть у православного христианина общения с слугами дьявола... Покайтесь, горячей молитвой призовите помощь Господа Сил и отряхните с себя "руку чужих" — исконных врагов веры Христовой, объявивших себя самозванно "народной властью". И если вы не послушаете Церкви, будете не сынами ее, а участниками жестокого дела, сатанинского, творимого явными и тайными врагами Христовой истины... Дерзайте! Не медлите! Не губите души своей, не предавайте ее дьяволу и его приспешникам" (25).

Хотя, как мы уже сказали, в истории не было прецедента, чтобы Поместная Церковь анафематствовала бы правительство, но бывали случаи, когда отдельные святители не только отказывались молиться за политического лидера, но в действительности молились против него. Так в IV в. святитель Василий Великий молился о поражении Юлиана Отступника, и по его молитвам отступник был убит, как это было открыто Богом святому отшельнику Иулиану Месопотамскому. Этот и другие примеры показывают, что хотя принцип власти как таковой — от Бога (Рим. 13:1), но конкретные власти или правители часто бывают не от Бога, а лишь попущены Им, в каковых случаях Церковь должна призвать к сопротивлению им из лояльности к Самому Богу (26).

23 января большевики выпустили свой "Декрет о свободе совести". Это было яростное нападение большевиков на целостность Церкви; ибо этот декрет запрещал религиозным организациям владеть собственностью, собирать пожертвования, организовываться в иерархические структуры и преподавать вероучение лицам моложе восемнадцати лет. Так что на деле это был далеко не указ в пользу свободы совести, а, скорее, как это было подмечено Собором, свободы от совести, для оправдания повсеместного разграбления церквей и убийств, зачастую самых зверских (27). Этот декрет вызвал у членов Собора бурную реакцию. Так, один из них воскликнул: "Мы свергли Царя и подчинились евреям!" А другой сказал: "Единственное спасение для русского народа — это мудрый православный русский Царь!" (28).

Собор призвал верных к защите церковного имущества, и вскоре стали поступать известия о толпах народа, препятствовавших чиновникам и солдатам, назначенным исполнять декрет. Несколько сотен тысяч человек прошли в Петрограде крестным ходом в знак протеста. Секция Собора, назначенная сделать доклад об этом декрете, внесла следующие предложения:

"Лица, держащие в своих руках государственную власть, дерзко пытаются разрушить само существование Православной Церкви. С целью осуществления этого сатанинского замысла, Совет Народных Комиссаров издал декрет об отделении Церкви от государства, который узаконил открытое гонение не только на Православную Церковь, но и на все остальные религиозные общины христианские или нехристианские. Не гнушаясь ложью, враги Христовы мошеннически прикрываются видимостью дарования посредством его религиозной свободы.

Приветствуя всякое реальное расширение свободы совести, Собор в то же время подчеркивает, что посредством вышеупомянутого декрета свобода Православной Церкви, равно как и других религиозных организаций и обществ в целом, сводится на нет. Под предлогом "отделения Церкви от государства", Совет Народных Комиссаров стремится сделать невозможным само существование церквей, церковных организаций и духовенства.

Под видом передачи церковной собственности, указанный декрет стремится уничтожить самую возможности совершения богослужения. Он гласит, что "никакое церковное или религиозное объединение не имеет права владения собственностью", и что "все имущество существующих церковных и религиозных объединений в России объявляется достоянием народа". Тем самым православные церкви и монастыри, где покоятся мощи святых, чтимых всеми православными людьми, становятся общей собственностью всех граждан безотносительно к их вероисповедным различиям — христиан, иудеев, мусульман и язычников, а святыни, предназначенные для богослужения, т. е. Св. Крест, Св. Евангелие, Священные сосуды, св. чудотворные иконы находятся в распоряжении государственных властей, которые могут разрешить или не разрешить (как им захочется) приходам их использовать.

Пусть же поймут русские люди, что они (власти) хотят лишить их храмов Божиих с их святынями! Как скоро вся собственность церквей изъята, то невозможно предложить им какую-либо помощь, ибо, по мысли декрета, все пожертвованное подлежит изъятию. Поддержка монастырей, церквей и духовенства также становится невозможной.

Но это не все: вследствие конфискации книгопечатен, для Церкви невозможно независимо издавать Св. Евангелие, также как и другие священные и богослужебные книги в требуемой чистоте и подлинности.

Подобным же образом декрет затрагивает и пастырей Церкви. Утверждая, что "никто не может отказываться исполнять свои гражданские обязанности под предлогом религиозных взглядов", он тем самым принуждает их к несению воинской службы, запрещенной для них 83-м Апостольским Правилом. В то же время служители алтаря устранены от народного образования. Само преподавание Закона Божия не только в государственных, но даже и в частных школах не разрешается; подобным образом и все богословские учебные заведения обречены на закрытие. Церковь тем самым лишается возможности давать образование своим пастырям.

Заявляя, что "государственные функции тех или иных общественно-юридических учреждений не должны сопровождаться какими-либо религиозными обрядами или церемониями", декрет тем самым святотатственно разрывает все связи правительства со святынями веры.

На основании всех вышеупомянутых соображений, Священный Собор определяет:

1. Декрет, изданный Советом Народных Комиссаров относительно отделения Церкви от государства, представляет собой под видом закона, объявляющего свободу совести, злонамеренное покушение на жизнь Православной Церкви и является актом открытого гонения.

2. Всякое участие, будь то в распространении столь несправедливого к Церкви закона или же в попытках его практического осуществления, не согласуется с членством в Православной Церкви и подвергает всех виновных, принадлежащих к православной

общине, тягчайшим прещениям, вплоть до отлучения от Церкви (согласно 73-му Правилу Святых Апостол и 13-му правилу Седьмого Вселенского Собора)" (29).

Эти рекомендации были затем приняты Собором и стали оффициальным ответом Российской Церкви на декрет.

В том же духе 15 апреля Собор издал следующий указ: "Священнослужители, служащие в антицерковных организациях, также как и те, кто приводит в исполнение враждебные Церкви декреты о свободе совести и другие подобные акты, подлежат запрещению в священнослужении и, в случае нераскаянности, лишению сана" (30).

Так, через декреты советского государства и ответные постановления Православной Церкви, установилось состояние открытой вражды между двумя этими институтами. Как мы однако увидим, Церковь придерживалась этой бескомпромиссной позиции лишь в течение немногих последующих лет...

III. Прославление новых Мучеников и Исповедников

31 марта (ст. ст.) в церкви Московской Духовной Семинарии была совершена заупокойная литургия по убиенным за веру и Церковь Православную. А 5 апреля, в постановлении "О мероприятиях, вызываемых происходящими гонениями на Православную Церковь", Собор постановил:

"1. Установить возношение в храмах за Богослужением особых прошений о гонимых ныне за Православную Веру и Церковь и скончавших жизнь свою Исповедниках и Мучениках.

2. Совершить торжественные моления: а) поминальное об упокоении со святыми усопших и б) благодарственное о спасении оставшихся в живых.

3. Установить во всей России ежегодное молитвенное поминовение в день 25 января или в следующий за сим воскресный день (вечером) всех усопших в нынешнюю лютую годину гонений Исповедников и Мучеников.

4. Устроить в понедельник второй седмицы по Пасхе во всех приходах, где были скончавшие жизнь свою за Веру и Церковь Исповедники и Мученики, крестные ходы к местам их погребения, где совершить торжественные панихиды с прославлением в слове священной их памяти".

Этим постановлением безоговорочно осуждается подход советизированной Московской патриархии, которая на протяжении десятилетий заявляла, что новые мученики и исповедники были "политическими преступниками" и достойны скорее осмеяния, чем прославления. Хотя, начиная с 1989 г., патриархия стала канонизировать некоторых наименее "проблематичных" мучеников, ни Царственные Мученики, ни мученики Катакомбной Церкви еще не канонизированы. Зато прославлены некоторые "мученики", явно подчинившиеся антихристовой власти (31). Так что постановления Собора 1918 г. по этому вопросу сохраняют свою силу и значимость.

18 Цит. по: N. ZERNOV, The 1917 Council of the Russian Orthodox Church // Religion in Communist Lands. Vol. 6, no. 1 (1978) 21 [Оригинал: Митрополит ЕВЛОГИЙ (ГЕОРГИЕВСКИЙ), Путь моей жизни. Воспоминания митрополита Евлогия, изложенные Т. Манухиной (М., 19942) (Материалы по истории Церкви. Кн. 3) 273. — Ред.]
19 РЕГЕЛЬСОН, Трагедия Русской Церкви... 67.
20 Цит. по: ZERNOV, The 1917 Council... 24.
21 O. FIGES, A People's Tragedy (London: Pimlico, 1997) 528.
22 РЕГЕЛЬСОН, Трагедия Русской Церкви... 225–226.
23 М. Е. ГУБОНИН, Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве Высшей церковной власти, 1917–1943 (М.: Изд-во Свято-Тихоновского Богословского Института, 1994) 280, 286.

24 Там же. 151.
25 Из собрания Центрального государственного архива Октябрьской революции: листовка без выходных данных, под № 1011 // Наука и религия. № 4 (1989).
26 В. А. КОНОВАЛОВ, Отношение Христианства к советской власти (Монреаль, 1936) 35.
27 I. ANDREYEV, The Catacomb Church in the Soviet Union // Orthodox Life (March-April, 1951).
28 Деяния Русского Всезаграничного Церковного Собора в Сремских Карловцах (Сремские Карловцы, 1922) 159.*
29 Деяния Русского Всезаграничного Церковного Собора… 177–179.*
30 Богословский вестник. № 1/2 (1993) 217.
31 См. замечания по этому поводу о. Олега Орешкина в статье: Иерей Олег отвечает на вопросы редакции // Православная Русь. № 23 (1452) (1/14 декабря 1991) 7. Прим. ред.: МП канонизировала "Собор новомучеников" (куда вошло и много сергиан) вместе с Царственными мучениками на своем "юбилейном соборе" 2000 года; подробнее об этом см.: Т. СЕНИНА, "И вы исполните меру отцов ваших..." О канонизации МП Новомучеников и Исповедников Российских // Вертоградъ-Информ. № 9–10 (66–67) (2000) 27–41.

Убийство Царя

В 1922 г. митрополит Киевский Антоний (Храповицкий) сказал: "Если Собор в чем провинился, то разве в том, что он не высказал с достаточной силою осуждения революции 1917 года и низвержения Государя. Кто же будет отрицать, что февральская революция была столь же богоборческой, сколько и противомонархической? Кто может осуждать большевицкое движение и в то же время одобрять Временное правительство?" (32)

Временное правительство вряд ли было менее виновно, чем большевики, ибо именно оно свергло Царя, что и привело к ниспровержению всего остального.

Ибо, как сказал свт. Иоанн (Максимович): "Иначе быть не могло. Был свержен тот, кто объединял все, стоя на страже Истины" (33). Поэтому за убийство Царя и его семьи 4/17 июля 1918 г. ответственны не только большевики, но и весь народ, который прямо или косвенно сопричастен к нему. Вот как это объясняет свт. Иоанн:

"Все цареубийства в российской истории совершались некими кликами, а не народом. Когда был убит Павел I, народ даже не знал об этом, а когда узнал, то в течение многих последующих лет приносил к его гробу свои молитвы и сожаление. Убийство Александра II вызвало в России бурю негодования, которая способствовала укреплению нравственных сил народа, что стало очевидным в царствование Александра III. Народ был неповинен в крови Царя-Освободителя. Здесь же народ, вся русская нация, повинен в пролитой крови своего Царя. Одни участвовали в убийстве, другие, заслуживающие не меньшего порицания, одобряли его, тогда как остальные не сделали ничего для того, чтобы его предотвратить. Все виновны, и поистине должны мы сказать: "Кровь его на нас и на чадех наших" (Мф. 27:25)..." (34).

Узнав о случившемся, патриарх немедленно осудил убийство. Он уже вызвал ранее гнев правительства, послав заключенному Царю свое благословение, а теперь он отслужил по нему панихиду, благословив архиереев и священников последовать его примеру. Затем в Казанском соборе он произнес следующие слова: "Мы должны, повинуясь учению Слова Божия, осудить это дело, иначе кровь расстрелянного падет и на нас, а не только на тех, кто совершил это..." (35).

Как-то вскоре после убийства Царя, некоторые члены Собора стали убеждать патриарха уехать за границу, чтобы избежать царской участи. "Побег патриарха, — ответил его Святейшество, — сыграл бы на руку врагам Церкви. Пусть делают со мной, что хотят".

26 июля / 8 августа 1918 г. в обращении "Ко всем верным чадам Православной Российской Церкви" патриарх сказал:

"Грех разжег повсюду пламень страстей, вражду и злобу, и брат восстал на брата, тюрьмы наполнились узниками, земля упивается неповинной кровью, проливаемою братскою рукою, оскверняется насилием, грабежами, блудом и всякою нечистотою.

Из того же ядовитого источника греха вышел великий соблазн чувственных земных благ, которыми и прельстился наш народ, забыв об едином на потребу.

Мы не отвергли этого искушения, как отверг его Христос Спаситель в пустыне. Мы захотели создать рай на земле, но без Бога и Его святых заветов. Бог же поругаем не бывает. И вот мы алчем, жаждем и наготуем на земле, благословенной обильными дарами природы, и печать проклятия легла на самый народный труд и на все начинания рук наших.

Грех, тяжкий, нераскаянный грех вызвал сатану из бездны, извергающего ныне хулу на Господа и Христа Его и воздвигающего открытое гонение на Церковь..." (36).

Это обращение в выражениях близких к тем, которые использовал Великий Инквизитор у Достоевского, характеризует социализм как отвергнутое Христом в пустыне искушение претворить камни в хлебы. Вместо того, чтобы искать рай на небе и с Богом через исполнение Его заповедей, социалисты "захотели создать рай на земле, но без Бога и Его святых заповедей". Результатом был ад в этой жизни и, как гласит текст анафемы, "огнь геенский в жизни будущей".

Некоторое время спустя это обращение вызвало критику в адрес патриарха и Собора со стороны графа Олсуфьева и протоиерея Владиміра Востокова, а в недавнее время от Виктора Аксючица (37).по поводу того, что сущность социализма, как антихристианской ереси едва ли была здесь затронута. Вот что сказал о. Владимір:

"С этой трибуны, перед лицом просветителя Руси, святого князя Владиміра, я свидетельствую моею священнической совестью, что русский народ обманут, и что до сего времени никто не сказал ему всей правды. Здесь так много было сказано об ужасах, навлеченных на страну большевизмом. Но что такое большевизм? — естественное и логическое развитие социализма. А социализм — это то антихристианское движение, которое в конечном счете производит большевизм как высшую ступень своего развития и которое порождает те явления, совершенно противные принципам христианской аскетики, которые мы сейчас переживаем.

К сожалению, многие из наших профессоров и писателей нарядили социализм в красивые одежды, называя его близким к христианству, и тем самым они вместе с революционными агитаторами ввели необразованных людей в заблуждение. Отцы и братия! Каких плодов ждали мы от социализма, когда мы не только не боролись с ним, но даже временами и защищали его, или почти всегда стыдливо молчали перед лицом его распространения? Мы должны верой служить Церкви и спасти страну от разрушительных тенденций, а для этого необходимо сказать истину людям без промедления, говоря им, чту социализм несет в себе, и куда он ведет.

Мы все, начиная с Вашего Святейшества и кончая мною, последним членом Собора, должны преклонить колена пред Богом и молить Его простить нас за попустительство росту в стране вредных учений и насилия. Лишь после искреннего всенародного покаяния страна будет умиротворена и возрождена. И Бог дарует нам Свою милость и благодать. Но если мы продолжим лишь анафематствовать без покаяния, без объявления людям истины, то они справедливо скажут нам: вы тоже виноваты в том, что страна вовлечена в это преступление, которому теперь звучит анафема; вы своим малодушием допустили развитие зла и медлили назвать факты и явления государственной жизни их настоящими именами!

Мы все должны объединиться в одну христианскую семью под знамением Святаго и Животворящего Креста и под водительством Святейшего патриарха, чтобы сказать,

что социализм, который как бы призывает людей к братству, есть явно антихристианское и злое явление..." (38).

Принципиальная непримиримость между социализмом и христианством никогда не вызывала сомнения у "апостолов" социализма. Так, Маркс и Энгельс писали: "Мы беспощадны и не просим пощады у вас. Когда придет наш черед, мы не будем прикрывать терроризм лицемерными фразами". Маркс назвал религию "опиумом для народа", а Ленин — "духовной сивухой". Ленин писал, что "всякая религиозная идея, всякая идея о всяком боженьке, всякое кокетничанье даже с боженькой есть невыразимейшая мерзость, ...самая гнусная зараза" (39). В 1918 г. он сказал Красину: "Место Бога займет электричество. Пусть крестьянин молится электричеству; он почувствует силу центральных властей больше, чем небесную" (40). Александр Солженицын по этому поводу писал: "В философской системе и в психологическом стержне Маркса и Ленина ненависть к Богу — главный движущий импульс, первее всех политических и экономических притязаний. Воинствующий атеизм — это не деталь, не периферия, не побочное следствие коммунистической политики, но главный винт ее" (41).

То, что воинствующий атеизм был центральным винтом марксизма-ленинизма, стало вполне очевидно в последующие семьдесят лет советской жизни. Однако и в самый первый год об этом было уже ясно заявлено, особенно через убийство Царя и его Семьи. Раз своим отречением от престола за себя и за своего сына Царь уже отказался от любых притязаний на власть, то его убийство не имело уже в виду политических выгод, а было чистым проявлением злобы. Это было попрание символа старой теократии представителями новой сатанократии, вызов сатаны Богу. И как вся трагедия русских людей в последующие годы заключалась в том, что они уготовали путь для этого сатанинского акта разрушения русской теократии и содействовали ему, так и единственная реальная надежда на их возрождение ныне заключается в их покаянии в этом...

32 Церковность или политика? // Православная Русь. № 9 (1558) (1/14 мая 1996) 4.
33 Слово перед панихидой по Царю-Мученику // Архиепископ Иоанн, архипастырь, молитвенник, подвижник (Сан-Франциско, 1991) 125. Ср. у архиепископа СЕРАФИМА (СОБОЛЕВА): "Нет нужды говорить, сколь ужасным "касанием" Помазанника Божия является свержение Царя его подданными. Здесь преступление данной Богом заповеди достигает высшей стадии преступности; вот почему это влечет за собой разрушение самого государства" (Русская идеология (СПб., 1995) 50–51). Итак, поскольку это неповиновение народа заставило Царя отречься от престола и неизбежно привело к его смерти, то, по слову архиепископа АВЕРКИЯ, "все мы, православные русские люди, так или иначе, в большей или меньшей степени виновны в том, что допущено было на нашей русской земле такое страшное злодеяние" (Истинное Православие и современный мир (Джорданвилль—Нью-Йорк: Свято-Троицкий монастырь, 1971) 166).
34 Цит. по: Orthodox America (June, 1987) 10–11.
35 ГУБОНИН, Акты... 143.
36 РЕГЕЛЬСОН, Трагедия Русской Церкви... 52.
37 См.: В. АКСЮЧИЦ, 70 лет Вавилонского пленения // Вестник Русского Христианского Движения. № 152 (1988).
38 Цит. по: В объятиях семиглавого змия (Монреаль, 1984) 22–23.*
39 В. И. ЛЕНИН, Письмо Горькому (1913) // В. И. ЛЕНИН, Собрание сочинений (1926-1932) Т. 17. 81–86. Ср.: С. Г. ПУШКАРЕВ, Ленин и Россия (Франкфурт, 1986). См. также: R. WURMBRAND, Was Karl Marx a Satanist? (Diane books, 1978).
40 С. И. ЛИБЕРМАН, Народный комиссар Красин // Новый журнал. № 7 (1944) 309. Цитпо: D. VOLKOGONSKY, Lenin (London: Harper Collins, 1994) 372.
41 А. СОЛЖЕНИЦЫН, Речь при вручении премии за религиозный прогресс, 1983 // Русская Мысль. № 3465 (19 мая 1983) 6.

Патриарх и комиссары

Могучий дух Московского Собора продолжал проявляться в заявлениях патриарха, когда Церковь вступила во второй год советской власти. В своем послании Совету Народных Комиссаров по случаю первой годовщины октябрьской революции он писал:

"...К вам, употребляющим власть на преследование ближних и истребление невинных, простираем Мы Наше слово увещания: отпразднуйте годовщину вашего пребывания у власти освобождением заключенных, прекращением кровопролития, насилия, разорения, стеснения веры; обратитесь не к разрушению, а к устроению порядка и законности, дайте народу желанный и заслуженный им отдых от междоусобной брани, а иначе взыщется от вас всякая кровь праведная, вами проливаемая (Лк. 11:50), и от меча погибнете сами вы, взявшие меч (Мф. 26:52)" (42).

Ввиду такого враждебного отношения к советской власти, вполне логично было бы ожидать от патриарха благословения усилий белых армий освободить Россию от большевицкой тирании. Однако, он не сделал этого (43) и в октябре 1919 г. велел духовенству стоять в стороне от политики и повиноваться советским властям в той степени, в какой их требования не "противны вере и благочестию". В самом деле, после осужденияимиСоборомпредательскогоБрестскогомиравмарте 1918 г., патриарх никогда больше не сделал ничего такого, что можно было бы расценить как политическое выступление или вмешательство в политическую жизнь страны.

Причину этого следует усматривать в последних решениях Собора от 2/15 августа 1918 г., подтвердивших отказ Церкви от вмешательства в политику. Каждый член Церкви свободен участвовать в политической деятельности сообразно велению своей христианской совести. Но никто не имеет права принуждать церковными мерами (все равно, прямыми или косвенными) другого члена Церкви примыкать к какому-либо политическому направлению. Как подчеркивает Николай Зернов, "патриарх, епископы и міряне могли иметь собственные политические мнения и симпатии, но никто из них не был вправе связывать Церковь как организацию с какой бы то ни было политической партией или системой" (44).

Разумеется, это постановление не противоречит ни антибольшевицкой анафеме января 1918 г., ни любым последующим мерам, предпринятым для защиты Церкви. Постановление диктовалось тем простым фактом, что епархии Русской Церкви теперь, по существу, находились в нескольких различных государствах: и в Советской России, и на территории России, занятой белыми, и на территории, относившейся к немецкой сфере влияния. Православное учение проповедует послушание любой законной власти; Церковь этим постановлением, в сущности, узаконивала право своих членов занимать, допустим, антисоветскую политическую позицию на территориях, занятых белыми, но не оказывать прямого сопротивления советским властям. (Аналогичнаяситуациявозниклавовремярусско-японскойвойны1904–1905 гг., когда православный архиепископ Японии Николай /Касаткин/ рекомендовал японским православным священникам в пределах своей епархии молиться о победе японской армии, хотя он, будучи русским, сам лично не мог этого делать).

Другой причиной, по которой патриарх не благословил белогвардейцев, могло быть пророческое предчувствие их поражения. Ибо, как сказал о белых один святой старец, "дух не тот". Слишком многие белые вожди имели целью не восстановление Святой Руси, а возвращение своих поместий, или созыв Учредительного Собрания, или еще что-нибудь не духовное.

В 1922 г. митрополит Киевский Антоний (Храповицкий) подтвердил этот вердикт: "Кто же будет отрицать, что февральская революция была столь же богоборческой, сколько и противомонархической? Кто может осуждать большевицкое движение и в то же время одобрять Временное правительство?

К сожалению, благороднейший и благочестивейший вождь той армии слушал тех негодных и чуждых России советников, которые сидели в его особом совещании и погубили дело. Русскому народу, настоящему народу, верующему и подвизающемуся, ему голой формулы — единая и неделимая Россия — не надо. Ему не надо России не то христианской, не то безверной, не то царской, не то господской (как он всегда будет понимать республику); ему нужно сочетание трех дорогих слов — за Веру, Царя и Отечество. Более всего ему нужно первое слово, как руководящее всею государственною жизнью; второе слово ему нужно, как ограждение и охранение первого, а третье — как носительница первых слов, и только" (45).

Так, одним из главных последствий свержения Царя явилось то, что Церковь, не находя реальной поддержки своих целей ни в одной из пост-имперских политических партий или движений, почувствовала, что не может благословить антибольшевицкие силы. Не то чтобы Церковь не содействовала отвержению большевицкой системы; она считала своим долгом выразить свое неприятие этой системы, основанной на философской теории диалектического материализма и нападавшей на Христа и Православную веру. Но антибольшевизм сам по себе еще не является положительным идеалом; и лишь то, что является подлинно положительным и духовным, может привлечь благословение Божие и Его Церкви.

Таким образом, не было противоречия между политически нейтральным августовским постановлением Собора и антисоветским октябрьским посланием патриарха. Тем не менее, поскольку в первом не было сказано прямо об антихристианской природе большевизма, то в оборонительном укреплении Церкви образовалась брешь, которой тут же воспользовались ее враги, как в политических, так и в клерикальных кругах. Поэтому антисоветские заявления патриарха были истолкованы как политиканство, а его отказ благословить белые армии — как благословение советского государства. На самом деле ни Собор, ни патриарх (в своих подлинных заявлениях, в отличие от фальшивки, опубликованной в 1925 г. после его смерти) никогда не благословляли и не признавали законной советскую власть, что явилось основной причиной того, почему советская власть никогда не признавала законной Церковь, пока Церковь пребывала верной постановлениям Собора. И даже еслиодноизболеепозднихзаявленийпатриарха,его"раскаяние" 1923 г., сделанное под сильнейшим давлением, можно расценить как косвенное признание советского государства, то все равное его нельзя считать имеющим обязательное значение для верующих, ибо, согласно учению Православной Церкви, ни один человек, хотя бы и самый выдающийся, не может считаться непогрешимым.

Для тех, кого Собор и патриарх не могут убедить, существует еще более красноречивое свидетельство антихристианской сущности большевизма: антицерковный террор во время гражданской войны и сразу же после нее. Одни материальные потери Церкви были чудовищны. Так, к началу 1921 г., согласно данным Большакова, из 1026 монастырей 637 были ликвидированы. Но людские потери ошеломляют еще более. Только в 1918–1919 гг., согласно данным Эрмхарта, были убиты 28 епископов и 1414 священников; а концу 1922 г., согласно данным Шумилина, были казнены два миллиона мірян (46). В одном только Петрограде было расстреляно 550 человек духовенства и монашествующих всякого чина за период с 1917 по 1922 г. (47).

Эти цифры подтверждают истинность утверждения Владиміра Русака о том, что отношение большевиков к Церкви не зависело от законодательства. "Насилие, штыки и пули — таковы были инструменты "идеологической" борьбы большевиков с Церковью" (48) .

В то же самое время, Ленин считал ислам своим союзником в распространении міровой революции в странах Востока и не преследовал католиков и протестантов (49).

42 ГУБОНИН, Акты... 151–153.
43 Но, по замечанию о. Стефана Красовицкого, Патриарх, хотя и не благословил Добровольческую Армию Деникина на Юге России, послал свое благословение адмиралу Колчаку в Сибирь. См.: Священник СТЕФАН КРАСОВИЦКИЙ, Ответ апологету коммунистической идеологии // Православная Русь. № 1553 (15/28 февраля 1996) 15.
44 ZERNOV, The 1917 Council... 19.
45 Церковность или политика?... 4
46 A. GUSTAVSON, The Catacomb Church (Jordanville, 1960) 19.
47 А. ЛАТЫШЕВ, Провести беспощадный массовый террор против попов // Аргументы и факты. № 26 (1996).
48 Протодиакон ВЛАДИМІР РУСАК, Свидетельство обвинения (Джорданвилль–Нью-Йорк: Свято-Троицкий монастырь, 1986) 19.
49 См.: ЛАТЫШЕВ, Провести беспощадный массовый террор...

Церковь и голод в Поволжье

И все же прямая физическая атака на Церковь не удалась, и после упразднения всякой вооруженной и политической оппозиции Компартии после Гражданской войны Церковь осталась единственной значимой антикоммунистической силой в стране. Вследствие этого большевики были вынуждены вести борьбу гораздо более глубокого идеологического содержания и, даже больше того, более научную, чем прежде.

Так, уже в декабре 1920 г. Т. Самсонов, глава секретного отдела ЧК, предтечи КГБ, писал Дзержинскому: "Коммунизм и религия взаимно исключают друг друга... Никакими средствами, кроме этого (ЧК. — В. М.), религию не разрушить. В своих планах деморализации церкви ЧК недавно сфокусировало свое внимание на рядовом священстве. Только через них, посредством долгой, интенсивной и кропотливой работы, мы сможем совершенно подорвать и разоружить церковь" (50). В том же месяце Дзержинский писал Лацису: "Мое мнение таково, что церковь распадается, и мы должны помочь этому процессу, но мы никоим образом не должны восстанавливать ее в обновленческом виде. Вот почему церковной политикой разъединения должна заниматься ЧК и никто иной. Официальные и полуофициальные отношения партии с попами нежелательны. Мы рассчитываем на коммунизм, а не на религию. Этот маневр может осуществляться только ЧК с единственной целью деморализации попов" (51).

На майском съезде партии в 1921 г. Ленин поддержал резолюцию, призывавшую к замене религиозного міровоззрения "гармоничной коммунистической научной системой, охватывающей и отвечающей на вопросы, на которые крестьянские и рабочие массы тщетно искали ответы в религии". Результатом была приостановка работы существовавших до того времени "дилетантских" антирелигиозных комиссий (выражение Ленина) и их замена Комиссией по отделению Церкви от государства при Политбюро, проработавшей под руководством еврея Емельяна Ярославского до 1929 г., очевидной целью которой было уничтожение всякой религии. Важность этой Комиссии в глазах большевиков наглядно иллюстрировалась крайней степенью секретности, окутывавшей ее протоколы, а также активным в ней участием в то или иное время всех высших партийных лидеров. Стратегия Комиссии непосредственно определялась сначала Лениным, а затем Сталиным (52).

Важным аспектом этой стратегии была тактика "разделяй и властвуй". Ибо, хотя физические методы воздействия и продолжали применяться, большевики сознавали, что такой грозный враг, как Церковь, неодолим одними физическими атаками, и что нужны более тонкие методы, включая вербовку агентов из числа духовенства и создание расколов в церковной среде. Так, уже в 1921 г., как видно из протоколов секретного отдела ЧК, Троцкий обсуждал вопрос вербовки духовенства за деньги, чтобы оно доносило на себя и других церковников и предотвращало антибольшевицкую агитацию относительно, например, закрытия монастырей (53).

Однако, первую возможность нанести серьезный ущерб Церкви предоставил большевикам голод 1921–22 гг. в Поволжье.

"В конце гражданской войны, — пишет Солженицын, — как ее естественное последствие, разразился небывалый голод в Поволжье... В. Г. Короленко в "Письмах к Луначарскому" объясняет нам повальное выголаживание и обнищание страны: это — от падения всякой производительности (трудовые руки заняты оружием) и от падения крестьянского доверия и надежды хоть малую долю урожая оставить себе. Да когда-нибудь кто-нибудь подсчитает и те многомесячные многовагонные продовольственные поставки по Брестскому миру — из России, лишившейся языка протеста, и даже из областей будущего голода — в кайзеровскую Германию, довоевывающую на Западе.

Прямая и короткая причинная цепочка: потому поволжане ели своих детей, что большевики захватили силою власть и вызвали гражданскую войну.

Но гениальность политика в том, чтоб извлечь успех и из народной беды. Это озарением приходит — ведь три шара ложатся в лузы одним ударом: пусть попы и накормят теперь Поволжье! ведь они — христиане, они — добренькие!

1) Откажут — и весь голод переложим на них, и церковь разгромим;

2) согласятся — выметем храмы;

3) и во всех случаях пополним валютный запас.

Да вероятно догадка была навеяна действиями самой Церкви. Как показывает патриарх Тихон, еще в августе 1921 г., в начале голода, Церковь создала епархиальные и всероссийские комитеты для помощи голодающим, начали сбор денег. Но допустить прямую помощь от Церкви и голодающему в рот значило подорвать диктатуру пролетариата. Комитеты запретили, а деньги отобрали в казну. Патриарх обращался за помощью и к папе Римскому, и к архиепископу Кентерберийскому, — но и тут оборвали его, разъяснив, что вести переговоры с иностранцами уполномочена только советская власть. Да и не из чего раздувать тревогу: писали газеты, что власть имеет все средства справиться с голодом и сама.

А на Поволжье ели траву, подметки и грызли дверные косяки. И наконец в декабре 1921 Помгол (государственный комитет помощи голодающим) предложил Церкви: пожертвовать для голодающих церковные ценности — не все, но не имеющие богослужебного канонического употребления. Патриарх согласился, Помгол составил инструкцию: все пожертвования — только добровольно! 19 февраля 1922 патриарх выпустил послание: разрешить приходским советам жертвовать предметы, не имеющие богослужебного значения.

И так все опять могло распылиться в компромиссе, обволакивающем пролетарскую волю.

Мысль — удар молнии! Мысль — декрет! Декрет ВЦИК 26 февраля: изъять из храмов все ценности — для голодающих!" (54).

Этот декрет аннулировал добровольный характер пожертвований и ставил духовенство в положение соучастников святотатства.

С целью разрешить недоумения верных, 28 февраля патриарх издал следующий указ: "Мы допустили, ввиду чрезвычайно тяжких обстоятельств, возможность пожертвования церковных предметов, не освященных и не имеющих богослужебного употребления. Мы призываем верующих чад Церкви и ныне к таковым пожертвованиям, лишь одного желая, чтобы эти пожертвования были откликом любящего сердца на нужды ближнего, лишь бы они действительно оказывали реальную помощь страждущим братьям нашим. Но Мы не можем одобрить изъятия из храмов, хотя бы и через добровольное пожертвование, священных предметов, употребление коих не для богослужебных целей воспрещается канонами Вселенской Церкви и карается Ею как святотатство — міряне отлучением от Нее, священнослужители — извержением из сана (73-е правило Апостольское, 10-е правило Двукратного Собора)" (55).

Хотя патриарх и не пошел на все требования большевиков, этот указ, тем не менее, означал первую большую уступку, сделанную Церковью советской власти. И не кто иной, как святой старец Нектарий Оптинский сказал об этом: "Смотрите, патриарх дал приказ отдать из церквей все ценности, но ведь они принадлежат Церкви!" (56).Как мы увидим, это привело не только к разграблению церквей и смерти многих священнослужителей и мірян, но также, косвенно, и к возникновению обновленческого раскола.

Под руководством Троцкого, но с одобрения всего Политбюро (Ленин, Молотов, Каменев и Сталин), большевики приступили к действию. В начале марта Троцкий сформировал "совершенно секретную" комиссию по руководству изъятием. 11 марта он писал членам Политбюро: "Эта комиссия должна в секретном порядке подготовить одновременно политическую, организационную и техническую сторону дела. Фактическое изъятие должно уже начаться с марта месяца и затем закончиться в кратчайший срок... Повторяю: комиссия эта — совершенно секретная. Формально

изъятие в Москве будет проходить по прямым указаниям Центрального комитета Помгола... Наша стратегия в целом должна преследовать цель раскола в духовенстве по конкретному вопросу изъятия ценностей из церквей. Поскольку вопрос это — жгучий, то и раскол на этом основании может и должен получить весьма острый характер, и та часть духовенства, которая поддержит изъятие и поможет ему, больше не сможет вернуться в клику патриарха Тихона. Поэтому я предлагаю, чтобы блок, составленный из этой части духовенства, был временно принят в Помгол, особенно поскольку необходимо устранить всякое подозрение и сомнение в отношении того, что изъятие ценностей из церквей пойдет на нужды голодающих" (57).

13 марта предложение Троцкого было принято; и более того, как пишет Григорий Равич, "было предписано действовать с максимальной жестокостью, не останавливаясь ни перед чем, включая казни на месте (то есть, без суда и следствия), вызов в случае необходимости особых (читай — карательных) частей красной армии, разгон и расстрел демонстраций, допросы с применением пыток и т. д. В состав комиссии, которая буквально ураганом пронеслась по России, сметая (лучше сказать — выметая) все на своем пути, вошли, кроме Троцкого, Сапронов, Уншлихт, Медведь, Самойлов-Землячка" (58).

Вскоре начались столкновения с верующими, сопротивлявшимися конфискации церковных ценностей. О 1414 случаях таких столкновений было сообщено в оффициальной прессе. Первая стычка произошла в городе Шуя 15 марта. Пять христиан были убиты и пятнадцать ранены, в результате чего открылся процесс, на котором два священника и мірянин были осуждены и казнены. В 1921–1923 гг. 2691 человек белого духовенства, 1962 монаха, 3447 монахинь и неизвестное число мірян были убиты под предлогом сопротивления разграблению церковных ценностей по всей стране (59).

19 марта, по случаю беспорядков в Шуе, Ленин послал в Политбюро длинное письмо с пометкой "Строго секретно. Копий не снимать":

"Именно теперь и только теперь, когда в голодных местах едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией, не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления. Именно теперь и только теперь громадное большинство крестьянской массы будет либо за нас, либо, во всяком случае, будет не в состоянии поддержать сколько-нибудь решительно тех, которые могут и хотят испытать политику насильственного сопротивления советскому декрету.

Нам во что бы то не стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей. Без этого никакая государственная работа вообще и никакое отстаивание своей позиции в Генуе в особенности совершенно немыслимы.

Сейчас победа над реакционным духовенством обеспечена полностью. Мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий. Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше" (60).

Относительно патриарха, однако, Ленин сказал: "Я думаю, нам целесообразно не трогать самого патриарха Тихона, хотя он несомненно возглавляет весь этот рабовладельческий бунт. Касательно его следует дать секретную директиву ГПУ, чтобы все связи этой личности были тщательно и скрупулезно отслежены и выявлены, особенно в настоящий момент..."

Ленин хотел, чтобы во главе антицерковной кампании стоял Троцкий; "но ему не следует никогда и ни при каких обстоятельствах высказываться (на эту тему. — В. М.)

в печати или перед публикой или любым иным образом". Возможно, это предписывалось, как предполагает Ричард Пайпс, "с целью избежать слухов, будто кампания была еврейским заговором против христианства" (61), поскольку Троцкий был евреем.

Троцкий, вдобавок к тому, что стоял во главе секретной комиссии по изъятию ценностей, возглавлял еще и комиссию по их реализации. И в своей записке от 23 марта, представленной на сессию этой комиссии, он писал: "Для нас важнее выручить пятьдесят миллионов в 1922–23 гг. за определенную массу ценностей, чем надеяться на семьдесят пять миллионов в 1923–24. Успех пролетарской революции только в одной из крупных стран Европы положит конец спросу на ценности... Вывод: мы должны торопиться сколько возможно..." (62).

Если основной целью большевиков были деньги для их чисто политических целей, тогда они проиграли самым жалким образом — цена конфискованных церковных ценностей составила всего около полутора миллионов долларов (63), тогда как Бухарин признавал, что на пропаганду во время голода в Поволжье они затратили около 14 миллионов долларов. И во всяком случае, большевики уже имели в своих руках бриллианты короны Российской Империи стоимостью в миллиард рублей золотом и бриллианты из кремлевского музея стоимостью в триста миллионов золотых рублей — гораздо больше рыночной стоимости церковных ценностей (64). Но даже если их основным мотивом было на самом деле стремление разрушить Церковь, то и тогда они проиграли: Церковь стала духовно даже сильнее, пройдя через это огненное искушение.

Однако, это дало счастливый шанс внутренним врагам Церкви — еретикам-обновленцам.

50 Цит. по: E. RADZINSKY, Stalin (New York: Doubleday, 1996) 244.
51 Цит. по: Прот. ВЛАДИСЛАВ ЦЫПИН, Обновленчество. Раскол и его предыстория // Православная беседа. № 3 (1994) 31.
52 См.: С. САВЕЛЬЕВ, Бог и комиссары // Религия и демократия / Изд. А. Р. БЕССМЕРТНЫЙ, С. Б. ФИЛАТОВ (М.: Прогресс, 1993) 164–216.
53 Н. А., Не бо врагом Твоим тайну повем // Вестник Германской Епархии Русской Православной Церкви Заграницей. № 1 (1992) 17. Ср.: ГРАББЕ, Русская Церковь перед лицом господствующего зла (Джорданвилль, 1991) 42.
54 А. СОЛЖЕНИЦЫН, Архипелаг ГУЛАГ (М.: Советский писатель, 1989) Т. 1. 337–339.
55 Цит. по: Мученики Шуйские // Вестник Русского Христианского Движения 170 (1994) 182.
56 Matushka EVGENIA RYMARENKO, Remembrances of Optina Staretz Hieroschemamonk Nektary // Orthodox Life. Vol. 36, № 3 (May–June 1986) 39.
57 Н. А., Не бо врагом Твоим тайну повем… 184–185. См. также: Г. РАВИЧ, Ограбленный Христос, или Бриллианты для диктатуры пролетариата // Час Пик. № 18 (1991) 24.
58 РАВИЧ, Ограбленный Христос... 24–25.
59 Там же. 26. По другим данным, антицерковная кампания стоила жизни 28-ми епископам и 1215-ти священникам, — всего было убито более 8000 человек по всей России. См.: PIPES, Russia under the Bolshevik Regime... 355.
60 В. И. ЛЕНИН, Полное Собрание сочинений. Т. 45. 666. Цит. по: Вестник Русского Христианского Движения. № 94 (1990) 54–60. См. также: РЕГЕЛЬСОН, Трагедия Русской Церкви... 314.
61 PIPES, Russia under the Bolshevik Regime... 155. Эта же точка зрения изложена в: Д. ВОЛКОГОНОВ, Триумф и трагедия (М.: Новости, 1989) Кн. 2, ч. 1. 380.
62 Мученики Шуйские... 190.
63 По другим данным, между 4 и 10 миллионами долларов. См.: PIPES, Russia under the Bolshevik Regime... 355.
64 Ibid. 355.

Заговор против патриарха

Идея устроить раскол в церковной иерархии появилась, кажется, в 1921 г. у Луначарского, который с начала 1900-х гг. занимался развитием более утонченного, не столь грубо конфронтационного подхода к проблеме устранения религии (65). Затем она была заново подхвачена Троцким в начале 1922 г. (66).То, что большевики планировали использовать внутренних врагов Церкви одновременно с усилением внешнего давления через конфискацию ее ценностей, явствует из проекта, представленного Троцким сессии Политбюро, на которой присутствовали Каменев, Сталин и Молотов 20 марта / 2 апреля.

Там стояло: "Агитация не должна быть связанной с борьбой против религии и Церкви, но должна всецело быть направлена на помощь голодающим" (пункт 5); "мы должны взять решительную инициативу в создании раскола среди духовенства, беря священников, которые выступают в поддержку принимаемых советской властью мер, под защиту государственной власти" (пункт 6); "наша агитация и агитация лояльного к нам духовенства ни в коем случае не должны смешиваться", но коммунисты должны обращаться к "значительной части духовенства", выступающей против бесчеловечности и алчности "князей Церкви" (пункт 7); необходим шпионаж, "чтобы гарантировать полное знание всего, что происходит в различных группах духовенства, верующих и т. д." (пункт 8); вопрос должен быть сформулирован правильно: "лучше всего начать с нескольких церквей, руководимых лояльным священством, а если таких церквей не существует, тогда с наиболее значительных церквей после тщательной подготовки" (пункт 9); "представителям лояльного духовенства должно быть разрешено регистрироваться в провинциях и в центре, после того как население будет должным образом проинформировано о том, что они будут иметь все возможности проверить, что ни одна часть церковного достояния не идет куда-либо, кроме как на помощь голодающим" (пункт 13). В действительности же, согласно секретной инструкции, все церковные ценности, изъятые у "врагов советской власти", должны были быть переданы не в Помгол или голодающим, а в финансовое управление ОГПУ (67).

Большевики рассчитывали, что модернистская или "обновленческая" группировка, существовавшая в Русской Церкви, обеспечит их "лояльным" духовенством. Уже в революционные 1905 и 1917 гг. будущие обновленцы вылезли на поверхность с длинным списком требований модернистских реформ в Церкви, а в марте 1918 г. профессор Титлинов, ставший позднее одним из главных идеологов обновленчества, основал в Петрограде газету, раскритиковавшую патриаршее анафематствование советской власти (68). Но чтобы захватить власть в Церкви, заговорщикам пришлось ждать до весны 1922 г., когда и патриарх Тихон, и митрополит Вениамин оба были в тюрьме в связи с конфискацией церковных ценностей.

Духовный уровень обновленцев или "Живой церкви", как называлась их главная фракция, можно оценить, исходя из карьеры их, возможно, самого умеренного лидера, епископа Антонина (Грановского). В революцию 1905 г. он был для Церкви до такой степени бельмом в глазу, что Святейший Синод отправил его на покой. После этого он отказался поминать имя Царя за богослужениями, а в 1907 г. даже объявил царский режим сатанинским. В 1921 г. он был вновь отстранен от служения патриархом Тихоном за самовольные новшества в богослужении. В 1922 г. он принял приглашение советских властей стать членом Помгола, и в том же 1922 г. он выступил свидетелем со стороны правительства в суде над пятьюдесятью четырьмя шуйскими христианами, сопротивлявшимися конфискации церковных ценностей.

Но даже Грановский характеризовал своих со-заговорщиков как "сточную канаву Православной Церкви", как жаждущих власти священников, преследующих свои классовые интересы, восставших против епископов и монахов (69). И действительно, этот антимонашеский уклон вместе с их социализмом был одной из главных отличительных черт обновленцев — "протестантов восточного обряда", как назвал их о. Георгий Флоровский (70). Так, например, Титлинов писал, что главной задачей "Живой церкви" было "освободить церковную жизнь от влияния монашеского епископата и передать управление церковными делами в руки белого духовенства" (71).

Так советская власть оправдала свои расчеты, если не в чем другом, так в этом, по слову Е. Лопешанской, "на классически марксистские "внутренние противоречия" и "классовую борьбу", которая, согласно ее идеологии, необходимо должна возникать повсюду, — в том числе и в Церкви, между черным и белым духовенством, между архиереями и священниками из-за церковных доходов" (72).

Первые залпы этой битвы прогремели в Петрограде, который был оплотом обновленчества, также как и большевицкой революции. Согласно А. Левитину и В. Шаврову, инициатива исходила от тамошнего партийного босса, Зиновьева, который намекнул протоиерею Александру Введенскому, что его группа может оказаться подходящей для возможного конкордата между государством и Церковью. Тогда Введенский объединился с протоиереем Владиміром Красницким и епископом Антонином (Грановским) в заговоре по свержению патриарха.

В то время патриаршую Церковь в Петрограде возглавлял митрополит Вениамин, который сумел придти к соглашению с местными властями о добровольной передаче церковных ценностей. Эти власти, очевидно, еще не вполне понимали, что реальной целью советского декрета была не помощь голодающим, а разрушение Церкви. Однако, посовещавшись с центральными властями, петроградские пересмотрели свое соглашение с митрополитом.

После этого в "Петроградской Правде" от 24 марта появилось письмо за подписью двенадцати лиц, включая будущих обновленческих лидеров Красницкого, Введенского, Белкова, Боярского и других. В нем авторы защищали мероприятия советского правительства и отмежевывались от остального духовенства. Последнее весьма отрицательно отреагировало на это письмо на собрании, во время которого Введенский произнес наглую и угрожающую речь. Митрополит сумел, однако, в конце концов угасить страсти, так что было решено вступить в новые переговоры с властями, вести которые было поручено Введенскому и Боярскому. Они продолжали добиваться соглашения, по которому оставшуюся часть церковных ценностей было бы позволено возместить деньгами.

Стяжав себе через это некоторое доверие и укрепив отношения с советскими властями, группа обновленцев приступила к захвату власти во всей Церкви, воспользовавшись чрезвычайными трудностями, которые испытывал патриарх в Москве.

Ибо патриарх, кроме своего пребывания под домашним арестом с 19 марта, был еще вызван в качестве свидетеля защиты на процесс пятидесяти четырех. Стараясь спасти обвиняемых, он взял всю ответственность на себя (73). И на одном из заседаний он выразил сущность отношений между Церковью и государством.

Председатель: — Законы, существующие в государстве, вы считаете для себя обязательными или нет?

Патриарх: — Да, признаю, поскольку они не противоречат правилам благочестия.

Солженицын замечает: "Все бы так отвечали! Другая была б наша история!" (74).

65 Ibid. 338.
66 Ibid. 359.
67 Н. А., Не бо врагом Твоим тайну повем... 17.
68 ГРАББЕ, Русская Церковь перед лицом господствующего зла... 32.
69 См.: J. SWAN, A Biography of Patriarch Tikhon (Jordanwille–N.-Y.: Holy Trinity Monastery, 1964). См. также: D. POSPIELOVSKY, The Russian Church under the Soviet Regime, 1917–1982 (Crestwood–N.-Y.: St. Vladimir's Seminary Press, 1982) Vol. 1. 55, 54.
70 Цит. по: POSPIELOVSKY, The Russian Church under the Soviet Regime... 45.
71 Цит. по: ГРАББЕ, Русская Церковь перед лицом господствующего зла… 32.
72 Е. ЛОПЕШАНСКАЯ, Епископы-Исповедники (Сан-Франциско, 1971) 68.
73 ГРАББЕ, Русская Церковь перед лицом господствующего зла... 31, 32.
74 СОЛЖЕНИЦЫН, Архипелаг ГУЛАГ... Т. 1. 342. Полный текст допроса Патриарха на суде см.: ГУБОНИН, Акты... 195–212.

Русская Церковь в изгнании

Чтобы лучше понимать дальнейшее развитие заговора против патриарха, следует обратиться к событиям, происходившим за пределами России, в частности, к истории той части Русской Церкви, которая оказалась в рассеянии.

"ЗаграничнаячастьРусскойПравославнойЦеркви,—пишет А. Ф. Трасковский, — до образования РПЦЗ уже имела свою довольно долгую историю. В Западной Европе русские православные храмы строились, начиная с XVIII века, при российских посольствах и св. местах, часто посещавшихся россиянами, приезжавшими за рубеж. На Востоке, благодаря миссионерской деятельности Русской Православной Церкви, были созданы миссии в Китае и Японии, ставшие позднее епархиями, а также миссия в Иерусалиме. Распространение Православия на Аляске и в Северной Америке также привело к созданию епархии. В "Положении о созыве Заграничного Собрания Российских Церквей" указано по состоянию на 1921 г. пятнадцать заграничных округов, где имелись русские епископы, и четырнадцать заграничных районов, где имелись русские православные приходы, но не были поставлены епископы. В числе округов указаны: Северная Америка, Япония, Китай, Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Польша, Германия, Франция, Италия, Сербия, Болгария, Турция и Дальний Восток. В числе районов — Швеция, Дания, Нидерланды, Бельгия, Испания, Англия, Швейцария, Чехия, Венгрия, Австрия, Румыния, Палестина, Греция и город Бизерта в Тунисе. Все заграничные миссии, приходы и епархии находились в каноническом подчинении Высшей церковной власти России — до восстановления в 1917 г. патриаршества в подчинении у Святейшего правительственного Синода, а после стали подчиняться Святейшему патриарху. Но вот, вслед за революцией, в России началась гражданская война и анархия. Со стороны большевиков против Церкви начались преследования. Большинство заграничных миссий и епархий оказались либо лишенными возможности нормального сообщения с высшей церковной властью России, либо такое сообщение было крайне затруднено. Более того, в самой России многие епархии оказались отрезанными линией фронта от руководства в лице Святейшего патриарха Тихона (Беллавина). После поражения Белой армии за рубеж хлынул огромный поток эмигрантов, среди которых было немало представителей духовенства, включая епископов и митрополитов. На плечи зарубежных клириков и эмигрировавшего духовенства легла забота о духовном окормлении огромной русской диаспоры. Вот в какой ситуации оказалась заграничная часть русской Православной Церкви накануне образования Зарубежной Церкви.

Какова предыстория Русской Зарубежной Церкви? Свое начало она берет еще в 1919 г. в России. В мае 1919 г. в Ставрополе состоялся Южно-Русский Церковный Собор во главе со старейшим на Юге России Ставропольским архиепископом Агафодором. В Соборе участвовали все находившиеся на территории Добровольческой армии епископы, члены Всероссийского Церковного Собора и по четыре человека от каждого епархиального совета. На Соборе было образовано высшее Церковное Управление Юга России (ВЦУ Юга России), в состав которого вошли: в должности председателя архиепископ Новочеркасский Митрофан, в должности товарища председателя архиепископ Таврический Димитрий, а также протопресвитер о. Г. Шавельский, протоиерей А. П. Рождественский, граф В. В. Мусин-Пушкин и профессор богословия П. В. Верховский. В ноябре 1919 г. Высшее Церковное Управление возглавил прибывший из Киева митрополит Киевский и Галицкий Антоний (Храповицкий).

Целью создания ВЦУ являлась организация руководства церковной жизнью на территории Добровольческой армии, ввиду затрудненности для патриарха Тихона управлять епархиями, оказавшимися за линиями фронта. Несколько раньше, в ноябре 1918 г., в Сибири было создано аналогичное Временное Высшее Церковное Управление во главе с архиепископом Омским Сильвестром. Позднее часть подчинявшегося этому ВЦУ духовенства, эмигрировав после разгрома колчаковской армии, вошла в состав китайских епархий Русской Православной Церкви. ВЦУ Юга России, так же как и сибирское, несмотря на самоуправление, тем не менее находилось в каноническом подчинении Святейшему патриарху Тихону, и таким образом сохранялось церковное единство.

После поражения войск Деникина, глава ВЦУ Юга России митрополит Антоний (Храповицкий) весной 1920 г. эвакуировался из Новороссийска в Константинополь, а потом некоторое время находился в Афонском монастыре, однако в сентябре 1920 г., по приглашению генерала Врангеля, вернулся в Россию, в Крым, где продолжил свою работу. Окончательная эвакуация ВЦУ Юга России произошла в ноябре 1920 г., вместе с остатками врангелевской армии. На пароходе "Александр Михайлович" из Крыма в Константинополь отправилось руководство ВЦУ и большое количество простых священников.

Прибыв в Константинополь, как указывает в "Жизнеописании митрополита Антония..." архиепископ Никон (Рклицкий), митрополит Антоний "первоначально считал, что отныне всякая деятельность русского Высшего Церковного Управления должна быть закончена, и все попечение о духовном устроении русских православных людей должна взять на себя Константинопольская Церковь и Поместные Православные Церкви, в пределах которых окажутся русские православные люди". Однако, как вскоре выяснилось, осуществление такого варианта было крайне затруднительно, ввиду того что огромные массы русских беженцев не знали языка и обычаев тех стран, куда они попали, и окормление такой большой паствы иноязычными священниками (например, греческими) было весьма проблематично. Кроме того, осталось бы не у дел эмигрировавшее многочисленное русское духовенство, которому было вполне под силу справиться с вышеуказанной задачей. Поэтому было решено продолжить деятельность Высшего Церковного Управления.

Для выработки плана дальнейших действий 19 ноября 1920 г. было проведено первое заседание ВЦУ вне пределов России... Митрополит Дорофей (75)дал свое согласие, и ВЦУ Юга России было преобразовано в Высшее Церковное Управление Заграницей.

Буквально на следующий день после вышеупомянутого заседания, 20 ноября 1920 г., в Москве произошло событие, имевшее для Русской Зарубежной Церкви чрезвычайное значение, — Святейший патриарх Тихон принял постановление № 362 о самоуправлении церковных епархий на случай разрыва связей между теми или иными епархиями и Святейшим патриархом, по внешним, не зависящим от них причинам (имелись в виду война или репрессии со стороны властей). Вот главное содержание этого указа:

"По благословению Святейшего Патриарха, Священный Синод и Высший Церковный Совет, в соединенном присутствии, имели суждение о необходимости... преподать епархиальным архиереям... указания на случай разобщения епархий с высшим церковным управлением или прекращения деятельности последнего...

2. В случае, если епархия, вследствие передвижения фронта, изменения государственной границы и т. п., окажется вне всякого общения с высшим церковным управлением или само высшее церковное управление во главе со Святейшим Патриархом почему-либо прекратит свою деятельность, епархиальный архиерей немедленно входит в сношение с архиереями соседних епархий на предмет организации высшей инстанции церковной власти для нескольких епархий, находящихся в одинаковых условиях (в виде ли временного высшего церковного правительства, или митрополичьего округа, или еще иначе).

3. Попечение об организации высшей церковной власти для целой группы оказавшихся в положении, указанном в п. 2, епархий, составляет непременный долг старейшего в означенной группе по сану архиерея..."

Этот мудрый указ Святейшего патриарха Тихона, принятый в условиях антицерковного террора, через полгода после принятия, при помощи епископа Нерчинского Мелетия был доставлен зарубежным епископам и послужил каноническим основанием для образования Русской Зарубежной Церкви, так как эмигрантское духовенство оказалось в положении, соответствующем пп. 2 и 3 этого указа.

Тем временем, ВЦУ в Константинополе продолжало разработку плана дальнейших действий. На заседаниях 19–21 апреля 1921 г. было решено созвать "Собрание представителей Русской Православной Церкви Заграницей для объединения, урегулирования и оживления церковной деятельности за границей", впоследствии переименованное в "Русский Заграничный Церковный Собор", известный также в литературе как Карловацкий Собор. Вскоре, по приглашению патриарха Сербского Димитрия, ВЦУ во главе с митрополитом Антонием переехало в Сремские Карловцы, в Сербию — братскую страну, ставшую на долгие годы надежным пристанищем для руководства Зарубежной Церкви" (76).

Заграничный Собор, первая сессия которого открылась 8/21 ноября 1921 г., призвал Генуэзскую конференцию отказаться от признания большевицкого режима, поддержать его противников и восстановить династию Романовых. В оправдание этого призыва, вызвавшего ярость большевиков и понимаемого многими как опасное уклонение в политику, первоиерарх Русской Церкви в изгнании, митрополит Киевский Антоний (Храповицкий) сказал: "Если под политикой понимать все, что касается жизни народа, начиная с правового положения Церкви в государстве, тогда церковное руководство и церковные соборы должны участвовать в политической жизни, и с этой точки зрения определять требования, предъявляемые к ней. Так, святитель Гермоген положил жизнь за это, сперва требуя, чтобы народ был лоялен Царю Василию Шуйскому, а когда поляки заключили его в тюрьму, он требовал избрания Царем Михаила Романова. В настоящее время пути политической жизни народа разошлись в разных направлениях гораздо более определенным образом: некоторых — в позитивном направлении, за веру и Церковь, других — во враждебном им; одних — в поддержку армии и против социализма, других совершенно напротив. И Карловацкий Собор не только имел право, но был обязан благословить армию на борьбу против большевиков, а также, вслед за Великим Московским Собором 1917–18 годов, осудить социализм и коммунизм" (77).

20 апреля / 3 мая, согласно недавно появившейся информации, имело место секретное заседание президиума ГПУ — товарищей Ушинского, Менжинского, Ягоды, Самсонова и Красикова, на котором было решено вызвать патриарха Тихона и потребовать от него в двадцать четыре часа издать указ об отлучении от Церкви, запрещении и отстранении от должностей руководителей Русской Церкви в изгнании. В случае его возможного отказа выполнить эти требования патриарха надлежало немедленно арестовать и обвинить во всех преступлениях, якобы совершенных им против советской власти (78).

21 апреля / 4 мая патриарх последний раз предстал перед судом в качестве свидетеля по делу пятидесяти четырех московских священников. В конце своей речи обвинитель заявил, что патриарх должен быть отдан под суд в связи с показаниями, данными им в процессе судебного разбирательства. И 23 апреля / 6 мая, в праздник великомученика Георгия, его арестовали. Поэтому ясно, в условиях какого давления за день до своего ареста, 22 апреля / 5 мая 1922 г., патриарх Тихон созвал заседание Священного Синода и Высшего Церковного Совета, на котором он объявил (Указ № 342), что "ни послание, ни обращение Карловацкого Синода (к Генуэзской конференции) не выражает голоса Русской Церкви". И он потребовал распустить Заграничное ВЦУ и передать всю церковную власть над русскими беженцами в Европе митрополиту Парижскому Евлогию (79).

Этот указ используется Московской патриархией и ее сторонниками, чтобы навести тень сомнения на каноничность Русской Церкви Заграницей. Однако: 1) по свидетельству обновленческого архиепископа Евдокима, патриарх Тихон впоследствии писал митрополиту Антонию (Храповицкому): "Я написал это для властей, а ты сиди и работай"; 2) указ, полученный Заграничной Церковью, не содержал патриаршей подписи и был подписан лишь архиепископом Фаддеем Астраханским (!); 3) как замечает игумен Лука, "читая указ, непременно увидишь, что в нем ничего не сказано относительно нарушения ВЦУ канонов, и что оно нигде не называется неканоничным. Никто, включая даже самого митрополита Евлогия, не признал за этим указом силы. Патриарх, предписывая митрополиту Евлогию возглавить приходы в Западной Европе, "проглядел" тот факт, что в Зарубежной Церкви существовало еще восемь епархий, и ничего не сказал об их управлении. Этот

и другие смущающие моменты указа лишь подтверждали всеобщее мнение, что он был выпущен под давлением большевиков, желавших любыми средствами ослабить силы заграничных антикоммунистов. Получив известие о своем назначении правящим архиереем в Европе, митрополит Евлогий писал митрополиту Антонию: "Этот указ поразил меня своей неожиданностью, и я просто потрясен мыслью о том, какое смущение он может внести в церковную жизнь" (чего именно коммунисты и желали и продолжают желать, чтобы устранить всякое противодействие их контролю над Церковью). "Нет никакого сомнения, что указ был выпущен под нажимом большевиков, — продолжает митрополит Евлогий. — Я не признаю этот документ имеющим какую-либо силу, хотя бы даже он и был написан и подписан патриархом. Документ этот — политический, а не церковный"..." (80).

Однако, даже если допустить, что указ был подлинным, то патриарх все же не анафематствовал зарубежных архиереев, и таким образом акция, призванная умиротворить большевиков, послужила лишь к усугублению их раздражения (81). Руководители Зарубежной Церкви пришли к выводу — и в этом их поначалу поддержал, как мы видели, и митрополит Евлогий, — что патриарх действовал в то время под угрозой ареста. Поэтому они поступили так, чтобы, формально подчинившись патриаршему указу, на деле игнорировать его: они распустили ВЦУ и создали на его месте Архиерейский Синод под председательством митрополита Евлогия. И патриарх как бы молчаливо признал это, не издал больше никакого осуждения заграничного Синода и действовал в дальнейшем так, как если бы он вполне признавал его полномочия (82).

Даже митрополит Сергий, как мы увидим, признавал авторитет Зарубежного Синода — по крайней мере, до написания своей "Декларации" 1927 года.

75 Местоблюститель Константинопольского престола. — Прим. ред.
76 А. Ф. ТРАСКОВСКИЙ, История Русской Зарубежной Церкви, 1921–1939 гг. // Православный путь (Джорданвилль–Нью-Йорк, 1995) 20–24.
77 Деяния Русского Всезграничного Церковного Собора в Сремских Карловцах (Сремские Карловцы, 1922) 126. Цит. по: Fr. VICTOR POTAPOV, What is False is also Corrupt // Living Orthodoxy. Vol. XIV, № 1 (January–February 1992) 26.
78 Источник. № 3 (1995) 116.
79 Полный текст см.: ГУБОНИН, Акты... 193–194.
80 Igumen LUKE, An Answer to the Orthodox Church in America’s Document. Why Deepen the Schism? // Orthodox Life. Vol. 40, № 6 (November–December 1990) 13–14.
81 HOLY TRANSFIGURATION MONASTERY, BOSTON, A History of the Russian Church Abroad (Seattle: St. Nectarios Press, 1961) 24.
82 ГРАББЕ, Русская Церковь пред лицом господствующего зла... 32. Например, Патриарх признал право Зарубежного Синода назначить Митрополита Платона главой Американских епархий в 1922 г. См.: Igumen LUKE, An Answer to the Orthodox Church in America’s Document... 14.

Обновленческий переворот

3/16 мая (83)патриарх, находясь в чрезвычайно затруднительном положении, написал митрополиту Агафангелу Ярославскому, поручая ему принять на себя временное управление Церковью вплоть до созыва собора. Он писал, что власти дали разрешение, и что он должен прибыть сколь возможно скорее. Но власти не позволили владыке Агафангелу покинуть Ярославль...

Тем временем, 5/18 мая священники-обновленцы Введенский, Белков и Калиновский посетили патриарха на Троицком подворье, где он был заключен, и представили ему письменный доклад, в котором говорилось, что, вследствие существующих обстоятельств, церковные дела остаются без всякого рассмотрения. Они умоляли патриарха доверить им его канцелярию, с тем чтобы они могли должным образом рассортировать полученную корреспонденцию. Сочтя это полезным, патриарх согласился на их просьбу и написал на их прошении следующую резолюцию: "Поручается поименованным ниже лицам принять и передать Высокопреосвященному

Агафангелу, по приезде его в Москву, синодальные дела при участии секретаря Нумерова" (84).

В силу этой резолюции, которая, фактически, давала им право лишь передать канцелярию митрополиту Агафангелу, обновленцы немедленно основали Высшее Церковное Управление (ВЦУ) и взяли в свои руки административный контроль над Российской Церковью.

14/27 мая Троцкий писал Ленину: "Отделение Церкви от государства, которое мы установили раз и навсегда, никоим образом не означает, что государству нет дела до того, что происходит в Церкви". Он писал о "лояльных и прогрессивных элементах в духовенстве" и ставил задачу "поднять дух лояльного духовенства" косвенным путем — через прессу. Он заключал, что "редакторы "Правды" и "Известий" не придают должного значения огромной исторической важности того, что происходит в Церкви и вокруг нее". Троцкий вполне понял значение этой "глубочайшей духовной революции в русском народе". Ленин прокомментировал: "Верно! Тысячу раз верно!" (85)

Однако, обновленцам и коммунистам надо было еще нейтрализовать ущерб, нанесенный их планам передачей власти патриархом Тихоном митрополиту Агафангелу. И протоиерей Красницкий был послан в Ярославль на переговоры с митрополитом. Он поставил законному патриаршему заместителю ряд условий, которые должны были поставить его, в случае их принятия, в полную зависимость от обновленцев. Разумеется, митрополит отверг эти условия. Тогда Красницкий возвратился в Москву, и обновленцы распустили слух, будто бы митрополит занят лишь "собственными делами" и "не торопится" исполнять поручение патриарха.

Левитин и Шавров пишут: "...поведение митрополита Агафангела, действительно, является совершенно необъяснимым, если не знать одной детали: в течение месяца велись секретные переговоры между Е. А. Тучковым и митрополитом Агафангелом. Е. А. Тучков, которого ВЦУ считало своей главной опорой, в переговорах с митрополитом выражал желание как можно скорее отделаться от этого несолидного учреждения (ВЦУ) и поддержать Агафангела (?! — Сост. /М. Е. Губонин/). Однако и от Агафангела ожидался ряд уступок; он должен был заявить об отходе от политической линии патриарха Тихона. После месячных переговоров, видя, что дело не сходит с мертвой точки, митрополит Агафангел неожиданно (?? — Сост.) обратился к Русской Церкви с воззванием (от 5/18 июня 1922 г., № 214. — Сост.), отпечатанным какой-то подпольной типографией и очень быстро разошедшимся по Москве и по другим городам...

Е. А. Тучков был совершенно ошеломлен таким сюрпризом. Ошеломлено было и ВЦУ. Митрополит Агафангел был немедленно арестован и отправлен в ссылку, в Нарымский край. Однако появление этого воззвания указывало на то, что беспринципная линия В. Д. Красницкого наталкивается на резкий отпор в церковной среде..." (86).

Послание митрополита Агафангела обвиняло обновленцев в "намерении пересмотреть догматы и нравоучение нашей Православной веры, священные каноны Святых Вселенских Соборов, православные богослужебные уставы, данные великими молитвенниками христианского благочестия" и предоставляло архиереям право управлять своими епархиями самостоятельно, вплоть до установления канонического Высшего Церковного Управления (87).

Итак, в год создания Советского Союза Россия впервые в своей истории оказалась лишена одновременно и церковного, и государственного законного централизованного управления.

Тем временем, в Петрограде митрополит Вениамин был отдан под суд, обвинен в сопротивлении изъятию церковных ценностей и назван "врагом народа". Ему было предоставлено много возможностей спасти себя бесчестным путем. Так, еще до суда Введенский и петроградский комендант Бакаев приходили к нему и предлагали выбор: или снять отлучение с Введенского, или предстать пред судом. Но митрополит

отказался снять отлучение. И другой раз, судьи во время процесса намекали, что он может спасти себя, назвав "авторов" предложения, посланного им в Помгол.

Митрополит отказался, сказав: "Я один сделал это — я обдумал, я сформулировал, написал и отправил свои заявления. Я никому не позволял участвовать в решении вопросов, вверенных мне как архипастырю".

Именно на этом процессе обвинитель Красиков сделал следующее замечание: "Вся Православная Церковь — подрывная организация. Собственно говоря, всю Церковь следовало бы посадить за решетку!"

С другой стороны, адвокат Гурович сказал: "Если митрополит пострадает за свою веру, за свою безграничную преданность верующим массам, он станет опаснее для советской власти, чем теперь... Непреложный исторический закон предупреждает нас, что вера растет, укрепляется и ширится на крови мучеников".

Оба эти высказывания, можно сказать, были пророчествами: первое — о грядущем всеобщем гонении, которому суждено было быть в тридцатых годах, а второе — о конечном торжестве Церкви, которое уже началось.

В письме из тюрьмы митрополит Вениамин выразил сущность того, что стало спустя немного лет позицией Катакомбной Церкви: "Странны рассуждения некоторых, может быть, и верующих пастырей (разумею Платонова) — надо хранить живые силы, т. е. их ради поступиться всем. Тогда Христос на что? Не Платоновы, Чуприны, Вениамины и т. п. спасают Церковь, а Христос. Та точка, на которую они пытаются встать, погибель для Церкви. Надо себя не жалеть для Церкви, а не Церковью жертвовать ради себя" (88). Митрополит был расстрелян в ночь с 12 на 13 августа (ст. ст.) 1922 г.

Кафедра митрополита Вениамина оказалась занята человеком противоположного міровоззрения — епископом Алексием (Симанским), будущим вторым советским "патриархом". Он первым из архиереев признал обновленческое Высшее Церковное Управление. Более того, он снял запрещение, наложенное митрополитом Вениамином на обновленцев, и 23 мая / 15 июня 1922 г. объявил "их общение с Церковью восстановленным" (89).

Эта последовательная связь между ведущими обновленческими иерархами начала 20-х гг. и сергианскими иерархами после 1927 г. выражает вовне внутреннюю связь между этими двумя движениями. Она показывает, что сергианство действительно есть "новообновленчество", продолжение того же самого еретического движения в более утонченном виде.

83 См.: ГУБОНИН, Акты... 214. Даны две другие возможные даты этого письма: 29 апреля / 12 мая и 30 апреля / 13 мая.
84 J. S. CURTISS, The Russian Church and the Soviet State (Boston: Little Brown, 1953) 159–160. См. также: ГРАББЕ, Русская Церковь перед лицом господствующего зла... 33–34.
85 Н. А., Не бо врагом Твоим тайну повем... 17.
86 А. ЛЕВИТИН, В. ШАВРОВ, Очерки по истории русской церковной смуты (Küsnacht, 1977). Цит. по: ГУБОНИН, Акты... 813.
87 ГУБОНИН, Акты... 219–221.
88 Прот. МИХАИЛ ПОЛЬСКИЙ, Новые Мученики Российские (М.: Светлячок, 1994) Т. 1. 63.
89 РЕГЕЛЬСОН, Трагедия Русской Церкви... 74.

Церковь в Грузии и на Украине

Следует сказать здесь несколько слов о Грузинской Церкви, прошедшей через весьма похожие гонения со стороны властей.

Сразу же после отречения Царя от престола 12 марта 1917 г. Собрание епископов, клириков и мірян Грузии провозгласило восстановление автокефалии Грузинской Церкви, которая, как утверждали грузины, никогда не была законным образом отменена.

В сентябре Всеобщий Собор утвердил деяния мартовского Собора, и 1 октября епископ Кирион Садзегели был возведен в Тбилиси на престол Католикоса-патриарха. Временное правительство утвердило это избрание. Однако, 29 декабря / 14 января Российская Церковь в лице новоизбранного патриарха Тихона опротестовала восстановление автокефалии, подчеркнуто именуя Кириона лишь епископом (90).

Когда в России началась Гражданская война, грузины отказались помогать белым. На несколько месяцев англичане оккупировали страну, а после их ухода к власти пришли меньшевики. В течение последующих нескольких лет Грузинской Церкви удавалось жить в мире с правящей меньшевицкой партией.

Однако, в феврале 1921 г. большевики вторглись в Грузию и после короткой трехнедельной войны овладели страной. "7 февраля 1922 г., — пишет о. Илия Мелиа, — Католикос Амвросий послал в Международную Конференцию в Геную (высший апелляционный международный орган в то время) письмо протеста, в котором, упоминая о лежащих на нем моральных обязательствах по отношению к вверенной ему нации, он протестовал от имени грузинского народа, лишенного своих прав, против иностранной оккупации и требовал вмешательства цивилизованного человечества в противовес содеянному против Грузии беззаконию. Он был арестован в феврале 1923 г. вместе с архиепископом Назарием и всеми членами своего Собора. Их процесс, проходивший в условиях наполовину свободных, сильно всколыхнул всю страну.

Было выдвинуто три обвинения: 1) письмо к Генуэзской конференции; 2) сокрытие исторических богатств Церкви с целью сохранения их от попадания в руки государства и 3) запрещение, наложенное правительственной Комиссией по религиозным делам на выкуп драгоценных предметов в пользу голодающих. Архиепископ Назарий был убит в ходе процесса, вероятнее всего, чтобы произвести впечатление на остальных обвиняемых. Все члены собора выказали свою солидарность Католикосу Амвросию, который держался героически, принимая на себя всю ответственность за свои действия, которые, по его заявлению, соответствовали его обязанностям и традиции Грузинской Церкви в подобных обстоятельствах. Он был осужден на восемь лет заключения.
ДвумчленамегоСоборабылиданысрокивпятьидвагода соответственно. Католикос был освобожден досрочно. Умер он 29 марта 1927 г.

В 1924 г. произошло всеобщее восстание, подготовленное всеми активными силами нации — высшими чинами армии, политическими партиями, академическими кругами, церковниками, — т. е. всем населением. Жертвы репрессий исчислялись тысячами. Группы партизан по временам продолжали выступать..." (91).

В это время на Украине патриаршая Церковь боролась не только против обновленцев, но и против украинских сепаратистов. Три раза в этом столетии Украина добивалась независимости от России, и всякий раз политическая независимость подстегивала церковный раскол: в 1917, в 1941 и в 1990 гг.

В середине ноября 1917 г. в Киеве был организован комитет, который должен был созвать Собор украинского духовенства и мірян. Председателем комитета был заштатный архиепископ Алексий (Дородницын). Хотя и вполне каноничный поначалу, этот комитет скоро перенес центр своего внимания на совершенно не каноничную цель — создание автокефальной Украинской Церкви и устранение каноничного первоиерарха — митрополита Владиміра. Последний энергично противостоял этим революционным требованиям до самой своей мученической кончины от рук большевиков в январе 1918 г. (92).

В 1920 г. была образована "Независимая Рада украинских приходов", которая созвал первый собор Украинской Автокефальной Церкви в октябре 1921 г. Но поскольку ни один архиерей не примкнул к автокефалистам, им пришлось обзавестись архиереями неканоническим путем, что никогда впоследствии не было признано ни одной Православной Церковью и стяжало им название "самосвятов-липковцев", по имени их лидера Липковского. Позже, в 20-е годы возникло еще одно автокефалистское движение, основанное епископом Лубенским Феофилом (Булдовским), который получил рукоположение в патриаршей Церкви в то время, когда липковский раскол приходил в упадок, но затем отделился от Церкви на все том же основании украинского национализма и объединился с остатками липковцев.

Одним из самых популярных патриарших священников на Украине в это время был о. Василий Зеленцов. В значительной степени за счет его влияния раскол Булдовского был отвергнут народными массами. В 1922 г. он попал под суд по политическому обвинению и в своей речи в конце процесса дал одно из самых убедительных разъяснений того, до какого предела христианину позволяется заходить в признании советской власти: "Я уже заявлял вам и заявляю еще раз, что я лоялен к советской власти как к таковой, ибо она, как и все, послана нам свыше... Но там, где дело касается Веры Христовой, касается храмов Божиих и человеческих душ, там я боролся, борюсь и буду бороться до последнего моего вздоха с представителями этой власти; позорно, грешно было бы мне, воину Христову, носящему этот святой крест на груди, защищать себя лично, в то время как враги ополчились и объявил войну Самому Христу..." После своей хиротонии в 1925 г. епископ Василий продолжал вести духовную брань против большевиков, публично называя их "богоотступниками, насильниками, хулителями веры Христовой, убийцами, сатанинской властью, кровопийцами, гасителями свободы и правды, исчадиями ада" и т. д. Он постоянно призывал народ: "Никаких поблажек им, никаких компромиссов с ними, бороться с врагами Христа, не бояться пыток и смерти, ибо страдания за Него — высшее счастье, высшая радость". В 1930 или 1931 г. епископ Василий принял в Москве мученичество за отвержение сергианского новообновленчества (93).

Хотя украинские автокефалисты и представляли из себя чисто раскольническое движение, они не разделяли модернистскую идеологию московских обновленцев и вошли в общение с ними лишь осенью 1924 г., очевидно, с целью добиться признания собственной автокефалии Константинопольским патриархатом, с которым обновленцы были в общении. Вот почему вплоть до 5 января 1924 г. патриарх Тихон не распространял свою анафему обновленцам на автокефалистов. Но даже тогда автокефалисты почти не выказывали вражды к патриарху, и на своем Втором Всеукраинском соборе 1925 г. их Синод издал послание, призывающее к пересмотру обновленцами низложения ими патриарха Тихона (94).

В 1929 г. Сталин переменил толерантную политику большевицкого режима по отношению к украинским автокефалистам (которые в любом случае были в большинстве своем под контролем советских агентов), и в январе 1930 г. власти созвали собор, который распустил все их церковные центральные и областные органы, хотя несколько приходов автокефальной церкви и продолжали существовать еще несколько лет под строгим присмотром властей (95).

90 Текст см.: ГУБОНИН, Акты... 71–75.
91 I. MELIA, The Orthodox Church of Georgia // A Sign of God. Orthodoxy, 1964 (Athens: Zoe, 1964) 112–113. Католикос Амвросий и Архиепископ Назарий были канонизированы оффициальной Грузинской церковью в сентябре 1994 г.
92 A Wreath on the Grave of the New Hieromartyr Vladimir of Kiev (Liberty, TN: St. John of Kronstadt Press, 1987) Ch. 2.
93 См.: ПОЛЬСКИЙ, Новые Мученики Российские... Т. 2. Гл. 4.
94 Справка о принятии в общение епископа Серафима (Ляде) // Церковная жизнь. № 12 (1937).
95 См.: Архиепископ ЛЕОНТИЙ (ФИЛИППОВИЧ), Украинские шовинисты и самосвяты // Русский Пастырь. II–III (1995) 154–187. См. также: J.-F. MEYER, Religions et sйcuritй internationale (Berne: Office Centrale de la Defense, 1995) 29.

Обновленческий собор 1923 года

В России в 1922 г. обновленцы продолжали набирать силу. 3/16 июня три видных иерарха объявили о своем полном признании "Живой церкви" следующим образом.

"Мы, Сергий, митрополит Владимірский и Шуйский, Евдоким, архиепископ Нижегородский и Арзамасский, и Серафим, архиепископ Костромской и Галичский, рассмотрев платформу Временного Церковного Управления и каноническую законность управления, заявляем, что целиком разделяем мероприятия Церковного Управления, считаем его единственной канонически законной верховной церковной властью и все распоряжения, исходящие от него, считаем вполне законными и обязательными.

Мы призываем последовать нашему примеру всех истинных пастырей и верующих сынов Церкви, как вверенных нам, так и других епархий" (96).

Сергианский митрополит Иоанн (Снычев) писал об этом деянии: "Мы не имеем права скрывать от истории те прискорбные и поразительные отступления от единства Русской Церкви, которые имели место в массовой степени после публикации в журнале "Живая Церковь" письма-воззвания этих трех известных иерархов. Многие из архиереев и духовенства наивно рассуждали так: "Если мудрый Сергий признал возможным подчиниться ВЦУ, то ясно, что и мы должны следовать его примеру" (97).

Между тем ГПУ предоставляло обновленцам ценную помощь, арестовывая и ссылая все оставшееся верным патриарху духовенство. Также они передали им около двух третей действующих храмов в Российской Республике и Центральной Азии, равно как и много тысяч на Украине, в Белоруссии и в Сибири. Однако, эти цифры преувеличивают реальные силы обновленцев, т. к. эти их храмы были почти пусты, тогда как патриаршие — переполнены до предела.

На своем втором Всероссийском соборе, открывшемся в Москве 29 апреля 1923 г., обновленцы впервые вознесли хвалы революции, которую они навали "христианским творением", и советскому правительству, бывшему, по их словам, первым правительством в міре, пытающимся осуществить "идеалы Царства Божия", а также Ленину: "Прежде всего мы должны обратиться со словами глубокой благодарности к правительству нашего государства, которое, вопреки клевете заграничных шептунов, не гонит Церковь... Слово благодарности и привета должно быть высказано нами единственной в міре власти, которая творит, не веруя, то дело любви, которое мы, веруя, не исполняем, а также вождю Советской России В. И. Ленину, который должен быть дорог и для церковных людей".

Затем патриарх Тихон (все еще находившийся под домашним арестом) был заочно осужден и лишен не только сана, но даже и монашества. Отныне он назывался "мірянином Василием Беллавиным". После этого было отменено и само патриаршество, а его восстановление названо контрреволюционным деянием. И наконец, было принято несколько дальнейших резолюций, позволяющих белому духовенству становиться архиереями, а священникам вступать во второй брак; был введен и григорианский календарь.

Когда решения собора были принесены патриарху на подпись, он спокойно написал на них: "Прочел. Собор меня не вызывал, его компетенции не знаю, и потому законными его решения признать не могу" (98).

Сорок шесть епископов (из семидесяти трех присутствовавших на соборе) подписались под осуждением патриарха. Один из них, Иоасаф (Шишковский), рассказывал о. Василию Виноградову, как это произошло. "Главари собора Красницкий и Введенский собрали для этого совещания всех присутствовавших на "соборе" епископов, и когда начались было многочисленные прямые и непрямые возражения против предложенной этими главарями резолюции о низложении патриарха, Красницкий совершенно открыто заявил всем присутствующим: "Кто

сейчас же не подпишет этой резолюции, не выйдет из этой комнаты никуда, кроме как прямо в тюрьму". Терроризированные епископы (в том числе и сам Иоасаф) не нашли в себе мужества устоять пред перспективой нового тюремного заключения и каторжных работ концентрационного лагеря и... подписали, хотя почти все они в душе были против этой резолюции. Не для кого из церковных людей не было сомнений, что этот приговор "собора" был сделан по прямому заданию советской власти, и что теперь нужно со дня на день ожидать судебного процесса и кровавой расправы над патриархом" (99).

Однако, уже в том же 1923 г. собор обновленческого движения начал распадаться на части. Его пятьсот шестьдесят депутатов разделились на четыре группы: сторонников Красницкого ("Живая церковь"), Введенского ("Союз Общин Древле-Апостольской церкви"), Антонина ("Церковное Возрождение") и патриарха Тихона. Когда Красницкий попытался взять в свои руки контроль над собором и отверг всякие коалиции между своей группой и другими обновленцами, раскол среди раскольников был предотвращен лишь сильным закулисным воздействием со стороны коммунистов, которым удалось перегруппировать их в "Священный синод", возглавляемый митрополитом Евдокимом (100).

Тем временем, нажим на патриарха чрезвычайно усилился. Ежедневно его посещал агент ГПУ Тучков (Тихон называл его "аггелом сатаниным") и шантажировал его, чтобы заставить пойти на уступки государству. В апреле правительство объявило, что патриарх близок к привлечению его под суд по обвинениям, оставшимся от процессов пятидесяти четырех в Москве и митрополита Вениамина в Петрограде в прошедшем году. Однако, отчасти потому, что власти хотели дать возможность обновленческому собору осудить его первым, а также отчасти из-за ультиматума, выдвинутого английским министром иностранных дел лордом Керзоном, поддержанным кампанией в английской и американской прессе, суд был перенесен на 17 июня.

Д. Волкогонов пишет: "Тихону, заключенному в Донском монастыре, пришлось пережить стандартные испытания: допросы, угрозы, давление и подкуп. Допросы продолжались и после того, как Ленин утратил свои умственные способности, т. к. его инструкции по церковным делам продолжали исполняться буквально. Летом 1923 г. Политбюро приняло предложение Ярославского: "1) Чтобы расследование дела Тихона продолжалось вплоть до дальнейших указаний; 2) чтобы Тихон был извещен о том, что его приговор может быть изменен, если: а) он сделает заявление о своем раскаянии в преступлениях против советского режима; б) признает суд над собой; в) отмежуется от белогвардейцев и других контрреволюционных организаций; г) заявит о своем негативном отношении к Католической церкви. Если он согласится, он будет освобожден" (101).

В начале июня патриарх перенес приступ апоплексии (или пищевого отравления) и был перемещен из Донского монастыря в Таганскую тюрьму. Там информация о церковной борьбе была доступна ему лишь из оффициальных советских газет, сильно преувеличивавших успехи обновленцев. Чувствуя, что его присутствие во главе церковного управления было абсолютно необходимым, и что из двух врагов, обновленцев и коммунистов, обновленцы были более опасны, патриарх решился на уступки правительству с целью получить освобождение. Итак, 3/16 июня и затем 18 июня / 1 июля он опубликовал свое знаменитое "раскаяние", в котором он каялся во всех своих антисоветских деяниях (включая анафематствование большевиков) и "окончательно и решительно" отмежевывался "как от зарубежной, так и внутренней монархическо-белогвардейской контрреволюции".

Архиепископ Никон (Рклицкий) замечает, что своим заявлением патриарх Тихон: "1) не отменил анафематствование от имени Русской Православной Церкви советской власти, 2) не заявил себя другом советской власти и сотрудником ея, 3) не призвал на нее Божьего благословения, 4) не призвал русский народ к повиновению этой власти, как якобы Богом установленной, 5) не осудил движения за восстановление в России монархического строя и 6) не осудил белой борьбы за низвержение советской власти. Патриарх Тихон своим заявлением указал лишь на тот образ действий, который он избирает для дальнейшей защиты и охранения Русской Православной Церкви. Насколько целесообразен такой образ действий, это уже вопрос другой, ...но во

всяком случае, патриарх Тихон не перешел той границы, которая должна была отделять его, как главу Русской Православной Церкви, от безбожной власти" (102).

12/25 июня 1923 г. патриарх Тихон был освобожден, и его появления среди верующих (он страшно постарел в заключении) было достаточно, чтобы повергнуть обновленцев в глубокий и непоправимый упадок (103). Они оставались опасными лишь до тех пор, пока пользовались благоволением властей. Но к 1926 г. власти повернулись уже к другим (к Григорианцам, а затем к митрополиту Сергию), как к более подходящим орудиям для осуществления их задачи по развалу Церкви. И к концу II Міровой войны последние обновленцы уже были приняты в новообновленческую советскую Московскую патриархию.

Патриарх Тихон, однако, горько раскаивался в своем "раскаянии": он сказал, что если бы только он знал, насколько слаба была на деле "Живая церковь", он никогда не подписал бы его и остался бы в тюрьме (104).

2/15 июля патриарх анафематствовал "Живую церковь", провозгласив: "...Они отделили себя от единства тела Вселенской Церкви и лишились благодати Божией, пребывающей только в Церкви Христовой. А в силу этого все распоряжения не имеющей канонического преемства незаконной власти, правившей Церковью в Наше отсутствие, недействительны и ничтожны! А все действия и таинства, совершенные отпавшими от Церкви епископами и священниками, безблагодатны, а верующие, участвующие с ними в молитве и таинствах, не только не получают освящения, но подвергаются осуждению за участие в их грехе" (105).

Значительное число приходов, особенно в таких важных центрах, как Петроград и Воронеж (усилиями епископа Мануила /Лемешевского/ (106) и архиепископа Петра /Зверева/ (107)соответственно), теперь отвергло обновленчество, а влиятельные обновленческие иерархи, такие как митрополит Сергий, поспешили принести публичное покаяние пред патриархом и были восстановлены в общении с ним.

Некоторые сергиане пытаются доказать, что Сергий на самом деле не разделял позицию обновленцев (108). Но сам Сергий публиковал некоторые документы в пользу обновленчества, противоречащие такой точке зрения (109). Более того, народ не доверял ему, крича патриарху, чтобы тот не принимал его; а знаменитый старец Нектарий Оптинский сказал, что яд обновленчества в нем все еще сидит (110).

Большевики продолжали поддерживать обновленцев и 8 декабря 1923 г. издали инструкцию, запрещающую поминовение "бывшего" патриарха за богослужением, каковой акт стал бы рассматриваться ими как "имеющий характер чисто политической демонстрации против рабоче-крестьянской власти" (111).

Но популярность патриарха была такова, что ни обновленцы, ни давление ГПУ не могла поколебать лояльность к нему огромных масс народа. Русская Церковь Заграницей также оставалась лояльной к нему, равно как и все Поместные Церкви, кроме Александрийской и Константинопольской. Вселенский патриарх Григорий VII признал обновленцев и решил послать комиссию, чтобы "принести мир и положить конец настоящей аномалии", — но получил строгую отповедь со стороны патриарха Тихона (112).

Патриаршая Церковь торжествовала.

96 Цит. по: ГУБОНИН, Акты... 218–219.
97 Цит. по: История Русской Православной Церкви... 1917–1970... 182.
98 ГУБОНИН, Акты... 224.
99 Цит. по: Архиепископ НИКОН (РКЛИЦКИЙ), Жизнеописание Блаженнейшего Антония, Митрополита Киевского и Галицкого (Изд. Северо-Американской и Канадской епархии, 1960) Т. VI. 114.
100 САВЕЛЬЕВ, Бог и комиссары... 195.
101 ВОЛКОГОНОВ, Триумф и трагедия... Кн. 2, ч. 1. 383.
102 РКЛИЦКИЙ, Жизнеописание Блаженнейшего Антония... Т. VI. 151–152.

103 Д. Поспеловский пишет: "Если к концу 1922 г. патриаршая Церковь в Москве имела лишь четыре храма против примерно четырехсот обновленческих, в Петрограде после ссылки Еп. Николая почти все церкви были захвачены обновленцами, и в целом по стране около 66 % действующих церквей были в руках обновленцев, то к ноябрю 1924 г. у обновленцев было около 14 000 церквей, не более 30 %". См.: Д. ПОСПЕЛОВСКИЙ, Обновленчество: переосмысление течения в свете архивных документов // Вестник Русского Христианского Движения 168, II–III (1993) 217.
104 SWAN, A Biography of Patriarch Tikhon... 83.
105 РЕГЕЛЬСОН, Трагедия Русской Церкви... 347. ГУБОНИН, Акты... 291.
106 См.: Митрополит ИОАНН (СНЫЧЕВ), Митрополит Мануил (Лемешевский) (Санкт-Петебург, 1993).
107 См.: Петр, Архиепископ Воронежский // Вестник Германской Епархии Русской Православной Церкви за Границей. № 6 (1991) 18–21. См. также: I. ANDREYEV, Russia's Catacomb Saints (Platina, CA: St. Herman of Alaska Brotherhood Press, 1982) 177.
108 См.: Д. ПОСПЕЛОВСКИЙ, Митрополит Сергий и расколы справа // Вестник Русского Христианского Движения 158, I (1990).
109 См. его Декларацию от 3/16 июня 1922 г., цитированную выше.
110 И. КОНЦЕВИЧ, Оптина пустынь и ее время (Джорданвилль–Нью-Йорк: Изд-во Свято-Троицкого Монастыря, 1971) 546.
111 Цит. по: История Русской Православной Церкви... 1917–1970... 192.
112 РКЛИЦКИЙ, Жизнеописание Блаженнейшего Антония... Т. VI. 161–163.

Уроки обновленчества

Если Московский Собор 1917–18 гг. определил фундаментальную позицию Церкви по отношению к государству, то на обновленческих соборах 1922–23 гг. выявились основные способы, с помощью которых государство подчиняет себе Церковь; тем самым она обогатилась ценным опытом для более решительной борьбы в будущем. Эти основные способы подчинения были следующие.

I. Управление центральной администрацией Церкви

Подобно государству, послереволюционная структура Церкви представляла собой чрезвычайно централизованную организацию. Поразительные успехи "Живой церкви" на ранних этапах ее существования были обусловлены, главным образом, тем, что она узурпировала центральную администрацию, что породило замешательства как в высших, так и в низших слоях верующих. Когда патриарх находился в тюрьме, появлялись противоречивые сообщения: в одних говорилось, что он низложен, в других — что он убит. Несмотря на то, что патриарший местоблюститель митрополит Агафангел разослал тайное предписание, разрешавшее епископам самостоятельно управлять епархиями, в соответствии с патриаршим указом № 362 от 7/20 ноября 1920 г., избавиться от привычки ждать всех главных указаний из центра было трудно. От нее некоторые избавились лишь после еще более трагических событий 1927 г., когда другой недобросовестный иерарх, митрополит Сергий (Страгородский) взял в свои руки контроль над административным центром Церкви.

II. Фасад канонического Православия

Обновленцы сначала надели на себя маску канонического Православия, претендуя на то, что власть от патриарха перешла к ним, якобы, законным путем. Очень скоро, однако, они сбросили эту маску, и в этом была их главная ошибка. Их нападки на основные догматы веры и на монашество были столь грубы, что оттолкнули от них верующих. В будущем ГПУ позаботится о том, чтобы их кандидат в руководители Русской Церкви сохранял хотя бы видимость канонического и догматического Православия.

III. Соблазн государственной легализации

Несмотря на "покаяние" патриарха, патриаршая Церковь так и не была легализована государством при его жизни. Это означало, что Церковь всегда была как бы в пустыне,

без того комфорта и безопасности, которыми наслаждались обновленцы. Насколько далеко были готовы зайти последние, чтобы поддерживать эту безопасность, показывает панихида по Ленину, после его смерти отслуженная ими, во время которой в надгробном слове его душа описывалась как "по существу христианская"! В том же ключе была речь Введенского на соборе 1923 г., когда он сказал: "Мы должны обратиться к правительству со словами глубокой прочувствованной благодарности. Церковь не гонима, какую бы клевету не распускали заграничные пропагандисты. Всякий в России может высказывать свои убеждения. Мы должны направить это слово благодарности единственному правительству в міре, которое, хотя оно и не верует в Бога, действует с любовью большей, чем та, на которую мы, верующие, можем претендовать" (113) .

Как это ни курьезно, но обновленцы пришли, как подчеркивает о. Айдан Николз, к тому, что стали "походить на дореволюционную господствующую Церковь своим духом подчиненности государству" (114). Патриаршая же Церковь приобретала все большее духовное влияние. Ибо уже в начале 20-х годов было высказано мнение, что верные живут сейчас, по словам патриарха, "в годы торжества сатаны и власти антихриста". Так что "Живая церковь", вошедшая в близкие отношения с советской властью, была, по выражению патриарха, "учреждением антихристовым" (115).

Патриаршая Церковь, напротив, была подобна жене, убегающей в пустыню от красного дракона (Откр. 12), и именно к ней все еще прилеплялись верные чада Церкви.

113 Цит. по: GUSTAVSON, The Catacomb Church (Jordanville, 1960).
114 A. NICOLS, Theology in the Russian Diaspora (Cambridge University Press, 1989) 53.
115 РЕГЕЛЬСОН, Трагедия Русской Церкви... 313.

ГЛАВА II
ГРЕЦИЯ И БАЛКАНЫ: КАЛЕНДАРНЫЙ РАСКОЛ

Темже убо, братие, стойте и держите предания,
имже научистеся или словом,
или посланием нашим.
II Сол. 2:15

С точки зрения Православных Церквей Греции и Балкан результаты I Міровой Войны были неоднозначны. С одной стороны, лютые враги Православия, как на Западе, так и на Востоке, — протестантская Германия, католическая Австро-Венгрия и мусульманская Турция — потерпели поражение. С другой стороны, главная опора православных во всем міре — православная Россия — рухнула, уступив место ужасающей богоборческой системе, которая вскоре пожрала девять из каждых десяти православных христиан.

Человеческие потери были очень велики. Россия потеряла 3 миллиона; Сербия, хотя и принадлежала к числу стран-победительниц, — 275 тысяч, т. е. 40 % от общей численности мобилизованных; Болгария — 100 тысяч и еще более 200 тысяч ранеными. Материальный урон также был очень велик, особенно в России, Румынии и Сербии.

Пожалуй, худшим из долговременных последствий этой войны, хотя это и не сразу стало очевидным, оказалось значительно возросшее влияние англосаксонских народов — главных пропагандистов экуменического движения. Это влияние особенно сильно чувствовалось в Греции. С перемещением центра политической тяжести от германских сил к англосаксонским, иерархия Греческой Церкви вскоре почувствовала на себе пагубное влияние экуменизма.

Вселенская патриархия смотрит на Запад

Начало падения Греческой Церкви может быть отнесено к 1919 г., когда местоблюститель Константинопольского патриаршего престола, митрополит Дорофей Брусский, ввел два важных и тесно связанных между собою новшества в тактику поведения патриархата по отношению к Оттоманской империи, с одной стороны, и к западным ересям, с другой.

Поражение Оттоманской империи в міровой войне и появление Греции в числе держав-победительниц, внушила константинопольским грекам мысль о том, что теперь, с помощью западных союзников, "великая идея" (hmegalhidea) возврата всех исконно греческих территорий близка к осуществлению. В этом их поддерживало афинское правительство во главе с критским националистом Елевферием Венизелосом. Так, 21 января 1919 г. митрополит Дорофей, под защитой расположенного в городе Греко-Иритского полка, приступил к отмене преподавания турецкого языка в греческих школах. Затем, 16 марта, в храмах Константинополя была обнародована резолюция об "Объединении с Грецией", после которой патриархия и греки отказались сообщаться с Блистательной Портой. Когда греки также отказались участвовать в ноябрьских выборах, разрыв с турецкими властями оказался полным. Патриархия, в сущности, организовала политический заговор против Оттоманской империи, изменяя тем самым 466-летнюю традицию подчинения мусульманам в области политики (1) .

Поскольку такой дерзкий заговор требовал политической и военной поддержки всех нетурецких сил в регионе, патриархия принялась заводить дружбу с теми, по отношению к кому она с религиозной точки зрения всегда была расположена враждебно. Так, в январе 1919 г. была проведена греко-армянская конференция, с целью координирования деятельности этих двух групп населения в городе (2) . Затем, летом, митрополит Николай Кесарийский от имени патриархии принял приглашение Совместной комиссии Всемірной Конференции "Вера и Устройство", предтечи Всемірного совета церквей, принять участие в ее предварительной конференции в

Женеве в будущем году. Он сказал, что патриархия "протягивает руку помощи трудящимся на том же поле и в том же винограднике Господнем". Возможно, это было первое недвусмысленно экуменическое высказывание Вселенской патриархии, которым она в действительности признавала, что западные еретики принадлежат к истинной Церкви. И в самом деле, патриархия посылала представителей на все конференции в период между двумя міровыми войнами: в Женеву в 1920 г., в Лозанну в 1927 г. и в Эдинбург в 1937 г. (3)

Всемірная Конференция "Вера и Устройство" была организована по инициативе Американской Епископальной церкви, и обращение Совместной комиссии к церквам имело целью просить "все христианские сообщества во всем міре, исповедующие Господа нашего Иисуса Христа Богом и Спасителем, ...объединиться в подготовке и проведении данной конференции" (4).

Этот проект вызвал первую публичную дискуссию по вопросу о природе единства Церкви и экуменического движения между ведущими представителями Западных церквей и Православной Церкви. В дискуссии принимали участие г-н Роберт Гардинер, секретарь Совместной комиссии, с одной стороны, и архиепископ Харьковский Антоний (Храповицкий) и архимандрит Иларион (Троицкий), с другой. В процессе этой дискуссии архимандрит Иларион писал:

"Я могу задать вопрос: принадлежим ли мы с Вами к единой Христовой Церкви? При ответе на этот вопрос Вы, несомненно, упомянете о незначительности догматических разномыслий и о не имеющем почти никакого значения различии в обрядах. Но для меня ответ определяется не соображениями о догматических разномыслиях и о разности в обрядах, но наличным фактом: между нами нет церковного благодатного единения.

Основную истину христианства, его великую тайну — Воплощение Сына Божия — признают все христианские вероисповедания, но одно это не может сливать их в единую Церковь. Ведь и бесы, по апостолу Иакову, веруют (2:19) и веру свою, по свидетельству Евангелия, исповедывали подобно апостолу Петру (Мф. 16:16, 8:29; Мк. 1:24; Лк. 8:28). Но принадлежат ли они к единой Христовой Церкви? С другой стороны, к Церкви принадлежат, несомненно, люди, не знающие догмата Халкидонского собора и умеющие очень мало сказать о своих догматических убеждениях. Если вопрос о принадлежности и непринадлежности к Церкви перевести на почву исключительно теоретико-догматическую, то вопрос этот и не может быть определенно решен. До каких границ должно простираться догматическое единомыслие с Церковью? С чем необходимо должно соглашаться, и какое разномыслие влечет за собой отделение от Церкви? Как на это ответить? И кто настолько авторитетен, чтобы его решение было твердо? Вы, может быть, укажете на веру в воплотившегося Сына Божия как на главный признак принадлежности к Церкви? Но немецкие протестанты будут спорить против необходимости и этого признака, т. к. в этом вероисповедании найдутся даже и пасторы, открыто заявляющие о своем отрицании Божества Спасителя.

Христос не писал курса догматики. Главнейшие догматы христианства точно формулированы были через столетия после земной жизни Спасителя. Чем же тогда-то, в самое первое время исторического бытия христианства, определялась принадлежность к Церкви? Об этом сказано в книге Деяний апостольских: "Спасаемые прилагались к Церкви" (2:47; 5:13–14). Принадлежность к Церкви обусловливается единением с Церковью. Иначе и быть не может уже потому, что Церковь не есть философская школа. Она — новое человечество, новый благодатный организм любви. Она — Тело Христово. Сам Христос единство Своих учеников сравнивал с органическим единством дерева и ветвей. Два рядом стоящих "тела" или два дерева не могут быть в органической связи друг с другом. Что душа в теле, то Дух Святый в Церкви, Церковь — не только единое Тело, но и Единый Дух. Душа не оживляет отсеченного от тела члена, как и жизненные соки дерева не переходят на отрубленную ветвь. Отсеченный член умирает и разлагается. Отрубленная ветвь засыхает. Этими сравнениями необходимо руководствоваться при рассуждении об единстве Церкви. Если же эти сравнения, эти образы дерева и тела приложить к Церкви, то всякое отделение от Церкви, всякое прекращение единения с Церковью

окажется несовместимым с принадлежностью к Церкви. Не важно, насколько велико догматическое разномыслие отделившегося; важен и имеет полное значение самый факт отделения, самое прекращение единения с Церковью. Пусть будет отделение лишь на почве церковного мятежа и дисциплинарной непокорности без всякого догматического разномыслия, отделение от Церкви будет иметь все печальные последствия для отделившегося. От Церкви отделяются не только еретики, но и раскольники. Сущность отделения остается одна и та же" (5).

Вселенской патриархии стоило бы внимательно прислушаться к мнению своих русских единоверцев. Однако, прошли те времена, когда Вселенский патриарх всерьез зависел от мнения Русской Церкви. Во всяком случае, Русская Церковь уже находилась под чрезвычайным давлением большевиков и была на пороге модернистского раскола обновленцев-живоцерковников,предоставившегогреческимобновленцам свободу воплощать свои модернистские замыслы, не опасаясь серьезного вмешательства других Православных Церквей...

1) A. ALEXANDRIS, The Greek Minority of Istambul and Greek-Turkish Relations, 1918–1974 (Athens: Centre for Asia Minor Studies, 1983) 54–57 .
2) ALEXANDRIS, The Greek Minority… 58.
3) B. Staypides, 'Istoria tou Oichoumenichou Patriarcheiou' (Thessaloniche, 1987)
4) Fr. GEORGE MACRIS, The Orthodox Church and the Ecumenical Movement (Seattle: St. Nectarios Press, 1986) 4–5.
5) Архимандрит ИЛАРИОН (ТРОИЦКИЙ), Христианства нет без Церкви (М.: Православная беседа, 1992) 58–60.

Окружное послание 1920 года

Итак, в январе 1920 г. митрополит Дорофей со своим Синодом выпустил в свет документ, ставший в действительности программой экуменизма. Это окружное послание была выработано на конференции иерархов-профессоров богословской школы на острове Халки, возглавляемой митрополитом Германом Селевкийским (впоследствии Фиатирским и Великобританским). Оно было адресовано "всем Христианским Церквам всего міра" и провозглашало, что "первой необходимостью является оживление и усиление любви между Церквами, не считая друг друга странными и пришельцами, но близкими и родными во Христе и едиными сонаследниками обетования Божия во Христе".

"Эта любовь, — продолжает послание, — и благожелательное расположение друг ко другу могут быть выражены и доказаны, на наш взгляд, особенно посредством следующих действий:

а) принятие единого календаря для одновременного празднования великих христианских праздников всеми Церквами;
б) обмен братскими посланиями в дни великих праздников единого календаря;
в) близкие дружеские отношения между представителями различных Церквей;
г) общение между богословскими школами и представителями богословской науки, а также обмен церковной периодикой и изданиями, выходящими в каждой из Церквей;
д) посылка молодых людей из школ одной Церкви на учебу в школы других Церквей;
е) созыв общехристианских конференций для уяснения вопросов, представляющих общий интерес для всех Церквей;
ж) объективное историческое исследование богословских различий;
з) взаимное уважение к обычаям и обрядам, принятым в различных Церквах;
и) урегулирование вопроса о смешанных браках между представителями разных конфессий;
к) взаимная поддержка в деле укрепления религиозной веры и филантропии" (6) .

Беспрецедентность этого окружного послания заключается, во-первых, в том, что оно было адресовано не к одним Православным Церквам, как послание патриарха Иоакима, но вместе к православным и еретикам, как если бы между ними не имелось существенных различий, но все они равно были бы "сонаследниками Божиими во

Христе"; во-вторых, в том, что предполагаемое сближение виделось достижимым не через принятие еретиками истины Православия и их искреннее покаяние и отвержение своих заблуждений, но через разные внешние мероприятия и, следовательно, через взаимное приспособление православных и еретиков; и в-третьих, в том, что предложение единого всеобщего календаря для совместного празднования праздников противоречило каноническому праву Православной Церкви. Здесь вовсе не упоминалось о единственном возможном оправдании экуменизма с право- славной точки зрения — о предоставляемой им возможности вести миссионерскую деятельность среди еретиков. Напротив, как мы видим, одной из первых задач экуменического движения было и есть прекращение прозелитизма среди участвующих в нем церквей.

Реальная цель послания была политической — добиться поддержки западных "церквей", и особенно англикан, с тем чтобы они убедили свои правительства одобрить план Дорофея и Венизелоса касательно греческого Константинополя и передачи грекам Смирны и ее окрестностей. Так, еще 28 марта 1919 г. Дорофей писал архиепископу Кентерберийскому: "Мы умоляем Вас оказать энергичную поддержку Британскому правительству... в его усилиях удалить турок (из Стамбула). Воскрешение Христианства на Ближнем Востоке и восстановление храма Святой Софии не может быть достигнуто никакими иными средствами, кроме этого совершенного и окончательного изгнания"(7).

Трагичность положения греков заключалась в том, что, несмотря на поддержку, оказанную Дорофею Англиканской церковью, союзники так никогда и не приняли участия ни в удалении султана, ни, тем более, в поддержке создания греческого королевства в Малой Азии, что означало бы настоящую войну с Турцией. Таким образом, союзные части, расположенные в Константинополе, находились там не как постоянные оккупационные силы, но только с целью поддержать христианское меньшинство (что они с успехом и сделали в сентябре 1922 г.). Более того, позиция греков вызвала у турок противодействие и привела к созданию мощного турецкого националистического движения.

В августе 1921 г. Севрское соглашение оставило туркам контроль над Константинополем, хотя и защитило права расовых, религиозных и языковых меньшинств. В ноябре 1920 г. Венизелос и его либеральная партия потерпели сокрушительное поражение на греческих выборах, и в декабре греки проголосовали за возвращении умеренного короля Константина. Однако это не охладило националистический пыл Фанара, призывавшего к отставке короля ради блага греческой нации и даже подумывавшего о его отлучении!

В марте 1921 г. делегация патриархии во главе с митрополитом Дорофеем отправилась в Лондон, где она встретилась с лордом Керзоном, министром иностранных дел Великобритании, королем Георгом V и архиепископом Кентерберийским; подобная поездка на Запад старейшего иерарха Православия была первой со времени злополучного участия патриарха Иосифа во Флорентийском соборе в 1438 г. И там, подобно Иосифу, Дорофей, у которого случился сердечный приступ, умер, как раз тогда, когда должен был получить почетный титул вице-президента Всемірного Конгресса за дружбу во всем міре через церкви (8) . Постигшая в течение последующих нескольких лет греческую Церковь и нацию ужасная трагедия, которую в немалой степени должно относить на счет националистически-экуменической политики Дорофей и его Синода, — классический пример разрушительных последствий от привнесения мірских, политических страстей и амбиций в жизнь Церкви.

6) Staypides, ‘Istoria tou Oichoumenichou Patriarcheiou’ ... 248–249.
Прим. ред.: Русский перевод этого Послания был недавно опубликован МП: Православие и экуменизм. Документы и материалы 1902–1998 (Отдел внешних церковных сношений Московского патриархата, 1999) 68–71. Там же (с. 54–6) опубликована переписка 1902–1905 годов Вселенской патриархии, возглавлявшейся тогда патриархом Иоакимом III, с Российским Синодом по вопросам взаимоотношений с инославными и единения "со всеми верующими во Христа". С подобными посланиями, выдержанными в экуменическом духе, Вселенская патриархия

обратилась в то время ко всем православным Церквам.
7) ALEXANDRIS, The Greek Minority of Istambul... 62.
8) Monachos Paylos, Neoemerologitismos – Oichoumenismos (‘Athenai, 1982) 35.

Выдвижение Мелетия Метаксакиса

1921 г. был переходным как для Церкви, так и для государства. В июле греческая армия численностью в сто тысяч человек завладела Анатолией; но греки начали испытывать трудности с провиантом, т. к. поддерживаемые большевиками части Кемаля зашли им в тыл и 5 сентября остановили их у реки Сакария. Затем, потеряв четыре тысячи убитыми и двадцать ранеными, они начали отступать. Однако, не было предпринято никакой попытки эвакуировать эти части. Несмотря на то, что французское и итальянское правительства признали новое националистическое правительство в Анкаре, и на то, что британское правительство никогда не соглашалось поддержать вторжение в глубь страны, греки все еще надеялись на помощь Запада в реализации их "великой идеи". В Константинополе, между тем, длительная борьба за контроль над патриархией между монархической и венизелистской фракциями окончилась избранием, 6 декабря 1921 г., Мелетия IV (Метаксакиса), критянина (9) , как и Венизелос, и крайнего венизелиста по своим политическим взглядам.

Замечательная карьера Мелетия изображена у епископа Фотия Триадицкого следующим образом: "В міру он звался Эммануилом Метаксакисом. Он родился 21 сентября 1871 г. в селении Парсас на острове Крит. В 1889 г. поступил в Семинарию Святого Креста в Иерусалиме. В 1892 г. был пострижен в монашество с именем Мелетий и рукоположен в сан иеродиакона. По окончании богословского курса в семинарии он в 1900 г. патриархом Дамианом Иерусалимским был назначен секретарем Священного Синода Иерусалимской Церкви. В 1908 г. патриарх Дамиан изгнал Мелетия из Святой Земли вместе с тогдашним архимандритом Хризостомом, впоследствии архиепископом Афинским, за "деятельность против Святого Гроба". В начале 1909 г. Мелетий Метаксакис стал франкмасоном (10)и затем, в 1910 г., был избран митрополитом Китийским (на Кипре)" (11) . Это избрание выглядит неожиданным ввиду того, что киприоты всегда избирают только киприотов же на престол своей Церкви. Объяснить этот факт можно лишь тем, что тогдашний архиепископ Кипрский Кирилл, впоследствии введший новый стиль в своей Церкви, был также масоном и, возможно, помог продвижению своего собрата-масона.

"В предвоенные годы, — продолжает Епископ Фотий, — митрополит Мелетий начал успешные переговоры в Нью-Йорке с представителями Епископальной церкви Америки, с целью "расширения взаимоотношений между двумя Церквами". После смерти патриарха Иоакима III (13 июня 1921 г.) Мелетий выдвинул свою кандидатуру на патриарший престол в Константинополе. Однако, Священный Синод решил, что "с канонической точки зрения" Мелетий "не может быть зарегистрирован в качестве кандидата" (12).

10/23 ноября 1916 г. греческий министр Андреас Михалокопулос написал Премьер-министру Венизелосу, настаивая на необходимости радикальной реформы Греческой Церкви, которая сблизила бы ее с Западом. Он выдвинул предположение, что Мелетий может стать подходящим проводником этой реформы. В своем письме он дошел не менее как до предложения коренной реформации Православной Церкви в протестантском направлении:

"Господин Президент, я говорил вам уже давно, на Совете Министров, что после того, как мы доведем до успешного завершения предпринятую Вами национальную борьбу, Вам будет необходимо для блага страны позаботиться и о другом, столь же важном деле, — о модернизации наших религиозных дел. Чтобы возглавить эту поистине революционную реформу, Вам понадобится дальновидный иерарх, почти такой же, каков Вы в политике. У Вас есть такой: я говорю об иерархе с Кипра (Мелетии Метаксакисе). Под Вашим руководствам он станет Венизелосом Греческой Церкви.

Каковы же суть элементы, которые (как только политическая революция удалит архиепископа Прокопия Афинского и ему подобных) потребуют реформ в интеллектуальных и монашеских кругах на будущем всеобщем или, возможно, только лишь греческом Соборе?

1) Отмена постов, которые на сей день являются простой формальностью. Никто не соблюдает постов, за исключением тех, кому нечего есть. Англичане и немцы, и даже северные итальянцы, которых освободили от религиозного фанатизма, едят хорошо и, по причине хорошего питания, работают хорошо и созидают здоровую расу. Питание дает необходимые силы, чтобы работать, работа приносит выгоду, а выгода — хорошее питание. Я не думаю, что северные итальянцы хуже южных, которых серьезная пропаганда Общества Данте Алигьери не сумела вырвать из цепких когтей религиозных предрассудков.

2) Модернизация различных обрядов и богослужения. Пусть на них меньше присутствуют священник, певцы и диакон, а больше — вразумительный проповедник. Что посещающий религиозные церемонии народ может реально понять ...в течение этих часов, потраченных в стоянии столбом? Ничего. Если обязать священника прочесть два-три гимна ...и проповедовать в течение получаса, слушатели получат из этого за весьма краткое время гораздо больше пользы с общественной, нравственной и патриотической точек зрения.

3) ...Священники, получая образование в специальных школах, будут изучать не значение ...(далее приведена одна фраза из литургии, которую Михалакопулос даже не понимает, т. к. он неправильно цитирует ее), а то, как говорить народу в доступной форме о трезвости, бережливости, любви к своей стране, даже о политических обязанностях своих слушателей, и о многом другом.

4) Мы отменим разные праздники св. Афанасия, св. Андрея и т. д., и т. п., которые суть не что иное, как поводы для праздности. Выходного в воскресенье и двух или трех праздничных дней в году будет вполне довольно для бездельников. В деревнях праздников больше, чем рабочих дней... Отсюда праздность и ее пагубные последствия: пьянство, игра и преступность в оставшееся свободным после литургии время дня. Очевидно, что вполне удалит идею святости (к сожалению) невозможно... Однажды в мои руки попала французская книга, которую моя страсть к чтению заставила меня прочесть, под названием "Проповедническое обозрение", толстенный том... Мы будем издавать книги именно такого типа, плод сотрудничества здоровой церкви со светскими писателями. И слово "святой" исчезнет...

5) Монастыри, источник всякого растления и всякого злоупотребления судьбой и нравами, будут отменены. Их земли будут переданы в руки крестьян...

Конечно, все вышеописанное — лишь весьма малая часть программы. Множество других вещей нужно будет реформировать... Они скажут Вам, господин Президент, что привести эти планы в исполнение трудно, что люди восстанут против новых иконоборцев, что вспыхнет революция против нечестивцев. Ничего этого не сможет случиться после того, как возрастет ваш собственный престиж... Если мы добьемся успеха на государственном уровне, то тогда последует другая чистка, чистка внутренняя, и никто не сможет спровоцировать какие-либо волнения... Церковная иерархия, которую мы научим, как подготовить реформу, отзовется на наши нужды в урегулировании религиозных дел, которое последует вслед за упразднением турецкого государства и передачей территорий, находящихся под юрисдикцией Вселенской патриархии... Борьба, которая в недалеком прошлом велась во Франции, была не меньшей, чем та, которая предвидится здесь..."13

Таким образом, революция, которая должна была произойти в Греции, изначальна была задумана столь же глубокой и радикальной, как и Французская революция; и не случайно ее осуществление стало возможным в один год с русской революцией — 1917-й, когда Венизелос пришел к власти в Афинах посредством военного переворота "на танках из-за границы".

Он принялся за дело немедленно.

В 1918 г. традиционалист архиепископ Феоклит Афинский был неканонично низложен "за подстрекательство к анафематствованию Елевферия Венизелоса". Двумя годами позже Феоклит был оправдан. Но дело было сделано — Мелетий был вызван из Америки и интронизирован как архиепископ Афинский в ноябре месяце 1918 г. (14)

И сразу же, в январе 1919 г., Мелетий поднял вопрос о реформе календаря. Единственным препятствием к введению нового стиля, как он объявил, было запрещение Апостольского правила праздновать Пасху прежде пасхи иудейской и прежде весеннего равноденствия. Но поскольку, продолжал он, "правительство чувствует необходимость перехода на григорианский календарь, пусть оно делает это, не касаясь календаря церковного". И он назначил Комиссию для исследования этого вопроса (15).

Представителем иерархии в Комиссию был назначен митрополит Герман Димитриадский, будущий лидер Истинно-Православной Церкви. В мае 1919 г. на заседании, на котором были зачитаны сделанные Комиссией заключения, Мелетий от себя прибавил следующее: "Мы не должны переходить на григорианский календарь до тех пор, пока не будет выработан новый и совершенный с научной точки зрения календарь. Если государство считает, что оно не может пользоваться ныне существующим календарем, оно свободно принять григорианский календарь как европейский, тогда как Церковь сохранит юлианский календарь до тех пор, пока не будет готов новый, научно обоснованный" (16).

Из этих событий 1919 г. становятся очевидными две вещи. Первое — то, что Мелетий сильно стремился удовлетворить пожелания правительства, насколько это было в его силах, хотя он должен был осознавать, что благословение на введение нового стиля в жизнь государства неизбежно повлечет за собой давление последнего с целью ввести его также и в Церкви. И второе — хотя он и не чувствовал себя достаточно сильным, чтобы уже в то время ввести в Церкви новый стиль, он не был, в принципе, его противником, поскольку либо не понимал, либо не хотел понимать причин приверженности Церкви к юлианскому календарю, которые, как мы видели, не имели ничего общего с научной точностью, но полностью определялись верностью Преданию и канонам Церкви и поддержанием ее единства.

Новый стиль был не единственным новшеством, которое хотел ввести Мелетий. То, чего он желал, пишет епископ Ефрем, "была Англиканская церковь с восточным колоритом, и верующие Греции знали это и испытали на себе все его деяния. Еще в Афинах он даже запретил служение всенощных (!), поскольку считал это несовременным делом и источником смущения, когда инославные, особенно англикане, посещали Афины. Народ просто игнорировал его и продолжал служить всенощные бдения тайно" (17) . В конце концов, в ноябре 1920 г. он был низложен "за неканоничные действия" — главным образом за свои незаконные связи с еретиками (например, его принимали в соборе св. Павла и в Вестминстерском аббатстве в Лондоне и удостоили почетного звания в Оксфордском Университете). Он был низведен до положения простого монаха и заключен в монастыре св. Дионисия Строфадского на острове Закинф. Однако, в феврале 1921 г. он снова оказался в Америке, возглавив кампанию в защиту Венизелоса и принимая участие в англиканских службах. Во время своего пребывания там он склонил на свою сторону епитропа Греческой архиепископии Родостола Александроса, и они вдвоем сначала прервали отношения с Элладской Церковью, а затем, на конференции духовенства и мірян в церкви Святой Троицы в Нью-Йорке, провозгласили автономию Греческой Архиепископии от Элладской Церкви, изменив ее название на высокопарное "Греческое архиепископство Северной и Южной Америки". Это было более чем забавно, поскольку именно сам Мелетий создал Архиепископию как епархию Элладской Церкви, когда он был архиепископ Афинским в 1918 г.!

И несмотря на все это, Мелетий затем был избран патриархом Константинопольским! Епископ Фотий пишет: "В избрание Мелетия в патриархи были вовлечены политические круги, близкие к Венизелосу, и Англиканская церковь. Митрополит Герман (Каравангелос), член Константинопольского Священного Синода, писал об

этих событиях: "Мое избрание в 1921 г. на Вселенский престол было несомненным. Из 17 голосов 16 было подано за меня. Тогда один из моих мірских друзей предложил мне 10 000 лир, если я откажусь от избрания в пользу Мелетия Метаксакиса. Естественно, я отверг это предложение с негодованием и отвращением. Однако, ночью перед выборами меня неожиданно посетила делегация из трех человек, членов "Лиги Национальной Обороны". Они стали горячо убеждать меня снять свою кандидатуру в пользу Мелетия Метаксакиса. Члены делегации сказали, что Мелетий имеет возможность внести 100 000 долларов на нужды патриархии и, состоя в весьма дружеских отношениях с протестантскими епископами в Англии и Америке, может быть полезен в международных делах. Поэтому национальные интересы требуют, чтобы патриархом был избран Мелетий Метаксакис. Таково было и желание Елевферия Венизелоса. Я продумал над этим предложением всю ночь. В патриархии царил экономический хаос. Афинское правительство перестало посылать субсидии, а других доходов не было. Регулярное жалование не выдавали уже в течение девяти месяцев. Благотворительные организации патриархии находились в критическом материальном положении. По этим причинам и ради блага народа (приблизительно так думал введенный в заблуждение иерарх. — В. М.) я принял предложение..." Таким образом, ко всеобщему изумлению, на следующий день, 25 ноября 1921 г., Мелетий Метаксакис стал патриархом Константинопольским.

Неканоничность его избрания была очевидной, поскольку за два дня пред избранием, 23 ноября 1921 г., в Константинопольском Синоде было внесено предложение по каноническим причинам отложить избрание патриарха. Большинство членов Синода проголосовало за это предложение. Однако, в самый день избрания проголосовавшие за отсрочку выборов архиереи были заменены другими. Этот ход позволил избрать Мелетия патриархом. Впоследствии большинство обойденных архиереев Константинопольского патриархата собрались в Фессалониках (этот собор включал в себя семерых из двенадцати членов Константинопольского Священного Синода и около шестидесяти епископов патриархата из Новых областей Греции, под председательством митрополита Константина Кизического). Они отметили, что "избрание Мелетия Метаксакиса было открытым нарушением святых канонов" и предложили осуществить "действительное и каноническое избрание патриарха Константинопольского". Вопреки этому, Мелетий был утвержден на патриаршем престоле" (18).

Тогда двое из членов Синода отправились в Афины с докладом Совету министров. 12 декабря 1921 г. они объявили избрание не имеющим силы и недействительным. Одним из видных иерархов, отказавшихся признать это избрание, был митрополит Флоринский Хризостом (Кавуридис), будущий лидер Истинно-Православной Церкви. Он также пытался предупредить тогдашнего премьер-министра Гунариса об опасностях, угрожавших в связи с избранием Мелетия.

Блистательная Порта также отказалась признать это избрание, во-первых, потому, что Мелетий не был турецким гражданином и поэтому не подлежал избранию в патриархи, согласно указу султана от 1856 г., и, во-вторых, потому, что Мелетий заявил, что он не признает подобные указы обязательными, поскольку они исходили от мусульманских завоевателей (19).

29 декабря 1921 г. Священный Синод Элладской Церкви низложил Метаксакиса за ряд канонических преступлений и за создание раскола, объявив Метаксакиса и Родостола Александроса раскольниками, и пригрозил объявить также раскольниками и всех им последовавших. Несмотря на это второе осуждение, Мелетий был интронизирован 22 января 1922 г. И, в результате интенсивного политического давления, его низложение было, вопреки канонам, отменено 24 сентября 1922 г.! (20)

9 Ап. Павел так характеризует критян: "Критяне всегда лжецы, злые звери, утробы ленивые" (Тит. 1:12). — Прим. ред.
10 В 1967 г. в оффициальном бюллетене Великой масонской ложи Греции был помещен панегирик масону Мелетию, где говорилось: "Когда он первый раз был проездом в Стамбуле (в 1906 г.), он свел знакомство с франкмасонами ... Эти люди ... предложили ему во время его второго посещения Стамбула стать самому франкмасоном (1908 г.)... Он попросил своих коллег, которым доверял, дать ему

какую-нибудь информацию о франкмасонстве, чтобы он мог решиться ...последовать примеру столь многих английских и других иностранных епископов, узнать и быть посвященным в таинства, сокрытые во франкмасонстве. Он вошел в контакт с ложей "Гармония" № 44 в Стамбуле... и таким образом Мелетий принял масонское посвящение в начале 1909 г... Весьма мало найдется таких, кто, подобно брату Мелетию, сделали франкмасонство делом своей жизни на всем протяжении дней своих". Цит. по: Tektonikon Deltion: Organon tes Megales Stoas. Английскийпереводсм.: D. KITSIKIS, The Old Calendarists and the Rise of Religions Conservatism in Greece (Etna, Ca.: Center for Traditionalist Orthodox Studies, 1995) 17. Однако, согласно масонскому журналу "Пифагорас-Гномон", Мелетий вступил в ложу "Гармония" в Константинополе 15 марта 1910 г., впоследствии достигнув высочайшей (тридцать третьей) ступени. См.: Monachos Paulos, Neoemerologitismos-Oikumenismos… 49–59.
11 Bishop PHOTIUS, The 70-th Anniversary of the Pan-Orthodox Congress in Constantinople // Orthodox Life. № 1 (1994) 40.
12 Bishop PHOTIUS, The 70-th Anniversary... 40.
13 D. GATOPOULOS, Andreas Mihalkopoulos, 1875–1938 (Athenai, 1947) 90–93. Англ. переводсм.: KITSIKIS, The Old Calendarists and the Rise... 9–11.
14 To' emerologiakon shisma apo istorikes kai kanonikes apopseos exetazomenon// Agios Agathangelos Esfigmenites130 (Martios–Aprilios 1992) 16.
15 Е. ГПХФЖЙДЗУ, ЕЕкклзуйплпгйкN иЭмбфб (ЕБиунбй, 1982) 67–68.
16 ГПХФЖЙДЗУ, ЕЕкклзуйплпгйкN иЭмбфб… 68.
17 Monk EPHRAIM, Letter on the Calendar Issue (Brookline–Mass.: Holy Transfiguration Monastery, 1968, 19792).
18 Bishop PHOTIUS, The 70-th Anniversary... 41–42.
19 См.: ALEXANDRIS, The Greek Minority of Istambul... 75–76.
20 См.: Ф' Змесплпгйбк'нучЯумб Рр' juфпсйкуткбr кбнпнЯкзт Ррьшещт doефбжюменпн // GБгйпт ЕБгбиЬггелпт ЕЕуцйгменЯфзт 131 (МЬъпт–ЕЙпэнйпт 1992) 17. См. также: Bishop PHOTIUS, The 70-th Anniversary... 41.

Империализм Метаксакиса

Шаткость положения Мелетия не воспрепятствовала его попыткам исполнения своих националистическо-экуменических замыслов. Так, в начале 1922 г., по пути из Америки в Константинополь, он посетил Лондон и Париж, с целью заручиться поддержкой для создания греческого королевства в Малой Азии; и в том же самом году, очевидно неслучайно, он признал действительность англиканских рукоположений. В 1923 г. Церкви Кипра и Иерусалима последовали его примеру, показывая этим, насколько быстро может распространяться экуменизм, если его придерживаются в Константинополе (21).

Империалистические планы Мелетия не ограничивались Турцией. В течение последующих нескольких лет он и его преемник Григорий VII предприняли действия, которые нельзя охарактеризовать иначе, как широкомасштабная аннексия огромных территорий, принадлежавших к юрисдикции Сербского и Российского патриархатов. Основывая свои действия на неверном толковании 28-го правила IV Вселенского Собора, якобы дающего Константинополю право на принятие под свою юрисдикцию всех "варварских стран", Мелетий и его преемник создали следующие неканонические автономные и автокефальные церкви по типу "Греческой архиепископии Северной и Южной Америки".

I. В Западной и Центральной Европе

5 апреля 1922 г. Мелетий назначил экзарха для всей Западной и Центральной Европы. К моменту смерти Григория VII в ноябре 1924 г. существовал Центрально-европейский Экзархат во главе с митрополитом Германом Берлинским, Великобританский и Западноевропейский Экзархат с митрополитом Германом Фиатирским (главным экуменическим представителем Константинопольской патриархии вплоть до своей смерти в 1951 г.) и Епархия епископа Григория Парижского. В конце 1920-х гг. Вселенский патриарх принял в свою юрисдикцию русского митрополита Евлогия Парижского, произведшего раскол в Русской Зарубежной Церкви и приютившего многих влиятельных еретиков, таких как Николай Бердяев и о. Сергий Булгаков в Парижском Свято-Сергиевском богословском институте (22).

II. В Финляндии

9 июня 1922 г. Мелетий, в нарушение канонов, принял автономную Финляндскую епархию Российской Церкви в свою юрисдикцию. Извинением здесь могло послужить лишь то обстоятельство, что патриарх Тихон уже не был свободен и поэтому, по словам митрополита Антония Храповицкого, "не мог делать того, что хотел". Это свело на нет попытки православных в Финляндии добиться равного положения с лютеранами. Так, под давлением лютеранского правительства, несмотря на протесты патриарха Тихона, патриарх Григорий разрешил Финляндской Церкви принять западную пасхалию. После этого началось гонения на исповедников старого стиля в Валаамском монастыре.

"Но еще более беззаконно и жестоко, — продолжает митрополит Антоний, — было отношение покойного патриарха Григория VII и его Синода к Финляндской епархии и к ее архиепископу. Именно Вселенский патриарх рукоположил ему в викария священника Аава (без всякого пострижения в монашество или даже в рясофор) не только без его, архиепископа, согласия, но даже вопреки его протесту; этим покойный патриарх попрал основной канон Церкви — 6-е правило I Вселенского Собора (и многих других), которое гласит: "Аще кто без соизволения своего митрополита поставлен будет епископом, о таком Великий Собор определил, что он не должен быть епископом". Патриарх даже в своей местности не может ставить епископа без согласия местного митрополита, о чем ясно говорит 28-е правило IV-го Собора, именно то самое правило, на котором совершенно напрасно стараются основать свои незаконные притязания предшественника вашего святейшества. — А сей незаконный "епископ" Аав, получив архиерейский сан, самозванно возложил на себя монашеский клобук и в таком параде явился в чужую Финляндскую епархию, а законного архипастыря архиепископа Серафима, уважаемого всем народом, подверг преследованиям лютеранского правительства, которое, впрочем, еще раньше предложило покойному патриарху Григорию на утверждение беззаконнейший закон о том, что светское правительство Финляндии получает право увольнять за штат архиепископа; оно поступило так под фальшивым предлогом, будто архиепископ Серафим не успел в установленное время достаточно изучить финский язык. Земля и небо столько же ужаснулись подобному беззаконию тиранического иноверного правительства, сколько (и еще более) беззаконию православного патриарха, давшего согласие на проведение такого бесчинства. — И вот, сей сомнительный епископ Герман, в мірском одеянии, побритый и подстриженный, расхаживает по улицам города на соблазн православных и возбуждая злорадство иноверцев, а достойнейший архиепископ, грубо оскорбленный своим же лже-собратом, влачит печальные дни в ссылке, в тесном помещении монастыря на пустынном острове бурного Ладожского озера" (23).

14/27 ноября 1923 г. патриарх Тихон и Российский Священный Синод, заслушав доклад архиепископа Серафима, постановили: "Так как Святейший патриарх Тихон вступил в управление Российской Православной Церковью, то причина, по которой Константинопольский патриарх считал нужным временно подчинить Финляндскую Церковь своей юрисдикции, ныне отпадает, и Финляндская епархия должна возвратиться под ведение патриарха Всероссийского"24 . Однако, финны не вернулись к русским, и Финляндская церковь по сей день остается в юрисдикции Вселенской патриархии и является самой модернистской из всех Православных церквей.

III. В Эстонии

28 августа 1922 г. Мелетий, нарушая каноны, принял Эстонскую епархию Российской Церкви в свою юрисдикцию во главе с митрополитом Александром.

Недавнее (1996 г.) возобновление этого незаконного решения нынешним Вселенским патриархом Варфоломеем привело ко кратковременному (двухмесячному) расколу между Вселенским и Московским патриархатами.

IV. В Латвии

В марте 1936 г. Вселенский патриарх принял Латвийскую Церковь, которой в Российской Церкви (в 1921 г.) была дарована автономия, под свою юрисдикцию.

V. В Польше

В ноябре 1924 г. патриарх Григорий неканонично перевел Польскую Церковь во главе с митрополитом Дионисием (Валединским) из юрисдикции Российской Церкви в свою собственную. Давление со стороны католических властей на православных в Польше, с целью заставить их порвать с Российской Церковью и подчиниться латинизации, оказывалось уже на протяжении нескольких лет. В 1921 г. патриарх Тихон назначил архиепископа Серафима (Чичагова) на Варшавскую кафедру, но поляки, чьи войска годом раньше разбили Красную армию, не дали ему въехать в страну. Итак, патриарх был вынужден уступить требованиям поляков, чтобы архиепископ Минский Георгий (Ярошевич) стал бы митрополитом Варшавским.

Людмила Келлер пишет: "Польские власти притесняли Православную Церковь, насчитывавшую более трех миллионов верующих (в основном это были белорусы и украинцы). В 1922 г. в Почаеве был собран собор, который должен был объявить автокефалию, но, в результате протеста епископа Виленского Елевферия (Богоявленского) и епископа Владиміра (Тихоницкого), это решение не было принято. Однако, следующий собор епископов, собранный в Варшаве в июне 1922 г., большинством голосов принял автокефалию; против проголосовали только епископы Елевферий и Владимір. Собор, состоявшийся в сентябре того же года, лишил епископов Елевферия и Владиміра кафедр. В декабре 1922 г. епископ Елевферий был арестован и заключен в тюрьму (усиленного режима), находившуюся в монастыре Отцов Камальдулов около Кракова, откуда весной 1923 г. был вывезен в Ковно" (25). Двоих других русских архиереев, Пантелеимона (Рожновского) и Сергия (Королева), также лишили их кафедр.

В ноябре 1923 г. митрополит Георгий умер, и его место занял митрополит Дионисий, "с согласия польского правительства и утверждения и благословения Его Святейшества Мелетия IV (Метаксакиса)". Патриарх Тихон отверг этот акт как неканоничный, но поделать ничего не мог. В последующие годы православные в Польше, лишенные защиты Российской Церкви и никак не защищаемые экуменическими патриархами Константинопольскими, подверглись жестокой кампании по окатоличиванию со стороны Польского государства и церкви (26).

VI. В Венгрии и Чехословакии

Согласно старому венгерскому закону от 1868 г., подтвержденному правительством вновь образованной Чехословацкой республики в 1918 и 1920 гг., все православные христиане, проживавшие на территории бывшего Венгерского королевства, входили в юрисдикцию Сербского патриархата и окормлялись непосредственно епископами Гораздом Моравским и Досифеем Карпаторусским. Однако, 3 сентября 1921 г., православный приход в Праге избрал себе в епископы архимандрита Савватия и затем известил об этом своего канонического архиерея епископа Досифея. Когда Сербский Синод отказался рукоположить Савватия для Праги, он, без ведома своей общины, отправился в Константинополь, где в феврале 1923 г. его рукоположили в "архиепископа" новосозданной чехословацкой ветви Вселенского патриархата, включавшей в себя и Карпаторуссию.

Затем, 15 апреля 1924 г., Вселенский патриарх основал Венгерскую и всея Центральныя Европы митрополию с кафедрой в Будапеште (хотя там уже был сербский епископ).

"Легко себе представить, — пишет З. Г. Ашкенази, — каким это было соблазном. Епископ Савватий настаивал на своих правах на архиепископскую власть в Подкарпатской Руси и усердно вербовал сторонников среди карпаторусского православного духовенства, рукополагая без всякого разбора; его приверженцы обращались к властям с просьбой принять административные меры против

священников, несогласных на подчинение архиепископу; епископ Досифей налагает на строптивого монаха кару — епископ Савватий возводит его во игумена.

Епископ Досифей собирает духовенство в Хусте и организует Духовную Консисторию — епископ Савватий переманивает священников в Буштину и устраивает епископский совет. В церковных делах водворяется хаос, между духовенством сеется вражда и взаимная ненависть — "савватиевцы" и "досифеевцы".

Прекрасный духовный порыв, создавший столько мучеников за Православие, сводится к постыдной борьбе за власть, за лучший приход, за лишний грош; униатская печать ликует — а в православном населении растет горечь против духовенства, не сумевшего поддержать православное движение на той высоте, на которую его вознесло воодушевление крестьян" (27).

В 1938 г. великий чудотворец архиепископ Иоанн (Максимович) докладывал Всезарубежному Собору Русской Церкви Заграницей: "Умножая без предела свои стремления подчинить себе части России, патриархи Константинополя начали даже заявлять о неканоничности присоединения Киева к Московскому патриархату и о том, что ранее существовавшая Южнорусская Киевская митрополия должна быть подчинена Константинопольскому престолу. Эта точка зрения не только ясно выражена в Томосе от 13 ноября 1924 г., в связи с отделением Польской Церкви, но также очень старательно поддерживается патриархами. Так, викарию митрополита Евлогия в Париже, рукоположенному с благословения Вселенского патриарха, был присвоен титул Херсонесского, чем как бы утверждается, что Херсонес, ныне находящийся на территории России, подчинен Вселенскому патриарху. Следующим логическим шагом для Вселенского патриарха будет объявить всю Россию находящейся под юрисдикцией Константинополя...

Короче говоря, Вселенская патриархия, в теории охватывающая всю вселенную, но фактически имеющая власть только над несколькими епархиями, а в других местах осуществляющая лишь поверхностный надзор и получающая ради этого некоторые доходы, преследуемая у себя дома правительством и не поддерживаемая никакой правительственной властью за рубежом, потерявшая свое значение столпа истины и сама ставшая источником разделений, и в то же самое время охваченная непомерным властолюбием, — представляет собой печальное зрелище, напоминающее худшие периоды в истории Константинопольской кафедры" (28).

21 УФБХСЙДЗУ, FЙуфпсЯб фп™ Пккпхменйкп™ РбфсйбсчеЯпх... 45 .
22 A History of the Russian Church Abroad (Seattle: St. Nectarios Press, 1972) 51.
23 Цит. по: Монах ГОРАЗД, Quo vadis, Константинопольская Патриархия? // Православная Русь. № 2 (1455) (1992) 7–14.
24 ГУБОНИН, Акты... 304.
25 Л. КЕЛЛЕР, Комментарии к письму Архиепископа Рижского и Латвийского Иоанна Архиепископу Виленскому и Литовскому Елевферию от 2 ноября 1927 г. // Православная жизнь. № 3–4 (Май–Июнь–Июль–Август 1992) 56–57.
26 См: ГУБОНИН, Акты... 320–321, 726–727, 746.
27 Монах ГОРАЗД, Quo vadis, Константинопольская Патриархия?... 8.
28 Архиепископ ИОАНН, Упадок Константинопольской Патриархии. Перевод с рус. на англ. см.: The Orthodox Word. Vol. 8. № 4 (45) (1972) 175. *

Второе падение Константинополя

Между тем, греческое вторжение в Турцию, начавшееся успешно в 1921 г., провалилось из-за внутренних разногласий и отсутствия финансовой и военной помощи западных держав. В августе 1922 г. турки начали генеральное наступление на всех фронтах, результатом которого было крупное поражение греков, массовое избиение греческого населения Смырны (был убит и митрополит Хризостом Смырнский) и падение греческого правительства. Король отрекся от престола, полковники Николай Пластирас и Стилиан Гонатас взяли власть в свои руки, а премьер-министр Гунарис был казнен вместе с шестью военачальниками (29).

Новое революционное правительство благоволило к Мелетию и, как пишет Ставрос Карамицос, "все участники вышеупомянутого Собора (осудившего его избрание) один за другим поспешили признать Мелетия, за исключением двух епископов, Софрония, Елевферия и нашего знаменитого Хризостома" (30).

Сам же митрополит Хризостом (Кавуридис) пишет в своей "Апологии": "Меня пригласили через епископа Кавальского Хризостома явиться к министру, который с угрозами увещевал меня признать Мелетия. Я не обратил внимания на его угрозы и отказался подчиниться. Затем, чтобы избежать второй ссылки на Афон, я отправился в Александрию повидать родственников и оправиться от переживаний.

Будучи в Александрии, я получил повестку из Вселенской патриархии явиться в Священный Синод и объяснить, почему я не признал избрание Мелетия Вселенским патриархом. Но ... не имея возможности предстать лично пред Синодом, я послал письмо, оправдывающее мой отказ признать Мелетия каноническим патриархом на основании божественных и священных канонов. И в то время, когда он намеревался, в мое отсутствие, осудить и низложить меня, он был удален со своего престола турками за скандальное смешение своей духовной миссии с антитурецкой политикой" (31).

Впрочем, общественное мнение в Константинополе стало поворачиваться против Мелетия примерно за год до того, вслед за событиями августа–сентября 1922 г., когда перепуганные греки начали покидать Константинополь в количестве трех тысяч человек в день. Одним из ушедших в это время был о. Василий Апостолидис, ставший впоследствии, так же как и о. Иероним Эгинский, одним из великих деятелей Истинно-Православной Церкви. Причиной отъезда, которую он представил патриарху, был страх, что турки могут скоро заставить духовенство снять рясы, — пророчество, исполнившееся двенадцатью годами позже (32).

В самом деле, ситуация стала настолько серьезной, а позиция патриарха настолько уязвимой, что во время Лозаннской конференции (1922–1923 гг.), на которой было решено произвести массовый обмен населением между Грецией и Турцией, председатель Подкомиссии по народообмену, итальянец Г. М. Монтана, даже предположил, что "удаление патриарха (из Константинополя) будет не слишком высокой платой за достижение согласия".

Однако представители британского, французского и американского правительств воспротивились этому. В частности, представитель Британии (чьи военные части все еще занимали Константинополь и, возможно, служили препятствием для массовой бойни, подобной имевшей место в Смирне) усматривал в этом предложении руку Ватикана. Ибо, по замечанию советника архиепископа Кентерберийского по ближневосточным вопросам Дж. А. Дугласа, "ни один человек, мало-мальски знакомый с Ближним Востоком, не станет сомневаться, что Рим чрезвычайно враждебен Фанару и считает за великое для себя дело его расстройство как института" (33).

В Лозанне был положен конец греческим националистическим мечтам и начало конца Константинополя как греческого города. Так, турецкий представитель на конференции добился от Венизелоса обещания, что он будет убеждать Мелетия уйти с патриаршества в обмен на сохранение патриархии как института. Мелетий согласился уйти, но настаивал на отсрочке своего ухода вплоть до достижения мирных соглашений, имевшего место в июне 1923 года...

Таким образом, "второе падение Константинополя" под власть турок произошло по той же самой причине, что и первое — в 1453 г., — вследствие союза Великой Константинопольской Церкви с западными еретиками.

29 B. JELAVICH, History of the Balkans (Cambridge: Cambridge University Press, 1983) Vol. 2. 131–132, 173–174. См. также: 1922–1982 // Orthodox Christian Witness (4/17 Octover 1982) 1.
30 У. КБСБМЙФУПУ, FПУэгчспнпт FПмплпгЮфзтфут ЕПсипдпоЯбт (ЕБиунбй, 1990) 25 .
31 КБСБМЙФУПУ, FПУэгчспнпт FПмплпгЮфзтфут ЕПсипдпоЯбт... 25–26.

32 МРПФУЗУ, ГЭспнфбт FЙесщнэмпт... 76.
33 ALEXANDRIS, The Greek Minority... 90–91.

"Всеправославный собор" 1923 года

Перенесем теперь центр внимания с Константинополя в Афины, где в начале 1923 г., по инициативе правительства, начала работу Комиссия по рассмотрению вопроса о том, может ли автокефальная Церковь Греции принять новый стиль. Эта комиссия рапортовала, что "хотя Церковь Греции, как и другие автокефальные Православные Церкви, по сути своей есть Церковь независимая, тем не менее, все они прочно объединены и связаны одна с другой принципом духовного единства Церкви, составляя единую и единственную Церковь, Православную Церковь. Следовательно, ни одна из них не может отделиться от остальных и принять новый стиль без того, чтобы стать по отношению к ним раскольнической". На основании этого заключения был выпущен королевский указ, предписывающий, среди прочего, чтобы "Юлианский календарь оставался в силе в отношении Церкви и религиозных праздников вообще", и чтобы "государственный праздник 25 марта и все предписанные законом праздничные дни соблюдались согласно юлианскому календарю" (34).

3 февраля Мелетий Метаксакис письменно обратился к Церкви Греции, приводя доводы в пользу перемены календаря на будущем Всеправославном Соборе — "чтобы способствовать в этой области христианского единения делу празднования Рождества и Воскресения Христовых в один день всеми, призывающими Имя Господне" (35). Затем, довольно скоро, 25 февраля, архимандрит Хризостом Пападопулос был избран архиепископом Афинским тремя членами специально подобранного Синода, состоявшего из всего лишь пяти иерархов (еще один церковный заговор!). В своем слове при поставлении Хризостом сказал, что для сотрудничества с инославными "не обязательно иметь общие установки или догматическое единство, ибо единства христианской любви достаточно" (36). Как от члена отвергшей новый стиль Комиссии, от Хризостома можно было ожидать, что он противостанет призыву Мелетия. Но, кажется, эти два человека имели больше общего, чем одно лишь то, что оба они в молодости были изгнаны из Иерусалимской Церкви; ибо 6 марта Хризостом и его Синод приняли предложение Мелетия и согласились послать представителя на грядущий Собор. Затем, 16 апреля, он предложил иерархии, чтобы к календарю были прибавлены тринадцать дней, "по причине не только лишь одного удобства, но также и ввиду церковной, научно подтвержденной точности".

Пятеро из тридцати двух иерархов — митрополиты Серрский, Патрский, Димитриадский, Халкийский и Тирский — проголосовали против этого предложения. Однако, через два дня, на втором заседании иерархов было объявлено, что предложение Хризостома было "единодушно" одобрено, но "совершенно без каких-либо изменений в пасхалии и месяцеслове Православной Церкви" (37). Более того, было решено, что Греческая Церковь одобрит любое решение относительно празднования Пасхи, которое примет будущий Всеправославный Собор, если оно будет согласно с канонами...

Вследствие всего этого Мелетий, созывая свой "Всеправославный собор", который прошел в Константинополе с 10 мая по 8 июля 1923 г., уже знал, что Греческая Церковь поддержит предлагаемые им реформы. Однако, на этот "Всеправославный собор" собралось едва ли больше десятка человек, из которых ни один не представлял официально какой-либо из Патриархатов, — столь дискредитировавшей себя личностью был его устроитель. В своем "Меморандуме Священному Архиерейскому Синоду Элладской Церкви" (июнь 1929 г.), митрополит Ириней Кассандрийский писал, что собор был не "Всеправославным", а "антиправославным".

"Он открыто и нечестиво попрал 34-е Апостольское правило, которое повелевает: "Епископам всякого народа знати первого в них, и признавать его яко главу, и ничего превышающего их власть не творити без его одобрения и совета... Но и первый ничего да не творит без совета и согласия и утверждения всех. Ибо тако будет единомыслие, и прославится Бог о Господе во Святом Духе: Отец и Сын и Святый Дух". Он заменил юлианский календарь григорианским, невзирая на все запрещения

касательно этого; он постановил переменить пасхалию, навеки установленную в Православной Церкви определением I Вселенского Собора, обратившись к созданию астрономически более совершенной в обсерваториях Бухареста, Белграда и Афин; он дозволил клирикам стричь волосы и переменить почтенное их платье на костюм англиканских пасторов; он ввел неканонический брак и двоебрачие священников; он доверил сокращение дней постов и меру их соблюдения суждению поместных Церквей, расстроив тем самым порядок и единство, преобладавшее в автокефальных Православных Церквах Востока. Действуя таким образом, он широко открыл двери всякому новшеству, отменяя отличительный признак Восточной Православной Церкви, т. е. хранение ею полностью и без нововведений всего преданного Господом, апостолами, отцами, Поместными и Вселенскими Соборами" (38).

Еще менее приемлемыми сделала соборные решения та причина, которой они были обусловлены, т. е. что изменение пасхалии "произведет огромное нравственное впечатление на весь цивилизованный мір через сближение двух христианских міров Востока и Запада, благодаря этой добровольной инициативе Православной Церкви..." (39)

Архиепископ Никон писал: "Важнейшими постановлениями собора было решение о переходе на новый стиль и о допустимости второбрачия духовенства. Александрийская, Антиохийская и Иерусалимская Церкви не участвовали в соборе, считая его созыв неблаговременным (а Мелетия — неканоническим узурпатором). Постановления же его были ими отвергнуты, как, по выражению Александрийского патриарха, "противные практике, преданию и учению Святейшей Матери-Церкви и предложенные в качестве, как будто, легких модификаций, которые, вероятно, вызваны требованиями нового догмата ‘современности’" (Грамата Антиохийскому патриарху от 23 июня 1923 г.). Представители Русской Зарубежной Церкви (архиепископы Анастасий и Александр) и вслед за ними Архиерейский Собор отнеслись совершенно отрицательно к этим реформам" (40).

Митрополит Антоний (Храповицкий) назвал календарное новшество "неразумной и бесцельной уступкой масонству и папизму" (41).

10 июля, доведенный до этого совместными усилиями Венизелоса и турецкого правительства, при том, что и его права на патриаршее место оспаривались вновь сформированной "Турецкой Православной Церковью" папы Ефтима, Мелетий удалился на Афон. В октябре он ушел в отставку оффициально. Однако, его замечательная карьера на этом далеко не закончилась. После смерти патриарха Фотия Александрийского в 1925 г. он был избран на этот престол, где также ввел новый календарь. Более того, он пытался увлечь в раскол многих православных греков в Америке (42).

Мелетию был на руку тот факт, что в России в 1922 г. пришла к власти так называемая "Живая церковь" с очень похожей на его собственную программой модернистских реформ. И, по случаю его избрания патриархом Александрийским, синод "Живой церкви" написал Мелетию: "Священный Синод (обновленцев. — В. М.) с искренними наилучшими пожеланиями воспоминает моральную поддержку, которую Ваше Блаженство оказало нам, когда Вы были еще патриархом Константинопольским, войдя в общение с нами, как единственным законным правящим органом Российской Православной Церкви" (43). Более того, его преемники Григорий VII и Константин VI остались в общении с "Живой церковью" (общение было прервано лишь в 1929 г.), и Григорий даже призывал к отставке патриарха Тихона.

Не довольствуясь этим, Григорий требовал "от пребывавших в то время в Константинополе русских архиепископов Анастасия и Александра прекратить выступления против советской власти, не поминать патриарха Тихона и давал им совет признать большевиков. Не встретив с их стороны сочувствия, он назначил следствие и запретил их в священнослужении. Он обращался к Сербскому патриарху Димитрию с просьбой закрыть Русский Архиерейский Синод в Сремских Карловцах, на что получил отказ" (44).

Тогда Григорий решил послать специальную миссию в Россию, чтобы расследовать церковную ситуацию на месте.

"Инициатива Константинополя по этому вопросу, — пишет М. Е. Губонин, — была вызвана провокационными и лживыми "информациями" со стороны обновленческого Синода о будто бы имеющем место в Православной Русской Церкви (т. е. у них — обновленцев) "Тихоновском расколе" и всемерном желании православного священноначалия (т. е. обновленцев-синодалов) внести умиротворение в создавшееся тяжелое положение при содействии высокого авторитета Вселенского Владыки (так как, дескать, все уже средства исчерпаны, и уповать больше не на что!)

Учитывая тогдашнюю полную изоляцию Русской Церкви от общения с внешним міром, ложно информированный патриарх Григорий VII поддался было на эту обновленческую уловку, но вовремя был остановлен отрезвляющим посланием Святейшего Патриарха Тихона" (45).

Итак, патриарх Тихон написал Григорию следующее.

"При письме представителя в России Вашего Святейшества, архимандрита Василия Димопуло, от 24 мая / 6 июня сего 1924 г. за № 226 Мною получены четыре выписки из протоколов заседания Священного Константинопольского Синода от 19 декабря 1923 г. / 1 января 1924 г., 4/17 апреля, 17/30 апреля и 23 апреля / 6 мая с. г., из коих видно, что Ваше Святейшество, желая оказать помощь от Матери Великой Христовой Церкви Константинопольской и "изучив точно течение русской церковности и происходящие разногласия и разделения, — для умиротворения дела и прекращения настоящей аномалии", приняв во внимание исключительные обстоятельства и примеры прошлых времен, "решили послать к Нам особую миссию, уполномоченную изучать и действовать на месте на основании и в пределах определенных инструкций, согласно с духом и преданиями Церкви".

В инструкции членам миссии одним из главных пунктов является пожелание Вашего Святейшества, чтобы я, как Всероссийский патриарх, ради единения расколовшихся и ради паствы пожертвовал Собою, немедленно удалившись от управления Церковью, как подобает истинному и любвеобильному пастырю, пекущемуся о спасении многих, и чтобы одновременно упразднилось, хотя бы временно, патриаршество, как родившееся во всецело ненормальных обстоятельствах, в начале гражданской войны, и как считающееся значительным препятствием к восстановлению мира и единения. Дается и определенная инструкция комиссии, на какие течения она в своих работах должна опираться.

Прочитав указанные протоколы, Мы немало смутились и удивились, что представитель Вселенской патриархии, глава Константинопольской Церкви, без всякого предварительного сношения с Нами, как с законным представителем и главою всей Русской Православной Церкви, вмешивается во внутреннюю жизнь и дела автокефальной Русской Церкви. Священные Соборы за епископом Константинопольским признавали всегда первенство пред другими автокефальными Церквами чести, но не власти.

Помним и то правило, что "не быв приглашены, епископы да не приходят за пределы своея области для рукоположения или для какого-либо другого церковного распоряжения". А потому всякая посылка какой-либо комиссии без сношения со Мною, как единственно законным и православным Первоиерархом Русской Православной Церкви, без Моего ведома не законна, не будет принята русским православным народом и внесет не успокоение, а еще большую смуту и раскол в жизнь и без того многострадальной Русской Православной Церкви.

Последнее будет только в угоду нашим схизматикам-обновленцам, вожди которых, ныне стоящие во главе так называемого (самозванного) Священного Синода, как бывший Нижегородский архиепископ Евдоким и др., запрещены Мною в священнослужении и за учиненную смуту, раскол, незаконный захват церковной

власти объявлены, впредь до раскаяния, находящимися вне общения с Православной Церковью.

Вместе со всею массою русских православных верующих, со всею Своею паствою сомневаюсь и очень, что Ваше Святейшество, как заявляете, "изучил точно течения русской церковности", сомневаюсь потому, что Вам не угодно было ни разу обратиться к Нам за документальными объяснениями того, кто же подлинный и настоящий виновник смуты и раскола. Весь русский православный народ давно сказал свое правдивое слово как о нечестивом сборище, дерзновенно именующим себя Собором 1923 г., так и о несчастных вождях обновленческого раскола. Народ не со схизматиками, а со своим законным и Православным патриархом.

Позволительно усомниться и в предлагаемой Вашим Святейшеством мере умиротворения Церкви — Моего удаления от управления Церковью и хотя бы временного упразднения самого патриаршества на Руси. Не умиротворит это Святую Церковь, а народит новую смуту, принесет новые скорби и без того многострадальным верным Нам архипастырям и пастырям. Не честолюбие или властолюбие заставило Нас снова взять крест патриаршего служения, а сознание Своего долга, подчинение воле Божией и голос верного Православию и Церкви епископата.

Последний, получив разрешение на собрание, еще в июле прошлого года соборным голосом осудил обновленцев как схизматиков, а ко Мне обратился с просьбой стать снова во главе Русской Православной Церкви и быть ее кормчим до того момента, когда Господу Богу угодно будет даровать мир Церкви голосом всероссийского Поместного Собора" (46).

Тихон подписался под письмом: "Вашего возлюбленного Святейшества во Христе брат, патриарх Тихон", — из чего явствует, что он не прервал общение с Константинополем. Григорий же оставил свое намерение послать миссию в Россию...

ВписьмекпреемникуГригорияКонстантинуVI,датированном 4/17 февраля 1925 г., митрополит Киевский Антоний (Храповицкий), второй по рангу российский архиерей после патриарха и председатель Архиерейского Синода Зарубежной Церкви, защищал Святейшего Тихона и одновременно приравнивал Мелетия и Григория к еретическим патриархам Константинопольским, осужденным семью Вселенскими Соборами: "На этом же самом пути непослушания Святой Церкви и канонам находится и то, что оставили в наследство два последних предшественника Вашего Святейшества" (47).

Отношения между Константинополем и РПЦЗ оставались довольно прохладными в течение нескольких лет. Не могло, конечно же, улучшить положение и принятие во Вселенский патриархат митрополита Евлогия Парижского, мятежника из Зарубежной Церкви. Однако формального, de jure, в противоположность de facto, разрыва общения не было...

34 ГПХФЖЙДЗУ, ЕЕкклзуйплпгйкNиЭмбфб… 68–70.
35 Ibid. 76.
36 Цит. по: BishopPHOTIUS, The 70-thAnniversary... 40.
37 Ibid. 74–78.
38 Мпнбч’т РБХЛПУ, Непзмесплпгйфйум’т-Пккпхменйумьт… 72–73 .
39 Д. МРБФЙУФБФЗУ, РсбкфйкбгЕБрпцЬуейт фп™ dн Кпнуфбнфйнпхрьлей Рбнпсипдьопх УхнедсеЯпх, 1923 (1982) 57.
40 РКЛИЦКИЙ, Жизнеописание Блаженнейшего Антония... Т. X. 38.
41 См.: Монах ГОРАЗД, Quo vadis, Константинопольская Патриархия?.. 7.
42 См.: HOLY TRANSFIGURATION MONASTERY, BOSTON, A reply to Archbishop Athenagoras (Montreal, 1979) 19.
43 Цит. по: Bishop PHOTIUS, The 70-th Anniversary... 42.
44 Монах ГОРАЗД, Quo vadis, Константинопольская Патриархия?... 8.
45 ГУБОНИН, Акты... 747.
46 РКЛИЦКИЙ, Жизнеописание Блаженнейшего Антония... Т. VI. 161–163.
47 Там же. 164.

Введение нового стиля

После удаления Мелетия со Вселенского престола руководить введением нового стиля стал Хризостом Пападопулос. Он делал это с такой великой поспешностью и необычайной демонстрацией политической власти, что это наводило на мысль о давлении, оказываемом на него в интересах неких очень влиятельных внецерковных кругов — вероятнее всего, греческого правительства, хотя некоторые усматривают за его спиной и руку международного масонства и римского папства. А тот способ, которым он сумел устранить сопротивление епископата, не только своего, но также и Вселенской патриархии, показывает, что давление было оказано не на него одного, но почти на всех греческих архиереев того времени.

Все началось с решения революционного греческого правительства приостановить действие старого Конституционного Закона, согласно которому осуществлялось административное управление Элладской Церковью в течение предыдущих семидесяти лет. Согласно новому Закону, изданному 14 декабря 1923 г., иерархия должна была собираться вместе лишь раз в году, а между этими сессиями представляться архиепископом Афинским единолично. Сверх того, митрополиты должны были уходить на пенсию в возрасте шестидесяти пяти лет, чем удобно сводилось бы на нет влияние старших и более консервативных архиереев.

Наделенный теперь почти диктаторской властью, Хризостом созвал съезд иерархии, который 24 декабря проголосовал за вынесение благодарности правительству за освобождение от прежней административной системы (!), а 27 декабря принял решение о введении, с согласия Вселенской патриархии, нового календаря — не упоминая на этот раз о необходимости согласия также и других Православных Церквей.

Очевидно, это решение изменить календарь было навязано правительством. Так, на встрече 24 декабря Николай Пластирас, председатель Совета Революционного Правительства, сказал иерархам: "Революция предлагает вам, почтенные мои святители, оставить в стороне все личные предпочтения и приступить к чистке Церкви... Революция надеется, что результатом ваших трудов будет полезная работа для нового поколения, и будет счастлива видеть возрождение Церкви в действии... Наконец, она желает, чтобы вы не ограничивали себя прадедовскими канонами, но приступили к радикальным мерам" (48).

4 января 1924 г. Хризостом написал Вселенскому патриарху прошение, правда, выраженное, скорее, в тоне приказа, дать согласие на перемену календаря. Он писал, что хотя и "печально", что другие Православные Церкви не согласились на это, однако, он не усматривает в этом препятствия. Патриарх ответил 14 февраля в весьма угодливой манере, предлагая произвести перемену 10 марта (с того момента уже 23 марта), но прося при этом, чтобы его известили о согласии других Православных Церквей. Хризостом немедленно изъявил телеграммой свое согласие с этой датой и попросил патриарха проинформировать об этом его митрополитов на Новых территориях.

Его поспешность была вызвана, возможно, посланием Александрийского патриарха Фотия Вселенскому патриарху от 15 января, где говорилось: "Принимая во внимание послания Церквей Сербии и Румынии, мы пребываем неизменны касательно данных вопросов, которые были догматизированы на прежних соборных заседаниях, и мы отвергаем любое прибавление или изменение в календаре прежде созыва Вселенского Собора, который один вправе обсуждать этот вопрос, и предлагаем скорейший созыв такого Вселенского Собора". 16 февраля Хризостом телеграфировал Фотию, говоря, что Вселенский Собор невозможно созвать немедленно, что изменение календаря является насущной необходимостью "ради миллионов православных людей", и просил его переменить календарь с 10 марта. Он прибавил, скорее слукавив, что в пасхалии никаких изменений не будет, поскольку таковые должны быть переданы на рассмотрение Вселенского Собора (как будто бы прибавление тринадцати дней к месяцеслову было гораздо менее важным изменением, не требовавшим соборного решения).

3 марта Хризостом написал всем архиереям Элладской Церкви, что, "согласно решению Священного Синода, Греческая Церковь приняла определенное Вселенским патриархом исправление юлианского календаря, согласно которому 10 марта должно считаться и называться 23 марта..."

Наконец, 4 марта, в довершение своего заговора, он обратился в Министерство иностранных дел с просьбой "послать срочные телеграммы Блаженнейшим патриархам Иерусалима, Антиохии, Александрии и Сербии и архиепископам Румынии и Кипра, сообщив им, что Греческая Церковь приняла решение Вселенской патриархии относительно согласования церковного календаря с гражданским, называя 10 марта 23-м, и известить Вселенского патриарха о том, что Греческая Церковь привела его решение в действие" (49).

Какова же была реакция других Церквей на принятие Элладской Церковью нового календаря? Как мы уже видели, Вселенский патриарх принял это изменение, хотя и с оговоркой о необходимости согласия всех Православных Церквей. Такое вынужденное согласие в значительной степени объясняется весьма шатким положением патриархии накануне малоазиатской катастрофы: патриархия экономически была зависима от Греческой Церкви и не могла позволить себе выразить несогласие. На деле патриарх Григорий VII лично был против изменения. Но он принял его по той причине, что, как он сказал своему Священному Синоду, "к сожалению, изменение в календаре было навязано греческим правительством" (50).

Румынская Церковь также приняла новый стиль. Возглавлявший ее в то время митрополит Мирон Кристя был франкмасоном и бывшим униатом; он даже изменял день празднования Пасхи в 1926 и 1929 гг., чтобы привести его в согласие с западной пасхалией, а в 1936 г. признал действительность англиканских рукоположений.

Однако все остальные Православные Церкви отвергли новшество. Патриарх Тихон, изолированный от внешнего мира сотрудником ГПУ Тучковым, был введен в заблуждение, будто бы новый стиль уже принят всеми Восточными Церквами, и потому временно разрешил его употребление. Однако слабость административной системы в этом случае оказалась полезной, ибо она помешала распространению решения, которому народ, во всяком случае, воспротивился. Позже митрополит Анастасий Кишиневский послал архиепископу телеграмму из Константинополя, доводя до его сведения, что не все Церкви приняли новый календарь. Тогда Тихон отменил свое решение, а Тучков оставил эту идею (51).

Патриарх Дамиан Иерусалимский и его Синод писали: "Святейшая Матерь Церквей не может принять такое изменение в настоящее время, по причине неблагоприятного положения, в котором она, как это всем известно, находится по отношению к латинянам в святых местах, и ввиду опасности прозелитизма".

Патриарх Григорий Антиохийский и его Синод писали: "Политические факторы вызвали перемену календаря, несмотря на то, что вся полнота Восточной Церкви придерживается юлианского календаря. Тенденция изменять каноны представляет, на наш взгляд, великую опасность".

Патриарх Димитрий Сербский писал: "Мы указали на необходимость отсрочки до времени Собора, который должен быть созван, чтобы рассмотреть этот вопрос со всех сторон прежде созыва Вселенского Собора таким образом, чтобы установить единый календарь для всех Православных Церквей".

Патриарх Фотий Александрийский писал: "Мы не скрываем того факта, брат, что ваше сообщение о том, что, без всякого реального основания или догматических или канонических причин, братский совет и настойчивые просьбы четырех Апостольских престолов были отвергнути, и "реформа календаря" совершилась, повергнув нас в великое горе и удивление. Вам грозит разрыв со всем православным церковным народом. Посему я настаиваю на созыве собора, чтобы досконально изучить данный вопрос". Когда Хризостом ответил, что собор в настоящее время не может быть созван, Фотий все же отказался принять нововведение (52).

Говоря о том, как вводился в Греции новый стиль, необходимо особенно заострить внимание на трех моментах.

Первое — это сильное влияние государства сначала в деле изменения внутреннего устава Церкви, а затем в деле оповещения о свершившемся факте других Церквей. Как явствует из последних посланий Хризостома, реальным мотивом для его действий была конвергенция церковного календаря с государственным, а конечной целью — сослужение с западными еретиками.

Второе — то, что инициатива в деле изменения календаря была коварно приписана Хризостомом Вселенскому патриарху, тогда как реальным руководителем реформы и агитатором в ее пользу был он сам.

И третье — то, что хотя на первых порах и делались пустые заверения о необходимости получить согласие других Православных Церквей, реформа в результате была произведена без их утверждения, фактически одним человеком — Афинским архиепископом.

Результатом был раскол в Православной Церкви. За Церквами Константинополя, Греции и Румынии, принявшими новый календарь в 1924 г., вскоре последовала Александрия (опять под руководством Мелетия Метаксакиса), несколько позднее — Антиохия, и в 1968 г. — Болгария. Остальные славянские Церкви и Иерусалим продолжают следовать юлианскому календарю.

48 ЕБсчймбндсЯфзт ИЕПКЛЗФПУ Б. УФСБГГБУ, ЕЕкклзуЯбт FЕллЬдпт FЙуфпсЯб dk рзг§н Ршехд§н, 1817–1967. Ф. 2 (ЕБиунбй, 1970) 1181. Англ. переводсм: KITSIKIS, The Old Calendarists and the Rise... 18.
49 УФСБГГБУ, ЕЕкклзуЯбт FЕллЬдпт FЙуфпсЯб… 85–98.
50 Д. МБХСПРПХЛПУ, Рбфсйбсчйкбг уЭлйдет: Ф’ Пккпхменйк’нРбфсйбсчеспн Рр’ 1878–1949 (ЕБиунбй, 1960). Англ. переводсм: KITSIKIS, The Old Calendarists and the Rise... 19.
51 ОпопыткевведенияновогостиляврРоссийскойЦерквисм: Fr. DEMETRIUS SERFES, The Life and Works of St. Tikhon the confessor Patriarch of Moscow (Old Forge, PA) 37–38.
52 Б. ФУЙМЙСБКЙУ, Ект ›рбкпхнрЯуфещт (1977) 28–30.

Грех против единства

По учению святых отцов Церкви, создание раскола есть не менее мерзостный и смертный грех, чем ересь. Даже мученичество, по словам свт. Киприана Карфагенского, которому вторит и свт. Иоанн Златоуст (53), не может смыть грех разделяющего Тело Христово. Ибо как Христос един, так и Церковь Его едина; в самом деле, единого Христа нельзя отделить от единой Церкви, в которой, по выражению св. Августина, "полный и совершенный Христос" одновременно "есть Глава и Тело" (54).

Отец Иустин Попович говорит: "Богочеловеческий организм органически един и единственен, поэтому Церковь не может разделяться ни по какому закону, ибо всякое разделение означало бы ее смерть", — и продолжает: "По общему мнению святых отцов и Соборов, Церковь не только одна, но и едина. Как у Господа Иисуса Христа не может быть нескольких тел, так у Него не может быть и нескольких Церквей; а отсюда разделение, раздел Церкви есть явление онтологически и по существу невозможное. Разделения Церкви никогда не было и не может быть, а были и будут только отпадения от Церкви; так ветви, не желающие приносить плода, засыхают и отпадают от вечно живой Богочеловеческой лозы — Господа Иисуса Христа (ср.: Ин. 15:1–6). От единой и неделимой Церкви в разные времена отделялись и отпадали еретики и раскольники, и через это отделение они перестали быть членами Богочеловеческого Тела Церкви. Так сначала отпали гностики, затем ариане, а за ними духоборцы, монофизиты, иконоборцы, католики (включая будущих протестантов), униаты... — словом, все члены еретическо-раскольнического легиона (ср.: Мк. 5:9)" (55).

Афонский зилот о. Августин говорит:

"То, что Церковь не только Святая, Соборная и Апостольская, но также и Единая (то есть одна) — есть догмат веры, так что хотя мы и можем видеть много Церквей, но это — одна и единственная Церковь, составленная из многих, видимых в различных местах. Это — учение святого Символа веры, это — учение Божественных Писаний, Апостольского Предания, Священных Соборов и богоносных отцов. Отсюда мы заключаем, что единство Церкви есть важнейший догмат веры.

Мы видели..., что св. царь Константин и отцы I Вселенского Собора восстановили как внутреннее, так и внешнее единство Церкви, вот почему обрадованный самодержец воскликнул: "Я одержал двойную победу: я восстановил внутренний мир через общее исповедание веры и привел прежде бывшее разделение к единству Церкви через общее празднование Пасхи".

Далее, это есть единство, как уверяют нас Деяния I Собора, внешнее и внутреннее, и ни первое не может быть истинным единствам без второго, ни второе не может существовать без первого. Одно без другого мертво. Так внешнее единство без внутреннего мертво, и внутренне единство мертво без внешнего. И первое определяется общим исповеданием веры, а второе — видимой гармонией в согласии с законами и установлениями Церкви, вместе образуя одно и единственное истинное единство, существенное единство Церкви" (56).

В более узком смысле, введение нового стиля было первым практическим шагом в деле внедрения ереси экуменизма. Экуменизм — это такая ересь, которая учит, что не существует такого явления как ересь в том смысле, в каком понимали этот термин апостолы и отцы Церкви, т. е. в смысле ложного учения о предметах веры, отделяющее содержащих его от единства Церкви. Экуменизм — это ересь о том, что будто бы нет ни одной конкретной религии, будь то православная, папистская или протестантская, которая выражала бы полноту истины, и что все существующие вероисповедания (кроме самого экуменизма) более или менее заблуждаются. Она утверждает, что Единая, неразделенная Церковь Христова разбилась о рифы сектантских раздоров, и ее нужно основать заново на песке вероучительных компромиссов и безразличия к истине. Это то же самое, что восстановленная Вавилонская башня, невнятный шум разных наречий, единых лишь в своем твердом убеждении, что все они говорят на одном языке (57) ...

И наконец, обратимся к письму игумена Лангобардского монастыря на острове Парос, о. Филофея Зервакоса, к новостильному епископу Августину Флоринскому, написанному в 1968 г.:

"Поскольку старый стиль — это письменное предание, а новый — новшество папистского и масонского происхождения, то всякий, отметающий старый календарь и следующий новому, подлежит анафеме. Всякое извинение и оправдание сего — неоправданно и является непщеванием вины о гресех...

В прошлое воскресенье я поднялся на вершину Всех Святых и пророка Илии... и, преклонив колена пред их чтимой иконой, со слезами молил их вразумить меня, какому календарю я, убогий, должен следовать вместе с моей братией, моими духовными чадами и всеми православными христианами. Прежде, чем я окончил свою смиренную и жалкую молитву, я услышал внутри себя голос, говорящий: "Ты должен следовать старому календарю, который богоносные отцы, собиравшиеся на семи святых Вселенских Соборах и утвердившие Православную веру, предали тебе, а не новому календарю западных пап, расколовших Единую, Святую, Соборную и Апостольскую Церковь и извративших апостольские и отеческие предания!"

В этот миг я почувствовал такое волнение, такую радость, такое упование, такое воодушевление и душевный подъем, какие навряд ли когда испытывал в часы молитвы во всю мою жизнь...

Не думайте, что следование папистскому календарю — это что-то несущественное. Православный юлианский календарь — это предание, и как таковое мы должны хранить его, иначе мы подпадем под анафему. "Аще кто отметает любое предание,

писанное или неписанное, да будет анафема", — провозглашает Седьмой Вселенский собор... Сейчас не время продолжать хранить молчание, ...не медлите же, спешите" (58).

Отец Филофей описал в своем письме еще и другой знаменательный случай. Он писал, что Хризостом Пападопулос сказал ему при встрече: "Если бы я не сделал этого, о, если бы я только этого не сделал! Этот проклятый Мелетий держал меня за горло!" (59)

И сам Метаксакис не избежал возмездия. В 1935 г., после смерти патриарха Иерусалимского Дамиана, он пытался заполучить также и эту кафедру, но не преуспел. Говорят, что затем он сошел с ума и через шесть дней умер, скрежеща зубами, ломая себе руки и жалобно стеная: "Я мучаюсь, потому что я разделил Церковь!" (60)

Он лгал до конца; ибо, хотя он и погубил самого себя, отделив себя от Истинной Церкви и Православия (61), сама Истинная Церковь осталась неразделенной, и Православие пребудет неодолимым во веки веков.

53 Свт. ИОАНН ЗЛАТОУСТ, Беседы на Послание к Ефесянам. IV, 4.
54 Св. АВГУСТИН, Беседы на Псалмы. 37, 4.
55 Архимандрит ИУСТИН (ПОПОВИЧ), Православная Церковь и экуменизм (М., 1993) 34–35.
56 Цщнх do FБгЯпх IПспхт (1988) 57–58. Ср. Толкование св. Никодима Святогорца на 31 Апостольское правило: "Как церковные предания имеют нужду в вере, так же и вера нуждается в церковных преданиях; и сии два нельзя отделить друг от друга".
57 См.: V. MOSS, The Truth is One // The Imperishable Word (Old Woking: Gresham Books, 1980) 5.
58 FЙеспмьнбчптИЕПДЩСЗФПУМБХСПУ, Рблбй'нкбr нЭпн: SЕПсипдпоЯбкбr БIсеуйт (ЕБиунбй, 1991) 24–25.
59 МБХСПУ, Рблбй'нкбr нЭпн... 25.
60 Ibid. 25
61 В принятом в 1998 г. Синодом Истинно-Православной Церкви Греции под председательством архиепископа Афинского Хризостома II тексте анафематствования ереси экуменизма в Неделю Православия содержатся персональные анафематизмы Мелетию Метаксакису и Хризостому Пападопулосу.

ГЛАВА III.
РОССИЯ: СОВЕТИЗАЦИЯ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

Горе глаголющим лукавое доброе и доброе лукавое,
полагающим тьму свет и свет тьму,
полагающим горькое сладкое и сладкое горькое.

Исаия 5:20

Хотя патриарх Тихон и отразил опасность со стороны обновленцев, он еще не разглядел хорошенько опасности со стороны поддерживавшего их коммунистического правительства, которое не стало менее враждебным Церкви, чем прежде, и которое через патриаршее "раскаяние" 1923 г. сумело заставить его приглушить свою критику.

Давление на патриарха

С июля 1923 г. ГПУ-шник Тучков выдвинул пред патриархом несколько требований (1). Первое заключалось в поминовении советских властей за богослужением. Была установлена следующая формула поминовения: "О стране Россійстей и о властех ея". Отец Василий Виноградов, которому было поручено распространение указа об этом по приходам, говорил, что Тихон издал его под нажимом епископа Илариона (Троицкого) (2). Однако, на приходах вместо слов "и о властех" стали произ- носить сходное по звучанию "и областех". Вскоре опустили и всю фразу.

Хотя патриарх и уступил в вопросе о поминовении, он со всей твердостью отказался, как пишет В. Русак, "признать навязываемый ему принцип регистрации духовенства и церковных общин и согласования с властями назначений архиереев, и в целом он отверг любые меры, которые означали бы вмешательство государства во внутренние дела Церкви", в чем он имел сильную поддержку со стороны епископа Илариона (3).

Вторым требованием Тучкова было введение нового, григорианского календаря вместо церковного, юлианского. Сам Тихон писал: "Это требование, много раз повторенное, было подкреплено обещанием более благоприятного отношения правительства к Православной Церкви и ее учреждениям в случае Нашего согласия и угрозой ухудшения этих отношений в случае Нашего отказа" (4). Отношение Тихона к перемене календаря было сравнительно "либеральным", и он вместе с "малым собором" архиереев действительно выпустил указ о введении нового стиля со 2/15 октября 1923 г. Но когда он узнал, что Александрийский и Иерусалимский патриархаты, так же как и Русская Церковь в изгнании были против перемены (предложенной Вселенским патриархом Мелетием IV); и когда он увидел, что русский народ также сильно противился этому указу, точно так же, как подобному указу обновленцев несколькими месяцами раньше, — тогда он 26 октября / 8 ноября выпустил следующий указ: "Повсеместное и обязательное введение нового стиля в церковное употребление временно отложить" (5) .

Когда же, несмотря на это, правительственные агенты стали распространять копии уже отмененного теперь указа о введении нового стиля, народ увидел в этом очевидное вмешательство государства в это дело, что лишило патриарха возможности вернуться к этому вопросу во все время его патриаршества (6).

Третьим пунктом Тучков потребовал, чтобы патриарх вступил в общение с обновленцами. Противостоять этому требованию было трудно, поскольку, помимо давления извне, некоторые из ближайших помощников патриарха, такие как епископ Иларион (Троицкий), были за то, чтобы пойти на некое соглашение ради церковного единства. Но в этом вопросе на помощь осажденному со всех сторон патриарху пришел бывший ректор Московской Духовной Академии и настоятель Московского Данилова монастыря архиепископ Волоколамский Феодор (Поздеевский).

Будущий архиепископ Чилийский Леонтий, пребывавший в то время в Даниловом монастыре, вспоминает:

"Весь православный епископат и народ почитали его [владыку Феодора] за принципиальность, бескомпромиссное и прямолинейное отношение к советской власти. Он считал, что до тех пор, пока Православная Церковь не получит право на действительно свободное существование, не может быть никаких разговоров с большевиками. Власть только обманывает, ничего из обещанного не исполняет, а наоборот, обращает все во зло Церкви. Поэтому лучше было бы Святейшему патриарху Тихону сидеть в тюрьме и там умереть, чем вести разговоры с большевиками, потому что уступки могут привести Православную Церковь, в конце концов, к постепенной ее ликвидации и смутят всех, как в России, так и, особенно, за границей. Это было время, когда Святейший патриарх был выпущен на свободу.

Архиепископ Феодор почитал и жалел Святейшего, но находился в оппозиции к нему. Несмотря на настойчивые просьбы Святейшего, он отказывался принять участие в патриаршем управлении. Епископов, дискредитировавших себя в вопросах о "Живой церкви", не принимал. Он мало верил в их покаяние. Принимались и часто жили в Даниловом монастыре епископы стойкие. Иногда число их доходило до десяти и более. Все, освободившиеся из тюрем или возвращавшиеся из ссылок, находили там приют. Братия состояла из людей идейных и высококультурных. Немало вышло оттуда епископов-исповедников. Строгая духовная школа владыки Феодора налагала на монастырь особый отпечаток. За исключением двух послушников, все братия Даниловского монастыря стойко и достойно понесли свой исповеднический крест.

В эти годы монастырские храмы Даниловского, Донского, Симонова монастырей всегда были полны народу. Но уже чувствовалось, что все это доживает свои последние дни...

...И по выходе Святейшего из тюрьмы аресты епископов не прекращались" (7) .

Выйдя из тюрьмы летом 1923 г., патриарх созвал собор архиереев, известный как "Малый Собор", в Михайловской церкви Данилова монастыря. М. Е. Губонин пишет: "Малый Собор" состоялся в связи с возникновением (будто бы) в среде епископата вопроса о дальнейшей целесообразности управления Церковью патриархом после освобождения его из заключения, т. к. в перспективе он подлежал гражданскому "суду"; высказывались соображения в пользу воздержания его от управления до этого "суда" (8).

Более того, один из архиереев заявил, что Святейший скомпрометировал себя как глава Церкви тем, что оказался неспособным вовремя предотвратить возникновение обновленческого мятежа и тем, что допустил такую катастрофическую дезинтеграцию Российской Церкви.

Однако, некоторые "даниловские" иерархи на Соборе высказались ясно и сильно в защиту патриарха, заявив, что его деятельность была безупречной. В результате выступление против патриарха было подавлено, и Собор оффициально заявил о своей сыновней преданности и благодарности его Святейшеству за понесенные во благо Церкви тяготы. Более того, его попросили не покидать свой пост, но продолжать нести крест управления.

Впоследствии патриарх послал письмо архиепископу Феодору, благодаря его за линию "даниловских" архиереев на Соборе (9).

Но давление на патриарха с целью добиться от него согласия на уступки продолжалось даже со стороны ближайших к нему епископов. Так, в августе в Москве его помощник епископ Иларион просоветски высказывался в том смысле, что Церковь теперь "меняет свои ориентиры и определенно отмежевывается от контрреволюции, и приветствует новые формы советского устройства" (10) .

Поэтому неизбежно назревала новая конфронтация между "левым крылом" патриаршей Церкви, представленным епископом Иларионом и архиепископом Серафимом (Александровым), и "правым крылом", представленным архиепископом Феодором. Их столкновение произошло, когда патриарх созвал архиереев обсудить предложение обновленцев о восстановлении общения. Условие, предъявленное еретиками, состояло в добровольном отказе патриарха от своего патриаршества...

"Несмотря на оскорбительный тон послания [обновленцев], — пишет протоиерей Владислав Цыпин, — патриарх, ради спасения заблудших, ради церковного мира был готов к переговорам с обновленцами". В этом его поддерживал временный патриарший Синод. Архиепископы Серафим (Александров), Тихон (Оболенский), Иларион (Троицкий) открыли переговоры с лжемитрополитом Евдокимом об условиях восстановления церковного единства. Решительным противником таких переговоров был бывший ректор Московской Духовной Академии, архиепископ Волоколамский Феодор, настоятель Данилова монастыря.

В конце сентября 1923 г. в Донском монастыре состоялось совещание двадцати семи православных архиереев для обсуждения результатов переговоров с лжемитрополитом Евдокимом о преодолении раскола. Архиепископ Феодор не явился на совещание, но в нем участвовало много его сторонников и единомышленников" (11) .

Епископ Курский Гервасий писал об этом соборе:

"Архиепископ Серафим (Александров) в конце своего краткого доклада упомянул, что очень желательно было бы присутствие на этом совещании архиепископа Феодора (Поздеевского), как авторитетного ученого и популярного в Москве святителя.

Оффициальное приглашение архиепископу было передано, но он ничего не ответил и сам не явился на это собрание. Но если на этом собрании и не было архиепископа Феодора, то были здесь почитатели его. Так, некто епископ Амвросий, бывший Винницкий, викарий Подольский, сторонник архиепископа Феодора, выступил с речью по существу доклада архиепископа Серафима. Он начал свою речь приблизительно так: "Меня удивляет, почему вы, ваше преосвященство, называете Евдокима — митрополитом? Признаете ли вы его за законного архиерея?" Закрытой баллотировкой проект примирения и соединения с обновленцами большинством голосов был провален, и собрание было закрыто" (12).

Епископ Гервасий продолжает: "Архиепископ Феодор жил тогда в Даниловом монастыре, который был тогда местопребыванием еще нескольких, крайне консервативных и очень стойких, архиереев антониевской школы — епископа Пахомия и других. Завсегдатаями были архиепископ Угличский Серафим (Самойлович), архиепископ Гурий (Степанов) и митрополит Серафим (Чичагов). Архиепископ Феодор мне говорил, ругая Илариона, что он погубит патриарха Тихона и Церковь, ...если же патриарха Тихона не будет, то власть не допустит вообще в России патриаршества, а без патриаршества для Церкви — крах" (13).

Хотя патриарх и называл "даниловцев" в шутку "конспиративным синодом", но продолжал выражать горячую признательность за их твердость. Так, в октябре 1923 г. он предложил владыке Феодору Петроградскую кафедру с возведением его в сан архиепископа. Владыка Феодор, однако, отклонил это предложение, предпочтя остаться в пределах Московской Епархии.

Тучков же продолжал настаивать на объединении патриаршей Церкви с обновленцами. В 1924 г. он потребовал, чтобы председатель Центрального комитета "Живой церкви" Красницкий был допущен в общение с патриаршей Церковью с целью подготовки к созыву Поместного Собора с участием тихоновцев и обновленцев. Целью коммунистов было создание такого союза двух церквей, который позволил бы им осуществлять полный контроль над обеими.

Сначала, 6/19 мая 1924 г., патриарх "ради мира и блага Церкви, как выражение патриаршей милости", согласился было принять Красницкого в общение и поставить пред Священным синодом вопрос о его включении в Высший Церковный Совет (14). И 8/21 мая Красницкий был введен в состав ВЦС (15). Однако, Красницкий вскоре показал свое истинное лицо, явившись без приглашения в патриаршую резиденцию в Донском монастыре и потребовав сохранения за собою титула "протопресвитер Всея Руси", присвоенного ему обновленческим собором в 1923 г. (16).В конце концов, когда возвратившийся из ссылки митрополит Кирилл Казанский убедил патриарха исключить Красницкого, требование Тучкова касательно объединения с обновленцами также было отвергнуто (17).

В этот период патриарх, будучи под особенно сильным давлением ГПУ, по существу не контролировал ход церковной жизни. "Я посылаю архиереев на юг, — говаривал он, — а власти посылают их на север" (18).

И все же Церковь, хотя и лишенная единого кормчего на земле, продолжала управляться своим Главой, Иже на небеси, Господом Иисусом Христом. Более того, хотя бы патриарх даже и не мог действенно управлять Церковью, самый факт его существования во главе ее административной структуры имел для нее великое объединяющее значение. Ибо поминовение патриарха за богослужением было внешним видимым знаком верности Православию и свободы от темных сил революции.

1 См.: РКЛИЦКИЙ, Жизнеописание Блаженнейшего Антония... Т. VI. 181–183.
2 ПОСПЕЛОВСКИЙ, Обновленчество: переосмысление течения... 63.
3 РУСАК, Свидетельство обвинения... 173.
4 ГУБОНИН, Акты... 299–300, 335.
5 Там же. 300, 335.
6 Там же. 335–338.
7 Архиепископ ЛЕОНТИЙ, Воспоминания. Цит. по: Монахиня ИОАННА (ПОМАЗАНСКАЯ), Исповеднический путь владыки Феодора // Православная жизнь 47, № 9 (549) (Сентябрь 1995) 24.
8 ГУБОНИН, Акты... 737.
9 ГУБОНИН, Акты... 737.
10 Цит. по: POSPIELOVSKY, The Russian Church under the Soviet Regime... Vol. 2. 483.
11 В. ЦЫПИН, История Русской Православной Церкви (М., 1994). Цит. по: ПОМАЗАНСКАЯ, Исповеднический путь владыки Феодора... 18.
12 ПОМАЗАНСКАЯ, Исповеднический путь владыки Феодора... 19–20.
13 Там же. 20.
14 ГУБОНИН, Акты... 317.
15 ГУБОНИН, Акты... 319, 745–746.
16 Даже большевики понимали чрезмерность притязаний Красницкого. См.: САВЕЛЬЕВ, Бог и комиссары... 190, 195.
17 См. резолюцию патриарха, адресованную духовенству Елисаветграда от 26 июня / 9 июля: ГУБОНИН, Акты... 325.
18 ГУБОНИН, Акты... 348.

Концепция Катакомбной Церкви

Незадолго до своей смерти, последовавшей на праздник Благовещения в 1925 г., патриарх доверил своему личному врачу и другу Михаилу Жижиленко свое предчувствие, что все возрастающее давление правительства вынудит однажды предстоятелей Церкви уступить более, чем это допустимо, и что истинной Церкви придется тогда уйти в катакомбы, подобно римским христианам древности. И он посоветовал своему другу, бывшему вдовцом, чтобы, когда придет время, он принял бы монашеский постриг и епископское посвящение.

Время пришло в 1927 г., когда вышла знаменитая декларация митрополита Сергия, и Михаил Жижиленко, следуя совету своего наставника, стал в 1928 г. первым епископом Катакомбной Церкви, за что в 1931 г. в Соловках поплатился жизнью. Таким образом, концепция и даже само имя Катакомбной Церкви была предвидена самим патриархом; это была и есть "Тихоновская" Церковь. Сложная и запутанная

история осуществления патриаршего предречения и составляет содержание оставшейся части этой главы (19) .

Но вначале — несколько слов о понятии Катакомбной Церкви. Сам термин приводит на память положение христиан в римскую эпоху и в эпоху иконоборческих гонений, когда Церковь была вынуждена жить в полулегальном или нелегальном положении по отношению к государству. Если такой шаг был необходим при языческих римских и еретических византийских императорах, то естественно было ожидать, что она потребуется и при воинственно-безбожных комиссарах советского антигосударства, чья враждебность к религии была более жестокой, чем у тех императоров, и чей первый вождь был похоронен в мавзолее, копировавшем первый алтарь, посвященный почитанию императора Августа, "престол сатанин" в Пергаме (Апок. 2:13).

В 1918 г. патриарх Тихон призвал верных создавать братства для защиты православной веры. Н. Шеметов пишет: "Возникавшие по благословению патриарха братства отнюдь не упразднили приходов там, где они продолжали существовать; братства лишь восполняли недостатки приходов" (20).

Фактически, организация неоффициальных катакомбных общин стала необходимой, поскольку стало ясно, что богоненавистническое государство решилось на уничтожение Православной Церкви. Так, согласно архиепископу Лазарю (Журбенко), "катакомбы начались еще в 1922 г., когда началось обновленчество. Оптинские старцы благословили христиан идти в катакомбы. Первые известные нам катакомбы образовались в г. Козлове (ныне Мичуринск), где находился схиархимандрит Иларий. В 1927 г., после сергиевской декларации, по благословению святителей Петра (Зверева) и Алексия (Буй), по всей России начали создаваться катакомбы" (21) .

Первым епископом, о котором известно, что он был тайно рукоположен, был схиепископ Макарий (Васильев), посвященный во епископа Маловишерского в 1923 г. архиепископом Андреем Уфимским, епископом Михеем (бывшим Уфимским, проживавшем на покое в Оптиной пустыни) и епископом Стефаном (Бехом) (22). Более того, "даниловцы" в Москве и "андреевцы" на Урале были уже готовы к уходу Церкви в катакомбы. Они ясно видели, что Церковь не может дальше служить открыто и одновременно содержать чистое исповедание веры, незапятнанное компромиссом с коммунистами или обновленцами. История Церкви 1920-х–1930-х гг. в значительной мере подтвердила их правоту...

19 См.: ANDREYEV, Russia’s Catacomb Saints... 56.
20 Н. ШЕМЕТОВ, Христос посреди нас // Московский церковный вестник. № 11 (29) (Май 1990) 3. См. также: Д. ПОСПЕЛОВСКИЙ, Община, братство, приход // Московский церковный вестник. № 18 (36) (Август 1990) 6.
21 Владыка Лазарь отвечает на вопросы редакции // Православная Русь. № 22 (15/28 ноября 1991) 5.
22 Монах АМВРОСИЙ (ФОН СИВЕРС), [Настоящая фамилия — Смирнов. Подробнее о нем и его деятельности см.: Вертоградъ-Информ. № 8 (41) (1998) 24; № 4 (49) (1999) 36–38; № 2 (59) (2000) 46–49; № 6 (63) (2000) 28–29. — Прим. ред.] Истоки и связи Катакомбной Церкви в Ленинграде и области (1922–1992). (Доклад, прочитанный на конференции "Исторический путь Православия в России после 1917 г." С.-Петербург, 1–3 июня 1993).

Митрополит Петр Крутицкий

25 марта / 7 апреля 1925 г. Святейший патриарх Тихон почил о Господе (существуют сильные подозрения, что он был отравлен). 30 марта / 12 апреля завещание покойного патриарха от 25 декабря 1924 г. / 7 января 1925 г. было вскрыто и прочитано. Оно гласило, что в случае смерти патриарха и отсутствия первых двух кандидатов на пост патриаршего местоблюстителя "патриаршие права и обязанности, до законного избрания нового патриарха, ...переходят к высокопреосвященному Петру, митрополиту Крутицкому". В момент смерти патриарха первые два иерарха, указанные им кандидатами на пост местоблюстителя, митрополиты Кирилл Казанский

и Агафангел Ярославский, были в ссылке. Посему пятьдесят девять (по другому источнику тридцать семь) собравшихся архиереев решили, что "митрополит Петр не может уклониться от данного ему послушания и ...должен вступить в обязанности патриаршего местоблюстителя".

Однако, не все даже из православных епископов признали руководство митрополита Петра. Так, архиепископ Андрей Уфимский, который уже провозгласил свою епархию автокефальной на основании Указа патриарха Тихона № 362 от 7/20 ноября 1920 г., заявил: "Я не могу признать над собою, как епархиальным епископом, чье-либо руководство впредь до канонического Собора. Я очень твердо знаю свои канонические обязанности, чтобы не забыть своих прав оберегать свою паству от всякого недостойного "епископата" и от всяких темных сил, расхищающих наше духовное стадо. Кроме этих соображении, я, в силу 76-го Апостольского правила и 23-го правила Антиохийского собора, не могу признать передачи управления всею Церковью по каким-то тайным завещаниям духовным. Эта игра в завещания совсем не канонична" (23).

Передача церковной власти по завещанию действительно не имела себе прецедента, но поскольку она получила признание Собора 1917–18 гг., навряд ли можно сказать, что она явилась нарушением соборного сознания Церкви.

Первой необходимостью Церкви в это время был созыв Собора для избрания нового патриарха. Но, конечно, ГПУ не собиралось это допускать. Им нужна была ручная Церковь — т. е. такая, которая приняла бы от государства легализацию на его условиях. Или — если это не получится — новый раскол. И это лишь как ступень к полному и окончательному уничтожению Церкви, ибо, как сказал член ЦК и ведущий идеолог партии И. И. Скворцов-Степанов в 1922 г., хотя расколы в Церкви были и в интересах партии, в принципе партия остается врагом всякой религии и будет в конце концов бороться против них всех (24).

Воодушевленные смертью патриарха, обновленцы стали предпринимать энергичные попытки достичь единства с патриаршей Церковью во время своего второго собора, проходившего осенью 1925 г. Их попытки диктовались советскими властями, пытавшимися всеми способами давления принудить архиереев их союзу с обновленцами. Митрополит Петр, однако, оказался, по выражению коммунистов, "крепким орешком", камнем, на который всуе вздымались врата адовы. Он отклонял любые инициативы к объединению с обновленцами.

И в своем послании, датированном 15/28 июля 1925 г., после протеста против сектантской и униатской пропаганды, отвлекающей силы Церкви от главной борьбы с атеизмом, он касается и обновленчества:

"В настоящее время так называемые обновленцы все более и более говорят о соединении с нами. По городам и уездам они собирают собрания, приглашают на них православных клириков и мірян для совместного обсуждения вопроса о соединении с нами и для приготовления к созываемому ими осенью текущего года своему новому лжесобору. Но нужно твердо помнить что по каноническим правилам Вселенской Церкви все такие самочинно устраиваемые собрания, как и бывшее в 1923 г. живоцерковное собрание, незаконны. Поэтому на них присутствовать православным христианам, а тем более выбирать от себя представителей на предстоящее собрание канонические правила воспрещают. По 20-му правилу Антиохийского Собора, "никому да не будет позволено составляти соборы самим по себе, без тех епископов, коим вверены митрополии". В Святой Божией Церкви законно и канонично только то, что благословлено Богоучрежденною Церковною властию, преемственно сохраняющейся от времен Апостольских. Все же самочинное, все, что совершалось обновленцами без соизволения в Бозе почившего Святейшего патриарха, все, что теперь совершалось без благословения Нашей мерности — местоблюстителя патриаршего, действующего в единении со всей православной законной иерархией, — все это не имеет силы по канонам Святой Церкви (Апостольские правила 34, 39), ибо истинная Церковь едина и едина пребывающая в ней благодать Всесвятаго Духа: не может быть двух Церквей и двух благодатей. "Едино тело и един Дух, якоже и звани бысте во едином уповании

звания вашего. Един Господь, едина вера, едино крещение, един Бог и Отец всех" (Еф. 4:4–6).

Не о соединении с Православной Церковью должны говорить так называемые обновленцы, а должны принести искреннее раскаяние в своих заблуждениях. Главные их заблуждения состоят в том, что, отступив самочинно от законной иерархии и ее главы, Святейшего патриарха, они пытались обновить Христову Церковь самочинным учением (Живая Церковь № 1, 11), они извратили церковные правила, установленные Вселенскими соборами (Постановление лжесобора 4 мая 1923 г. н. ст.); они отвергли власть патриарха, соборне установленную и признанную всеми Восточными православными патриархами, т. е. отвергли то, что признало все Православие, и кроме этого, на своем соборе осудили его. Вопреки правилам Св. апостолов, Вселенских Соборов и Св. Отцев (Апостольские правила 17, 18; VI Вселенского собора правила 3, 12, 48; св. Василия Великого правило 12), они разрешают епископам быть женатыми и клирикам второбрачными, т. е. нарушают то, что вся Вселенская Православная Церковь признает для себя законом и что может быть изменено только Вселенским Собором.

Присоединение к Святой Православной Церкви так называемых обновленцев возможно только при том условии, если каждый из них в отдельности отречется от своих заблуждений и принесет всенародное покаяние в своем отпадении от Церкви. И Мы непрестанно молим Господа Бога, да возвратит Он заблудших в лоно святой Православной Церкви" (25).

Послание оказало отрезвляющее и укрепляющее действие на многих колебавшихся клириков. Даже обновленческий "Вестник Священного Синода" был вынужден признать, что оно сразу по своем выходе ослабило позиции "левых" среди тихоновцев. Поэтому на своем обновленческом "соборе" "митрополит-благовестник" Введенский публично объявил о связях митрополита Петра с заграничными монархическими кругами, в доказательство чего привел сфабрикованное им разоблачение, якобы написанное обновленческим "епископом" Николаем Латиноамериканским (26).

Большевики с готовностью оказали обновленцам поддержку в их войне против Петра. Так, С. Савельев пишет: "11 ноября 1925 г. Ярославский, Скворцов-Степанов, Менжинский обсуждали доклад Тучкова "О дальнейшей политике в связи со смертью Тихона". Было дано общее указание ОГПУ ускорить проведение наметившегося раскола среди сторонников Тихона. Конкретные меры были указаны с предельной откровенностью: "В целях поддержки группы, стоящей в оппозиции к Петру (местоблюстителю патриаршества...), поместить в Известиях ряд статей, компрометирующих Петра, воспользовавшись для этого материалами недавно закончившегося обновленческого собора"... Цензура и редактирование статей было возложено на партийного философа Скворцова-Степанова. Ему помогали Красиков (наркомюст) и Тучков (ОГПУ). Этой тройке была поручена цензура декларации против Петра, готовящейся от оппозиционной тихоновцам группы. Одновременно с публикацией в "Известиях" провокационных статей против патриаршего местоблюстителя антирелигиозная комиссия поручила ОГПУ "начать против Петра следствие" (27).

Тем временем, Тучков начал переговоры с митрополитом Петром относительно "легализации" Церкви. Эта "легализация" обещала облегчить бесправное положение Церкви, но на следующих условиях: 1) выпуск декларации определенного содержания; 2) исключение из рядов епископата лиц, неугодных властям; 3) осуждение заграничных архиереев и 4) участие правительства в лице Тучкова в будущей деятельности Церкви (28) . Однако митрополит Петр отказался принять эти условия, а также отказался подписать текст предложенной ему Тучковым декларации. Он оставался камнем на пути осуществления атеистами своих планов захвата контроля над Церковью. Ибо он однажды сказал Тучкову: "Вы все лжете; ничего не дадите, а только обещаете; а теперь потрудитесь оставить комнату. У нас будет заседание".

Митрополит Петр, должно быть, предвидел свою судьбу. Ибо 22 ноября / 5 декабря 1925 г. он составил завещание на случай своей смерти, а на следующий день другое, на случай ареста, где указал имена трех заместителей: митрополита Сергия

Нижегородского, митрополита Михаила, экзарха Украины, и архиепископа Иосифа Ростовского (29). 9 декабря Антирелигиозная комиссия (более точно: "Комиссия ЦК по проведению в жизнь декрета об отделении церкви от государства") одобрила деятельность ОГПУ по созданию в Церкви враждующих друг с другом группировок. Было определено также время ареста митрополита Петра. И на следующий день, 10 декабря, он был помещен под домашний арест (30)...

12 декабря митрополита Петра взяли во внутреннюю тюрьму на Лубянке. Одновременно была арестована целая группа проживавших в Москве архиереев, которые были, по мнению ГПУ, единомышленны с ним. Это были архиепископы Николай Владимірский, Пахомий Черниговский, Прокопий Херсонесский и Гурий Иркутский, и епископы Парфений Ананьевский, Дамаскин Глуховский, Тихон Гомельский, Варсонофий Каргопольский и другие. Коммунисты устранили последнего канонического предстоятеля Российской Церкви и были готовы теперь представить своего кандидата на Всероссийский престол.

23 Цит. по: Монах АМВРОСИЙ (ФОН СИВЕРС), Экклесиология Андрея Уфимского (кн. Ухтомского) // Вестник Германской Епархии Русской Православной Церкви Заграницей. № 1 (1993) 20. Согласно некоторым источникам, архиепископ Андрей был запрещен в служении митрополитом Петром и в 1926 г. присоединился к старообрядцам. Согласно другим, однако, такого запрещения не существовало, и ситуация в целом была более запутанная. См.: ФОН СИВЕРС, Указ. соч. 20. См. также: Епископ ГРИГОРИЙ (ГРАББЕ), По поводу статьи об архиепископе Андрее (кн. Ухтомском) // Вестник Германской Епархии Русской Православной Церкви Заграницей. № 3 (1993) 14.
24 POSPIELOVSKY, The Russian Church under the Soviet Regime... Vol. 1. 91, примеч.
25 ГУБОНИН, Акты... 418–421.
26 См.: ГУБОНИН, Акты... 744–745.
27 САВЕЛЬЕВ, Бог и комиссары... 199–200.
28 ГУБОНИН, Акты... 402.
29 См.: В объятиях семиглавого змия... 47. Согласно анонимному автору этого сочинения, митрополит Петр сделал два завещания насчет своих заместителей. В первом были три имени, как здесь указано. Во втором было четыре: митрополит Кирилл, митрополит Агафангел, митрополит Арсений, митрополит Сергий. Поскольку Сергий был всего лишь четвертым по порядку во втором списке, он умалчивал о нем.
30 Однако, схиепископ Петр (Ладыгин), ставший впоследствии одним из лидеров Катакомбной Церкви, приводит другое описание, явно обвиняющее Сергия. См.: Краткое описание биографии мене, недостойного схиепископа Петра Ладыгина // Церковная жизнь. № 7–8 (Июль–август 1985) 152–153.

Выдвижение митрополита Сергия

События, последовавшие за арестом митрополита Петра, не вполне ясны. Известно, что имела место борьба за власть между архиепископом Григорием Екатеринбургским (Свердловским) с группой единомышленных с ним архиереев, с одной стороны, и митрополитом Сергием Нижегородским (Горьковским), с другой, — борьба, которую Сергий в конце концов выиграл. Считается обычно, что григориане были агентами атеистических властей, а Сергий провалил их заговор. На деле же, возможно, власти использовали обе группы одну против другой и приветствовали любой исход их борьбы, который обеспечил бы им церковного лидера более уступчивого, чем митрополит Петр.

Наиболее вероятная схема дальнейших событий выглядит примерно так. 1/14 декабря митрополит Сергий, хотя он и не имел в то время возможности выехать из Нижнего Новгорода, заявил, что он, согласно инструкции митрополита Петра, вступает в управление Церковью. Однако ОГПУ воспрепятствовало ему приехать в Москву, и 9/22 декабря 1925 г. группа из девяти архиереев с архиепископом Григорием во главе собралась в Донском монастыре. Григориане, как их стали называть, затем заявили, что поскольку деятельность митрополита Петра была контрреволюционной, и поскольку с его арестом Церковь лишена кормчего, то они теперь организуют Временный Высший Церковный Совет. 20 декабря / 2 января эта организация была легализована властями.

1/14 января митрополит Сергий написал архиепископу Григорию, потребовав объяснений по поводу узурпации им власти. Григорий ответил 9/22 января, что хотя они признают права трех местоблюстителей, но относительно Сергия "такого соборного решения не знают, а передачу церковного управления и власти по единоличному письму считают не соответствующим духу и букве свв. канонов" (31). Это было совершенно справедливое замечание, и оно впоследствии было повторено несколькими катакомбными епископами. Но Сергий 16/29 января отписал Григорию, обвиняя его и с ним бывших архиереев, запрещая их в священнослужении и объявляя все рукоположения, назначения, награждения и т. д., совершенные ими начиная с 9/22 декабря, недействительными. В тот же день три григорианских епископа написали митрополиту Петру, заявляя, что во время их декабрьской встречи они не знали о том, что он передал свои права Сергию, и просили его благословить их управление. Свободный доступ григориан к митрополиту Петру в этот период и тот факт, что Сергию сперва не было позволено приехать в Москву, доказывает, что ОГПУ, хотя и не было против Сергия, все же сначала предпочитало григориан, больше надеясь на них в своих замыслах разделения Церкви (32).

Опасаясь анархии в Церкви, митрополит Петр отчасти благословил начинание григориан. Однако, вместо григорианского синода он создал временную "коллегию" для управления Церковью, включавшую в себя архиепископа Григория, архиепископа Владимірского Николая (Добронравова) и архиепископа Томского Димитрия (Беликова), которые были известны своей твердостью. Это распоряжение было сделано им во время встречи с григорианами в помещении ГПУ 19 января / 1 февраля. Тучков, присутствовавший при этой встрече, умолчал о том факте, что архиепископ Николай был в тюрьме. Он согласился вызвать Димитрия из Томска и даже показал Петру телеграмму. Но он так никогда и не послал ее. Когда Петр, почуяв что-то неладное, попросил о включении в коллегию архиереев митрополита Арсения (Стадницкого), Тучков опять согласился и пообещал подписать телеграмму Петра к нему. Эта телеграмма также не была отослана.

По мнению Л. Регельсона, действия митрополита Петра касательно назначения своих заместителей не были строго каноническими и явились причиной размолвок, которыми коварно воспользовался позднее митрополит Сергий. Главный иерарх не имеет права передавать всю полноту своей власти другому иерарху, как личному наследнику; только Собор, представляющий всю Поместную Церковь — ибо только ей одной обетовал Христос даровать Свою милость — имеет право избирать заместителя патриарха. Назначение патриархом Тихоном трех местоблюстителей было исключительной мерой, однако применение этой меры было вверено ему Московским Собором 1917–18 гг. и, следовательно, имело законную силу. Но Собор не сделал никаких распоряжений на случай смерти или каких-либо других устранений этих трех лиц. В подобных случаях патриаршая власть временно прекращается, и до созыва следующего Собора епископы осуществляют самостоятельное управление своими епархиями, поддерживая в то же время связь с соседними, в соответствии с патриаршим Указом № 362 от 7/20 ноября 1920 г.

В защиту митрополита Петра следует сказать, что он не собирался, по всей вероятности, передавать митрополиту Сергию всю полноту власти, но лишь полномочия повседневного управления административным механизмом (33). Это предположение подтверждается декларацией митрополита Петра от 23 ноября / 6 декабря 1925 г., в которой он дает указания на случай своего ареста: даже "коллегия" иерархов, выражающая его власть как патриаршего местоблюстителя, не может решать принципиальные вопросы, касающиеся всей Церкви, претворение в жизнь которых может быть позволено "только с благословения" митрополита Петра. Должно быть, он имел в виду аналогичные ограничения патриарха Тихона в отношении обновленцев, пытавшихся захватить управление Церковью в мае 1922 г.

Кроме того, во всех своих заявлениях митрополит Петр требовал, чтобы его имя как патриаршего местоблюстителя возносилось за богослужением, а у патриарха Тихона не было подобного требования, когда он передал полноту своей власти митрополиту Агафангелу. Разница здесь состоит в том, что патриарший местоблюститель юридически имеет всю полноту власти канонически избранного патриарха, и лишить его этой власти не имеет права никто, кроме канонически созванного Собора всей

Поместной Церкви; в то время как заместитель местоблюстителя не имеет такой полноты власти и должен сложить свои полномочия, как только этого потребует собор или патриарший местоблюститель.

Но почему же тогда митрополит Петр не ввел в действие указ № 362 и не благословил децентрализацию церковного управления? Вероятно, тому были две важные причины.

1) Восстановление патриаршества было главным деянием Собора 1917–1918 гг., оказавшимся чрезвычайно популярным. Его отмена вполне могла бы быть сильным психологическим ударом для масс, которые были недостаточно образованы, чтобы понять, что Церковь в таком случае продолжает существовать или в централизованной (хотя и не в папистской) форме, как это было на Востоке с 313 по 1917 гг., или в децентрализованной форме, как это было в катакомбный период до Константина Великого и во время иконоборческих гонений в восьмом и девятом веках.

2) У обновленцев, которые все еще представляли собой, в глазах митрополита Петра, главную угрозу для Церкви, не было патриарха, и их организация парадоксальным образом была ближе к синодальной структуре дореволюционной Церкви, зависевшей от государства. Наличие или отсутствие патриарха или его заместителя, таким образом, было для необразованного верующего главным отличительным признаком между истинной Церковью и лжецерковью.

Обратимся теперь к дальнейшему ходу событий. 22 января / 4 февраля 1926 г. митрополит Петр почувствовал недомогание и был помещен в тюремный госпиталь. Тем временем между григорианами и Сергием шла битва за власть над Церковью. Григориане указывали на связи Сергия с Распутиным и с "Живой церковью": "Признав "Живую церковь", митрополит Сергий принимал участие в заседаниях ВЦУ, признавал законными женатых епископов и второбрачных священников и благословил это беззаконие. Мало того, митрополит Сергий сочувствовал живоцерковному собору 1923 г., не возражал против его постановлений и, таким образом, признал Всероссийского Архипастыря нашего и отца, Святейшего патриарха Тихона, "отступником от подлинных заветов Христа, предателем Церкви", лишил его патриаршего сана и монашеского звания. ...Правда, митрополит Сергий впоследствии покаялся в этих своих ужасных преступлениях и был прощен Церковью, но это не значит, что он должен стоять во главе церковного управления" (34).

Однако, эти аргументы, хотя и обоснованные, не были достаточно вескими, чтобы поддержать положение григориан, которое резко поколебалось, когда несколько епископов объявили о своей поддержке Сергия.

Ярославский, Тучков и ОГПУ уже преуспели в создании раскола между Сергием и григорианами. Теперь они старались раздуть его еще сильнее, освободив из ссылки митрополита Агафангела, второго кандидата на пост патриаршего местоблюстителя и убедив его объявить о своем вступлении в должность местоблюстителя, что он и сделал оффициально, находясь в Перми, 5/18 апреля. На заседании 11/24 апреля в Кремле они также решили "усилить третью тихоновскую иерархию — Временный Высший Церковный Совет, возглавляемый архиепископом Григорием, как независимую единицу" (35).

9/22 апреля митрополит Сергий написал митрополиту Петру в московское ГПУ письмо, в результате которого Петр перестал поддерживать григориан и свое ответное письмо Сергию подписал: "Кающийся Петр". Интересно было бы узнать, знал ли Сергий, когда писал Петру, о заявлении митрополита Агафангела, сделанном четырьмя днями раньше. Иеромонах Дамаскин (Орловский) утверждает, что Агафангел сообщил об этом Сергию лишь несколькими днями позже (36), — но это сомнительное свидетельство (37). Если Сергий уже знал о вступлении Агафангела в права местоблюстителя, то его умолчание об этом весьма важном факте в письме к митрополиту Петру было бесчестным и лживым поступком. Ибо он должен был понимать, что митрополит Агафангел, вернувшись из ссылки (он прибыл на свою Ярославскую кафедру 14/27 апреля) имел все права воспринять власть как старейший иерарх и единственный из поименованных патриархом Тихоном местоблюстителей,

находившийся тогда на свободе. Фактически, с появлением митрополита Агафангела все претензии как григориан, так и Сергия на верховную власть в Церкви обращались в ничто. Но Сергий, вкусив власти, не собирался так скоро с ней расставаться. И как в 1922 г. права митрополита Агафангела на местоблюстительство были отвергнуты обновленцами, так и теперь тот же иерарх снова был отвергнут бывшим обновленцем Сергием.

Хроника событий показывает, как руководство Российской Церковью было узурпировано во второй раз.

17/30 апреля Сергий написал митрополиту Агафангелу, отказав ему в правах патриаршего местоблюстителя на том основании, что митрополит Петр еще не сложил с себя свои полномочия. В этом письме Сергий утверждал, что они с митрополитом Петром обменялись мнениями о письме митрополита Агафангела 9/22 апреля в Москве, — но ни митрополит Петр, ни Сергий не упоминают о митрополите Агафангеле в письмах, которыми они обменялись в тот день и которые опубликованы М. Е. Губониным (38). Поэтому представляется вероятным, что решение митрополита Петра не оставлять свой пост было основано на незнании о появлении на сцене митрополита Агафангела.

30 апреля / 13 мая митрополиты Агафангел и Сергий встретились в Москве (согласно другому источнику, в Нижнем Новгороде), где, по словам Сергия, они договорились, что если дело митрополита Петра (о незаконной передаче им власти григорианам) закончится его осуждением, то Сергий передаст свою власть митрополиту Агафангелу. Однако Сергий просто выигрывал время, чтобы привлечь по возможности больше архиереев на свою сторону. И 3/16 мая он снова написал митрополиту Агафангелу, фактически изменив своему слову, данному за три дня до того, следующее:

"Если дело кончится оправданием или освобождением митрополита Петра, я передаю ему власть, и Ваше Высокопреосвященство имеете тогда вести рассуждения уже с самим митрополитом Петром. Если же дело окончится осуждением, Вам предоставляется взять на себя инициативу возбуждения вопроса о предании митрополита Петра церковному суду.

Когда митрополит Петр будет предан суду, Вы можете предъявить свои права, как старейшего, на должность заместителя митрополита Петра, а когда суд объявит последнего лишенным должности, Вы будете вторым после митрополита Кирилла кандидатом в местоблюстители патриаршего престола" (39).

Иначе говоря, Сергий ловким и запутанным образом отверг притязания митрополита Агафангела быть законным главой Российской Церкви, хотя эти притязания были теперь более обоснованны, чем у митрополита Петра (поскольку последний сидел в тюрьме и не имел возможности управлять Церковью) и гораздо более обоснованны, чем у Сергия.

7/20 мая митр. Агафангел послал Сергию телеграмму: "Вы обещали прислать проект письма Владыкам о передаче мне полномочий церковной власти, благоволите ускорить". В тот же день Сергий ответил: "Проверив справку, я убедился в отсутствии Ваших прав; подробности письмом. Усердно прошу: воздержитесь от решительного шага". 8/21 мая митр. Агафангел послал другую телеграмму, угрожая опубликовать соглашения, достигнутые им и Сергием и нарушенные последним. 9/22 мая Сергий написал митр. Петру, предупреждая его не признавать притязаний митр. Агафангела (письмо, согласно иеромонаху Дамаскину, было доставлено лично Тучковым — ясное доказательство того, на чьей стороне было ОГПУ!). Митрополит Петр, однако, проигнорировал предостережения Сергия и написал митр. Агафангелу, поздравляя его со вступлением в права патриаршего местоблюстителя и уверяя в своей лояльности. В этот момент последняя реальная каноническая основа для Сергия удерживать власть — поддержка митрополита Петра — рухнула (40).

Но митр. Агафангел получил это письмо лишь 18/31 мая, и эта задержка — не была ли она организована ОГПУ? — оказалась решающей для судьбы Русской Церкви. Ибо

11/24 мая, после того как Сергий снова письменно опроверг притязания митр. Агафангела, последний написал: "Продолжайте управлять Церковью... Я предполагаю, ради мира церковного, отказаться от местоблюстительства" (41). В тот же день Сергий, всеми средствами стремясь к своей цели, написал управляющему Московской епархией епископу Алексию Серпуховскому насчет предания митр. Агафангела суду находящихся в Москве иерархов. Когда митрополит Агафангел наконец-таки получил письмо Петра 9/22 мая, он написал Сергию, что он пошлет ему копию, и что он принял местоблюстительскую канцелярию. Но было уже поздно, и 30 мая / 12 июня, в письме к митрополиту Петру, владыка Агафангел окончательно оставляет все претензии на местоблюстительство.

Почему митрополит Агафангел оставил должность местоблюстителя? Сергию он объяснил это своим нездоровьем, но дальнейший свет на этот вопрос проливается отчасти схиепископом Петром (Ладыгиным), который пишет, что, когда митрополит Агафангел возвратился из ссылки, "все стали приезжать к нему. Тогда Тучков с каким-то одним архимандритом приехал к Агафангелу и стал требовать от него, чтобы он передал свое управление Сергию. Митрополит Агафангел на это не согласился. Тогда Тучков заявил ему, что он сейчас же вернется опять в ссылку. Тогда Агафангел, по слабости своего здоровья и пробывши уже три года в ссылке, снял с себя управление и оставил законным Петра Крутицкого, до прибытия из ссылки второго кандидата, митрополита Кирилла". И далее он пишет: "Я услыхал об этом и лично поехал к нему в Ярославль, и он мне сам объяснил свое положение и сказал, что теперь действительно остается каноническое управление за Кириллом и временно, до прибытия Кирилла, за митрополитом Петром. Сергия и Григория он не признавал. Я его спросил: как же нам быть дальше, если ни Кирилла, ни Петра не будет? Кого же мы должны тогда поминать? Он сказал: "Вот еще есть канонический митрополит Иосиф, бывший Угличский, который в настоящее время в Ленинграде. Он был назначен Святейшим патриархом Тихоном кандидатом в случае смерти патриарха, меня, Кирилла и Антония" (42).

Поражающая своею наглостью узурпация Сергием власти вполне раскрывается в его пятом письме митр. Агафангелу, датированном 31 мая / 13 июня, в котором он отказывается подчиняться даже митрополиту Петру: "...митрополит Петр, передавший мне хотя и временно, но полностью права и обязанности местоблюстителя и сам лишенный возможности быть надлежаще осведомленным о состоянии церковных дел, не может уже ни нести ответственности за течение последних, ни тем более вмешиваться в управление ими" (43). Он также пишет, что митрополита Агафангела следовало бы предать суду за его наканоничное деяние, приветствуя которое, митрополит Петр "сам становится соучастником его и тоже подлежит наказанию" (44). Иными словами, Сергий, будучи всего лишь заместителем митрополита Петра, как патриаршего местоблюстителя, до тех пор, пока последний признавал бы его таковым, намеревался не только восхитить права настоящего местоблюстителя (а не просто заместителя), но и угрожал предать суду по обвинению в попытке узурпировать местоблюстительство двоих из трех лиц, которые одни могли законно претендовать на эту должность!

31 ГУБОНИН, Акты... 429.
32 ГРАББЕ, По поводу статьи об архиепископе Андрее... 57–58. Григорианский епископ Борис Можайский также сказал, что его Синод "получил права собраний, и зданий, и учебных заведений". См.: Там же. 61.
33 Об этом прямо сказано в двух письмах митрополита Петра, написанных им из ссылки митрополиту Сергию. Письмо первое, от декабря 1929 г.: "...Мне сообщают о тяжелых обстоятельствах, складывающихся для Церкви в связи с переходом границ доверенной Вам церковной власти. Очень скорблю, что Вы не потрудились посвятить меня в свои планы по управлению Церковью. А между тем Вам известно, что от местоблюстительства я не отказывался и, следовательно, Высшее Церковное Управление и общее руководство церковной жизнью сохранил за собою... Вам предоставлены полномочия только для распоряжения текущими делами, быть только охранителем текущего порядка. Я глубоко был уверен, что без предварительного сношения со мною Вы не предпринимаете ни одного ответственного решения, каких-либо учредительных прав я Вам не предоставлял, пока со мною местоблюстительство и пока здравствует митрополит Кирилл... Поэтому же я не счел нужным в своем

распоряжении о назначении кандидатов в заместители упомянуть об ограничении их обязанностей, для меня не было сомнений, что заместитель прав установленных не заменит, а лишь заместит, явит собой, так сказать, тот центральный орган, через который местоблюститель мог бы иметь общение с паствой. Проводимая же Вами система управления не только исключает это, но и самую потребность в существовании местоблюстителя, таких больших шагов церковное сознание, конечно, одобрить не может... Мне тяжело перечислять все подробности отрицательного отношения к Вашему управлению: о чем раздаются протесты и вопли со стороны верующих, от иерархов и мірян... Долг и совесть не позволяют мне оставаться безучастным к такому прискорбному явлению, побуждая обратиться к Вашему Высокопреосвященству с убедительнейшей просьбой исправить допущенную ошибку, поставившую Церковь в унизительное положение, вызвавшее в ней раздоры и разделения и омрачившее репутацию ее предстоятелей. Равным образом прошу устранить и прочие мероприятия, превысившие Ваши полномочия..." (Цит. по: ГУБОНИН, Акты... 681). Письмо второе, от 13/26 февраля 1930 г.: "...из всех огорчительных известий, какие мне приходилось получать, самыми огорчительными были сообщения о том, что множество верующих остаются за стенами храмов, в которых возносится Ваше имя. Исполнен я душевной боли и о возникших раздорах вокруг Вашего управления и других печальных явлениях... известия о духовном смятении идут из разных мест и главным образом от клириков и мірян... На мой взгляд, ...необходимо поставить церковную жизнь на тот путь, на котором она стояла в первое Ваше заместительство. Вот и благоволите вернуться к той, всеми уважаемой Вашей деятельности... Повторяю, что очень скорблю, что Вы не писали мне и не посвятили в свои намерения. Раз поступают письма от других, то, несомненно, дошло бы и Ваше..." (ГУБОНИН, Акты... 691–692). — Прим. ред.
34 ГРАББЕ, По поводу статьи об архиепископе Андрее... 61.
35 САВЕЛЬЕВ, Бог и комиссары... 200.
36 См.: Иеромонах ДАМАСКИН, Жизнеописание патриаршего местоблюстителя митрополита Петра Крутицкого (Полянского) // Вестник Русского Христианского Движения. № 166, (1992) 213–242.
37 М. Е. ГУБОНИН (Акты... 454) цитирует письмо митрополита Агафангела к Сергию о воспринятии первым прав патриаршего местоблюстителя. Но датировка этого письма колеблется между двумя числами: 5/18 и 12/25 апреля.
38 ГУБОНИН, Акты... 454–457.
39 Там же. 461.
40 ГУБОНИН, Акты... 462–464.
41 РЕГЕЛЬСОН, Трагедия Русской Церкви... 404. ГУБОНИН, Акты... 469.
42 Краткое описание биографии мене, недостойного схиепископа Петра Ладыгина... 200.
43 ГУБОНИН, Акты... 478.
44 Там же. 479.

Послание соловецких епископов

Теперь волк решил лукаво облечься в овечью шкуру, как бы защищая духовную независимость Церкви, устраняя тем самым подозрения других архиереев. Итак, он написал им следующее: "...будучи искренними до конца, мы не можем замалчивать того противоречия, какое существует между нами, православными, и коммунистами-большевиками, управляющими Союзом. Они ставят своей задачей борьбу с Богом, Его властью в сердцах народа; мы же весь смысл и всю цель нашего существования видим в исповедании веры в Бога и в возможно широком распространении и укреплении этой веры в сердцах народа. Они признают только материалистическое понимание истории, а мы верим в Промысел Божий, чудо и т. д. Отнюдь не обещая примирить непримиримое и подкрасить нашу веру под коммунизм и религиозно оставаясь такими, какие есть, староцерковниками..." (45).

Это послание по духу было близко к другому посланию, написанному примерно в то же время (май 1926 г.) несколькими архиереями, заключенными на Соловках, в котором подлинное отношение Церкви к государству и коммунизму было выражено следующим образом:

"Несмотря на основной закон советской конституции, обеспечивающий верующим полную свободу совести, религиозных объединений и проповеди, Православная Российская Церковь до сих пор испытывает весьма существенные стеснения в своей деятельности и религиозной жизни. Она не получает разрешения открыть правильно действующие органы центрального и епархиального управления; не может перевести свою деятельность в ее исторический центр — Москву; ее епи- скопы или вовсе не допускаются в свои епархии, или, допущенные туда, бывают вынуждены отказываться от исполнения самых существенных обязанностей своего служения — проповеди в церкви, посещения общин, признающих их духовный авторитет, иногда даже посвящения. Местоблюститель патриаршего престола и около половины православных епископов томятся в тюрьмах, в ссылке или на принудительных работах. Не отрицая действительности фактов, правительственные органы объясняют их политическими причинами, обвиняя православный епископат и клир в контрреволюционной деятельности и тайных замыслах, направленных к свержению советской власти и восстановлению старого порядка. Уже много раз Православная Церковь, сначала в лице покойного патриарха Тихона, а потом в лице его заместителей, пыталась в оффициальных обращениях к правительству рассеять окутывавшую ее атмосферу недоверия.

Их безуспешность и искреннее желание положить конец прискорбным недоразумениям между Церковью и советской властью, тяжелым для Церкви и напрасно осложняющим для государства выполнение его задач, побуждает руководящий орган Православной Церкви еще раз с совершенной справедливостью изложить перед правительством принципы, определяющие ее отношение к государству.

Подписавшие настоящее заявление отдают себе полный отчет в том, насколько затруднительно установление взаимных благожелательных отношений между Церковью и государством в условиях текущей действительности, и не считают возможным об этом умолчать. Было бы неправдой, не отвечающей достоинству Церкви и притом бесцельной и ни для кого не убедительной, если бы они стали утверждать, что между Православной Церковью и государственной властью советских республик нет никаких расхождений. Но это расхождение состоит не в том, в чем желает его видеть политическая подозрительность и в чем его указывает клевета врагов Церкви. Церковь не касается перераспределения богатств или их обобществления, т. к. всегда признавала это правом государства, за действия которого не ответственна. Церковь не касается и политической организации власти, ибо лояльна в отношении правительств всех стран, в границах которых имеет своих членов. Она уживается со всеми формами государственного устройства от восточной деспотии старой Турции до республики Северо-Американских Штатов. Это расхождение лежит в непримиримости религиозного учения Церкви с материализмом, оффициальной философией коммунистической партии и руководимого ею правительства советских республик.

Церковь признает бытие духовного начала, коммунизм его отрицает. Церковь верит в Живого Бога, Творца міра, Руководителя его жизни и судеб, коммунизм не допускает Его существования, признает самопроизвольность бытия міра и отсутствие разумных конечных причин в его истории. Церковь полагает цель человеческой жизни в небесном призвании духа и не перестает напоминать верующим об их небесном отечестве, хотя бы жила в условиях наивысшего развития материальной культуры и всеобщего благосостояния, коммунизм не желает знать для человека никаких других целей, кроме земного благоденствия. С высот философского міросозерцания идеологическое расхождение между Церковью и государством нисходит в область непосредственного практического значения, в сферу нравственности, справедливости и права, коммунизм считает их условным результатом классовой борьбы и оценивает явления нравственного порядка исключительно с точки зрения целесообразности. Церковь проповедует любовь и милосердие, коммунизм — товарищество и беспощадность борьбы. Церковь внушает верующим возвышающее человека смирение, коммунизм унижает его гордостью. Церковь сохраняет плотскую чистоту и святость плодоношения, коммунизм не видит в брачных отношениях ничего, кроме удовлетворения инстинктов. Церковь видит в религии животворящую силу, не только обеспечивающую человеку постижение его вечного предназначения, но и служащую источником всего великого в человеческом творчестве, основу земного благополучия

счастья и здоровья народов. Коммунизм смотрит на религию как на опиум, опьяняющий народы и расслабляющий их энергию, как на источник их бедствий и нищеты. Церковь хочет процветания религии, коммунизм — ее уничтожения. При таком глубоком расхождении в самых основах міросозерцания между Церковью и государством не может быть никакого внутреннего сближения или примирения, как невозможно примирение между положением и отрицанием, между да и нет, потому что душою Церкви, условием ее бытия и смыслом ее существования является то самое, что категорически отрицает коммунизм.

Никакими компромиссами и уступками, никакими частичными изменениями в своем вероучении или перетолковываниями его в духе коммунизма Церковь не могла бы достигнуть такого сближения. Жалкие попытки в этом роде были сделаны обновленцами: одни из них ставили своей задачей внедрить в сознание верующих мысль, будто христианство по существу своему не отличается от коммунизма и что коммунистическое государство стремится к достижению тех же целей, что и Евангелие, но свойственным ему способом, т. е. не силой религиозных убеждений, а путем принуждения. Другие рекомендовали пересмотреть христианскую догматику в том смысле, чтобы ее учение об отношении Бога к міру не напоминало отношение монарха к подданным и более соответствовало республиканским понятиям, третьи требовали исключения из календаря святых "буржуазного происхождения" и лишения их церковного почитания. Эти опыты, явно неискренние, вызывали глубокое негодование людей верующих.

Православная Церковь никогда не станет на этот недостойный путь и никогда не откажется ни в целом, ни в частях от своего, обвеянного святыней прошлых веков, вероучения в угоду одному из вечно сменяющихся общественных настроений" (46).

Другим похвальным деянием митрополита Сергия в это время был его ответ на просьбу некоторых архиереев Русской Зарубежной Церкви быть посредником в споре между Зарубежным Синодом и митрополитом Евлогием Парижским, отказывавшимся признавать власть Синода. Сергий отказался "быть судьей в деле, о котором" он "абсолютно ничего" не знает. "И вообще, может ли Московская патриархия теперь быть руководительницей церковной жизни православных эмигрантов?" — Нет, — отвечает он. И призывает заграничных епископов создать единый "орган церковного управления, достаточно авторитетный, чтобы разрешать все недоразумения и разногласия и имеющий силу пресекать всякое непослушание, не прибегая к нашей поддержке (всегда найдутся основания заподозрить подлинность наших распоряжений)" (47).

45 Проект обращения к православным архипастырям и пастырям митрополита Сергия [Стрaгородского] (первоначальный вариант "Декларации") // ГУБОНИН, Акты... 474.
46 РЕГЕЛЬСОН, Трагедия Русской Церкви... 417–420.
47 ГРАББЕ, По поводу статьи об архиепископе Андрее... 154; ПОСПЕЛОВСКИЙ, Митрополит Сергий и расколы справа... 65.

Архиепископ Серафим Угличский

Затем, однако, митрополит Сергий допустил одно грубую оплошность. Он, епископ Павлин Рыльский и другие приближенные к нему епископы направили архиереям секретное письмо, в котором шла речь о выборах патриарха посредством сбора подписей. К ноябрю было собрано 72 подписи в пользу митрополита Казанского Кирилла, первого по порядку патриаршего местоблюстителя, указанного в списке патриарха Тихона. ГПУ узнало об этом, т. к. немедленно последовали массовые аресты подписавшихся епископов, в том числе митрополита Сергия.

Однако, существует и другая версия этой истории. Согласно автору работы, озаглавленной "Крестный путь преосвященного Афанасия Сахарова", инициатива выборов митрополита Кирилла исходила не от митрополита Сергия, а от архиепископа Илариона (Троицкого), находившегося в то время в тюрьме на Соловках. И сообщил об этом властям, согласно этой версии, митрополит Сергий...

Из двух версий последняя звучит более убедительно. Маловероятно, чтобы Сергий, властно отвергнув требования митрополитов Агафангела и Петра, теперь участвовал бы в кампании по выборам митрополита Кирилла. Зато вполне возможно, что он хотел заслужить доверие ГПУ, выдав им фамилии подписавшихся. А власти получили возможность убить одним выстрелом сразу двух зайцев: отправить в ссылку сторонников непреклонного митрополита Кирилла и убедиться в том, что митрополит Сергий остается "своим человеком"...

Как бы то ни было, митрополит Иосиф Петроградский (ранее архиепископ Ростовский) заступил теперь место заместителя патриаршего местоблюстителя митрополита Петра, согласно завещанию последнего. Но власти не позволили ему выехать за пределы Ярославской области, и он передал Церковное управление своим заместителям: архиепископу Корнилию (Соболеву), архиепископу Фаддею (Успенскому) и архиепископу Угличскому Серафиму (Самойловичу). Поскольку на свободе был в то время только архиепископ Серафим, то он и занял теперь (16/29 декабря 1926 г.) место митрополита Иосифа.

Давление, оказывавшееся в то время на всех ведущих иерархов, было весьма интенсивным. Так, в том же декабре 1926 г. Тучков предложил митрополиту Петру, заключенному тогда в суздальской тюрьме, чтобы тот отказался от местоблюстительства. Петр не отказался и затем через своего выходившего на свободу сокамерника послал послание, в котором извещал всех, что он "никогда и ни при каких обстоятельствах не оставит своего служения и будет до самой смерти верен Православной Церкви" (48).

Затем, 19 декабря / 1 января 1926/27 г., находясь в Перми по дороге в сибирскую ссылку, митрополит Петр утвердил Сергия своим заместителем, не будучи осведомленным о последних изменениях в церковном руководстве. Во всяком случае, в дальнейшем он не смог оказывать непосредственного влияния на церковное управление и претерпел, по словам Владиміра Русака, "двенадцать лет невероятных мучений, тюрьмы, пытки, ссылку в Заполярье. Десятки раз предлагали ему компромисс с советской властью с возвращением к должности местоблюстителя (а возможно, и патриарха), но он остался верен Церкви..." (49).

Между тем, власти предложили архиепископу Серафиму созвать Синод и указали ему, кого следует назначить его членами. Владыка Серафим отказался и представил свой собственный список имен, включавший в себя и митрополита Кирилла.

— Но он же в тюрьме, — сказали ему.

— Тогда освободите его, — сказал архиепископ.

Затем ГПУ предложило ему известные условия легализации Церкви государством. Архиепископ Серафим ответил отказом, ввиду отсутствия права решать принципиальные вопросы без находящихся в заключении старших иерархов... От него усиленно добивались ответа, кого он оставил заместителем, если его не выпустят. Архиепископ Серафим ответил: "Господа Бога". Допрашивающий сказал:

— Все у вас оставляли себе заместителей: и Тихон патриарх, и Петр митрополит.

— Ну, а я на Господа Бога оставил Церковь, чтобы во всем міре могли знать, какой свободой пользуются православные христиане в нашем свободном государстве (50).

Это был решающий момент, ибо главный иерарх Церкви красноречиво заявил о децентрализации Церкви. И сделал это вовремя. Поскольку после заключения в тюрьму последнего из трех возможных местоблюстителей уже не существовало канонических оснований для учреждения центральной церковной администрации до созыва Поместного Собора. Система заместительства по отношению к заместителям местоблюстителя не имеет основания в церковных канонах и не имеет прецедента в истории Церкви; и если признать тот факт, что Церковь и в самом деле не может существовать без первоиерарха и центральной администрации, тогда действительно

существовала бы ужасная возможность того, что с падением первоиерарха падет и вся Церковь (51)...

Коммунистическая власть тоже нуждалась в централизованной церковной администрации; поэтому Тучков теперь обратился с предложением к митрополиту Агафангелу возглавить Церковь. Тот отказался. Тогда он обратился с тем же предложением к митрополиту Кириллу. Тот также отказался. Между Тучковым и митрополитом Кириллом произошел, по свидетельству очевидцев, примерно такой разговор:

— Если нам нужно будет удалить какого-нибудь архиерея, вы должны будете нам помочь.

— Да, если он будет виновен в каком-либо церковном преступлении, да. В противном случае я скажу: брат, я ничего не имею против тебя, но власти требуют тебя удалить, и я вынужден это сделать.

— Нет, не так, — ответил Тучков. — Вы должны сделать вид, что делаете это сами и найти соответствующее обвинение!

Владыка Кирилл, конечно, отказался:

— Евгений Николаевич! Вы не пушка, а я не бомба, которой вы хотите взорвать изнутри Русскую Церковь! (52)

Борьба между Церковью и государством к этому времени зашла в тупик. С одной стороны, сто семнадцать епископов находилось в тюрьмах или ссылках, и церковная администрация была разрушена. Но, с другой стороны, духовный авторитет Церкви никогда не был так высок, посещаемость Церквей возросла, увеличилась различного рода активная церковная деятельность. По словам Е. Лопешанской, "Церковь становилась государством в государстве, и духовная сил ее выигрывала. Авторитет духовенства, находившегося в ссылках и заточении, был неизмеримо выше авторитета духовенства царского времени, находившегося в других условиях" (53). Церкви могла угрожать лишь измена со стороны первоиерарха. И только в том случае, если его власть будет признана другими иерархами и народом...

48 РЕГЕЛЬСОН, Трагедия Русской Церкви... 408.
49 РУСАК, Свидетельство обвинения... 174. См. также: ЛОПЕШАНСКАЯ, Епископы-Исповедники... 78–81.
50 ЛОПЕШАНСКАЯ, Епископы-Исповедники... 81. См. также: Н. А., Не бо врагом Твоим тайну повем... 18.
51 В таком смысле высказывался в VI столетии св. Григорий Двоеслов, папа Римский, в своей переписке с патриархом Антиохийским касательно титула "Вселенского" епископа. Ср.: Abbe W. GUETTEE, The Papacy (New York: Minos, 1866) 223.
52 РЕГЕЛЬСОН, Трагедия Русской Церкви... 413.
53 ЛОПЕШАНСКАЯ, Епископы-Исповедники... 70. О подъеме религиозной жизни в советский период см.: РУСАК, Свидетельство обвинения... Т. 2. 167–191. См. также: Д. ПОСПЕЛОВСКИЙ, Подвиг веры в атеистическом государстве // Грани. № 147 (1988) 227–265.

Декларация митрополита Сергия

7/20 марта 1927 г. митрополит Сергий был освобожден из тюрьмы и принял обратно от архиепископа Серафима дела по управлению Церковью. В 1922 г., как мы уже видели, митрополит Сергий оффициально заявлял по поводу обновленческого ВЦУ: "Считаем его единственной канонически законной верховной властью и все распоряжения, исходящие от него, считаем законными и обязательными" (54), — а в 1923 г. он поддержал низложение обновленцам патриарха Тихона, как "предателя Православия". Правда, 14/27 августа 1923 г. ему пришлось принести публичное покаяние за свое отступление от Православия в обновленчество, но, как заметил

впоследствии священномученик Дамаскин, он не рвался приносить это покаяние; и теперь он показал всему міру, насколько неглубоким оно было на самом деле...

Согласно римо-католическому писателю А. Дейбнеру, "факт освобождения митрополита Сергия в том момент, когда репрессии против Церкви по всей России все возрастали, когда участие его в деле о выборах митрополита Кирилла, за каковое целый ряд епископов поплатился ссылкой, было несомненно, сразу же возбудил тревогу, которая усилилась, когда 9/22 апреля 1927 г. был освобожден и епископ Павлин (Крошечкин) и 25 апреля / 8 мая в Москве неожиданно созван был Синод. Стало несомненным, что между митрополитом Сергием во время его тюремного заключения и советским правительством, т. е. ГПУ, состоялось какое-то соглашение, которое поставило и его самого, и близких ему епископов в совершенно исключительное положение, по сравнению с другими. Митрополит Сергий получил право свободно жить в Москве, каковым правом он не пользовался даже до ареста. Когда же стали известны имена епископов, призванных в Синод, то в капитуляции митрополита Сергия пред советской властью не осталось больше никаких сомнений. В Синод вошли: архиепископ Сильвестр (Братановский) — бывший обновленец, архиепископ Алексий (Симанский) — бывший обновленец, назначенный на Петроградскую кафедру от "Живой церкви" после казни митрополита Вениамина (Казанского), архиепископ Филипп (Гумилевский) — бывший беглопоповец, т. е. переходивший из Православной Церкви в секту беглопоповцев, митрополит Серафим (Александров) Тверской, человек, о связях которого с ГПУ знала вся Россия и которому никто не верил..." (55).

7/20 мая этот Синод получил оффициальное признание ОГПУ, что означало согласие митрополита Сергия на условия легализации, отвергнутые патриархом Тихоном и митрополитом Петром.

Как бы то ни было, митрополит Сергий и его "Патриарший Священный Синод" написали теперь архиереям, прилагая при сем документ ОГПУ, что им следует зарегистрировать состоящие при них епархиальные советы у местных органов советской власти. Затем, в июне, Сергий написал митрополиту Евлогию Парижскому, требуя от него подписать декларацию лояльности к советской власти. Тот согласился.

В июле Сергий попросил сделать то же самое и весь Синод Русской Церкви Заграницей, угрожая им в противном случае исключением из состава Патриархата. Они отказались и были в этом поддержаны соловецкими епископами, которые писали: "Послание угрожает исключением из клира Московской патриархии священнослужителям, ушедшим с эмигрантами, за их политическую деятельность, т. е. налагает церковное наказание за политические выступления, что противоречит постановлению Всероссийского Собора 1917–1918 гг. от 3/16 августа 1918 г., разъяснившему всю каноническую недопустимость подобных кар и реабилитировавшему всех лиц, лишенных сана за политические преступления в прошедшем" (56).

Подобные же события имели в это же время место и в Грузии. "Между 21 и 27 июня, — пишет о. Илия Мелиа, — Собор избрал Католикосом Христофора (Цицкишвили). 6 августа он написал Вселенскому патриарху Василию III, который ответил, обращаясь к нему как к католикосу. Новый Католикос полностью переменил отношение к советской власти, оффициально заявившей о своем воинствующем атеизме, в пользу подчинения и сотрудничества с правительством" (57).

"Последовали, — пишет о. Сампсон Зетеишвили, — годы, отмеченные преследованием клира и верующих, разгоном монастырей, разрушением храмов и превращением их в склады и загоны для скота... Положение Церкви в Грузии было, быть может, еще трагичнее и безнадежнее [чем в России], поскольку новые испытания наложились на старые, неисцеленные раны, оставшиеся от предыдущих эпох" (58).

В октябре 1930 г. будущий архиепископ Леонтий Чилийский был по послушанию послан в Тбилиси своим духовным отцом, схиархиепископом Антонием (кн. Абашидзе). "В г. Тифлис я приехал вечером, — пишет он в своих "Воспоминаниях", — и прямо с

письмом направился в кафедральный Сионский собор... соборное духовенство было так напугано большевиками, что побоялись дать мне пристанище у себя в доме и устроили на ночлег в самом храме". В то время в Грузии не было не только ни одной действующей церкви, но и ни одного священника, исполнявшего христианские требы (59).

Однако, согласно одному источнику, была создана Грузинская Катакомбная Церковь, которую до своей смерти в 1942 г. возглавлял живший в Киеве схиархиепископ Антоний (60).

Ненамного отстав от грузин, митрополит Сергий 16/29 июля выпустил свою пресловутую "Декларацию", ставшую с той поры основой существования советизированной Московской патриархии и вызвавшую величайший и самый разрушительный раскол в истории Православной Церкви со времени отпадения папского Запада в XI веке.

В ней он пытался представить дело так, будто патриарх Тихон всегда заботился о том, чтобы Церковь была легализована государством, но ему помешали епископы-эмигранты и собственная смерть.

Далее он продолжал: "Затем извещаем вас, что в мае текущего года, по моему приглашению и с разрешения власти, организовался Временный при Заместителе Патриарший Священный Синод в составе нижеподписавшихся (отсутствуют Преосвященные Новгородский митрополит Арсений /Стадницкий/, еще не прибывший, и Костромской архиепископ Севастиан /Вести/, по болезни). Ходатайство наше о разреше- нии Синоду начать деятельность по управлению Православной Всероссийской Церковью увенчалось успехом. Теперь наша Православная Церковь в Союзе имеет не только каноническое, но и по гражданским законам вполне легальное центральное управление; а мы надеемся, что легализация постепенно распространится и на низшее наше церковное управление: епархиальное, уездное и т. д. Едва ли нужно объяснять значение и все последствия перемены, совершающейся таким образом в положении нашей Православной Церкви, Ее духовенства, всех церковных деятелей и учреждений... Вознесем же наши благодарственные молитвы ко Господу, тако благоволившему о святой нашей Церкви. Выразим всенародно нашу благодарность и Советскому Правительству за такое внимание к духовным нуждам Православного населения, а вместе с тем заверим Правительство, что мы не употребим во зло оказанного нам доверия.

Приступив, с благословения Божия, к нашей синодальной работе, мы ясно сознаем всю величину задачи, предстоящей как нам, так и всем вообще представителям Церкви. Нам нужно не на словах, а на деле показать, что верными гражданами Советского союза, лояльными к советской власти, могут быть не только равнодушные к православию люди, не только изменники ему, но и самые ревностные приверженцы его, для которых оно дорого, как истина и жизнь, со всеми его догматами и преданиями, со всем его каноническим и богослужебным укладом. Мы хотим быть Православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи. Всякий удар, направленный в Союз, будь то война, бойкот, какое-нибудь общественное бедствие или просто убийство из-за угла, подобное Варшавскому (61), сознается нами как удар, направленный в нас. Оставаясь православными, мы помним свой долг быть гражданами союза "не только из страха, но и по совести", как учил нас Апостол (Рим. 13:5). И мы надеемся, что с помощью Божиею, при вашем общем содействии и поддержке эта задача будет нами разрешена" (62).

54 Живая Церковь. № 4–5 (1/14 июля 1922); ГУБОНИН, Акты... 218–219.
55 РЕГЕЛЬСОН, Трагедия Русской Церкви... 415; ГУБОНИН, Акты... 407.
56 Митрополит ИОАНН (СНЫЧЕВ), Церковные расколы в Русской Церкви 20-х и 30-х годов XX столетия — григорианский, ярославский, иосифлянский, викторианский и другие, их особенности и история (Самара, 1997) 169. Прим. ред.: Необходимо заметить, что данная книга м. Иоанна очень тенденциозна. Она целиком и полностью направлена на безоговорочное оправдание деяний "мудрого" м. Сергия (Страгородского). Несмотря на наличие в книге части подлинных документов (как,

например, послание Соловецких епископов и некоторые письма), там содержатся и ложные сведения и весьма тенденциозное толкование приводимых свидетельств. Например, в книге приводится (с. 272) письмо, якобы принадлежащее священномученику Илариону (Троицкому), с оправданием Сергия и осуждением "раскольников", но уже по простонародному и полубезграмотному стилю письма ясно, что оно никак не могло принадлежать архиепископу Илариону. Подробнее о "сергианском мифе" о сщмч. Иларионе см.: *Е. Н.*, Патрологическое издание как зеркало экклесиологии // Вертоградъ-Информ. № 2 (47) (1999) 39–44. Образцами ложных свидетельств может служить утверждение, что епископ Виктор Глазовский в конце концов присоединился к Сергию (с. 326); между тем как сщмч. Виктор с самого начала был одним из самых непримиримых противников сергианства и скончался в ссылке в 1934 г. О сщмч. Кирилле Казанском в книге сказано, что "только незадолго до своей кончины, последовавшей от укуса змеи в августе 1941 г., митр. Кирилл осознал свою ошибку и примирился с митр. Сергием, так долго ожидавшим его обращения" (с. 343); но сщмч. Кирилл был расстрелян в 1937 г. вместе со сщмч. Иосифом Петроградским, и известно, что к концу жизни он занял по отношению к Сергию столь же непримиримую позицию, как и последний. Священномученик Иосиф Петроградский и обвиняется в книге "в духовной прелести" (с. 243). Автор особенно беспощаден к "иосифлянам": одна из подглав даже называется так: "Отношение православного епископата и духовенства к иосифлянскому расколу", — очевидно, для автора книги сщмч. Иосиф и его последователи православными не являлись. Приводя некоторые высказывания иосифлян, автор восклицает: "Вот уже где поистине самообольщение и упорство! Они только — Церковь, а остальные — наглые предатели и изменники Истины… Это уже говорило о наличии в них духовной прелести" (с. 299). История повторяется: примерно такие же обвинения почти в тех же самых словах бросали когда-то еретики в лицо святым исповедникам Православия — Максиму Исповеднику, Феодору Студиту, Марку Ефесскому и другим. Подробнее о позиции вышеназванных свв. Новомучеников см.: Т. СЕНИНА, "И вы исполните меру отцов ваших…" О канонизации МП Новомучеников и Исповедников Российских // Вертоградъ-Информ. № 9–10 (66–67) (2000) 28–34.
57 MELIA, The Orthodox Church of Georgia... 113.
58 С. ЗЕТЕИШВИЛИ, Грузинская Церковь и полнота Православия // Религия и демократия / Изд. А. Р. БЕССМЕРТНЫЙ, С. Б. ФИЛАТОВ (М.: Прогресс, 1993) 422.
59 См.: А. В. ПСАРЕВ, Жизнеописание архиепископа Леонтия Чилийского (1904–1971) // Православная жизнь. № 3 (555) (1996) 20.
60 См.: ФОН СИВЕРС, Истоки и связи Катакомбной Церкви...
61 Имеется в виду убийство в июне 1927 года советского посла в Польше П. Войкова — одного из участников убиения св. Царя-мученика Николая II и его Семьи. Одним из мотивов убийства, по признанию Коверды (застрелил Войкова на Варшавском вокзале, и не из-за угла, а в упор), была месть за Царя и его Семью. Осуждая это убийство, митр. Сергий сожалеет о погибели цареубийцы и призывает к этому всю Церковь!
62 РЕГЕЛЬСОН, Трагедия Русской Церкви... 431–432; ГУБОНИН, Акты... 510–512.

Рождение Катакомбной Церкви

Опубликованная декларация вызвала бурю критических откликов, что должен был предвидеть и Сергий.

Противники декларации увидели в ней утонченную разновидность обновленчества. И даже ее сторонники или нейтральные западные обозреватели понимали, что речь идет о коренном изменении церковной политики по отношению к государству. Например, американский исследователь Уильям Флетчер пишет по этому поводу: "Это было глубокое и значительное изменение позиции Русской Православной Церкви, такое изменение, которое вызвало бурю протестов" (63). А советский исследователь В. Е. Титов пишет, что с изменением политики Патриаршей Церкви в отношении советского государства в сторону лояльности в глазах верующих исчезло всякое существенное различие между нею и обновленцами (64).

Владимір Русак, которого в 1986 г. арестовали за написание истории Русской Церкви в очень антисергианском духе, сообщает, что в Церкви произошло разделение на основе Декларации: большинство духовенства и мірян не признали ее. В некоторых епархиях (например, на Урале) до 90 % приходов отослали ее обратно автору.

"На этой почве были произведены новые аресты. Все те, кто не признавал Декларацию, были арестованы и сосланы в отдаленные области или заключены в тюрьмы и лагеря. В 1929 г. около пятнадцати иерархов, не разделявших позицию митрополита Сергия, были арестованы. Митрополит Кирилл, главный "оппонент" митрополита Сергия, был сослан в Туруханск в июне–июле. Процедура ареста выглядела примерно так: агент ГПУ являлся к епископу и ставил ему следующий вопрос: "Как вы относитесь к Декларации митрополита Сергия?" Если епископ отвечал, что он ее не признает, то агент заключал: "Значит, вы контрреволюционер". И епископа арестовывали" (65).

Первый зафиксированный письменный отклик антисергиан (или, как их теперь называют, "Тихоновцев" или "Истинно-Православных христиан") поступил от заключенных на Соловках епископов, которые в послании, написанном в день Крестовоздвижения, т. е. 14/27 сентября, писали: "Мысль о подчинении Церкви гражданским установлениям выражена (в декларации. — В. М.) в такой категорической и безоговорочной форме, которая легко может быть понята в смысле полного сплетения Церкви и государства... Послание приносит правительству "всенародную благодарность за внимание к духовным нуждам православного населения". Такого рода выражение благодарности в устах Главы Русской Православной Церкви не может быть искренним и потому не отвечает достоинству Церкви... Послание Патриархии без всяких оговорок принимает оффициальную версию и всю вину в прискорбных столкновениях между Церковью и государством возлагает на Церковь..."(66).Соловецкие исповедники считали, что церковная политика митрополита Сергия не отличалась существенно от политики "Живой церкви".

Хотя соловецкие епископы недвусмысленно выразили свое весьма критическое отношение к декларации Сергия, но в то же время в большинстве своем остались в общении с ним. Так, епископ Нектарий (Трезвинский) в своем письме с Соловков от 25 апреля 1928 г. назвал письмо соловецких епископов "протестом без отстранения или отмежевания от него", — хотя сам епископ Нектарий решил окончательно порвать с Сергием в марте 1928 г. (67).Также и митрополит Кирилл писал неизвестному адресату, что "соловчане" ждали покаяния Сергия "до созыва канонического Собора... в уверенности, что Собор не может его не потребовать".

8/21 октября Сергий издает указ всему русскому духовенству о поминовении советских властей и непоминовении ссыльных епископов, что очень усилило негодование верующих. В поминовении властей многие видели тот рубеж, за которым Церковь уже начинала отпадать от Православия. А отказ поминать ссыльных иерархов означал бы утверждение, что эти иерархи сами были неправославными, и составлял бы разрыв с Преданием, восходившим ко временам римских катакомб. Сергий и в самом деле отсекал верных от их канонических архиереев.

В том же месяце он выпустил указ о переводе одного из наиболее авторитетных и независимых архиереев митрополита Иосифа Петроградского из Петрограда в Одессу. Это вызвало волнения в Петроградской епархии, которая с того времени становится главным центром Истинно-Православной Церкви. Отказался подчиниться Сергию и сам митрополит Иосиф, охарактеризовав свое перемещение как "противоканоническое, незаконное, угождающее злой интриге" (68).

Не совсем ясно, почему митрополит Иосиф так резко отреагировал на это перемещение, ведь перевод епископов с одной кафедры на другую был делом хотя и не каноничным, но, увы, вполне обычным в русской церковной жизни. Возможно, он и его паства обладали информацией о том, что здесь за кадром стояло ОГПУ, а митрополит Сергий просто проводил его волю. И действительно, тот факт, что Сергием в этот период времени были перемещены более сорока архиереев, был одной из главных причин недовольства им со стороны епископов-исповедников и вряд ли мог быть оправдан какими-либо чисто церковными соображениями.

Не обращая внимания на нестроения в Петрограде, митрополит Сергий принял на себя управление епархией и послал туда вместо себя епископа Алексия (Симанского), к

которому народ испытывал недоверие вследствие той роли, которую он сыграл в расстреле митрополита Вениамина в 1922 г.

Одним из первых негативно отреагировал на декларацию митрополита Сергия архиепископ Латвийский Иоанн (Поммер). 6/19 июля 1921 г. ему и Латвийской Церкви были дарованы патриархом Тихоном, Священным синодом и Высшим Церковным Советом права, равнозначные автономии, — знак исключительного уважения и доверия будущему священномученику. Теперь, в письме к архиепископу Елевферию Литовскому, датированном 2 ноября, он объяснял, почему он не может принять декларацию митрополита Сергия или выполнить его требование о принятии всеми заграничными архиереями советского гражданства (69). Архиепископ Иоанн был заживо сожжен советскими агентами в 1934 г. Это положило конец церковной независимости стран Балтии. В 1940 г., когда Сталин послал туда танки, они потеряли и свою политическую независимость.

В ноябре формально отложился от митрополита Сергия епископ Виктор Глазовский, духовный сын очень почитаемого катакомбного старца-епископа Стефана (Беха). Он особенно отметил следующую фразу декларации: "Только кабинетные мечтатели могут думать, что такое огромное общество, как наша Православная Церковь со всей ее организацией, может существовать в государстве спокойно, закрывшись от власти". Здесь, по его мнению, видна все то же завышение значимости внешней организации Церкви за счет ее внутренней верности Христу, которую он обнаружил в одной из книг Сергия еще в 1911 г., сказав, что придет время, когда он еще потрясет Церковь (70).

Вот что писал епископ Виктор самому Сергию: "Враг вторично заманил и обольстил Вас мыслью об организации Церкви. Но если эта организация покупается такой ценой, что и Церкви Божией как дома благодатного спасения человека уже не остается, а сам получивший организацию перестает быть тем, чем он был, ибо написано: "да будет двор его пуст и епископство его да приимет ин" [Пс. 108:8. — Ред.], — то лучше бы нам не иметь никогда никакой организации". При этом епископ Виктор замечает, что соглашение Сергия с коммунистами есть грех "не меньший всякой ереси и раскола, а несравненно больший, ибо повергает человека непосредственно в бездну погибели, по Неложному Слову: "иже отречется Мене пред человеки" (Мф. 10:33)" (71).

Епископ Виктор вместе с епископами Нектарием Яранским и Иларионом Поречским были подвергнуты Сергием прещению и сосланы властями на Соловки. Там к ним примкнул епископ Максим Серпуховский, первый епископ, тайно рукоположенный (как мы уже видели, с благословения патриарха Тихона) для Катакомбной Церкви. Эти архиереи образовали на Соловках костяк оппозиции сергиевской декларации, в то время как сторонниками Сергия руководил архиепископ Иларион (Троицкий).

Профессор Иван Андреев вспоминает один случай, вполне раскрывающий отношение этих первых исповедников Катакомбной Церкви к сергианам: "Отрицая Катакомбную Церковь, соловецкие "сергиане" отрицали и "слухи" о том, что к митрополиту Сергию писались обличительные послания и ездили протестующие делегации от епархий. Узнав, что мне, светскому человеку, лично пришлось участвовать в одной из таких делегаций, архиепископ Антоний Мариупольский однажды, находясь в качестве больного в лазарете, пожелал выслушать мой рассказ о поездке вместе с представителями от епископата и белого духовенства к митрополиту Сергию. Владыки Виктор и Максим благословили меня отправиться в лазарет, где лежал архиепископ Антоний, и рассказать ему об этой поездке. В случае, если он после моего рассказа обнаружил бы солидарность с протестовавшими против "новой церковной политики", мне разрешалось взять у него благословение. В случае же его упорного "сергианства" — благословения я не должен был брать. Беседа моя с архиепископом Антонием продолжалась более двух часов. Я ему подробно рассказал об исторической делегации Петроградской епархии в 1927 г., после которой произошел церковный раскол. В конце моего рассказ архиепископ Антоний попросил меня сообщить ему о личности и деятельности владыки Максима. Я ответил ему очень сдержанно и кратко, и он заметил, что я не вполне ему доверяю. Он спросил меня об этом. Я откровенно ответил, что мы, катакомбники, опасаемся не только агентов ГПУ, но и "сергиан", которые неоднократно предавали нас ГПУ. Архиепископ Антоний был очень

взволнован и долго ходил по врачебному кабинету, куда я его вызвал, якобы для осмотра, как врач-консультант. Затем вдруг он решительно сказал: "А я все-таки остаюсь с митрополитом Сергием". Я поднялся, поклонился и намеревался уйти. Он поднял руку для благословения, но я, помня указания владык Виктора и Максима, уклонился от принятия благословения и вышел.

Когда я рассказал о происшедшем владыке Максиму, он еще раз подтвердил, чтобы я никогда не брал благословения упорных "сергиан". "Советская и Катакомбная Церковь — несовместимы", – значительно, твердо и убежденно сказал владыка Максим и, помолчав, тихо добавил: "Тайная, пустынная, катакомбная Церковь анафематствовала "сергиан" и иже с ними" (72).

Упомянутая здесь "историческая" делегация имела место 12 декабря 1927 г. Возглавляемые епископом Димитрием Гдовским представители от восьми Петроградских архиереев, духовенства и научных кругов посетили в Москве митрополита Сергия. Разговор велся в основном не вокруг канонических нарушений Сергия, а вокруг центральной темы — его отношения к советской власти. В один момент разговора Сергий сказал: "Своей новой церковной политикой я спасаю Церковь". На это протоиерей Викторин Добронравов ответил: "Церковь не имеет нужды в спасении; врата адова не одолеют ей. Вы сами, владыко, имеете нужду в спасении через Церковь".

Затем епископ Димитрий сказал: "Советская власть в основе своей — антихристианская. Возможно ли тогда для Православной Церкви быть в союзе с антихристианской государственной властью, молиться об ее успехах и участвовать в ее радостях?"

Сергий рассмеялся: "Где же вы здесь видите антихриста?" (73).

После дальнейших переговоров в том же духе, епископы Димитрий Гдовский и Сергий Нарвский подписали 26 декабря акт отхода от Сергия, получивший 7 января одобрение митрополита Иосифа (которому было воспрещено приехать в Петроград). В письме к некоему архимандриту митрополит Иосиф отверг обвинения его в расколе и сам обвинил в расколе Сергия.

"Защитники Сергия, — писал он далее, — говорят, что каноны позволяют отлагаться от епископа только за ересь, осужденную собором; против этого возражают, что деяния митрополита Сергия достаточно подводятся и под это условие, если иметь в виду столь явное нарушение им свободы и достоинства Церкви, Единой, Святой, Соборной и Апостольской.

А сверх того, каноны многое не могли предусматривать. И можно ли спорить о том, что хуже и вреднее всякой ереси, когда вонзают нож в самое сердце Церкви — ее свободу и достоинство? Что вреднее: еретик или убийца?

Да не утратим помалу, неприметно, той свободы, которую даровал нам Кровию Своею Господь наш Иисус Христос, Освободитель всех человеков (8-е правило III Вселенского Собора).

Может быть, не спорю, "вас пока больше, чем нас". И пусть "за мной нет большой массы", как говорите Вы. Но я не сочту себя никогда раскольником, хотя бы и остался в единственном числе, как некогда сказал один из святых исповедников. Дело вовсе не в количестве, не забудьте ни на минуту этого: Сын Божий "когда вновь придет, найдет ли вообще верных на земле". И может быть последние "бунтовщики" против предателей Церкви и пособников ее разорения будут не только не епископы и не протоиереи, а самые простые смертные, как и у Креста Христова Его последний страдальческий вздох приняли немногие близкие Ему простые души" (74).

Примеру Петроградской епархии последовали и другие архиереи и пастыри в Твери, Москве, Киеве, Смоленске, Воронеже, Ярославле, Угличе, Перми, Уфе, Соловках, Красноярске и других местах. К 1930 г. Сергий утверждал, что 70 % всех

православных архиереев — на его стороне (в это число не входят обновленцы и григорианцы), а значит, около 30 % русского епископата вошло в Катакомбную Церковь (75). Но эти 30 %, если их было действительно лишь столько, включали в себя большинство старейших и наиболее почитаемых архиереев, таких как митрополиты Кирилл, Агафангел и Иосиф, архиепископы Феодор Волоколамский, Серафим Угличский и Андрей Уфимский, епископы Дамаскин Глуховский, Арсений (Жадановский) и Серафим (Звездинский). Насчитывают более пятидесяти архиереев в России и тридцати за границей, отказавшихся поддержать митрополита Сергия (76).

Один из этих исповедников, архиепископ Андрей Уфимский, запрещенный Сергием в священнослужении еще в 1926 г., писал 18 июня 1928 г.: "Да, страшное и ужасное время мы все переживаем, когда ложь и обман царствуют и торжествуют на земле свою победу. Дыхание антихриста так и чувствуется во всех углах нашей жизни. А что касается обновленцев и митрополита Сергия, то они вполне поклонились тому зверю, о котором говорит святая книга Откровение Иоанна Богослова. Прочитайте тринадцатую главу. И обновленцы, и митрополит Сергий исполняют только волю безбожников. И этого вовсе ни от кого не скрывают, а даже пишут в своих "декларациях". Поэтому всякий истинный сын Церкви должен бежать от этих христопродавцев без оглядки; и все истинные чада Церкви должны основать свои приходские общины, свободные и независимые от христопродавцев-архиереев. А несомненно, что архиереи, кто подчинился митрополиту Сергию, — все отреклись от народа церковного и служат безбожникам и только развращают верующий народ. Поэтому нужно исполнить заповедь из Откровения Иоанна Богослова: Выйди от нея, народ Мой, чтобы не участвовать вам в грехах ея и не подвергаться язвам ея (Ап. 18:4). Нужно, чтобы все священники приходские были выборные, а не назначенные. Нужно, чтобы все священники дали подписку приходским советам, что без ведома приходского совета делать ничего не будут. Нужно, чтобы и епископы были избраны народом за их благочестивую жизнь, а не пьяницы и христопродавцы, которых назначают обновленцы" (77).

Другой исповедник, архиепископ Варлаам Пермский, подчеркивал, что "Церковь, хотя и не может вести физическую борьбу с коммунизмом, должна вести духовную войну с ним". Нужно признать, что это критическое различие между борьбой духовной и физической было отчасти упущено из вида в оффициальных церковных документах предыдущего десятилетия. В своем естественном стремлении защитить свою паству и держать власти на расстоянии, Церковь в стремлении подчеркнуть свою гражданскую лояльность режиму выходила за пределы свойственного ей. Даже на закон об отделении Церкви от государства, осужденный Собором как замаскированная атака на церковную свободу, и участие в осуществлении которого каралось отлучением от Церкви, стали впоследствии ссылаться как на обещание хотя бы минимального невмешательства в ее внутреннюю жизнь.

Но сергиевская интерпретация этого закона, согласно которой даже самая легкая критика какого-либо аспекта реалий советской жизни или несогласие с оффициальной советской политикой рассматривались как вмешательство в дела государства и как политическое преступление, пробудила, наконец, в церковной иерархии дух праведного негодования, дух Илии Пророка и Иоанна Крестителя, дух священномучеников Московских Филиппа, Ермогена и Тихона (в первый год его патриаршества). Так что рождение в 1928 г. Катакомбной Церкви было в прямом смысле возрождением духа Московского Собора в первые месяцы 1918 г. Ибо горький опыт прошедшего десятилетия научил, что ничего, кроме времени, выиграть путем уступок государству невозможно, и что теперь, когда уступать, кроме самой души Церкви, было уже нечего, настало время говорить всю правду — чего бы это ни стоило. Как говорилось в написанном много лет спустя "Письме из России": "Нам ни к чему маневрировать: нам нечего беречь, кроме Божьего. Ибо кесарево (если действительно признавать его за кесаря, а не фараона) всегда связано с угашением духа..." (78).

63 W. FLETCHER, The Russian Orthodox Church Underground, 1917–1971 (Oxford University Press, 1971) 57.
64 См.: FLETCHER, The Russian Orthodox Church Underground… 59.
65 РУСАК, Свидетельство обвинения... 175; ГУБОНИН, Акты... 409.

66 РЕГЕЛЬСОН, Трагедия Русской Церкви... 440.
67 Н. БАЛАШОВ, Еще раз о декларации и о солидарности Соловчан // Вестник Русского Христианского Движения 157 (1989) 198.
68 ГУБОНИН, Акты... 516, 524.
69 Копия письма архиепископа Рижского Иоанна на имя архиепископа Литовского и Виленского Елевферия, 2 ноября 1927 г. // Православная жизнь. № 3–4. (1992) 52–53.
70 См.: Н. А., Не бо врагом Твоим тайну повем... 47.
71 Цит. по: ГУБОНИН, Акты... 546, 545.
72 Цит. по: ПОЛЬСКИЙ, Новые Мученики Российские... Т. 1. 57.
73 См.:ANDREYEV, Russia's Catacomb Saints... 100.
74 ANDREYEV, Russia's Catacomb Saints... 128–129.
75 См.: ПОСПЕЛОВСКИЙ, Митрополит Сергий и расколы справа... 70.
76 См.: Православная Русь. № 20 (1545) (1995) 14.
77 Цит. по: ФОН СИВЕРС, Экклесиология Андрея Уфимского (кн. Ухтомского) // Вестник Германской Епархии. № 2 (1993) 20.
78 Русская мысль. № 3143 (17 марта 1977).

Ересь сергианства

Один документ этого периода, приписываемый архиепископу Феодору Волоколамскому (79), отлично выражает все то отвращение, какое чувствовали исповедники веры к предательству митрополита Сергия.

Автор начинает с того, что приводит выдержки из своих дневниковых записей от 3/16 марта 1924 г.: "Может быть, скоро мы окажемся среди океана нечестия малым островком. Картина церковных отношений может видоизмениться, как в калейдоскопе. Обновленцы могут вдруг всплыть, как правящая в России "церковная партия", причем противников у нее может оказаться очень немного, если открытые обновленцы и скрытые предатели поладят между собою и совместно натянут на себя личину каноничности".

Следующий отрывок взят из его записей от 14/27 января 1925 г.: "Трудность настоящего времени для православного человека состоит в том, что теперешняя жизнь Церкви требует от него высокодуховного отношения к себе. Нельзя полагаться на оффициальных пастырей (епископов и иереев), нельзя формально применять каноны к решению выдвигаемых церковной жизнью вопросов, вообще нельзя ограничиваться правовым отношением к делу, а необходимо иметь духовное чувство, которое указывало бы путь Христов среди множества троп, протоптанных дивьими зверями в овечьей одежде. Жизнь поставила вопросы, которые правильно, церковно правильно, возможно разрешить, только перешагивая через обычай, форму, правило и руководствуясь чувствами, обученными в распознавании добра и зла. Иначе легко осквернить святыню души своей и начать сжигание совести (I Тим. 4:2) чрез примирение, по правилам, с ложью и нечистью, вносимыми в ограду Церкви самими епископами. На "законном" основании можно и антихриста принять..."

Затем следуют его пояснения от 22 октября / 4 ноября 1927 г.: "Церковные события последних недель не являются ли подтверждением этих предчувствий? То жуткое, что предощущалось душой два-три года тому назад, не придвинулось ли к нам вплотную с вторичным вступлением митрополита Сергия в управление Русской Православной Церковью? Вызвавшее многообразные и вполне заслуженные отрицательные критики послание митрополита Сергия и его Синода не бросило ли возглавляемую им церковную организацию в омерзительные, прелюбодейные объятия атеистической, богохульной и христоборной (анти-Христовой) власти (80)и не внесло ли страшное нечестие в недра нашей Церкви? Заметьте: изошло это послание не от раскольников-обновленцев, а от законной, канонической, по-видимому православной иерархии; главные положения послания опираются на тексты (правда, иногда не без искажения их) Св. Писания и на, как будто однородный с настоящим, опыт древней Церкви. С другой стороны, послание стремится и надеется удовлетворить насущной потребности истомленных гонениями верующих душ, ибо сулит им мир и покой. И многие-многие, особенно из духовенства, сочувственно откликаются на обращение митрополита Сергия и его Синода.

В результате этой симфонии богоборной власти и православной законной иерархии получаются уже некие "благие" плоды: епископы (правда, далеко не высшего качества и не очень "виновные") возвращаются из ссылок (правда, не далеких) и поставляются на епархии (правда, не на те, с которых были изгнаны), при митрополите Сергии имеется Синод (правда, похожий скорее на обер-прокурорскую канцелярию) из законных иерархов (правда, большей частью "подмоченных", т. е. весьма в церковном отношении скомпрометированных своей давнишней и прочной ориентацией на безбожное ГПУ); имя митрополита Сергия произносится всеми как имя действительного кормчего Русской Церкви, но увы! — имя это является фальшивой монетой, так как фактически распорядителем судеб Русской Церкви и ее епископов, как гонимых, так и протежируемых, т. е. милуемых и поставляемых на кафедры (последнее особенно печально!), является нынешний обер-прокурор "Православной Русской Церкви" Евгений Александрович Тучков (81).

Всякому, имеющему очи, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать, ясно, что, вопреки декрету об отделении Церкви от государства, Православная Церковь вступила в тесный, живой союз с государством. И с каким государством?! Возглавляемым властью, которая основной задачей своей поставляет уничтожение на земле всякой религии, и прежде всего Православного Христианства, так как в нем она видит — и справедливо — основную міровую базу религиозной веры и первоклассную крепость в ее брани с материализмом, атеизмом, богоборчеством и сатанизмом (коему, как гласит народная молва, причастны неции из властей века сего)..."

Затем приводятся цитаты из Апокалипсиса (17:3,5,6; 12:6; 18:2) с последующим сравнением настоящей церковной ситуации с апокалиптическим повествованием о блуднице на красном звере. Положение особенно трагическое, замечает автор, поскольку "усаживается на зверя багряного с именами богохульными не самочинная раскольница, а верная жена, имущая образ подлинного благочестия. В этом главная, жуткая сторона того, что совершается сейчас на наших глазах, что затрагивает глубочайшие духовные интересы чад Церкви Божией, что неизмеримо по своим последствиям, не поддающимся даже приблизительному учету, но по существу имеющим міровое значение, ибо с небывалой силой ополчаются теперь на Церковь силы ада. Как же нам быть в эти страшные минуты новой опасности, надвинувшейся по наущению вражьему на нашу Мать?"

Далее он цитирует Апокалипсис (18:1–2,4) о пришествии ангела и падении Вавилона и великой блудницы, но предупреждает своего адресата, что он не прилагает механически апокалиптические пророчества к современной реальности:

"Я только провожу пунктирную линию между образами Апокалипсиса и современными церковными событиями, которые невольно обращают мысль к этим пророческим образам, со своей стороны бросающим яркий луч света на данные события. "Можно неоднократно усматривать еще в Ветхом Завете, что одни и те же пророчества сперва исполняются в малом виде, а потом имеют еще другое, высшее и окончательное исполнение"... Ни самая широкая ученость, ни самый глубокий природный ум, ни самая утонченная естественная мистика не могут дать удовлетворительного разумения таин Божиих. А здесь мы соприкасаемся с тайной, великой и, в известном смысле, последней тайной земного бытия Церкви и человечества... По словам епископа Игнатия Брянчанинова, — ...кто не приял внутрь себя Царства Божия, тот не узнает антихриста; тот непременно соделается его последователем; тот не узнает приближающейся кончины міра и наступающего страшного второго пришествия Христова... Омраченное своим плотским мудрованием человечество и вовсе не будет верить второму пришествию Господа...

Что господствующая ныне "власть темная" мыслит, рассуждает и действует в стиле этих ругателей, в том нельзя сомневаться. Но не сочтут ли и современные церковные деятели с "ругателями" века сего сочетавшиеся, не сочтут ли они "сумасбродством, достойным лишь презрения", тех дум, которые износит моя душа навстречу Вашей?

На днях один епископ, отстаивая ориентацию митрополита Сергия, запугивал своего собеседника тем, что несогласные с митрополитом Сергием останутся в таком меньшинстве, что явятся одной из множества существующих у нас мелких сект.

Бедный епископ, прибегающий к такому бессильному аргументу в защиту народившейся "советской Православной Церкви"! Вспомнил бы множество апостольских предсказаний об оскудении веры и о умножении всякого нечестия в последние времена!

..."Множество" и "большинство" необходимы в парламентах и партиях, а не в Церкви Божией, являющейся столпом и утверждением Истины, независимо от этих категорий и даже вопреки им.

...Недели две-три тому назад я читал письмо, в котором приводились подлинные (в кавычках) слова одной небезызвестной "блаженной", сказанные ею на запрос о митрополите Сергии, причем вопрошавший, по-видимому, указывал, что митрополит Сергий не погрешил против православных догматов, что он не еретик. "Что ж, что не еретик! — возразила блаженная. — Он хуже еретика: он поклонился антихристу, и, если не покается, участь его в геенне вместе с сатанистами".

Все это вместе взятое заставляет живые верующие души настораживаться и внимательно всматриваться в развертывающуюся перед нами картину усаживания жены на зверя. Эти души чувствуют новую, небывалую опасность для Церкви Христовой и, естественно, бьют тревогу. Они, в большей части своей, не спешат окончательным разрывом с церковными "прелюбодеями" в надежде, что совесть их не сожжена до конца. Сбудется ли это чаяние? От души говорю: подай, Господи! Но в самой глубине его нахожу сомнение и, однако, пока не ставлю точки над і. Пусть поставит ее время, а точнее сказать, Владыка времен! Он же да сохранит нас, как от легкомысленной поспешности, так и от преступно равнодушной медлительности в том страшно ответственном положении, в которое мы поставлены Промыслом Божиим!" (82).

Русская Церковь Заграницей сочувствовала таким настроениям. 22 июля 1928 г. ее первоиерарх митрополит Киевский Антоний (Храповицкий) издал "вполне определенное заявление нашего Архиерейского Синода", в котором говорил о непризнании какого-либо церковного авторитета за сергианским Московским синодам, как заключившем союз с врагами Божиими, и называя его незаконной организацией отступников от веры, подобных древним "либеллятикам", которые хотя и отказывались открыто хулить Христа и совершать жертвоприношения идолам, но доставали у жрецов справки о своем полном согласии с ними (83).

К сожалению, остальные Поместные Церкви, за исключением Сербского и Иерусалимского патриархатов, не выказали особого сочувствия этой позиции...

79 М. Е. Губонин приводит данный текст как "письмо архиепископа Илариона (Троицкого) к Н. Н. по поводу Декларации митрополита Сергия (Страгородского) от 16/29 июля 1927 г."; письмо датируется предположительно ноябрем 1927 г. Принадлежность этого письма архиеп. Илариону наиболее вероятна. См. об этом: Е. Н., Патрологическое издание как зеркало экклесиологии... — Прим. ред.
80 Разнообразные эпитеты, прилагаемые мною к советской власти, я употребляю не в ругательном, а в существенном, строго определенном смысле. — Прим. автора письма.
81 Всего этого не осмелится отрицать митрополит Сергий, явившийся несчастным инициатором, вернее — орудием чудовищного замысла — осоюзить Христа с Велиаром. — Прим. автора письма.
82 Цит. по: ГУБОНИН, Акты... 524–529. См. также: POSPIELOVSKY, The Russian Church under the Soviet Regime... Vol. 1. 483–487; Bishop GREGORY (GRABBE), The Russian Church in the wilderness // Orthodox Life. Vol. 29, № 6 (November–December 1979) 33–35.
83 См.: Archpastoral Encyclical of the Synod of Bishops of the Russian Orthodox Church Outside of Russia, 1969 // Orthodox Christian Witness (March 8/21, 1982).

Плоды сергианства

Если митрополит Сергий думал ценой своей декларации купить себе и своим последователям немного мира, то опыт последующих пятнадцати лет показал,

насколько он ошибся. Начало 1929 г. совпало с первым пятилетним планом, коллективизацией и новой интенсивной кампанией против всякой религии. В самом деле, коллективизация (которая, вместе с последовавшим искусственно созданным голодом, стоила, как утверждают, 14 миллионов жизней) видится, и не без оснований, попыткой подрыва религии в самой ее твердыне — в деревне, путем разрушения экономической базы деревни и принуждения всех крестьян вступать в колхозы, полностью зависимые от государства. В апреле государство выпустило законодательство, ограничивающее деятельность Церкви (оффициальной, советской) только богослужением. Антирелигиозная пропаганда, проводимая Союзом безбожников во главе с Ярославским (насчитывавшем к 1933 г. 17 миллионов членов), возрастала, тогда как всякая религиозная пропаганда считалась уголовным преступлением. К 1933 г. половина церквей в стране была закрыта или разрушена.

Верующие всех толков, безотносительно к политическим убеждениям их пастырей, ссылались в тюрьмы и концлагеря. Если истинно-православные христиане Катакомбной Церкви пострадали первыми, то вскоре же за ними последовали и предатели-сергиане; и к концу 30-х годов лишь четверо сергианских епископов на всю Российскую республику оставались на свободе. Не избежали сей участи и неправославные. Так, как подчеркивает Д. Поспеловский, протестанты, хотя и приветствовали революцию и тем избегли первой волны гонений, теперь подверглись тем же преследованиям, что и православные (84)...

Однако, это тотальное гонение не помешало митрополиту Сергию заявить в интервью ТАСС в феврале 1930 г., что "в Советском Союзе никогда не было и в настоящее время не происходит никаких религиозных преследований", что "церкви закрываются не по приказу властей, а по желанию населения, а во многих случаях даже по прошению верующих", что "священники сами виноваты, что не пользуются предоставленной им свободой проповеди", и что "Церковь сама не хочет иметь духовно-учебных заведений"85 . Это вызвало недовольство среди москвичей, только что видевших разрушение чтимой часовни Иверской Божией Матери. Они освистывали митрополита Сергия и бойкотировали его службы (86).

Религиозная жизнь, однако, не прекратилась, а скорее усилилась в подпольных условиях, в которых она только и могла существовать. Странствующие епископы и священники служили в разных потаенных местах по всей стране. В отдельных областях подпольная деятельность буквально кипела. Так, профессор Иван Андреев свидетельствовал, что вплоть до конца II Міровой войны лично ему было известно около двухсот мест, где проводились богослужебные собрания Катакомбной Церкви в одной только Ленинградской области.

Особенно сильной подпольной сетью, просуществовавшей до самых недавних времен, отличалась, согласно исследованиям советских социологов, Тамбовская область. Другой областью, откуда продолжали вплоть до наших дней выходить катакомбные исповедники, был Урал. И другие горные края, такие как Кавказ и Алтай, продолжали давать убежище ревнителям православного благочестия (87).

Марк Поповский пишет: "Катакомбная или подпольная Церковь возникла у нас в конце 20-х годов. То один, то другой священник исчезал из своего прихода, поселялся в тайном месте и начинал опасную жизнь изгнанников. В скособоченных домишках на городских окраинах возникали тайные молельни. Там служили литургии, исповедовали, причащали, крестили, венчали и даже рукополагали новых священников. Тайком, передавая друг другу условный стук в дверь, стекались туда верующие из дальних городов и областей" (88).

В мае 1932 г. Сталин объявил о начале "безбожной пятилетки", к концу которой Имя Божие должно было быть забыто на всей территории СССР. Но перепись населения, проведенная в 1937 г., показала, что две трети населения в деревне и одна треть в городах все еще были готовы заявлять себя верующими. Эта впечатляющая цифра, учитывая условия, в которых она была получена, возникла отнюдь не благодаря сергиевскому соглашению с государством, которое скорее разделило верующих и дало атеистам дополнительное и весьма эффективное оружие против них. Более того, именно в 1937 г. гонение на духовенство достигло своего апогея. Согласно данным,

недавно обнародованным правительством России, в том году было арестовано 136 900 человек духовенства, из которых 85 000 были убиты (89).

Что касается главы Катакомбной Церкви митрополита Петра, то возможность непосредственно влиять на события была для него чрезвычайно ограничена из-за удаленности места его ссылки в деревушке Хэ на севере Сибири. Епископ Дамаскин утверждал, что он связался с ним через посредство своего келейника, который доложил, что митрополит Петр выразил свое недовольство политикой Сергия. Так, 17 сентября 1929 г., священник Григорий Селецкий по просьбе архиепископа Димитрия Гдовского писал митрополиту Иосифу Петроградскому:

"Исполняю просьбу Высокопреосвященного архиепископа Димитрия и письменно излагаю те сведения, какие мне сообщил находящийся в ссылке еп. Дамаскин. Ему удалось наладить сношения с м. Петром, послать через верного человека полную информацию обо всем происходящем в Русской Церкви. Через этого посланного м. Петр устно передал следующее:

1. Вы, епископы, должны сами сместить м. Сергия.

2. Поминать м. Сергия за богослужением не благословляю.

3. Киевский акт т. н. "малого собора епископов Украины" об увольнении 16 епископов от занимаемых ими кафедр считать недействительным.

4. Письмо епископа Василия (рязанского викария) сообщает неправду (90)" (91). (Речь идет о фальшивке, сфабрикованной сергианами, чтобы показать, что митрополит Петр якобы признал митрополита Сергия.)

Более того, согласно И. Андрееву, двое священников посетили Петра в ссылке и после писали: "Он рассказал нам, как все то, что выполнил митрополит Сергий, предлагали ему, и что он рад, что остался на прямом пути" (92).

Согласно некоторым опубликованным недавно письмам митрополита Петра агентам ОГПУ, он не только отказывался уступить местоблюстительство, но также отвергал и право митрополита Сергия стать местоблюстителем после его смерти. Так, 11 марта 1931 г. он поставил И. В. Полянскому следующий вопрос: "Смена местоблюстителя не повлечет ли за собой и смену его заместителя. Возможно, конечно, что мой преемник, если бы ему не пришлось непосредственно осуществлять свои обязанности, оставит заместителем то же самое лицо, это его право; но то, по моему мнению, несомненно, что исполнение обязанностей этим заместителем должно прекратиться одновременно с уходом замещаемого им лица, подобно тому, как по заявлению митрополита Сергия с его уходом прекращает свое существование и учрежденный им синод; все это, равно и другие вопросы требуют всестороннего и авторитетного обсуждения и канонического обоснования" (93). Тот же аргумент митрополит Петр повторил и Менжинскому в том же месяце (94).

Согласно М. Польскому, митрополит Петр имел секретные связи с митрополитом Иосифом, находившимся в ссылке в Чимкенте. Польский говорит также о его краткосрочном освобождении в 1935 г. Этот факт подтверждается в парижской газете "Возрождение": "В 1935 г. окончился срок ссылки. По дошедшим из России сведениям, митрополит Петр вернулся в Россию и виделся с митрополитом Сергием. Последний хотел получить от него признание нового устройства церковной жизни и согласие на созыв Собора. Были и другие сообщения о том, что большевики, якобы, предложили ему занять патриарший престол, но при соблюдении ряда определенных требований. Митрополит Петр был непреклонен и ни на какие соглашения не шел. Вскоре он вновь был отправлен в ссылку" (95). Также и другая парижская газета, "Русская мысль", сообщала: "Митрополит Петр потребовал у митрополита Сергия передачи ему местоблюстительства. Но получив отказ, вскоре был снова возвращен в ссылку" (96).

Не все верили, что митрополит Петр умер в это время (97). Однако, свидетельства, полученные недавно из архивов КГБ, подтверждают, что он был расстрелян 10

октября 1937 г. Сергий же еще прежде этой даты неканонично присвоил себе титул митрополита Крутицкого и патриаршего местоблюстителя (98). Синод Русской Церкви Заграницей, получив известие о смерти митрополита Петра, начал поминать имя последнего остававшегося в живых местоблюстителя — митрополита Кирилла.

В докладной записке, поданной митрополиту Анастасию 11 апреля 1937 г. профессором С. В. Троицким, последний оправдывал поминовение Русской Зарубежной Церковью имени митрополита Кирилла следующим образом: "Что права заместителя прекращаются со смертью замещаемого, это юридическая аксиома, которую признал и сам митрополит Сергий. Поэтому со смертью митрополита Петра полномочия митрополита Сергия прекратились, и в должность местоблюстителя автоматически eoipso вступает митрополит Кирилл, которого и следует поминать за богослужениями. Против этого могло бы быть лишь одно возражение: митрополит Кирилл по всем данным не получит возможности выполнять свои обязанности местоблюстителя, а митрополит Сергий не откажется от функций временного возглавителя Русской Церкви, и потому, казалось бы, в целях сохранения административного единства Русской Церкви, следует признавать и поминать не митрополита Кирилла, а митрополита Сергия. Однако, такое возражение было бы ошибочным. Не обладание правом зависит от пользования им, а наоборот — пользование правом зависит от обладания им, и потому митрополит Кирилл является законным местоблюстителем, является первым епископом русского народа (Ап. 34), хотя бы он и лишен был возможности пользоваться этим своим правом. Нельзя во имя административного единства жертвовать законностью, и митрополит Сергий, объявляя себя местоблюстителем после смерти митрополита Петра, повторил бы ту же ошибку, какую он сделал раньше, признав власть Синода "Живой церкви", и в сущности взял бы на себя роль этого синода. Русская Церковь уже раз переживала подобное положение после высылки местоблюстителя митрополита Агафангела, и тем не менее, митрополит Агафангел не соблазнился возможностью сохранения административного единства ценой признания "Живой церкви", а дозволил всем епархиям временно управляться самостоятельно, то есть восстановить то устройство, которое существовало в Церкви во время гонений первых веков Христианства. Это его распоряжение должно будет воспринять всю свою силу и в том случае, если митрополит Кирилл лишен будет возможности фактически управлять Русской Церковью. Однако и тогда поминовение его в качестве местоблюстителя остается обязательным" (99).

84 ПОСПЕЛОВСКИЙ, Подвиг веры... 233–234.
85 Цит. по: ГРАББЕ, Русская Церковь перед лицом господствующего зла... 78.
86 Священник СТЕФАН КРАСОВИЦКИЙ, Сергианский раскол в перспективе преодоления (М.: самиздат) 25.
87 См.: А. И. КЛИБАНОВ, Современное сектантство в Тамбовской области // Вопросы истории религии и атеизма VIII (М.: Изд-во АН СССР, 1960) 92–100; Л. Н. МИТРОХИН, Реакционная деятельность "Истинно-Православной Церкви" на Тамбовщине // Вопросы истории религии и атеизма: современное сектантство (М.: Изд-во АН СССР, 1961) 144–160; А. И. ДЕМЬЯНОВ, Истинно-православное христианство (Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1977); New Information on the True Orthodox Christians // Radio Liberty Research (March 15, 1978) 1–4; C. LANE, Christian Religion in the Soviet Union (London: George Allen C° unwin, 1978) Ch. 4; Registered and unregistered churches in Voronezh region // Keston News Service. march 3 (1988) 8.
88 Цит. по: ГРАББЕ, Русская Церковь перед лицом господствующего зла... 79.
89 См.: Service Orthodoxe de Presse 204 (Janvier 1996) 15. Согласно этому же источнику, между 1917 и 1980 гг. 200 000 человек духовенства было казнено и 500 000 сослано в лагеря или посажено в тюрьму.
90 Об этом митрополит Петр пишет в первом своем письме к митрополиту Сергию: "...мне пишут, что епископ Василий о делах от моего имени представил Вам доклад. Должен заметить, что ни ему, ни другому моему сожителю я не давал никаких поручений, касающихся церковных дел". Цит. по: ГУБОНИН, Акты... 682. — Прим. ред.
91 В. В. АНТОНОВ, Ложь и правда // Русский пастырь II (1994) 79–80.
92 Цит. по: Protopresbyter GEORGE GRABBE, The Canonical and Legal Position of the Moscow Patriarchate (Jerusalem: Russian Ecclesiastical Mission, 1971) 14–15.
93 ГУБОНИН, Акты... 880–881, 883.
94 Иеромонах ДАМАСКИН (ОРЛОВСКИЙ) приводит в своей книге (Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Т.

2 (Тверь: Булат, 1996) 361) отрывок из письма митрополита Петра, в котором последний объясняет свой отказ снять с себя сан местоблюстителя: "Прежде всего я нарушил бы установленный порядок, по которому местоблюститель остается на своем посту до созыва Поместного Собора. Собор, созванный без санкции местоблюстителя, будет считаться неканоническим и постановления его недействительными ... Далее, моя смена должна повлечь за собою и уход моего заместителя митрополита Сергия ... К такому обстоятельству я не могу отнестись равнодушно. Наш одновременный уход не гарантирует церковную жизнь от возможных трений, и, конечно, вина ляжет на меня. Поэтому в данном случае необходимо наше совместное обсуждение, равно как и совместное разъяснение вопросов в связи с моим письмом митрополиту Сергию, датированным декабрем 1929 года. Наконец, мое распоряжение, вышедшее из тюрьмы, несомненно, вызовет разговоры, догадки, будет истолковано как вынужденное, с разными нежелательными выводами ... Откровенно скажу, что лично о себя я не хлопочу: дней моей жизни осталось немного, да и, кажется, я уже потерял интерес к жизни, скитаясь в общем более восьми лет по тюрьмам и ссылкам. Я только опасаюсь, что распоряжением и деланием наобум могу нарушить свой долг и внести смуту в среду верующих".
95 Возрождение. 16 Ноября (1951). Цит. по: ГРАББЕ, Русская Церковь перед лицом господствующего зла... 68.
96 РЕГЕЛЬСОН, Трагедия Русской Церкви... 184.
97 Архиепископ Лазарь Тамбовский пишет, что Казанская церковь в Харькове "делилась пополам перегородкой — половину занимали православные (не путать с сергианами), половину — обновленцы. В 1937 г. пришли чекисты и арестовали его, пока довели его до тюрьмы, то все волосы вырвали. Поминали в этой церкви митр. Петра Крутицкого, вообще, его в катакомбах поминали до самого конца 50-х годов, т. к. не верили, что он скончался" (Владыка Лазарь отвечает на вопросы редакции... 7).
98 См.: А. НЕЖНЫЙ, Третье имя // Огонек. № 4 (3366) (1992) 3. Прим. ред.: В письме к митрополиту Агафангелу от 31 мая / 13 июня 1926 г. митрополит Сергий писал: "...Вы объявили себя местоблюстителем при живом законном местоблюстителе, т. е. совершили деяние, влекущее за собою даже лишение сана. ...усматривая в провозглашении Вами себя местоблюстителем при жизни митрополита Петра — нарушение правил Апостольских 34, 35, 31; Антиохийского Собора 9, 13 и др., ...я сделал 11/24 мая постановление о предании Вас суду архиереев" (Цит. по: ГУБОНИН, Акты... 479). Таким образом, Сергий сам теперь подпал под свои же собственные прещения.

Позиция митрополита Кирилла

Позиция митрополита Кирилла была не вполне однозначной. В отличие от некоторых других катакомбных иерархов, он не решался — во всяком случае, до 1934 г. — объявить Сергия совершенным отступником, а его организацию — лишенной благодати таинств. Причины тому были двоякими.

Во-первых, как он сам признавался в письме к некоему катакомбному архиерею, он был "чрезмерно осторожен", потому что, находясь в ссылке, он был не вполне осведомлен о церковной ситуации. И во-вторых, он находился в особенном положении, будучи единственным законным местоблюстителем, который обладал возможностью переписываться и дискутировать с Сергием. Посему он, естественно, сводил этот диалог к теме канонических прав местоблюстителей и их заместителей, обвиняя Сергия в узурпации власти первоиерарха.

Рассмотрение этого канонико-административного аспекта проблемы, без касательства еще более важного догматического аспекта подчинения Сергия безбожникам, неизбежно привело к менее серьезной оценке его греха. Тем не менее, внимательное изучение писем митрополита Кирилла к Сергию, написанных между 1929 и 1934 гг., доставит слабое утешение сергианам и их попутчикам. Так, в 1934 г. он писал, что хотя сергианские священники и совершают истинные таинства, но те христиане, которые, приступая к ним, знают об узурпации Сергием власти и о незаконности его синода, могут принимать их лишь себе в осуждение (100).

В своей переписке с Сергием митрополит Кирилл подчеркнул несколько моментов, весьма важных для оценки значения разных расколов, имевших место в Православной Церкви в нашем столетии.

Во-первых, это приоритет "соборности иерархической совести Церкви". Как он писал в 1929 г., "церковная дисциплина способна сохранять свою действенность лишь до тех пор, пока является действительным отражением иерархической совести Соборной Церкви; заменить же собой эту совесть дисциплина никогда не может" (101).

Во-вторых, это право епископа прерывать общение со своим собратом-епископом не только из-за ереси, но также и для того, чтобы не участвовать в братнем грехе. Так, хотя митрополит Кирилл и не считал Сергия погрешившим в вопросах веры, он был вынужден порвать с ним общение, ибо не имел "другого способа обличать согрешающего брата" (102). Если духовные лица придерживаются взаимно противоположных церковных воззрений, то их сослужение будет для обеих сторон "в суд и осуждение" (103) .

Так, в ноябре 1929 г., митрополит Кирилл отказался осудить митрополита Иосифа и его сторонников, порвавших общение с Сергием, и не согласился с сосланными в Ташкент архиереями — Арсением (Стадницким), Никодимом (Кротковым), Никандром (Феноменовым) и другими, — осудившими Иосифа, считая их надежды на созыв канонического Собора "наивностью или лукавством" (104).

В-третьих, хотя митрополит Кирилл не отрицал таинства сергиан, но это относилось у него только к тем священникам, кто был правильно рукоположен, т. е. несергианскими архиереями.

Четвертый момент, подчеркнутый митрополитом Кириллом, заключается в том, что даже в случае такого разрыва общения между двумя партиями, обе стороны остаются в Церкви, доколе между ними сохраняется догматическое единство. Но это сразу же ставит вопрос: погрешил ли Сергий только "административно", преступив каноны, как утверждал митрополит Кирилл, или же и "догматически" против учения о Церкви, как утверждал, среди прочих, архиепископ Димитрий Гдовский (105)? Этот вопрос продолжает волновать и разделять истинно-православных христиан в России, так же как подобный вопрос в отношении новостильников волновал и разделял истинно-православных в Греции. Поначалу это был действительно трудный для разрешения вопрос, особенно пока митрополит Петр был еще жив и, следовательно, раскол не был еще окончательно завершен, и пока еще оставались надежды на покаяние митрополита Сергия. Но с течением времени становилось все более очевидным, что неканоничные деяния митрополита Сергия были внешним, "административным" выражением его внутреннего нравственного и духовного подчинения воинствующему безбожию (106). Более того, после II Міровой войны Московская патриархия приняла атеизм даже догматически, через свое "богословие мира" и "богословие революции", через свое "коммунистическое христианство" и экуменизм.

Митрополиты Кирилл и Иосиф были расстреляны вместе в Чимкенте в полночь с 20 на 21 ноября 1937 г. (107)

99 ГРАББЕ, Русская Церковь перед лицом господствующего зла... 65–66.
100 См.: ГУБОНИН, Акты... 700.
101 ГУБОНИН, Акты... 636.
102 Там же. 638.
103 Там же. 655. См. также: Экклесиология свт. Кирилла (Смирнова), митрополита Казанского // Вестник Германской Епархии Русской Православной Церкви Заграницей. № 1 (1991) 12–14.
104 См.: В. В. АНТОНОВ, Важное письмо митрополита Кирилла // Русский пастырь II (1994) 76.
105 См.: ANDREYEV, Russia’s Catacomb Saints... 102–103. Этого взгляда придерживались также митрополит Иосиф Петроградский, архиепископы Феодор Волоколамский и Николай Владимірский, епископы Алексий Воронежский и Виктор Глазовский.

106 Одно из последних писем митрополита Кирилла, не так давно впервые опубликованное, в определенной степени меняет устоявшиеся представления о церковной позиции владыки. До сих пор считалось, что митр. Кирилл принадлежал к наиболее "мягкому" по отношению к митр. Сергию течению оппозиции, что любят подчеркивать и сами сергиане. Однако, вот что пишет владыка Кирилл в письме от 23 февраля / 8 марта 1937 г.: "...десять лет тому назад я ...считал все сделанное м. Сергием ошибкой, которую он сам сознбет и пожелает исправить. К тому же среди рядовой паствы нашей было множество людей, не разбиравшихся в происшедшем, и нельзя было требовать от них решительного и деятельного суждения о событиях. С тех пор много воды утекло. Ожидания, что м. Сергий исправит свои ошибки, не оправдались, но для прежде несознательных членов Церкви было довольно времени, побуждений и возможности разобраться в происходящем, и оч<ень>. многие разобрались и поняли, что м. С-ий отходит от той Православной церкви, какую завещал нам хранит Св. Патриарх Тихон, и следовательно для православных нет с ним части и жребия. Происшествия же последнего времени окончательно выявили обновленческую природу Сергианства. Спасутся ли пребывающие в Сергианстве верующие, мы не можем знать, потому что дело Спасения вечного есть дело милости и благодати Божией, но для видящих и чувствующих неправду Сергианства было бы непростительным лукавством закрывать глаза на эту неправду и там искать удовлетворения духовных своих потребностей... С митрополитом Иосифом я нахожусь в братском общении, благодарно оценивая то, что с его именно благословения был высказан от Петроградской Епархии первый протест против затеи м. Сергия и дано было всем предостережение в грядущей опасности". (Цит. по: История Русской Православной Церкви... 1917–1970... 982–983). Как видно из этого письма, к концу жизни митрополит Кирилл сблизился в своих взглядах с митрополитом Иосифом, одним из основоположников Катакомбной Церкви. По вопросу о ереси сергианства см. также: [В. ЛУРЬЕ,] Две Церкви // Вертоградъ-Информ. № 2 (47) (1999) 8–28. — Прим. ред.
107 См.: Схимонах ЕПИФАНИЙ (ЧЕРНОВ), Катакомбная Церковь на российской земле (Рукопись). См. также: Владыка Лазарь отвечает на вопросы редакции... 5–6.

Усть-Кутский Катакомбный Собор

После смерти последнего возможного dejure возглавителя Церкви митрополита Кирилла и ее главы defacto в последнее десятилетие (1928–37 гг.) митрополита Иосифа уход Церкви в катакомбы, начавшийся со смертью патриарха Тихона, завершился. Отныне, с разрушением внешнего административного церковного аппарата, каждому отдельному епископу (а иногда и каждому отдельному верующему) предстояло самому по себе хранить огнь веры, будучи связанным со своими собратьями-христианами лишь внутренними мистическими узами жизни во Христе.

Так же оценила происходящее и Русская Зарубежная Церковь на своем II Всезарубежном Соборе в 1938 г.: "Поскольку эпоха, которую мы переживаем, есть без сомнения эпоха апостасии, то само собой разумеется, что для истинной Церкви Христовой период жизни в пустыне, о котором говорит двенадцатая глава Откровения Св. Иоанна, не есть, как некоторые могут полагать, эпизод, связанный исключительно с последним периодом истории человечества. История показывает нам, что Православная Церковь неоднократно удалялась в пустыню, откуда воля Божия призывала ее назад на историческую сцену, где она снова воспринимала свою роль при более благоприятных обстоятельствах. В конце истории Церковь Божия уйдет в пустыню в последний раз, чтобы принять Того, Кто грядет судить живых и мертвых. Так должно понимать двенадцатую главу Откровения не только в эсхатологическом, но и в историческом и педагогическом смысле также: она показывает нам общие и типичные формы церковной жизни. Если Церкви Божией определено жить в пустыне Промыслом Всемогущего Творца, приговором истории и законодательством пролетарского государства, то со всей очевидностью следует, что она должна оставить все попытки добиться легализации, ибо всякая попытка достигнуть легализации во время эпохи апостасии неизбежно превращает Церковь в великую вавилонскую блудницу нечестивого атеизма. Ближайшее будущее подтвердит наше мнение и покажет, что наступило время, когда благополучие Церкви требует отказаться от всякой легализации даже приходов. Мы должны следовать примеру Церкви периода

до Никейского Собора, когда христианские общины были объединены не на основе административных институтов государства, а одним лишь Духом Святым"(108).

Пожалуй, самым поразительным и буквальным примером бегства Церкви в пустыню явился поступок епископа Енисейского и Красноярского Амфилохия, который в 1930 г., после разрыва отношений с митрополитом Сергием, удалился (как свидетельствует митрополит Иоанн Снычев, он это сделал по совету митрополита Кирилла) в сибирскую тайгу, откуда не появлялся до самой смерти в 1946 г.(109).

Однако на случай, если соблазн внешней организации и открытых церквей (хотя к концу 30-х гг. их осталось совсем немного) будет искушать верующих признать лжецерковь, Божественный Промысл созвал Собор Катакомбной Церкви в июле 1937 г. в сибирской глуши. Схимонах Епифаний (Чернов) предлагает об этом следующее повествование:

"В 1937 г., в конце июля месяца, в Усть-Куте (на реке Лене, при впадении в нее речки Кута), в перегруппировочном отделении арестантского дома встретились вывозимые из Витима в Иркутск и везомые из Иркутска на север два митрополита, четыре епископа, два священника и шесть мірян тайной Катакомбной Церкви. Такой полноты собрания единомышленных представителей Церкви трудно было ожидать в ближайшем будущем. Поэтому встретившиеся решили немедленно открыть "Освященный Собор" и вынести канонические решения по насущным вопросам Церкви.

Время Собора было ограничено четырьмя часами, после чего соборяне были развезены в противоположных направлениях. Председательствовал митрополит Иоанн, секретарем Собора был пересыльный по этапу на место жительства, сбежавший на прииски колхозник села Жигалева А. З. Постановления Собора не записывались: А. З. в свое время передал Церкви запомнившиеся решения; они были с его слов, под присягой, записаны и стали канонами Церкви.

Среди этих канонов есть и крайне нужные сейчас. Здесь они передаются, как передал их по памяти А. З., с сохранением точного смысла.

Господи, благослови!

1. Освященный Собор запрещает верным окормляться через духовенство, легализованное антихристианским правительством.

2. Освященному Собору открыто Духом, что клятва-анафема, положенная Святейшим патриархом Тихоном, действенна, и под силу ее поставлены и связаны все священнои церковнослужители, дерзнувшие мнить таковую как церковную ошибку или политическое средство.

3. Всем порочащим и отмежевывающимся от Освященного Собора 1917–1918 гг. — анафема.

4. Все ветви церковные, на стволе соборном находящиеся, — ствол же есть Церковь наша дореволюционная, — суть живые ветви Церкви Христовой. Благословляется молитвенное общение, сослужение Божественной Литургии всеми священнослужителями таковых ветвей. Освященный Собор запрещает в священнослужении всех, мнящих себя не ветвью, а самостоятельным древом церковным. Освященный Собор не находит необходимым административное единство ветвей Церкви, но единомыслие о Церкви вменяет в обязанность всем" (110).

Собор определил единство Катакомбной Церкви и ее отношение к советской церкви; отношение Катакомбной Церкви к советскому государству было выражено в другом катакомбном документе таким образом: "Как нужно смотреть на советскую власть, следуя апостольскому учению о властях? Согласно изложенному нами апостольскому учению, следует признать, что советская власть не является властью. Она есть антивласть. Она не является властью, потому что не учреждена Богом, а дерзостно

сотворена совокупностью злых действий людей, укрепляется и поддерживается этими действиями. Если злые действия ослабевают, то ослабевает и советская власть, представляющая сгусток зла. Зло возникает, когда нарушается Воля Божия. Для человека это есть нарушение Божиих заповедей. Научает этому враг рода человеческого. Сатана ведет борьбу с Богом, а поле битвы — сердца человеческие. Эта власть утверждается, чтобы уничтожить все религии, просто искоренить веру в Бога. Сущность ее — борьба с Богам, поэтому корень ее — от сатаны. Советская власть не является властью, потому что она не может по своей природе исполнить в полноте закон, ибо существо ее жизни есть зло.

Могут сказать, что советская власть, осуждая разные преступления людей, может пока еще считаться властью. Мы не говорим, что отсутствует вообще правящая власть. Мы утверждаем лишь, что она есть антивласть. Надо знать, что утверждение реальной силы связано с теми или иными действиями людей, которым свойственен инстинкт самосохранения. Они же должны считаться с извечно присущими человечеству законами нравственности. По существу же эта власть последовательно совершает человекоубийство физически и духовно. Реально действует сила вражия, которая называется советской властью. Враг хитростью стремится заставить человечество признать эту силу как власть. Но апостольское учение о власти к ней неприменимо. Как зло неприменимо к добру и Богу, потому что зло вне Бога, а враги с лицемерием могут прикрываться известным изречением, что все от Бога. Эта советская антивласть и есть коллективный антихрист, богоборчество" (111).

А что же дальше? Какие надежды питают христиане Катакомбной Церкви в отношении своего грядущего избавления от этих страшных мучений?

Одни, как например епископ Максим Серпуховский, смотрели в будущее с пессимизмом, считая, что мір переживает свои последние дни; другие предвещали пред концом возрождение Святой Руси, как например прозорливая старица Агафия из Белоруссии, которая была заморена властями до голодной смерти в 1939 г. в возрасте ста девятнадцати лет (112).

Однако, в конце 30-х годов все выглядело довольно мрачно. Е. Лопешанская пишет о катакомбном священномученике епископе Дамаскине: "Он зажег сердца многих, но масса, в которую обратился народ, осталась тем, чем она только и может быть, — пассивной и инертной, движущейся в любую сторону, в зависимости от внешнего толчка, а не от внутренних побуждений... Долгая изолированность епископа Дамаскина от советской жизни, оторванность от постепенного процесса советизации привела к недоучету им реального соотношения сил в окружающей его действительности. Оставаясь сам незыблемым, он просмотрел перерождение человеческой души в массе и ее опустошение. Эту душу переставили на другой путь — скользкий, оппортунистический, ведущий людей туда, куда их хотят привести смелые, ни перед чем не останавливающиеся, посягающие на все ценности, моральные и материальные, вожди міровой революции. В репрессивных мероприятиях советской власти, помимо непосредственных результатов таился глубокий смысл. Между архиереями и священниками, томившимися в концлагерях и тюрьмах, и массой верующих, как бы твердо стоять в вере они ни старались, возрастала пропасть взаимного непонимания. Исповедники силились поднять верующих на более высокую ступень и приблизить их духовный уровень к своему. Масса верующих, отягощенная житейскими и семейными заботами, ослепленная пропагандой, наоборот, невольно опускалась. Призраками грядущего золотого века сытости, полной свободы от всяких внешних и внутренних ограничений, подчинения человеку сил природы, заманчивыми перспективами, в которых фантазия переходила в науку, ...большевики захватили в свои сети подавляющее большинство народа. Только отдельные личности могли сохранять приподнятость духа. Этим положением прекрасно воспользовался митрополит Сергий..." (113).

Другой катакомбный священномученик, епископ Яранский Нектарий (Трезвинский), писал из ссылки своей пастве:

"Из истории Церкви Христовой видно — почти все борцы за правду Христову погибли в борьбе, только после смерти их торжествовало то дело Божие, за которое они

боролись. Так будет и в нашей борьбе с сергианством. Народ наш стал безразличен к церковным вопросам, а духовенство — это большей частью обрядоисполнители-жрецы, для которых лишь бы было чем кормиться, спокойно жить, а против нас, противников сергианства, не побрезгуют никакими силами, безнравственными мерами, как то: допросами, ложными слухами, подпаиванием водкой горланов на приходских собраниях и прочее. Так, про меня Сергий напечатал: я якобы посвятил в попы двоеженца, чего я и во сне не видел.

Словом, наша борьба хотя и свята, но бессильна. Я лично не надеюсь на освобождение, а скорее всего погибну, сгнию в лагерях, утешаясь обетованиями Христовыми. Блаженны изгнани правды ради... Нелегко страдать. Но другого выхода нет, выбора или разделения быть не может. Не колеблитесь, возлюбленные, для вас жизнь — Христос, а смерть — приобретение. Что нам делать? Как нам быть? Вопрошаете меня, ревнители Православия, лишенные своих пастырей и не могущие из-за чуткости совести молиться в сергианских храмах. Вполне понятны страдания ваших душ. Жить без церковной молитвы — это великое бедствие для верующих, а теперь ведь много городов и сел, где нет храмов, а если и есть, то обновленческие или сергианские. Объединяйтесь в мелкие группы и молитесь по домам, пойте церковные песнопения, читайте слово Божие, творите посильно милостыню, погребайте умерших без сергианских попов. Св. Тайны принимайте лишь от истинных пастырей, а таковых вы всегда найдете с помощью Божией" (114).

У Сергия было много апологетов. Некоторые утверждали, что он "спасал Церковь" для будущих поколений, когда шквал гонений стихнет. Это предположение не оправдалось, ибо к 1939 г. на свободе оставалось только четыре епископа и открытыми жалкая горстка храмов на всю страну. И если и можно сказать, что Церковь была "спасена человеками", то это следует относить не на счет Сергия, а на счет фашистов, чьи успехи, как мы увидим ниже, заставили Сталина сделать некоторые уступки оффициальной религии, или на счет Катакомбной Церкви, которая, как пишет В. Алексеев, "в некотором смысле спасла оффициальную Церковь от полного разрушения, потому что советские власти боялись безжалостным уничтожением загнать всю Русскую Церковь в подполье и тем самым потерять над нею контроль" (115).

Другие пытались оправдать Сергия, утверждая, что есть два пути спасения: один посредством открытого исповедничества или не менее трудного (в советских условиях) ухода в катакомбы, а другой посредством компромисса. Сергий, согласно этой точке зрения, был не менее мучеником, чем катакомбные мученики, только его мученичеством была потеря доброго имени. Однако, это воззрение близко подходит к ереси, что может быть спасение через грех — в данном случае через самую бессовестную ложь, пожертвование свободой и достоинством Церкви и Православия и предание на муки и смерть своих собратьев христиан (116).

Все апологеты Сергия делают свою главную ошибку, когда забывают, что спасает Церковь не человек, а Бог. В самом деле, они весьма близки к утрате веры в Бога — не столько, конечно, в Его бытие, сколько в Его Промысел и Всемогущество. Спасительная вера — это вера Авраама на горе Мориа, Моисея в Чермном море, Давида перед лицом Голиафа, Илии пред жрецами Ваала — это вера, что вся возможна Богови (Мф. 19:26). Это вера, которая взывает: Сии на колесницех и сии на конех, мы же во имя Господа Бога нашего призовем (Пс. 19:7). Это была и есть вера Катакомбной Церкви, которая, как основанная на камне, камень же бе Христос (I Кор. 10:7), преодолела врата адова. Но сергиева "вера" была иного, более "гибкого" рода, того, о котором пророк сказал: Яко рекосте: сотворим завет со адом, и с смертью сложение: буря носима аще мимоидет, не приидет на нас: положихом лжу надежду нашу, и лжею покрыемся. И положу суд в надежду, милость же Моя на мерилех, и уповающие вотще на лжу: яко не минет вас буря, и не отымет от вас завета смертнаго, и надежда ваша, яже ко аду, не пребудет. Буря идущая аще найдет, будете ей в попрание. Егда мимоидет, возьмет вас: яко по всяко утро преходити будет в день, и в нощи будет надежда зла: научитеся слышати утесняемии (Ис. 28: 15,17–19).

108 Цит. по: A. GUSTAVSON, The Catacomb Church (Jordanville, 1960) 102.
109 СНЫЧЕВ, Церковные расколы в Русской Церкви... 345. См. также: РЕГЕЛЬСОН,

Трагедия Русской Церкви... 501.
110 Схимонах ЕПИФАНИЙ (ЧЕРНОВ), Личное сообщение (1980). См. также: Важное постановление Катакомбной Церкви // Православная Русь. № 18 (1949).
111 ANDREYEV, Russia's Catacomb Saints... 541–542. См.: Архиепископ АВЕРКИЙ, Современность в свете слова Божия. Слова и речи (Джорданвилль–Нью-Йорк: Свято-Троицкий монастырь, 1975) Т. 3. 593–595. См. также: Митрополит ИННОКЕНТИЙ, О советской власти // Архиепископ НИКОН (РКЛИЦКИЙ), Жизнеописание Блаженнейшего Антония... Т. VI. 168–172.
112 Цит. по: ANDREYEV, Russia's Catacomb Saints... 422–423.
113 ЛОПЕШАНСКАЯ, Епископы-Исповедники... 65–66.
114 Послание из ссылки // Православный вестник. № 87 (Янв.–февр. 1996) 15.
115 W. ALEXEYEV, The Russian Orthodox Church, 1927–1945: Repression and Reviual // Religion in Communist Lands. Vol. 7. № 1 (Spring 1979) 30.
116 См.: Е. С. ПОЛИЩУК, Патриарх Сергий и его декларация: капитуляция или компромисс? // Вестник Русского Христианского Движения 161 (1991) 233–250. В целом, обвинения митрополита Сергия, что все катакомбные епископы были "контрреволюционерами", было достаточно, чтобы послать их на смерть.

ГЛАВА IV
ГРЕЦИЯ И БАЛКАНЫ: НАРОДНАЯ ИСТИНА

Иже несть со Мною, на Мя есть,
и иже не собирает со Мною, расточает.
Мф. 12:30

Принятие нового стиля государственной Церковью Греции произошло в самое тяжелое для всей Православной Церкви время. Внешнее положение Церкви за прошедшие десять лет изменилось радикально. Российской Империи не стало, и Вселенский и (в особенности) Московский патриархаты, к которым принадлежало подавляющее большинство православных христиан, были боримы как внешними врагами (турки и большевики), так и внутренними ("Турецкая Православная церковь" и "Живая церковь"). Ни остальные Восточные патриархаты, с одной стороны, ни Сербский патриархат и Русская Зарубежная Церковь, с другой, не могли занять место, принадлежавшее Российской империи и Вселенскому патриарху в прошедшие столетия. И раз никто из иерархов Элладской Церкви (в то время) не пожелал отвергнуть перемену календаря и порвать общение с Афинским архиепископом, то оставалась лишь одна сила, способная подхватить знамя истины, — народ.

Положение мірян в Православной Церкви часто понимают неправильно. В Православии міряне — это не инертная, бессильная, слепо повинующаяся масса римо-католиков, не всемогущая революционная толпа протестантов. Есть две жизненно-важных функции, которые могут быть исполняемы лишь канонически рукоположенными духовными лицами: совершение таинств, в т. ч. рукоположения епископов и пресвитеров, и определение веры, в т. ч. позиции Церкви по отношению к еретикам и раскольникам. Но міряне, хотя и не могут играть главную роль в исполнении этих двух функций, имеют, однако, важную утверждающую роль при их совершении. Так, строго говоря, епископ или пресвитер не может служить литургию без присутствия хотя бы одного мірянина. Также и епископ не может рукоположить священника без согласия народа (выраженного восклицанием "аксиос", т. е. "достоин"). И определение веры, отвергнутое народом, останется мертвой бумагой.

На протяжении длинной, более чем тысячелетней борьбы с западными ересями православный народ никогда не был настолько лишен руководства со стороны духовенства, как в 1924 г. Подписание решений заключившего унию Лионского собора в 1274 г. и смещение в следующем году истинного патриарха — Иосифа — было в значительной мере делом императора и его ставленника Иоанна Векка; существовало многочисленное духовенство, противоставшее унии, которая, во всяком случае, продолжалась всего восемь лет (до 1282 г.). Положение после Флорентийского собора было более серьезным: святой Марк Ефесский был одним из двух иерархов, отказавшихся подписать акт унии. Затем последовал долгий период, когда хотя и были латинствующие и протестантствующие патриархи, Церковь как целое оставалась единой в противлении западной опасности. Так, новый папский календарь был соборно осужден не менее восьми раз: в 1583, 1587, 1593, 1722, 1827, 1848, 1895 и 1904 гг. И уже в своем окружном послании Восточные патриархи намекнули на роль, которую, может статься, народу придется исполнять независимо от клира: "У нас ни патриархи, ни Соборы никогда не могли ввести ничего нового, потому что защитником веры является само тело Церкви, сам народ, который желает видеть свою веру во веки неизменной и согласной с верой своих отцов" (1).

Вопрос, который встал в 1924 г., заключался в следующем: имеет ли народ (и горстка духовенства) право отделяться от всех епископов и, при отсутствии каких-либо иерархов, поддерживающих их борьбу против новшества, объявить себя Истинно-Православной Церковью? Ответ, следовавший из Священного Предания Церкви, был однозначен: да. Хотя некоторые функции, выполнять которые могут только епископы, такие как рукоположение священников, временно прекращаются в такой ситуации, Церковь существовать не перестает и остается там и только там, где исповедуется Истинная Вера.

Ибо идеже еста два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их, — сказал Епископ всех епископов, Господь Иисус Христос (Мф. 18:20). 15-е правило Двукратного Собора ублажает тех, кто отделяется от еретичествующих епископов даже прежде вынесения о них соборного решения. В самом деле, в истории Церкви есть несколько случаев, когда святые мужи либо немедленно порывали подобным образом общение с еретичествующими епископами — например, св. Ипатий в IV в., — либо умирали вне общения со всеми епископами Церкви и все же были ублажаемы и прославляемы последующими поколениями — например, прп. Максим Исповедник в VII в. и прп. Арсений Паросский в XIX в.

1 Окружное Послание Восточных Патриархов 1848 г., § 17 // Догматические послания православных иерархов XVII–XIX веков о православной вере (Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1995) 233.

Чудо Креста

Перемена календаря в государственной Церкви Греции произошла 10 марта 1924 г. (23 марта по новому стилю). В этот день, в субботу, будущий святитель-исповедник Истинно-Православной Церкви архимандрит Герман (Варикопулос) служил Божественную литургию в своей церкви св. Александра в Палеон Флирон. Окончив литургию, он помянул на отпусте "святые троена́десят дней, ихже и память ныне совершаем!"(2).

12/25 марта 1924 г. в Афинах произошли одновременно два важных события. Великий праздник Благовещения был отпразднован по новому стилю архиепископом Хризостомом Пападопулосом, а греческая монархия была (без голосования) упразднена революционным правительством. Журналист Николай Краниотакис писал: "По строгой команде под звуки труб солдаты сняли корону с креста и бросили наземь! И греческая демократия родилась!.." (3).

24 марта / 6 апреля, в канун истинного Благовещения, огромная толпа собралась во дворе пред Благовещенским собором. На следующий день газета "Врадини" сообщила:

"Священникам было запрещено под страхом извержения литургисать или петь тропари Благовещения сегодня. Также запрещен колокольный звон в русском соборе (эллинофилов) и сегодняшнее служение на подворье Святого Гроба, хотя Иерусалимский патриархат и не принимал нового стиля. Несмотря на все принятые меры, множество верующих окружало митрополичий собор с вечера до глубокой ночи, и по их неотступным мольбам нашелся один священник, который пропел молебен, "послушавшись требований народа", как он сказал. Смотрители хотели закрыть церковь, но ввиду рвения богомольцев собор остался открытым на ночь. В соборе произошло три чуда. ...Семилетнего Стасинопулоса, глухонемого и парализованного от рождения, мать принесла к иконе Матери Божией в припадке конвульсий. Немного спустя, в то время как вокруг все выражали сожаление, она встал, произнес слова "мама–баба–папа" и начал ходить. Немного позже был исцелен семнадцатилетний паралитик и ...глухонемой чернорабочий. Последний заговорил вчера впервые за тридцать лет, заявив, что сегодня он может не идти на работу. Хотя соборным служителям известны имена этих двоих, они отказываются сообщить их, утверждая, что никакого чуда не было, хотя все прихожане утверждают обратное" (4).

"В соборе было не повернуться, — сообщила в тот же день другая газета, "Скрип". — Верующие слушали вечерню и после отпуста в волнении обсуждали перемену богослужебного календаря и перенос праздника Благовещения.

Две тысячи благочестивых христиан вместе с женщинами и детьми единодушно провозгласили свою приверженность святым догматам веры, которые демократы решились изменить, и послышался один голос: "Мы не станем франками! Мы православные христиане и останемся православными христианами" (5).

Подобные события и чудеса имели место и в других областных центрах, таких как Навилион, Триполи, Фессалоники и Коринф. Светские власти повсюду поддерживали новый церковный порядок. Сопротивление народа на этой первой фазе борьбы поддержали отличавшиеся благочестием и традиционно настроенные беженцы из Анатолии, такие как великий чудотворец священник Арсений Каппадокийский (6) .

Верные христиане, послушные учению свв. отцов и подражающие христианам древности, которые в подобных ситуациях порывали общение со вводящими новшества, сами прервали всякое церковное общение с новостильной Элладской Церковью. Они молились по домам или в деревенских церквушках, обслуживаемые очень малым числом священников, постоянно преследуемых полицией, подстрекаемой Хризостомом Пападопулосом (еще несколько священноиноков с Афона присоединились к ним в 1926 г.) В Афинах была создана "Ассоциация Православных", чтобы защищать православный месяцеслов и Предание Церкви.

С самого начала Господь являл многими знамениями и чудесами, что Он пребывает с приверженцами православного календаря.

Так, 24 декабря / 6 января 1924/25 г., т. е. в навечерие Рождества Христова по старому стилю и праздник Крещения по новому, произошло следующее чудо. Прихожане новостильной церкви св. Апостолов в Акрополе молились за литургией. Вдруг они увидели, что из очей Богородицы на иконе текут слезы, а из голов апостолов — кровь.

Пораженные прихожане не замедлили увидеть в этом знамение гнева Божия на "изменение в вере", на то, что у них Христа крестили, когда Он еще не родился. Церковное начальство послало некоего архимандрита убедить народ в том, что это было никакое не знамение от Бога, а "истечение из пихтовой доски, вызванное чрезмерным теплом или также и... холодом"! Архимандрита прогнали с амвона. В конце концов, власти закрыли церковь, возбранив верующим вход в нее. Сегодня эта церковь стоит без икон и посещается только... туристами!

Критическим поворотным моментом в истории Греческой Старостильной Церкви стало явление Креста в небе над старостильным монастырем под Афинами, чрезвычайно воодушевившее людей в их вере, что Бог с ними в их борьбе с новшествующими.

"В 1925 г., — пишет епископ Лазарь (Пухало), — в канун Воздвижения Всечестного и Животворящего Креста Спасителя нашего, 14 сентября по православному церковному календарю, служилось всенощное бдение в церкви св. Иоанна Богослова в пригороде Афин. К девяти часам вечера более двух тысяч истинно-православных верующих собрались в церкви и вокруг нее на службу, поскольку очень мало истинно-православных церквей оставалось еще случайно не закрытыми гражданскими властями. Такое громадное собрание народа не могло, однако, остаться незамеченным властями. Около одиннадцати вечера власти направили к церкви батальон полиции, "чтобы предупредить всякие беспорядки, могущие возникнуть при таком большом скоплении людей". Собравшихся было слишком много, чтобы полицейские могли предпринимать какие-либо открытые действия или арестовать священника, и поэтому они смешались с толпой богомольцев, уже переполнявшей церковный двор. И тогда, независимо от истинных мотивов их присутствия там, против их собственной воли, но по Воле, превосходящей всякую человеческую власть, они стали причастниками чудесного переживания массы верующих.

В одиннадцать тридцать начал появляться в небе над церковью в северо-восточном направлении яркий сияющий Крест из света. Свет не только освещал церковь и верных, но в его лучах звезды на чистом безоблачном небе потускнели, и церковный двор был залит почти вещественным светом. Очертания самого Креста светились особенно ярко, и можно было ясно видеть, что это византийский Крест с наклонной перекладиной у основания. Это небесное чудо продолжалось полчаса, до полуночи, а затем Крест начал медленно подниматься вертикально, как это происходит с крестом, который держит в руках священник при совершении чина Воздвижения Креста в храме. Встав прямо, крест стал постепенно исчезать.

Человеческий язык недостаточен, чтобы передать то, что происходило во время явления. Вся толпа пала ниц на землю со слезами и начала петь песнопения, славя Бога едиными устами и единым сердцем. Среди тех, кто плакал, были и полицейские, внезапно открывшие в глубине своих сердец детскую веру. Толпа верующих и батальон полиции превратились в одно единое стадо верных. Все были охвачены священным исступлением.

Бдение продолжалось до четырех часов утра, когда весь этот людской поток устремился назад в город, неся весть о чуде, от которого они все еще трепетали и плакали.

Многие из неверующих, ученые и обновленцы, осознавая свой грех и вину, но не желая покаяться, пытались всеми способами объяснить или отрицать это чудо. Но тот факт, что форма креста столь точно и ясно передавала форму византийского (иногда называемого русским) креста с тремя перекладинами, из которых нижняя была наклонной, совершенно опровергает любые аргументы случайного физического явления.

То, что такое же явление креста уже было в разгар самой великой ереси (арианства; здесь упоминается явление Креста над Иерусалимом в 351 г. — В. М.), должно внушить православным сознание особенной важности календарного вопроса и всего, что с ним связано. Ни один здравомыслящий человек не может обсуждать этот вопрос слегка, со светскими рассуждениями или с мірскими доводами. Обновленцы, подобно арианам в 351 г., лишены всякого оправдания или снисхождения" (7).

2 МйфспрплЯфзт КБЛЛЙПРЙПУ Ренфбрьлещт (ГЙБННБКПХЛПРПХЛПУ), ДейнпрбиЮмбфб Г.П.Ч. Ф. Й (Рейсбйеэт, 1990) 30.
3 Ibid. 15.
4 Ibid. 17–18.
5 ГЙБННБКПХЛПРПХЛПУ, ДейнпрбиЮмбфб Г.П.Ч... 22.
6 См.: Monk P. of the Holy Mountain, Saint Arsenios of Cappadocia (Thessaloniki, 1989) 81. По иронии судьбы Арсений был канонизирован новостильной Константинопольской патриархией в 1986 г.!
7 Цит. по: Orthodox Life. Vol. 22, № 2 (March–April 1972). Воспроизведенов: Fr. BASILE SAKKAS, The Calendar Question (Jordanville, 1972). См. также: V. MOSS, The Truth is One // The Imperishable Word. 14–15. Дальнейшие свидетельства и фотографии см.: ГЙБННБКПХЛПРПХЛПУ, ДейнпрбиЮмбфб Г.П.Ч... См. также: HOLY TRANSFIGURATION MONASTERY, Papa Nicolas Planas (Boston, 1961) 117–119.

Румынские старостильники

В других странах введение нового стиля также встречало сопротивление чаще народа, чем епископов. Русский народ уже отверг годом раньше коварные попытки большевиков ввести новый стиль. А русские монахи продолжали еще несколько десятилетий бороться против нового стиля в Валаамском монастыре, который до II Міровой войны был в Финляндии, т. е. в юрисдикции Вселенской патриархии.

"1925 года 10 сентября, — пишет схимонах Николай Валаамский, — на Валааме было разделение старого и нового стиля. Стали принуждать переходить на новый стиль. Многие из братий остались по-старому. Начались суды. Приехало церковное управление; во главе с нашим игуменом о. Павлином был суд; стали призывать по одному из братий. Многих уволили из обители. Пришла очередь и моя. Вошел я в комнату, там сидел игумен о. Павлин с прочими из церковного управления. Отец игумен сказал: "Вот раб Божий, этот, спрашивайте его". Один из них сказал, что он будет говорить и чтобы записывали все. Они спросили: "Признаешь ли игумена отца Павлина? Будешь ли ходить в собор по новому стилю?" На их вопрос я не мог ответить, у меня в это время точно отнялся язык. Они усумнились и сказали: "Ну, что же ты не отвечаешь?" Я не мог сказать ничего. Тогда они сказали: "Ну иди, раб Божий, и подумай".

Я начал молиться Божией Матери, Споручнице моей в сердце моем: "Скажи мне и укажи путь жизни моей: на какую сторону идти, за новый ли за старый стиль? В собор ходить или куда?" И молился я, грешный, Матери Божией во время своего послушания на кухне. Когда я свое послушание вечернее кончил, пошел к себе в келию и подумал, в простоте сердца своего: "Что же Матерь Божия не извещает меня?"

Но милость Божия не оставила меня, грешного: желает всем спасения. Вдруг в келии моей явился собор, такой же, как он и есть, высоты, длины и ширины. Удивился я чудному явлению: как он вошел в мою маленькую келию? Но внутренний голос сказал: "Богу все возможно, нет ничего невозможного". Ну вот, надо ходить в церковь в собор, по новому стилю? В то время, когда я так размышлял, сверху спустилась завеса церковная, голубая, посередине завесы золотой крест. Собор остался за завесой. Я остался по другую сторону собора; собор стал мне не виден, и внутренний голос говорил: "Иди на старый стиль и держись его". И слышу голос женский сверху, с угла: "Если хочешь спастись, держи предание святых апостолов и святых отцов". И во второй раз то же самое повторилось, и в третий раз голос сей: "Если хочешь спастись, держи предание святых апостолов и святых отцов, а не сих мудрецов". После этого чуда все скрылось, и я остался один в келии. Сердце мое возрадовалось, что Господь указал путь спасения, по молитвам Божией Матери" (8).

Особенно героической была борьба старостильников в Румынии, где новый стиль ввели в том же году, что и в Греции. Митрополит Власий, нынешний первоиерарх Истинно-Православной Церкви Румынии, пишет:

"В 1924 г. 1-е октября стало 14-м числом этого месяца. Часть духовенства знала о готовящихся переменах и открыто предостерегала паству: скоро будут реформы — не принимайте их. Например, в моей родной деревне был священник, который предсказал реформы и молился, чтобы ему не дожить до них, потому что предвидел массовые преследования; и он умер за два месяца до реформы.

В 1924 г. первенствующим митрополитом подчинявшейся Константинополю Румынской митрополии был митрополит Мирон (Кристя). И за одну ночь он стал патриархом, хотя Румынская Церковь не могла быть патриархатом, не имея для этого достаточных оснований. Патриаршество было даровано Константинополем в награду за смену календаря. Когда состоялось заседание синода по этому поводу, только один епископ Герасим отказался от нового стиля; и остальные сказали ему: если ты не хочешь принимать новый стиль — уезжай из страны. Он уехал и жил в Париже.

Все остальные архиереи не понимали, что они должны бороться против реформы, они все перешли на новый стиль; из четырнадцати тысяч приходских священников страны также почти никто не выступил против нового стиля, кроме разве что архимандрита о. Галактиона (Кордуна), который в то время служил как приходской священник при митрополичьем соборе в Бухаресте и проповедовал, когда не было епископа.

...Отец Галактион, ставший впоследствии нашим первым митрополитом, боролся против реформы, но не мог ничего сделать, т. к. был всего лишь архимандритом. Он был очень способным, учился в Петербурге вместе с будущими патриархами Московским Алексием и Болгарским Кириллом, получил степень доктора богословия. Позднее, в 1935 г., его рукоположили в архиереи, думая, что он изменил свои взгляды: в хиротонии участвовали три епископа, рукоположенные еще до смены календаря, так что преемство не нарушено.

Все это я рассказал для того, чтобы показать, что священство Румынской Церкви, в основном, не выступало в защиту правды, а старостильники действовали очень осторожно.

Вот, например, как было в Нямецком монастыре, где когда-то был настоятелем преп. Паисий Величковский. Когда была произведена реформа, в монастыре было около двух тысяч монахов, из них восемьсот — в священном сане, это самый большой монастырь в Румынии. Здесь возникло самое сильное движение против нового стиля. За два месяца до реформы настоятель предупредил братию: берегитесь, грядут

реформы, не принимайте их. Это было как бы пророчество. Но из восьмисот иеромонахов лишь тридцать (не считая монахов) были против реформы; из этих тридцати открыто воспротивились ей только шесть — остальные не отложились из-за материальных соображений: по декрету митрополита Молдавского всем клирикам, не принявшим новый стиль, грозило извержение из сана, изгнание из обители с конфискацией имущества — человек оказывался вне закона. И вот, маленькая группа монахов с самыми преданными, ревностными священниками покинула монастырь, и от этой-то группы берет начало история нашей Церкви. Нямецкий же монастырь в целом принял новый стиль, позднее они отказались и от устава преп. Паисия, за хранение которого монастырь был уважаем. К слову сказать, наш монастырь в Слатиоаре, находящийся недалеко от Нямца, наследовал этот устав и традицию.

Вот имена некоторых насельников монастыря (священнослужителей), которые сопротивлялись всю свою жизнь: иеромонах о. Гликерий (впоследствии митрополит), иеромонах о. Памва, о. Варух, о. Гимнасий, о. Зосима, о. Гамалиил, о. Дамаскин, который умер в лесу неподалеку от монастыря; известны имена и других насельников Нямца, сопротивлявшихся новому стилю. Были и монахини: мать Макария, бывшая помощницей настоятельницы крупнейшего в стране женского монастыря св. Агапии, ставшего новостильным (сейчас там 450 насельниц), которая основала с монахинями первый в нашей Церкви женский монастырь. Маленькие группы духовенства и насельников этих мужских и женских монастырей — наиболее чистые, те, которые в сердце имели Бога, а не свое имущество, отвергли реформы и были изгнаны из монастырей — им пришлось жить в міру. Благочестивые міряне, поддержавшие их, стали как устрояющие свои ульи пчелы, строить церкви, а эти клирики были как пчелы-матки; так проходило становление нашей Церкви" (9).

Митрополит Киприан пишет: "Румынский патриархат дважды, в 1926 и 1929 гг., праздновал Пасху с латинянами, учиняя тем самым нарушение векового православного предания. В самом деле, когда это делалось во второй раз, патриарх Мирон, пользуясь безраздельной поддержкой униата премьер-министра Юлиуса Маню и нескольких представителей духовенства, принудил все румынские митрополии праздновать Пасху вместе с папистами, что вызвало великое смущение в рядах Румынской Церкви. Митрополит Гурий Бессарабский открыто критиковал Мирона и, игнорируя патриарший указ, приказал в своих церквах праздновать с остальными автокефальными Православными Церквами (т. е. со всем православным міром, за исключением модернистской Финляндской Церкви). Деяние патриарха Мирона смутило также эти остальные Православные Церкви, многие из которых высказали свой протест. Так и русское эмигрантское духовенство Бухареста, в частности, заняло строгую позицию в эти трудные дни, игнорируя патриарший указ и празднуя Пасху в согласии с традиционными каноническими предписаниями.

Неканоничное и неправославное празднование Пасхи с латинянами глубоко огорчило благоговейных румын, многие из которых вернулись на старый стиль. Среди них были три иеромонаха, а также два священноинока, вернувшихся в Румынию со Святой Горы. Иеромонах Гликерий, занявший с самого начала лидирующее положение в старостильном движении, начал строить церкви в окрестностях Нямецкого монастыря. Первая была основана в деревне Ванатори. К 1936 г. он построил около сорока больших храмов, большей частью в Молдавии" (10).

8 Цит. по: The Orthodox Word. № 160–161 (1991) 268–270.
9 Цит. по: Православная Русь. № 2 (1479) (1993) 6–7.
10 Metropolitan CYPRIAN of Oropus, The True Orthodox Christians of Romania // The Orthodox Word. Vol. 18, № 1 (102) (1982) 6–7.

Исповедники Греции и Афона

Рассмотрим теперь вкратце историю гонения на истинно-православных (или "старостильников") в течение следующих нескольких лет.

25 октября 1925 г. четыре монахини монастыря св. Пелагии на острове Тинос предстали перед церковным судом за разрыв общения с новостильниками. Суд

постановил, что они должны быть сосланы, но они игнорировали этот приказ и продолжали вести миссионерскую работу среди паломников, приходивших поклониться чудотворной иконе Матери Божией на Тинос. 14 апреля 1926 г. трое из них были посланы на суд в Афины. Во время процесса епископ Синезий Фивский сказал одной из монахинь, игумении Евпраксии, которая, кстати, приходилась ему двоюродной сестрой: "Если вы не покаетесь и не примете решения Священного Синода относительно календаря, я лично сниму с вас рясу". "Мне жаль, — ответила игумения, — что родственная кровь течет в наших жилах, и что вы нарушили вашу архиерейскую присягу. Я скажу вам только одно: я предпочитаю идти в Рай в цветных одеждах, но православной, нежели быть в аду в моей рясе, но вместе с раскольниками!" Семь архиереев под председательством Хризостома Пападопулоса приговорили монахинь к лишению монашества и отлучению. Затем десять ведущих ревнительниц были изгнаны из монастыря. Но остальные продолжали свою борьбу (11).

В Великий Четверг 1926 г. четыреста пятьдесят иеромонахов и монахов Святой Горы во главе с о. Арсением (Коттеасом) подписали документ против нового календаря. В том же году Лига начала выпускать свою Конституциональную Хартию под названием "Якорь Православия", пока она не была запрещена новым законом об Афонской Горе, принятым греческим правительством в 1927 г. Это не остановило зилотов, развернувших широкую кампанию против нового стиля по всей Греции. Это привело к изгнанию в 1927 г. девятнадцати зилотов из скитов, принадлежащих Ватопеду и Кутлумуши. Некоторым из них было позволено свободно перемещаться по Греции, другие же были заключены в монастырь в Митилене на острове Лесбос.

В 1926 г. "Ассоциацию православных" в Афинах сменило "Греческое религиозное общество истинно-православных христиан". Это общество объединилось с Афонской Священной Лигой в борьбе за возвращение православного календаря. В 1926 г. иеромонах Матфей (Карпадакис), духовник трех афонских монастырей, приехал в Афины, чтобы помогать там истинно-православным, а в 1929 г. Священная Лига командировала еще двух иеромонахов (12).

Дух этих иеромонахов-зилотов можно понять из следующего отрывка из жизнеописания о. Аввакума "Босого":

"После принятия нового стиля большое число афонских отцов решили перестать поминать своего епископа, который подчинялся патриарху, и прервать общение с ним и со всякой церковью, принявшей календарное новшество или хотя бы остающейся в общении с нововведенцами. Но большинство монахов не решились подписаться под этим решением, отчего и произошел раскол, длящийся по сей день, последствия которого все более и более ощутимы. В начале восстали двадцать четыре монаха из Великой Лавры, среди которых был и миролюбивый Аввакум.

Ссора была столь сильной, что крики были слышны даже на монастырском дворе. Для места, где совсем недавно царили тишина и спокойствие еще, это было неожиданным, суровым испытанием. Отец Аввакум затворился в своей келье. В руке четки: он непрестанно молился, чтобы Бог возвратил мир измученному Афону. Верные Преданию монахи, как и прежде, трудились в монастыре, но поскольку они не могли больше принимать поминовение патриарха, они не были в молитвенном общении с другими отцами и молились отдельно в предоставленной им большой часовне. Вскоре о. Аввакум был сослан на некоторое время в Виглу, в пещеру преп. Афанасия. Но очень скоро отцы, поняв, сколь деликатным было его послушание и как сильно его любили, не выдержали и попросили о его возвращении в монастырь. На этот раз ему поручили должность сиделки и назначили в большую больницу, которую Лавра имела для многочисленных престарелых и больных членов братства.

Однако, лукавый и тут подстроил свою западню. Вскорости положение старостильника принесло старцу вторую ссылку в пещеру преп. Афанасия. Тогда вскоре возопили больные: заменивший на этом посту о. Аввакума был не в силах следовать его порядкам в весьма сложном деле ухода за больными. Ибо о. Аввакум отличался очень крепким сложением, был самым преданным служителем и никогда не чувствовал усталости. Так что больные очень быстро вернули его назад своими мольбами! И надо

было видеть волнение, с которым монахи и больные, которые все любили его, ожидали его возвращения.

В начале 1927 г. братия захотели раз и навсегда положить конец безжалостной ссоре, грозившей разорением обители. И для большего успеха своего предприятия они послали письменное приглашение губернатору Афона, прося его придти и председательствовать на совете старцев, который должен был в последний раз обсудить вопрос о зилотах, верных святоотеческому календарю. По просьбе отца-доктора о. Афанасия (Карабану), который и сам был зилотом, они выбрали о. Аввакума, чтобы он представлял этих отцов. Все старцы присутствовали во главе с губернатором. Губернатор немедленно спросил Аввакума: "Отче, как вы объясняете свое оставление братства, в сердце которого вы предварительно посеяли анархию? И скажите мне: почему вы не состоите в общении с остальными отцами?" Отец Аввакум отвечал с кротостью и смирением: "Читал ли Ваше превосходительство господин губернатор святые каноны Кормчей?" — "А что же говорит Кормчая, отче?" — спросил тот. Отец Аввакум немедленно ответил: "Если вы не знаете этого, милостивый государь, идите и почитайте сперва. Тогда можете приходить и судить нас".

Рассудив, что этот ответ заключает в себе тяжкое оскорбление власти, собор немедленно сослал его автора в монастырь Ксиропотаму. Бедный Аввакум оказался в третий раз удален с места своего покаяния.

Примерно два месяца спустя он был вызван из своей ссылки. В этот день, 9 марта, его даже попросили присутствовать на всенощном бдении с губернатором. А утром, сразу после службы, длившейся всю ночь, губернатор оседлал своего мула и поспешно отправился назад в Карею. Тогда о. Аввакум, увидев в этом возможность донести до него голос разума, взял животное под уздцы и отправился в путь вместе с ним. Дорогой он говорил с ним, как умел. Он объяснил ему в деликатной манере, которая оказала свое действие, почему монахи Святой Горы были против перемены календаря, и показал ему, как церковные писания дают достаточное основание и оправдание для такой оппозиции. Губернатор скоро был тронут простотой и детским воодушевлением, с которым говорил Аввакум, также как и его поразительным знанием Священного Писания. И это скоро привело его к заключению, что он имеет дело с достойным человеком, влюбленным в идею. Поэтому немедленно по своем прибытии в Карею он попросил, чтобы этот зилот был без промедления возвращен в свой монастырь. Несколькими днями позже Великая Лавра снова приняла Аввакума в свое лоно.

Однако, его возвращение не обошлось без разочарования. Из отцов-зилотов, бывших его товарищами по борьбе, почти все ушли, одни по своей воле, другие были изгнаны насильно. А немногие оставшиеся поспешили вернуться в собор. С тех пор о. Аввакум не имел покоя до того дня, когда с одним из братий, также любившим добродетель, он покинул монастырь...

Таким образом, именно любовь его к Апостольскому Преданию Церкви, любовь чистая и бескорыстная, не отступающая пред несчастьями и наказаниями, всегда заставляла его подвизаться ради познания воли Божией во всем. Этой любовью заслужил он изгнание в Виглу. Но получил он и воздаяние: ибо именно там, в уединении Виглы, ему было даровано множество духовных благ — благ, которых, очевидно, невозможно стяжать без скорби и пота, но которые являлись за них великой наградой.

...Однажды монах, которого он очень сильно любил, о. Ефрем, также бывший из Великой Лавры, спросил его, почему он стал зилотом. Он получил ответ, полный откровенного реализма: "Потому что Бог призовет меня к ответу; Он скажет: `Аввакум, ты знал закон Церкви, как же ты дошел до того, чтобы попрать его ногами?'" И он прибавил, что новый календарь был "жертвой Каина" (13).

В 1926 г. в селении Никитас в Халкидики истинно-православный священник, архимандрит Иларион Узунопулос, был арестован и приговорен к трем месяцам тюрьмы, несмотря на сопротивление его прихожан. Отец Иларион был назван "контрреволюционером". Из этого очевидно, что истинно-православные Греции

разделяли не только свои веру и имя, но даже и обвинительные формулировки с истинно-православными России (14).

На Рождество 1926 г. Хризостом Пападопулос приказал закрыть истинно-православную церковь св. Параскевы на острове Саламине. Священник о. Христофор Псиллидис решил служить литургию на улице перед церковными дверями, несмотря на декабрьский мороз. Церковные власти острова послали нескольких матросов схватить священника, но те, придя и окружив верующих, решили не слушаться приказа и вернуться назад (15).

В Фессалониках в Неделю о Самаряныне 1927 г. о. Сергий Лиурас, белый священник истинно-православного храма Трех Святителей, был арестован после литургии по приказу новостильного митрополита. В 1935 г. он снова был схвачен по приказу того же митрополита и избит полицией. Через несколько дней он скончался (16).

8/21 ноября 1927 г. местные власти попытались арестовать священника истинной Церкви в селении Мандра в Аттике. Однако прихожане встали стеной на защиту своего пастыря, и в последовавшей стычке молодая замужняя женщина, Екатерина Рутти, была смертельно ранена. Она умерла 15/28 ноября и стала первой мученицей движения старостильников в Греции (17).

В Неделю Православия 1928 г. по приказу Хризостома Пападопулоса полиция пришла, чтобы схватить священника истинно-православного храма св. Марины в Лионеси (Аттика). Священник скрылся, но нескольких прихожан забрали в коропскую тюрьму (18).

9/22 апреля 1928 г. иеромонах Арсений Сакелариос был взят в полицейский участок в Ламиа. Затем местный новостильный митрополит устроил над ним публичный суд, на котором он был оффициально лишен сана и острижен. Затем его отпустили (19).

25 марта / 7 апреля 1929 г. полиция воспрепятствовала совершению литургии в праздник Благовещения в Благовещенской истинно-православной церкви в селении Кертези в Калаврите, т. к. священник не имел разрешения от местного новостильного митрополита. Церковь была оцеплена, и начальник полиции, сидя на коне, угрожал расстрелять все собрание. Но люди отказались выдать своего священника, говоря: "Мы все умрем с ним". Полицейский вытащил свой револьвер, но народ держался твердо. В конце концов он засунул револьвер обратно (20) .

23 апреля / 6 мая 1929 г. о. Николай, новостильный священник храма св. Иоанна Предтечи в Месоропи, был поражен неуместностью празднования памяти св. Георгия Победоносца во время Великого Поста (чего не может случиться по православному календарю). Он пошел к своему архиерею и испросил разрешения служить праздник св. Георгия по православному месяцеслову. Епископ разрешение дал. Однако, когда о. Николай продолжил служение по старому стилю, против него было воздвигнуто гонение. И когда он почувствовал приближение смерти, он сказал своим прихожанам: "Когда я умру, и они не дадут вам похоронить меня на кладбище, похороните меня в моем саду. Но если они придут и силой возьмут мое тело, я заклинаю вас не идти за моим гробом!" Новостильники назначили суд над о. Николаем на ноябрь, но он умер 19 октября. Новостильники пришли хоронить его, но вдова отказалась выдать им тело. Тогда новостильный архиерей приехал в город и послал ко вдове священника. Он также был отвергнут. Тогда истинно-православные міряне начали похороны своего пастыря в саду, как он завещал. Но тут епископ прибыл с полицией забрать тело. Прихожане сперва сопротивлялись, но затем, не желая кровопролития, облобызали тело, бросили на него немного земли, а затем позволили забрать (21).

11 ГЙБННБКПХЛПРПХЛПУ, ДейнпрбиЮмбфбГ.П.Ч... 64–80.
12 Уэнфпмпт jуфпсйкх ресйгсбцх фут ЕЕкклзуЯбтф§нГнзуЯщн ЕПсипдьощнЧсйуфйбн§н FЕллЬдпт / FХр’ ф§нжзлщф§н QгйпсеЯфщнрбфЭсщн (GБгйпн IПспт, 1973) 8–11;. ГЙБННБКПХЛПРПХЛПУ, ДейнпрбиЮмбфбГ.П.Ч... 101–111.
13 Hieromonk THEODORITUS (MAVROS), Avvakoum, le Zйlote aux pieds nus (Paris: Fraternitй Orthodoxe de St. Grйgoire Palamas, 1986) 37–42.

14 См.: ГЙБННБКПХЛПРПХЛПУ, ДейнпрбиЮмбфбГ.П.Ч... 93–100.
15 Ibid. 112–115.
16 ГЙБННБКПХЛПРПХЛПУ, ДейнпрбиЮмбфбГ.П.Ч... 116–119.
17 Ibid. 120–137.
18 Ibid. 143–149.
19 Ibid. 150–157.
20 Ibid. 166–172.
21 ГЙБННБКПХЛПРПХЛПУ, ДейнпрбиЮмбфбГ.П.Ч... 173–186.

Не преклонившие колени перед Ваалом

Хотя народ со своими очень немногочисленными священниками был по существу одинок в открытом противостоянии перемене календаря, все же были еще некоторые "не преклонившие колена Ваалу" во "дворце царском" — в иерархии, возглавляемой Хризостомом Пападопулосом. Так, митрополит Герман Димитриадский протестовал против введения нового стиля и отсрочивал его в своей епархии до 15 февраля 1928 г. (22). Кроме того, "2 июня 1929 г., в присутствии сорока четырех митрополитов, Хризостом внезапно потребовал от присутствующих иерархов немедленно подписать заготовленный им документ, оправдывающий введение нового стиля и осуждающий продолжающих придерживаться старого. Этому сатанинскому замыслу Хризостома воспротивились митрополиты Кассандрийский, Маронийский, Яннинский, Друинопольский, Флоринский, Димитриадский, Самосатский и Халкий- ский. Когда архиепископ стал настаивать, то тринадцать митрополитов покинули заседание, тогда как из тридцати одного оставшихся двадцать семь были против четырех, подписавших документ Хризостома" (23). На самом деле, именно надежда, что государственная Церковь все-таки вернется к юлианскому календарю заставляла тех архиереев, которые впоследствии присоединились к истинно-православным, оставаться до времени на своих местах.

Епископ Ефрем пишет, что на "Предсоборном Совещании", проходившем в 1930 г. на Афоне в монастыре Ватопед, "представители Сербской и Польской Церквей (Церкви России, Грузии и Болгарии не были представлены; России и Грузии — потому, что они в это время переживали третью волну сталинских гонений, Болгарии — потому что "болгарская схизма" все еще оставалась в силе) попросили для богослужений отдельную часовню. Когда греки стали настаивать на том, чтобы все служили вместе, то славяне отказались, говоря в свое оправдание, что у них другой язык, а также и типикон, и что может случиться искушение. Греки продолжали настаивать, а славяне отказывались, и фактически до самого конца собора они так и не сослужили. Стало ясно, что славяне в то время считали календарный вопрос достаточно важным, чтобы из-за него отделяться от греков. Когда они говорили, что их типикон иной, было очевидно, что календарь играл при этом значительную роль как часть этого различия... На деле Сербская Церковь даже поддержала движение старостильников в Греции, тайно послав им через границу св. Мvро" (24).

На этом соборе епископ Охридский Николай (Велімірович) горячо защищал православный календарь, заявив, что на Совещании 1923 г., одобрившем новый календарь, был создан раскол. "Имеет ли настоящее собрание, — сказал он, — какое-либо отношение ко Всеправославному Конгрессу в Константинополе, от которого проистекли известные всем нам аномалии? Церковь Сербии была ошеломлена, когда увидела решения этого Конгресса проводимыми в жизнь" (25).

Также и в 1929 г. русский митрополит Иннокентий Пекинский написал открытое письмо по календарному вопросу, в котором говорил: "В Церкви Христовой нет ничего малоценного, нет ничего неважного, ибо в каждом обычае воплотился Дух Божий, Которым Церковь живет и дышит. Всякий, дерзающий восставать на обычаи и законы церковные, основанные на Священном Предании и Писании, восстает на Духа Божия и сим являет всем имеющим очи видеть, какого он духа. Достойно и праведно Святая Церковь изрекает на таковых анафему" (26).

Но все это были иностранные епископы; в Греции же не было ни одного епископа, служащего по юлианскому календарю. Тем не менее, число истинно-православных

приходов в Греции увеличивалось (только в 1925–30 гг. их было основано восемьсот) и, благодаря парламентскому указу от 1931 г., предоставлявшему старостильникам свободу богослужебныхсобраний,численностьверныхпревысилакоктябрю 1934 г. двести тысяч. Более того, к этому времени стало ясно даже многим новостильным иерархам и богословам, что введение нового календаря было несомненным нарушением.

Разрушительные последствия нововведения были суммированы истинно-православным судьей Никитой Анагностопулосом следующим образом:

"Греческая Церковь посягнула на догмат духовного единства Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви, о котором молился ее Божественный Основатель, поскольку она отделила себя в праздновании праздников и соблюдении постов от остальных Православных Церквейи православного міра,8/10-х которого следует старому календарю (Иерусалимский патриархат, Святая Гора, Россия, Сербия и другие)

Что касается богослужения, она разделила благочестивый греческий народ на два враждующих лагеря и разделила семьи, ввела общие праздники православных с еретиками (католиками, протестантами и прочими), а также внесла смущение и беспорядок в православное богослужение, преданное нам Отцами.

Она изменила унаследованные от прошедших веков даты неподвижных религиозных праздников и многодневных постов — Рождественского, Успенского и Свв. Апостолов, — сократив Апостольский пост вплоть до полного его уничтожения в те годы, когда он совпадает с праздников Всех Святых; она также изъяла евангельские и апостольские чтения из воскресного цикла.

В результате этого становится очевидным, что календарь — это не астрономический вопрос, как утверждают в свое оправдание обновители Элладской Церкви, а вопрос чисто религиозный, неразрывно связанный с богослужением и вообще с религиозной жизнью православного христианина.

Введя календарное новшество, новостильная Церковь преступила не только вековечное Церковное Предание о святоотеческом православном календаре, не только выше приведенную апостольскою заповедь (II Сол. 2:15; Гал. 1:8–9) и постановление VII Вселенского Собора касательно анафематствования всех нарушающих Священное Предание ("Аще кто нарушает какое-либо предание церковное, писанное или неписанное, анафема да будет"), но также и определения Всеправославных патриарших Соборов 1583, 1587 и 1593 гг. при Вселенском патриархе Иеремии II и 1848 г. при Вселенском патриархе Анфиме, осудивших и анафематствовавших григорианский календарь.

Она также преступила Священные Каноны, повелевающие хранить и соблюдать Священное Предание, а именно: а) 3 Карфагенского Собора, б) 21 Гангрского Собора и в) 91 и 92 свт. Василия Великого, также как и 47-е правило Лаодикийского Собора, воспрещающее празднование с еретиками, каковыми являются латиняне и протестанты, и 1-е Седьмого Вселенского собора касательно неуклонного соблюдения всей полноты божественных правил" (27).

Новостильники не были лишены и прямых предостережений Небесной Церкви о неправильности выбранного ими пути.

Одно из таких предостережений было дано новостильному епископу Арсению Ларисскому 12/25 декабря 1934 г., в праздник свт. Спиридона Тримифунтского по старому стилю и Рождества по новому.

"Утром епископ поехал на машине в свой храм служить литургию. Когда он подъехал, то увидел смиренного престарелого благостного архиерея с панагией на груди. Арсений сказал ему: "Брате, пойдем, воспоем радостные рождественские гимны, а затем я окажу тебе гостеприимство".

Смиренный епископ отвечал: "Ты должен воспевать не эти гимны, а мои, святителя Спиридона!" Арсений рассердился и сказал: "Я тебя приглашаю, а ты меня презираешь. Тогда иди прочь".

Арсений вошел в храм, поклонился иконам и сел на свое место. Когда пришло время катавасий, он пропел первую катавасию и затем велел хору петь вторую. Арсений начал третью, но внезапно почувствовал себя дурно. Он велел хору продолжать и вошел в алтарь, где его спросили: "Что случилось, владыко?" Он ответил: "Я плохо себя чувствую".

Когда недомогание Арсения усилилось, его отвезли домой, где его состояние ухудшилось, и на следующий день он умер. Он был наказан Богом за свое нечестивое непослушание свт. Спиридону. Это чудо известно пожилым православным верующим Лариссы" (28).

22 См.: G. LARDAS, The Old Calendar Movement in the Greek Church. An Historical Survey. Thesis (Jordanville: Holy Trinity Monastery, 1983) 12.
23 МпнбчʼтБНФЩНЙПУГЕПСГБНЗУ, ЕБиеплпгйфхт "иеплпгЯет" (ГпсфхнЯб: FЗМпнх фп™ FБгЯпхНйкпдЮмпх, 1992) 7–8.
24 Monk EPHRAIM, Letter on the Calendar Issue...
25 МпнбчʼтРБХЛПУ, Непзмесплпгйфйумʼт-Пккпхменйумьт… 78.
26 СВЯТО-ИЛЬИНСКИЙ СКИТ, Св. Гора. Учение Православной Церкви о Священном Предании и отношение ея к новому стилю (Джорданвилль—Нью-Йорк: Свято-Троицкий монастырь, 1989) 25.
27 FЗ цщнх фут ЕПсипдпоЯбт 844 (НпЭмвсйпт–ДекЭмвсйпт 1991) 26–27.28 FЗ FБгЯб УкЭрз 122 (ЕПкфювсйпт–ДекЭмвсйпт 1991) 109.

Три святых священника

В этот ранний период борьбы против нового стиля многие сочувствовали истинно-православным, но не присоединялись к ним, потому что у них не было епископов. Некоторые продолжали служить по православному календарю, не порывая открыто общения с новостильниками. Среди этих последних были два святых священника — о. Николай Планáс из Афин и о. Иероним с Эгины.

Отец Николай был тем священником, который отслужил водосвятный молебен и благословил "Общество православных", которое в действительности означало начало борьбы старостильников. За этой службой он сказал: "Все, что бы ни было установлено неканонично, — падет". И он служил по православному календарю до самой своей смерти в 1932 г. Однажды "он хотел служить согласно традиционному календарю на праздник пророка Елисея. Но поскольку он боялся, что могут возникнуть затруднения, то договорился со своим вторым священником идти накануне ночью и служить в храме свт. Спиридона в Мантуках. Утром его псаломщица пошла в храм свт. Спиридона и ждала его там. Время шло, и казалось, что священник не придет служить. Она приуныла. Ей подумалось, что у него случилось что-нибудь серьезное, и поэтому он не пришел. Тогда она пошла в храм Св. Елисея (потому что там был "информационный центр"), чтобы узнать, что случилось со священником, и увидела, что он там готовится служить литургию! Она укорила его за нарушение их договоренности и потом спросила, как это он не побоялся и пришел сюда, в центр, в самое пекло гонений. Он ответил ей: "Не ругай меня; сегодня утром я видел пророка, и он сказал мне идти служить сюда и ничего не бояться, потому что он будет охранять меня". Аргументы псаломщицы так и остались невысказанными! Она только спросила: "Но как же Вы видели его?" — "Я сегодня утром встал и приготовился ехать в Спиридоновский. Я сидел в кресле и ждал, когда подадут экипаж. В эту минуту я увидел перед собой пророка Елисея, и он сказал мне идти в его церковь и служить литургию..."

Другой, подобный случаю с о. Николаем, пример мы видим в жизни священноинока Иеронима Эгинского, следовавшего тем же путем. Вскоре после своего рукоположения во священники, примерно за год до календарной реформы, о. Иероним прекратил служить по причине бывшего ему во время литургии видения. Согласно некоторым

источникам, это случилось еще во время первых сорока дней его священства. Он продолжал, однако, проповедовать в больничной часовне, которую он сам построил там, на острове Эгина, где жил. Хотя эта часовня оффициально и принадлежала к новостильной Эгинской епархии, о. Иероним всегда праздновал согласно традиционному церковному календарю... Хотя сам он и не служил как священник, тем не менее, в силу своей святости, своей популярности среди народа и явных дарований Духа Святаго, которыми он обладал, он пользовался огромным влиянием среди верных, обращавшихся к нему за руководством и наставлениями. Это дошло до Прокопия, епископа Гидрского и Эгинского, и привело к тому, что епископ передал о. Иерониму, чтобы тот пришел к нему, и велел ему сослужить с собою. В ответ о. Иероним послал епископу короткую записку и подал в епархию прошение об отставке, среди прочего сказав: "Прошу Вас принять мою отставку из госпиталя, потому что с 1924 г. и доныне желание мое и ревность устремлялись к Православной Церкви и Вере. С детских лет я почитал ее и посвятил ей всю свою жизнь, в послушании преданиям богоносных Отцев. Я исповедую и провозглашаю, что календарь Отцов — единственно верный, как и Вам самим известно"..." (29).

Особенно активную роль в борьбе истинно-православных играл иеромонах Матфей (Карпадакис), который основал в 1927 г., после бывшего ему Божественного видения, Богородицкий женский монастырь в Кератеях (Аттика), вскоре ставший величайшим монастырем в Греции, а несколькими годами позже — мужской Преображенский монастырь в Куварах (Аттика) (30).

"Для каждого христианина, — писал он в 1934 г., — нет ничего более досточестного в сей преходящей жизни, чем преданная нам вера в Творца всяческих, Господа нашего Иисуса Христа. Ибо что еще может спасти душу от смерти, то есть от осуждения муки вечныя, если не сия непогрешимая Православная Христианская Вера наша, о коей Господь говорит ясно, глаголя: Иже верует и крестится спасен будет, а иже не верует осужден будет (Мк. 16:16). Сию Веру сравнил Господь с многоценным сокровищем, которое человек обрел сокровенным на селе, и чтобы купить которое, он продал все, чем обладал (Мф. 13:13).

Посему блаженный апостол Иуда убеждает каждого подвизатися о вере преданней святым единою (Иуд. 1:3). И божественный апостол сделал такое увещание, потому что появились в то время лукавые человеки, сосуды сатанины, делатели неприязненные, сеявшие плевелы на селе Господнем, пытавшиеся ниспровергнуть святую веру во Христа. Относительно этих нечестивых и превратных людей святой Апостол писал: Привнидоша бо неции человецы, древле предуставленные на сие осуждение, нечестивии, Бога нашего благодать прелагающие в скверну и единаго Владыки Бога и Господа нашего Иисуса Христа отметающиеся. Из-за этих-то новаторов и извратителей веры во Святой Церкви Божией, преданной нам, апостол языков и небошественник Павел изрек самую страшную анафему, сказав: Аще кто благовестит вам паче, еже приясте, анафема да будет (Гал. 1:9).

Сего ради Господь наш во Святом Евангелии вопиет ко всем верным Своим рабам: Внемлите же от лживых пророк, иже приходят к вам во одеждах овчих, внутрь же суть волцы хищницы: от плод их познаете их... блюдите, да никтоже вас прельстит... и многи лжепророцы восстанут и прельстят многия (Мф. 7:15,16; 24:4,11).

Против этих новшествующих лжеепископов и их последователей соборные постановления Церкви через Святейших патриархов говорят, что "аще кто восхощет убавить или прибавить иоту едину — да будет седмижды анафема"...

Так с каким же великим внимание надлежит каждому православному христианину относиться к бесценному сокровищу Веры, чтобы хранить ее неповрежденной, такой, какой божественные Апостолы и богоносные Отцы предали ее нам, и как он должен подвизаться сохранить состояние, приличествующее кающемуся христианину: страх Божий, добрые дела; ибо мы живем в эпоху, когда, как сказал евангелист Иоанн, явилось так много антихристов. Он пишет: Дети, последняя година есть. И якоже слышасте, яко антихрист грядет, и ныне антихристы мнози быша, от сего разумеваем, яко последний час есть. От нас изыдоша, но не беша от нас: аще бы от нас были, пребыли убо быша с нами (I Иоан. 2:18–19).

Те, кто управляет ныне Элладской Церковью, вместе с последующим им священством, упорствуют в заблуждении, злославии, расколе, хуле на Духа Святаго, ереси папистского календаря! И они вводят народ в заблуждение и становятся "иерархами-ересиархами", по слову божественных Отцов!

Какое обилие благодати Божией приносит душе христианина малое терпение в скорбях! Хотя святые мученики, исповедники и праведники предали души свои на скорби и гонения, но все же победили и восторжествовали над міром сим "во зле лежащем" и обрели немеркнущую славу Царствия Небесного, поскольку они уповали на Господа. Отцы наши уповали и не посрамились, ибо нелживые уста нашего Господа, Бога и Спасителя Иисуса Христа изрекли: Се Аз с вами есмь во вся дни до скончания века (Мф. 28:20). Вот почему Церковь Христова Единая, Святая, Соборная и Апостольская, хотя и была жестоко гонима иудеями, идолопоклонниками, лжемудрыми и безбожным еретиками и вообще орудиями диавольскими, — оказывалась всегда славной победительницей. "Воистину, ничего нет сильнее Церкви", ибо Основатель и Глава ее есть Бог, вочеловечивыйся нас ради, со Отцем и Святым Духом поклоняемый и славимый на небеси и на земли, во веки благословенный. Как может видеть всякий христианин, Православие претерпевает ныне ужасную зиму. Благочестие гонимо, добродетель поругана, предание церковное искоренено. Страшно то, что пастыри Церкви обращаются в ее гонителей.

Свт. Василий Великий некогда писал: "Единственное преступление сурово наказуемое — это строгое хранение отеческих преданий... Ни седины не уважаются судиями неправды, ни благочестивое подвижничество, ни жизнь по Евангелию с юных лет и до старости... К скорби нашей зрим мы праздники наши отставленными, домы молитвы закрытыми, алтари духовного поклонения праздными". Все сие постигло ныне и нас. Многоразлично и очевидно для всех то великое зло, которое причинили обновленцы неканоничным введением нового месяцеслова и календаря Православной Церкви. Расколы, разделения, ниспровержение доброго порядка и совершенное смешение, нарушение древнейших законов Церкви, великое смущение совести верных — вот последствия этого, помимо анафем на нарушающих "кое-либо церковное предание, писанное или не писанное", произнесенных Святыми Вселенскими Соборами. На основании слов апостола: повинуйтеся наставникам вашим и покаряйтеся (Евр. 13:7), — пастыри Церкви, поддерживающие сие антиканоничное новшество, ожидают абсолютного послушания себе со стороны церковной полноты. Но как могут истинные чада Церкви слушаться тех, кто, в свою очередь, преслушает Святых Отцов, о которых пророк сказал: Господь избра я еже любити я, — и не почитают установленного чин церковного, преданного и освященного Духом Святым, при том, что Господь сказал: Слушаяй вас, Мене слушает, и отметаяйся вас Мене отметается, отметаяйся же Мене, отметается Пославшего Мя? Как могут благочестивые христиане отвратить свой слух от гласа и деяний таких великих Святых Божиих, и таким образом оказаться лишенными похвалы и благословения Святой Троицы, которую мы слышим в устах самого апостола Павла: Хвалю же вы, яко вся моя помните, и якоже предах вам, предания держите (I Кор. 11:2), — принимая тем самым вредные и чуждые учения по стихиям міра, а не по Христе (Кол. 2:8), человеческие измышления, в которых скрывается особенная опасность для души? Верные чада церковные, имеющие страх Божий в отношении заповеданного Духом Святым: стойте и держите предания (II Сол. 2:15), — согласные с другой заповедью: пребывай в нихже научен еси, ведый от кого научился еси (II Тим. 3:14), — имеют достойный и богоугодный ответ на безосновательные призывы сегодняшних новшествующих пастырей к послушанию: Повиноватися подобает Богови паче, нежели человеком (Деян. 5:29)" (31).

29 HOLY TRANSFIGURATION MONASTERY, Papa Nicolas Planas... 54–55, 108–110.
30 ЕЕрЯукпрптБНДСЕБУ, Мбфибѕпт, ЕБсчйерЯукпрптфут ЕЕкклзуЯбтф§нГ.П.Ч. ЕБизн§нкбг рЬузт FЕллЬдпт (ВЯптквг IЕсгб 1861–1950) (ЕБиунбй, 1963) 50–66.
31 FЙеспмьнбчптМБФИБЙПУ, ИеѕпнРспуехчзфЬсйпн. РсппЯмйпн (ЕБиунбй, 1934).

Возвращение трех архиереев

Итак, истинно-православные христиане Греции и Румынии переживали в то время первую фазу своей борьбы с новшествующей государственной церковью, не имея своих епископов, что создавало для них существенные трудности. Ибо хотя свт.

Василий и говорит, что лучше вовсе не иметь епископа, нежели иметь плохого, но отсутствие епископов угрожает длительному выживанию Церкви по той простой причине, что без епископа нельзя рукоположить священников. Более того, меньше вероятность, что те из лагеря новшествующих, кто втайне симпатизирует исповедникам, перейдут к ним, если у тех нет епископов.

Тем не менее, как мы уже видели, внутри самой государственной церкви возникло сильное движение в сторону возвращения к юлианскому календарю, и в мае 1935 г. одиннадцать архиереев решили вернуться на старый стиль. Однако, на них было оказано давление, и восемь из них в последний момент отказались. Остались трое: митрополит Герман Димитриадский, заштатный митрополит Хризостом Флоринский (уже отличившийся в начале 20-х гг. тем, что отказался признать избрание Мелетия Метаксакиса) и митрополит Хризостом Закинфский.

12/25 мая 1935 г. Общество Истинно-Православных Христиан предложило трем митрополитам порвать общение с государственной Церковью и возглавить истинно-православных христиан. Они ответили положительно, и в воскресенье 13/26 мая в маленькой церкви Общества, посвященной Успению Божией Матери в Афинах, в присутствии двадцати пяти тысяч верных, они формально объявили о своей принадлежности к Истинно-Православной Церкви. Митрополит Герман был избран председателем нового Синода.

Это радостное событие явилось для людей наградой за их ревностное исповедание веры и необходимым условием дальнейшего успеха священной борьбы Истинно-Православных Христиан Греции.

Три митрополита выпустили затем Исповедание, в котором они среди прочего заявляли: "Те, кто управляет ныне Элладской Церковью, разделили единство Православия посредством календарного новшества и раскололи греческий православный народ на две противостоящих друг другу относительно календаря части. Они не только нарушили Церковное Предание, освященное семью Вселенскими Соборами и утвержденное вековой практикой Восточной Православной Церкви, но затронули также и догмат о Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви. Посему те, кто ныне управляет Греческой Церковью, своим односторонним, антиканоническим и бездумным введением григорианского календаря совершенно отсекли себя от ствола Православия и объявили себя, в сущности, раскольниками по отношению к Православным Церквам, стоящим на основании семи Вселенских Соборов и православных законов и преданий, Церквей Иерусалимской, Антиохийской, Сербской, Польской, Святой Горы и Божественной Горы Синайской и т. д.

То, что это так, было подтверждено Комиссией из лучших юристов и профессоров-богословов Государственного Университета, назначенной для изучения календарного вопроса, одним из членов коей довелось быть Его Блаженству архиепископу Афинскому в его бытность профессором церковной истории в Государственном Университете.

Посмотрим, какое мнение высказала эта Комиссия о новом календаре: "Хотя все Православные Церкви и автокефальны в своем внутреннем управлении, тем не менее, они едины друг с другом посредством догматов, соборных определений и правил. Ни одна из них не может отделяться как частная Православная Церковь и принимать новый церковный календарь, не став при этом в положение раскольнической по отношению к другим".

Поскольку Его Блаженство архиепископ Афинский своей собственной подписью объявил себя раскольником, то какого же еще нам не достает свидетельства, чтобы показать, что он и единомышленные с ним иерархи стали раскольниками из-за того, что нарушили единство Православия календарным новшеством и разделили церковную и национальную души греческого православного народа?" (32).

Этот очень важный документ был подтвержден изложениями Веры Истинно-Православной Церкви в нескольких последующих Исповеданиях (особенно 1950, 1974

и 1991 гг.). Он объявляет новостильников не только раскольниками, но также, что недвусмысленно подразумевается, и еретиками, поскольку они (через экуменизм — истинную цель введения календарного новшества) нападают на догмат о Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви. Относительно смысла, вкладываемого ими в слово "раскольники", три митрополита не оставили ни малейшего сомнения в своем окружном послании от 8/21 июня 1935 г.: "Мы рекомендуем всем, кто следует православному календарю, не иметь никакого духовного общения с раскольнической церковью расколослужителей, от которых благодать Всесвятаго Духа отошла по той причине, что они нарушили постановления отцов VII Вселенского Собора и Всеправославных Соборов, осудивших григорианский календарь. Что раскольническая церковь не имеет благодати и Святаго Духа, подтверждается свт. Василием Великим, который говорит так: "Хотя бы раскольники заблуждались в вопросах и не являющихся догматами, но поскольку глава Церкви, согласно божественному апостолу, есть Христос, от Которого все члены живут и получают духовное возрастание, они отторгли себя от согласия членов Тела, и более не суть члены (того Тела) и не имеют благодати Святаго Духа. Посему кто не имеет ее, тот не может и передать ее другим" (33).

По глубоко символичному "совпадению", именно в это время — в июне 1935 г. — вошел в силу турецкий закон, запрещающий православному духовенству носить духовное одеяние. Хотя это предписание и встретило сильный отпор со стороны Вселенского патриарха Фотия, низшее духовенство встретило его с восторгом, скандируя: "Да здравствует Ататюрк!" И в самом деле, лишенной теперь внутренней одежды благодати и водимой по преданиям человеческим, по стихиям міра, а не по Христе (Кол. 2:8) патриархии подобало лишиться даже и внешнего признака ее былой славы (34).

23, 24, 25 и 26 мая 1935 г. три митрополита рукоположили четырех новых епископов: Германа Кикладского (Варикопулоса), Христофора Мегарского (Хаджи), Поликарпа Диавлейского (Лиоси) и Матфея Вресфенского (Карпадакиса). За это они подверглись суду со стороны государственной церкви и были сосланы полицией в три различных монастыря. Несколько позже новопосвященные епископы были также осуждены и запрещены. Двое из них — Поликарп Диавлейский и Христофор Мегарский — затем обратились к государственной церкви с прошением о прощении, но двое оставшихся — Герман Кикладский и Матфей Вресфенский — отказались признать решение суда. Еп. Герман был затем сослан, тогда как еп. Матфея его духовные чада скрыли в Кератейском монастыре.

32 МйфспрплЯфзтКБЛЛЙПРЙПУ (ГЙБННБКПХЛПРПХЛПУ) Ренфбрьлещт, ФN РЬфсйб. Ф. 7. (Рейсбйеэт, 1987) 43.
33 ГЙБННБКПХЛПРПХЛПУ, ФN РЬфсйб... 277–278.
34 См.: Alexis ALEXANDRIS, The Greek Minority of Istambul and Greek-Turkish Relations, 1918–1974 (Athens: Centre for Asia Minor Studies, 1983) 200.

Знамения с небесе

Сосланный митр. Хризостом Закинфский вскоре покаялся и был восстановлен государственной церковью на своей кафедре. Однако, в октябре два других митрополита были неожиданно досрочно освобождены правительством (один министр, Г. Кондилис, симпатизировал истинно-православным). В декабре митрополит Хризостом Флоринский отправился в Иерусалим и Дамаск, чтобы обсудить возможность созыва Собора для пересмотра календарного вопроса. Оба патриарха встретили его дружелюбно и пообещали помощь в этом деле. Но когда он собрался домой в Грецию, греческий консул в Иерусалиме, действуя под диктовку Афин, отказался поставить визу в его паспорт.

Несколько месяцев томился митрополит Хризостом в Иерусалиме как пленник греческого консула. Но Божественное Провидение, чрез заступление "плененных свободителя" св. Георгия Победоносца, указало для него выход. Сам Хризостом так вспоминал об этом чуде:

"Я был подавлен своим пленением, поскольку не имел сведений о ходе Священной борьбы и не знал, каковы будут последствия моей задержки в Иерусалиме.

Угнетенный этой серьезной заботой, я пошел на следующий день, 23 апреля, к Божественной литургии. Со скорбью и с верой я просил св. Георгия помочь мне: "Святый великомучениче Христов Георгие, иже плененных свободитель и нищих защититель, сотвори чудо твое и избави мя от плена сего".

Вечером того же дня, когда я был у себя дома, прежде чем я лег спать, послышался стук в дверь.

— Войдите.

Дверь немедленно отворилась, вошел молодой человек приятной наружности и сказал:

— Можете уезжать спокойно. Никто не помешает вам.

— Сходите, посмотрите мой паспорт".

Молодой человек быстро вышел и, вскоре вернувшись, сказал:

— Все готово".

Архиерей собрался было дать юноше "на чай", но тот, к его изумлению, исчез. Он недоумевал, что бы это значило, но сердце его было исполнено мира и радости.

На следующий день он опять пошел в церковь. Взглянув на икону св. Георгия, он вспомнил вчерашний случай и заметил, что лицо у святого на иконе было точь-в-точь как у того юноши.

С великим воодушевлением он пропел тропарь святому: "Яко плененных свободитель и нищих защититель..." — и затем обратился к нему, как бы к своему близкому другу: "Святый Георгие, я тоже пленник. Но раз ты обещал, что никто меня не задержит, я иду. Защити меня".

Из церкви он сразу пошел домой и сказал хозяйке: "Я еду в Пирей". — "Но, Ваше Преосвященство, куда же Вы поедете? У Вас же в паспорте нет визы". — "Святой Георгий поможет мне".

Когда он приехал в Хайфу, откуда ходили пароходы в Пирей, он снова забеспокоился, поскольку не знал языка, и ему не с кем было поговорить.

Как только он вступил на корабль, он сразу же увидел незнакомого монаха, который подошел к нему, поклонился и сказал по-гречески: "Ваше Преосвященство, чем я могу услужить вам?" — "Чем вы можете услужить мне? Я хочу уехать, но у меня в паспорте нет визы, которую ставит греческий консул".

Монах взял паспорт, пошел в пароходное агентство и, хотя в паспорте не было печати греческого консула, раздобыл билет (35).

Государственная церковь по-прежнему преследовала двух митрополитов. Так, в 1937 г. гражданский суд привлек митр. Хризостома к ответственности по делу о его служении в храме Трех Святителей в Фессалониках. Он был признан невиновным, но в 1938 и 1940 гг. последовали дальнейшие судебные разбирательства (36).

Но Господь также продолжал подавать знамения с небесе Своим верным.

Так, однажды истинно-православные христиане собирались служить всенощное бдение на Воздвижение Креста в одноименной церкви на вершине горы Кофина.

"Накануне праздника, в воскресенье (13 сентября 1937), когда начало темнеть, верные прибывали небольшими группами из разных окрестных деревень, кто пешком, кто верхом... Старики вместе со священниками о. Димитрием из Крусоны и о. Харлампием из Капетанианы ждали их в небольшой церквушке Рождества Богородицы, находившейся у подножия Кофины. В тот вечер над пиком Кофины стояла изморось и густой туман, и подниматься было очень тяжело. Верных было свыше пятисот, а по другим сведениям свыше тысячи человек.

В десять вечера прибыл отряд полиции под командой младшего лейтенанта. Они объяснили свое присутствие тем, что "пришли поддерживать... порядок"! Конечно, на самом деле их намерения были как раз обратными, но когда они увидели количество собравшихся верующих, им пришлось передумать.

В полночь священники начали петь акафист Честному Кресту. Несмотря на туман, холод и сильный ветер, верующие молились на коленях и все вместе подхватывали "Радуйся, блаженное древо" или "Алиллуиа".

К концу акафиста ветер внезапно прекратился, туман стал рассеиваться. Вершина Кофины с церквушкой Животворящего Креста показалась вполне отчетливо.

Прежде, чем люди поняли, что происходит, все пространство вокруг осветилось светом, и чудный мир облагоухал все. И вот, со страхом и вместе с невыразимой радостью, они увидели крест из света, сияющий на вершине Кофины и озаряющий своими лучами всю местность. Ночь внезапно превратилась в день! Слышны были только бесконечные "Господи, помилуй" и сдержанные рыдания верных. Никто из очевидцев не мог потом сказать, как долго продолжалось это чудо.

Наконец, по прошествии довольно длительного времени после своего появления, оно постепенно исчезло... И снова, как и в начале, начал дуть ветер, и густой туман покрыл все.

Верные продолжали с обновленной ревностью и покаянием молиться всю ночь. Священники служили Божественную литургию в маленькой церкви Пресвятой Богородицы. На заре литургия подошла к концу, и вся масса верующих пришла в движение, расходясь по своим деревням и домам, обсуждая друг с другом и с полицейскими небывалое чудо божественного явления Честного Креста..." (37).

35 Е. БГГЕЛПРПХЛПУ, Д. МРБФЙУФБФЗУ, МзфспрплЯфзтрс. ЦлщсЯнзтЧсхуьуфпмптКбвпхсЯдзт (Qгщнйуфхтфут ЕПсипдпоЯбткбr фп™ hинпхт) (ЕБиунбй, 1981) 21–25.
36 Уэнфпмпт jуфпсйкх ресйгсбцх фут ЕЕкклзуЯбтф§нГнзуЯщн ЕПсипдьощнЧсйуфйбн§н FЕллЬдпт... 23–24.
37 МйфспрплЯфзтКБЛЛЙПРЙПУ (ГЙБННБКПХЛПРПХЛПУ) Ренфбрьлещт, ФN РЬфсйб. Ф. 6 (Рейсбйеэт 1984) 67–74.

Гонение в Румынии

В это время Истинно-Православные Христиане Румынии также претерпевали гонения (38).

"Румынской король Карл II, — пишет митрополит Власий, — оставил свою супругу Марию, происходившую из Константинополя, и вновь женился на иудейке. Карл II не хотел покидать престол, но был вынужден отречься, т. к. женился на нехристианке. Его сыну Михаю было только восемь лет, так что нужен был регент, и им стал патриарх Мvрон. Политические условия в то время сложились так, что правительство было распущено, и чтобы сохранить конституцию, регент должен был стать премьер-министром. Таким образом, патриарх в 1936 г. стал регентом и премьер-министром —

полным хозяином страны. Он имел власть уничтожить нашу Церковь, и он воспользовался ею в полной мере: разрушил все наши церкви, арестовал все духовенство, монашествующих, всех предводителей старостильных групп.

Это был первый сильный удар по нашей Церкви, многие не пережили его, но несколько свидетелей тех гонений осталось. Вот, например, о. Евфимий — он был в концентрационном лагере три года вместе с о. Памвой, и он рассказал нам, как его пытали: бросали в ручей, а других заключенных заставляли ходить по нему, как по мосту; было ему тогда около двадцати семи лет" (39).

Митрополит Киприан знакомит нас с дополнительными деталями этого гонения.

"В период 1935–36 гг. Румынский патриарх Мирон — бывший униат — принял драконовские меры против старостильников. Он приказал сравнять с землей все церкви истинно-православных христиан и заключить в тюрьму тех священнослужителей и монахов, которые отказались подчиниться его власти. Монахи и монахини были заключены в двух монастырях, где с ними обращались с неслыханной жестокостью. Некоторые из них приняли мученическую смерть. В их числе иеромонах о. Памва, основатель старостильного монастыря Добру (этот монастырь по приказу патриарха трижды разрушался, но каждый раз отстраивался вновь). Во время разрушения монастыря Кукова пять мірян-старостильников были утоплены в монастырском колодце...

В сентябре 1936 г., во время большой демонстрации в городе Пятра-Нямец, многие били убиты, а иеромонах о. Гликерий был арестован и под стражей доставлен в Бухарест. Там он был приговорен к смерти. Однако о. Гликерий был чудом спасен от смертной казни по заступничеству Божией Матери, которая явилась во сне жене министра юстиции и повелела ей, как новой Прокуле, ходатайствовать перед мужем за Гликерия. Министр не последовал примеру Пилата и заменил смертный приговор заточением в отдаленном монастыре.

С началом II Мiровой войны в 1939 г. о. Гликерий вышел на свободу и вместе со своим любимым соратником, иеродиаконом о. Давидом (Бидаску), прятался в лесах шесть лет. Там они жили вдвоем в неописуемых лишениях и тяготах. Особенно тяжело было в зимнее время, когда в период зимних снегопадов их немногочисленные тайные помощники не могли доставлять им скромное пропитание. Однажды о. Гликерий и о. Давид были даже вынуждены есть червей. Однако Божест- венный Промысел хранил их от преследователей: даже птицы небесные заметали своими крыльями следы, оставляемые о. Гликерием и о. Давидом на снегу. Несмотря на суровые морозы (в Румынии зимой температура воздуха достигает иногда −30°С), они ни разу не разжигали огня, чтобы дым не выдал их местонахождения. Прочие подвижники также скрывались в пустынях: о. Дамаскин, о. Паисий и иные" (40).

38 См.: V. BOLDEWSKUL, The Old Calendar Church of Romania // Orthodox Life. Vol. 42, № 5 (October–November 1992) 11–17.
39 ПравославнаяРусь. № 2 (1479) (1993) 6–7
40 Metropolitan CYPRIAN, The True Orthodox Christians of Romania... 6–7.

Разделения среди греческих старостильников

Возвращаясь к Греции, мы подходим к трагическому разделению, происшедшему в 1937 г. между митрополитами Германом Димитриадским и Хризостомом Флоринским, с одной стороны, и епископами Германом Кикладским и Матфеем Вресфенским, с другой. Это разделение между так называемыми "флоринитами" и "матфеевцами", сильно ослабившее борьбу истинно-православных, продолжается (с дальнейшими разветвлениями) и по сей день. Причиной послужило написанное в июне 1937 г. двумя митрополитами монаху Марку (Ханиотису) письмо, в котором они говорили: "Когда Церковь впадает в заблуждение, которое свт. Василий Великий называет поддающимся уврачеванию, каковым является заблуждение, касающееся календаря, отдельные архиереи должны оградиться и прервать духовное общение с этой Церковью, чтобы не стать соучастниками в ее заблуждении. Однако они не имеют

права объявлять эту Церковь раскольнической. Это право принадлежит Всеправославному или Великому поместному Собору, и никому более. В подобном случае те, кто порывает общение с заблуждающейся Церковью прежде синодальной апелляции против нее ко Всеправославному или Великому поместному Собору, делают это с тем, чтобы вернуть заблуждающуюся Церковь назад на православную стезю или, если она останется при своем заблуждении, объявить ее еретической или раскольнической на Всеправославном Соборе после первого и второго предупреждения: еретической — если ее заблуждение касается догматов, раскольнической — если оно касается типикона или административной стороны церковной жизни. Именно так мы в точности и поступили, прервав духовное общение с иерархией Великой Церкви по причине заблуждения — календарного новшества — и апеллируя против нее ко Всеправославному или Великому поместному Собору, который один является компетентной инстанцией, обладающей правом судить ее за ее заблуждение, и либо убедить ее оставить свое заблуждение, либо, если она закоснеет в нем, объявить ее раскольнической.

Итак, поскольку это единичное заблуждение одной Церкви, которое прямо не касается догматов веры, но относится к нарушению церковных канонов и, по слову свт. Василия Великого, поддается уврачеванию, то оно делает заблуждающуюся Церковь раскольнической *потенциально*, но не *актуально*, вплоть до того, как она будет осуждена и объявлена раскольнической актуально Всеправославным Собором...

Но да будет Вашей святости известно, что Святое Мvро, сваренное и освященное в Церкви Вселенского патриархата, обладает всей своей благодатью и освящающим действием, даже если это было и после введения нового стиля" (41).

Это утверждение явно противоречило Исповеданию трех архиереев от 1935 г., где как объявлялось, что государственная церковь была совершенно раскольнической и лишенной благодати таинств, так и указывалось, что введение нового стиля затрагивает догмат о Единой Церкви. Поэтом 5/18 сентября епископ Матфей написал послание митрополиту Герману, напоминая ему о своем выдвинутом 17/30 июня требовании четкого заявления о том, что новостильники лишены благодати таинств. Поскольку с тех пор никакого ответа не последовало, писал Матфей, то он отныне порывает с ним общение. Смущающим в этом послании было то, как оно было написано: "бывшему митрополиту Димитриадскому Герману, доныне председателю Священного Синода" (42), как если бы он уже был низложен. Но кем было произведено такое низложение и в результате какого судебного процесса? Матфей ни к какому суду не обращается, а сам он не может судить Германа заочно...

Однако, спустя недолгое время, 9 сентября, два митрополита, встревоженные смущением, которое вызвало их заявление, как будто бы дали обратный ход, написав: "Касательно действительности или недействительности таинств, совершаемых новостильниками, мы остаемся верны тому, что мы провозгласили в июне 1935 г., что освящающая благодать таинств пребывает и действует через тех священнослужителей, которые придерживаются священных преданий и правил, не делая никаких нововведений, а не через тех, которые удалились от священных правил и остаются под клятвами Отцов" (43).

Это разъяснение, казалось бы, должно было предотвратить опасность раскола среди старостильников, но 9 ноября в письме к епископу Герману Кикладскому митрополит Хризостом снова стал доказывать, что государственная Элладская Церковь — потенциально, а не актуально раскольническая и лишенная благодати таинств, и заявил, что назвать ее актуально раскольнической и безблагодатной можно будет только на основе решения Вселенского или Всеправославного Собора (44). Тогда епископы Герман и Матфей отделились от двух митрополитов.

41 Цит. по: FЙеспмьнбчпт ЕБМЦЙЛПЧЙПУ, "Гнюуеуиефхн ЕблЮиейбн". Рс’тфп?т dрйжзфпэнфбтфхнущфзсЯбнфутшхчутфщн (ЕБиунбй, 1984) 17–18.
42 ЕЕрЯукпрптБНДСЕБУ, Мбфибsпт, ЕБсчйерЯукпрпт... 68–74.
43 Цит. по: ГЙБННБКПХЛПРПХЛПУ, ФN РЬфсйб... Ф. 6. 282.
44 КБСБМЙФУПУ, FП Уэгчспнпт FПмплпгЮфзт фут ЕПсипдпоЯбт… 123–135.

Вопрос о соборной компетенции

Это было первое из многочисленных разделений, поражающих Греческую Старостильную Церковь до сего дне, которые все вращаются вокруг вопроса о соборной компетенции ИПЦ.

Теперь уже не может быть сомнений, что экукоммунистическая ересь, впервые проникшая во все Поместные Православные Церкви в 20-е годы, есть ересь самая серьезная и заслуживающая самого сурового осуждения. Не подлежит также сомнению и то, что не нужно созывать Вселенский или Всеправославный Собор, чтобы анафематствовать ее, — для этого достаточно Поместного собора, так же как было достаточно Поместных соборов, чтобы анафематствовать ереси первых трех веков церковной истории и ересь латинства в 1054 г. Но достаточно ли Поместного собора, состоящего лишь из нескольких, а не из всех епископов Поместной Церкви, каким был греческий Собор 1935 г.? Другими словами — когда Поместный собор обладает достаточной компетенцией, чтобы его решения были приняты всеми как общеобязательные?

На этот вопрос нет простого ответа. Однако, кое-какие наметки сделать можно. Во-первых, в годину гонений, когда ересь преобладает и встречи даже хотя бы нескольких истинных епископов редки и случайны, эти встречи приобретают, по необходимости, большее значение, чем они могли бы иметь в более благоприятных обстоятельствах, и приобретают статус Поместных соборов. И если мы не станем защищать почти еретическое учение о том, что во времена гонений Церковь теряет свою власть вязать и решить, то мы должны будем принимать определения этих Соборов как обязательные — убедившись, конечно, что они согласны с догматами и канонами Православной Церкви.

Во-вторых, отрицание авторитета этих Соборов неминуемо служит развитию и распространению ереси, с одной стороны, и сеет смущение и разделения в рядах истинно-верующих, с другой. Поэтому, если эти Соборы нельзя рассматривать как преступающие каноны, то на всех истинных христианах лежит обязанность послушания им ради Единства Церкви и торжества Истины над ложью.

В-третьих, хотя нужно и должно надеяться на созыв большого Всеправославного или Вселенского Собора, который с еще большей властью осудит ересь, это не должно никоим образом набрасывать тень сомнения на решения прежде бывших меньших Соборов. Так, не на I Вселенском Соборе Арий был впервые отлучен от Церкви, а раньше, на меньшем Александрийском Соборе под председательством свт. Александра. Подобным же образом, мы можем надеяться, что будущий Всеправославный или Вселенский Собор соберется и подтвердит действительность тех меньших Соборов, которые еще в 1930-х гг. извергли экукоммунистических еретиков из Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви.

ГЛАВА V
РОССИЯ: ОТ ГИТЛЕРА ДО ХРУЩЕВА

Аще быша людие Мои послушали Мене,
Израиль аще бы в пути Моя ходил,
ни о чесом же убо враги его смирил бых,
и на оскорбляющия их возложил бых руку Мою.
Пс. 80:13–14

В России в конце 30-х годов яростные нападки воинствующих атеистов стали заметно слабеть. Конституция 1936 г. восстанавливала "права" духовенства и членов их семей, уравнивая их с правами остальной части населения; так что, например, бывший священник после пяти лет "продуктивной и общественно полезной работы" мог получить право голоса и сопутствующие с ним "права", хотя, разумеется, это зависело еще и от его видимой лояльности к режиму. Кроме того, вновь разрешалось публично упоминать некоторые имена деятелей русской культуры и даже религиозно-политической истории, таких как Пушкин или св. Александр Невский.

Гонение в Польше

Эти уступки могли быть связаны с очевидным провалом антирелигиозной кампании, предназначенной полностью упразднить веру в Бога: перепись населения 1937 г. установила, что одна треть городского и две трети сельского населения все еще были готовы открыто объявить себя верующими. Уступки могли быть вызваны и ростом гитлеровского национал-социализма, побудившим Сталина, чрезвычайно почитавшего Гитлера, допустить немного больше национализма в своем "социализме в отдельно взятой стране". Во всяком случае, первое реальное облегчение, предоставленное не столько религии вообще, сколько Московской патриархии, было определенно связано с пактом Гитлера—Сталина 1939 года и последующими событиями.

"К Советскому Союзу, — пишут В. Алексеев и Ф. Ставру, — отошли значительные части Западной Украины и Белоруссии, а вскоре за ними и три прибалтийские республики — Литва, Латвия и Эстония. Только от бывшей Польши к СССР перешла территория с четырьмя миллионами населения, 1200 православными церквами, духовной семинарией в г. Кременце и четырьмя епископами. Это сразу удвоило количество правящих епископов Московской патриархии, увеличило количество открытых церквей приблизительно на 40 % и снова поставило вопрос об отношении власти к религиозному образованию.
Обычно советские пограничные зоны коммунизировались особенно тщательно. Церкви там закрывались. Когда часть Польши стала советской территорией и пограничной зоной, советская власть была вынуждена пересмотреть свою обычную политику. Начинать большие религиозные волнения и вызывать недовольство населения при наличии немецкой армии по другую сторону границы было слишком рискованно. Надо было учитывать и благоприятный в создавшихся условиях для советской власти факт дискриминации польскими властями Православной Церкви. Перед началом II Мировой войны поляки закрыли сотни православных церквей на своей территории на том основании, что царское правительство в 1875 г. возвратило эти церкви из унии в Православие. Польское правительство считало возвращение униатов в Православие актом насилия и по-своему восстанавливало справедливость путем насилия же, что, кстати сказать, вызвало протесты даже со стороны католической и униатской церквей. Результаты этих мероприятий польского правительства были таковы, что, например, в районе Холмщины из 393 православных церквей, существовавших в 1914 г., к 1938 г. оставалось 227, к 1939 г. — 176, а к началу войны — всего 53. Особенно возмутительно было то, что из отобранных у православных культовых зданий 130 церквей, 10 молитвенных домов и два монастыря были просто разрушены. Естественно, что подобные мероприятия вызвали недовольство православного населения Польши и создали благоприятную почву для коммунистической пропаганды и роста симпатий к СССР. В этих условиях советскому правительству в 1939 г. было довольно затруднительно сразу начинать большие гонения и закрывать еще не

закрытые поляками православные храмы. Оно предпочло более осторожную политику — подчинение православной иерархии и православных приходов бывшей Польши хорошо контролируемой правительством Московской патриархии. Иначе говоря, это был первый случай, когда советское государство использовало Московскую патриархию для распространения своего влияния на вновь приобретенной территории. Таким образом, Сталину в это время стало невыгодно полное удушение Московской патриархии" (1).

Однако, как говорится, шила в мешке не утаишь: Сталин, когда это было ему нужно, играл роль защитника Православия от католицизма, но вскоре все возвратилось на круги своя. В октябре 1939 г. все церковное имущество на оккупированных территориях было национализировано, духовенство обложили тяжелейшими налогами, Кременецкую семинарию закрыли, а епископа Кременецкого Алексия (Громадского) арестовали. К июню 1941 г. 53 священника были арестованы, из них 37 пропали без вести и 6 расстреляны; количество монахов знаменитой Почаевской Лавры снизилось с трехсот до восьмидесяти, при этом за лояльностью оставшихся должны были следить два монаха, присланных для этой цели из Москвы.

В 1939 г. Московская патриархия назначила архиепископа Дмитровского Сергия (Воскресенского) в Ригу патриаршим экзархом на оккупированных прибалтийских землях, и в 1940 г. он принял Латвийскую и Эстонскую Церкви, которым Константинополем была дарована автокефалия, в Московскую патриархию. Архиепископ Пантелеимон (Рожневский), бывший Пинский, который отказался принять дарование Польской Церкви Константинополем автокефалии в 1924 г., был назначен в октябре 1939 г. экзархом Западной Украины и Белоруссии. Но в июле 1940 г. его отправили "за штат" в Жировицкий монастырь, а на его место был прислан из Москвы архиепископ Новгородский Николай (Ярушевич), пребывавший там до тех пор, пока перед наступающими немецкими частями он не был вынужден ретироваться в Москву.

1) В. И. АЛЕКСЕЕВ, Ф. СТАВРУ, Русская Православная Церковь на оккупированной немцами территории // Русское Возрождение. № 12 (1980) 122–124.

Россия под немцами

Когда 22 июня 1941 г. немцы вступили на территорию Советского союза, они были встречены, в общем, с восторженной радостью.

"Литва, Латвия и Эстония, — пишет А. Солженицын, — устроили немцам торжественную встречу. Белоруссия, Западная Украина и первые оккупированные русские территории последовали их примеру. Но наиболее наглядно расположение народного духа было продемонстрировано Красной Армией: на глазах у всего міра она отступала на протяжении всего 2000-километрового фронта, пешком, но с такой же скоростью, как моторизованные соединения. Ничто не может быть убедительнее того, как эти люди, солдаты в лице своих лучших представи- телей, проголосовали своими ногами. Численное превосходство было целиком на стороне Красной Армии, у нее была превосходная артиллерия и сильные танковые части, которые, правда, катились назад, — ни с чем не сравнимое поражение, беспрецедентное в анналах российской и міровой истории. В первые несколько месяцев около трех миллионов офицеров и солдат сдалось в руки врага!
То есть, народное настроение было сходным — настроение тех народов, из которых некоторые пережили двадцать четыре года коммунизма и тех, которые только один год. Для них весь смысл этой последней войны был в том, чтобы сбросить иго коммунизма. Вполне естественно, что каждый народ прежде всего интересовало не решение каких-либо европейских проблем, а его собственная национальная задача — освобождение от коммунизма" (2).
С разрешения немцев церкви были открыты повсюду. Даже в полностью советизированных регионах, таких как Псков и Восточная Украина, 95 % населения, согласно немецким сообщениям, хлынуло в новооткрытые храмы. Это означало, что Православие стало важным политическим фактором, который ни немцы, ни советские не могли игнорировать.

Это вторжение немцев было предсказано старцем Аристоклием еще в августе 1918 г. Он говорил матушке Варваре (Цветковой): "И ты узнаешь о ней (о войне. — Ред.) в той стране, где будешь тогда, что немецкое оружие бряцает на границе России. Только ты не радуйся еще. Многие русские подумают, что немцы избавят Россию от большевицкой власти, но это не так. Немцы, правда, войдут в Россию и много что сделают, но они уйдут, т. к. еще не время будет спасения. Это будет потом, потом... Германия понесет свою кару в своей земле. Будет разделена" (3).

Ставшее возможным в результате германского вторжения религиозное возрождение лишь отчасти направлялось Московской патриархией. Даже в прибалтийских государствах, где ее контроль был наиболее сильным, патриарший экзарх митрополит Сергий (Воскресенский), отказавшийся эвакуироваться на восток вместе с Красной Армией, был вынужден признать силу подпольного Православия — хотя он ошибочно представлял его скорее как подпольную часть патриархии, нежели как совершенно отдельную церковную организацию. Так, в 1941 г. он представил германским властям меморандум, в котором говорилось: "Нужно отметить, что роспуск официально признанного Патриаршего Управления неизбежно вызвал бы к жизни тайное управление, полицейское наблюдение за которым было бы затруднительно. В России была вообще очень деятельная тайная религиозная жизнь — тайные священники и монахи, катакомбные храмы и богослужения, крещения, исповеди, причащения, браки, тайные богословские курсы, тайное хранение богослужебной утвари, икон, богослужебных книг, тайные сношения между общинами, епархиями и Патриаршим Управлением. Чтобы уничтожить также и катакомбную патриархию, понадобилось бы казнить и всех епископов, в том числе и тайных, которые были бы, несомненно, посвящены в случае нужды. И если бы вообразить невозможное, что удалось бы полностью уничтожить всю церковную организацию, то вера все-таки осталась бы, и атеизм не выиграл бы ни шага. Советское правительство это поняло и предпочло допустить существование Патриаршего Управления" (4).

Патриарший экзарх благословил образование "Православной миссии в освобожденных областях России", известной также как "Псковская православная миссия", официальной целью которой было воссоздание церковной жизни, "расстроенной советской властью". В юрисдикцию этой миссии входили части Ленинградской и Калининской областей, а также Псковская и Новгородская области с населением около двух миллионов человек. Главой миссии был Кирилл Зайц, деятельность которого, по словам О. Васильевой, "устраивала и экзарха, и оккупационные власти. В материальном отношении миссия самообеспечивалась, пополняя свои ресурсы из прибылей, поступавших от хозяйственного отдела (куда входили свечной завод, магазин церковных принадлежностей, иконописная мастерская) и от десяти процентов отчислений, поступавших из приходов. Ее месячная прибыль в три-пять тысяч марок покрывала расходы управления, а свободные денежные суммы миссии шли на содержание Богословских курсов в Вильнюсе.

Для восстановления церковной жизни в ряде приходов требовались священнослужители. И, напутствуя первых миссионеров, среди которых были, в частности, воспитанники Богословского института, экзарх говорил: "Не забывайте, что вы прибыли в страну, где на протяжении более двадцати лет религия самым безжалостным образом отравлялась и преследовалась, где народ был напуган, принижен, угнетен и обезличен. Придется не только налаживать церковную жизнь, но и пробуждать народ к новой жизни от долголетней спячки, объясняя и указывая ему преимущества и достоинства новой, открывающейся для него жизни" (5).

В ведении миссии находилась 221 церковь и 84 служащих священника. По псковскому радио звучали религиозные лекции и проповеди, оказывалась помощь советским военнослужащим, а при храме Св. Димитрия Солунского в Пскове был создан сиротский приют. Митрополит Сергий формально оставался в Московской патриархии, но в то же время выполнял приказы немцев. Например, летом 1943 г. он приказал отслужить с участием всего духовенства благодарственный молебен в Псковском кафедральном соборе по поводу передачи германским командованием земли в собственность крестьянства. Деятельность миссии продолжалась вплоть до загадочного убийства митрополита Сергия (возможно, советскими партизанами) 29 апреля 1944 г. (6)

В Белоруссии немцы пытались создать автокефальную Белорусскую Церковь, независимую равно от великорусского и польского влияния (польские католики вели в регионе огромную миссионерскую работу). С этой целью архиепископ Пантелеимон (Рожновский) был вызван из отставки, и ему была вручена Минская митрополичья кафедра, а из Польши и Австрии была выписана группа из тридцати белорусских националистов, чтобы возродить националистическое движение в Белоруссии. Однако, ни митрополит, ни большинство православных в Белоруссии не желали порывать связи с Русской Церковью, и Синод того образования, которое мы можем назвать Белорусской автономной Церковью, настаивал на том, что автокефалия их Церкви должна быть подтверждена другими Автокефальными Церквами. Поскольку немцам это было не угодно, статус Белорусской Церкви так и остался неясным, что, впрочем, не помешало иметь место под покровом этой Церкви определенному религиозному возрождению.
Однако, то, что реальные симпатии Белорусской Церкви принадлежали истинному Православию, очевидно из следующих фактов: а) перед занятием Белоруссии советскими войсками Синод послал некоего священника Григория рукополагаться во епископы не от Московской патриархии, а в Вену от антипатриархийной Русской Зарубежной Церкви; б) перед самым уходом с немцами на Запад Синод рукоположил во епископы архимандрита Феодосия (Бахметьева), который возглавлял Катакомбную Церковь в Сибири до самой своей смерти в 1986 г.; в) весь епископат этой Церкви был принят в Русскую Зарубежную Церковь 23 апреля / 6 мая 1946 г. (7)

На Украине немцы разрешили создать две церкви, независимые от Московской патриархии. Украинская Автокефальная церковь была, в сущности, восстановлением липковского "самосвятского" раскола, процветавшего на Украине в 20 х гг., до тех пор пока Сталин не подавил его. В декабре 1942 г. митрополит Дионисий Варшавский назначил епископа Луцкого Поликарпа (Сикорского) управлять Украинской Церковью на Украине. В нее без рукоположения влились остатки "липковщины", что скоро привело эту церковь на путь крайнего украинского национализма. Около 40 % православных на Украине были завлечены в эту церковь, которая была особенно сильна на родине украинского национализма — в западных областях; но она была совершенно лишена монашеской жизни и очень скоро отошла от традиционного Православия.

18 августа 1941 г. Собор епископов, собравшийся в Почаевской Лавре, избрал митрополита Алексия (Громадского) главой Украинской Автономной Церкви, которая основывала свое существование на решении Всероссийского поместного Собора 1917–18 гг., даровавшего Украинской Церкви автономию в рамках Российской Церкви. Хотя немцы и предпочитали Автономной Церкви Автокефальную, первая все же привлекла большинство верующих (55 %) и открыла большинство храмов. В нее даже вошли катакомбные священники, такие как архимандрит Леонтий (Филиппович), который после рукоположения во епископа Житомирского восстановил около 50 % от дореволюционного числа приходов в своей епархии и рукоположил около двухсот священников, в том числе и будущего лидера "Тихоновской" ветви Катакомбной Церкви — Геннадия Секача, прежде чем уйти с немцами на Запад и войти в Русскую Зарубежную Церковь (8). А. Псарев пишет: "Украинская Автономная Церковь формально подчинялась Московской патриархии, поскольку архиереи, возглавившие ее, считали, что не имеют никаких канонических прав объявить себя автокефалией. Но так как Московская патриархия подчинялась большевикам, в административных своих решениях Автономная Церковь была совершенно независима, поэтому и духовное состояние ее было не такое, как у Московской патриархии" (9).

Однако, некоторые катакомбные общины устранились от вхождения в какую-либо из оффициальных юрисдикций. Например, старец Михаил Киевский, руководивший вместе со старицей Михаилой довольно большой общиной катакомбных монашествующих обоего пола, сумел построить открытую церковь, которая не имела никаких связей с советскими архиереями в течение немецкой оккупации (10) . Катакомбная Церковь также продолжала существовать и на северо-западе России под управлением схиепископа Макария (Васильева, † 1944), епископа Иоанна (Ложкова, † 1945) и епископа Модеста (Руперта, † 1964). Во время войны эта группа пыталась войти в контакт с митрополитом Зарубежной Церкви в Берлине Серафимом (Ляде), но безуспешно (11).

Иосифлянская ветвь Катакомбной Церкви, центром которой был Ленинград, также продолжала существовать, и возможно, к этому периоду относится внесение иосифлянскими приходами в чин Торжества Православия следующего анафематизма: "Пребезумную обновленческую ересь сергианскую содержащим: учащим, яко отвержением истины Христовы земное устроение Церкви Божией соблюдается; и тем, иже утверждают, яко богоборческим властем служение и исполнение безбожных велений их, еже к попранию священных правил, святоотеческих преданий и божественных догматов, и к разорению всего христианства, Церковь Христову спасает; и почитающим антихриста и служителей его, и предтечей его, и всех клевретов его, яко власть законную и от Бога поставленную; и всем тоя антихристианския ереси начальником, исповедников и мучеников новых хулителям (Сергию Нижегородскому, Николаю Киевскому и Алексию Хутынскому) и повторителем их, и обновленцам, и прочим еретикам, — *анафема*" (12).

Хотя этот период возрождения религиозной жизни в западных областях и был коротким, он имел важные последствия для будущего Русской Церкви. Во-первых, многие из храмов, открытых в это время, уже не были снова закрыты советскими после их возвращения, в силу пакта, заключенного Сталиным с патриархией (о котором будет сказано ниже). Во-вторых, некоторые из тех архиереев и священников, кто не смог или решил не уходить с немцами на Запад, после войны ушли в подполье и помогли сохранить Катакомбную Церковь в послевоенный период. И в-третьих, Русская Зарубежная Церковь получила инъекцию в виде новых архиереев и священников, ушедших на Запад в Германию в конце войны (13).

2) A. SOLZHENITSYN, The Mortal Danger (London: The Rodley Head, 1980) 39–40.

3) ФОМИН, Россия перед вторым пришествием... 237.

4) Цит. по: W. ALEXEYEV, K. ARMES, German Intelligence: Religious Revival in Soviet Territory // Religion in Communist Lands. Vol. 5, № 1 (Spring 1977) 27–30.

5) О. ВАСИЛЬЕВА, Русская Православная Церковь в 1927–1943 годах // Вопросы истории 4 (1994) 44.

6) ВАСИЛЬЕВА, Русская Православная Церковь в 1927–1943 годах... 44.

7) Украинская Автономная Церковь была также принята в РПЦЗ в это время. См.: Православная Русь. № 20 (1545) (1995) 4. См. также: W. ALEXEYEV, T. STAVROU, The Great Revival (Minneapolis: Burgess Rublishing Co, 1979) Chapter 4.

8) См.: ALEXEYEV, STAVROU, The Great Revival… Chapter 5. См. также: F. HEYER, Die Orthodoxe Kirche in der Ukraine (Kцln: Rudolf Mьller, 1953); Archbishop Leonty of Chile // The Orthodox Word. Vol. 17, № 4 (99) (1981) 148–154; ПСАРЕВ, Жизнеописание архиепископа Леонтия... 9–14.

9) ПСАРЕВ, Жизнеописание архиепископа Леонтия... 10.

10) См.: Схимонах ЕПИФАНИЙ (ЧЕРНОВ), Церковь Катакомбная на земле российской (1980; рукопись).

11) См.: М. В. ШКАРОВСКИЙ, Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви (Санкт-Петербург, 1999) 180

12) Цит. по: С. ВЕРИН, Свидетельство русских катакомб // Православная Русь. № 14 (1563) (1996) 11–12.

13) Это не было во всем положительным событием, т. к. некоторые из принятых в РПЦЗ, как, например, "епископы" Венский Игнатий (Жебровский) и Мюнхенский Николай (Автономов), оказались обновленцами. См.: Письмо архиепископа Аверкия Сиракузского митрополиту Филарету Нью-Йоркскому от 14/27 сентября 1966 г. // Обновленчество в Русской Православной Церкви...

Пакт Сталина—Сергия

В то время, как плененные народы Советского Союза радостно свергали с себя ярмо антихристианской тирании, глава официальной Русской Православной Церкви, или, как называли его немцы, "компатриарх", убеждал их надеть его вновь. Так, в начале войны, когда Сталин еще хранил молчание, митрополит Сергий выпустил патриотическое воззвание к русскому народу, призывая его бороться против нацистов. Даже после своей эвакуации в Ульяновск он продолжал выступать со своими патриотическими воззваниями и в первую годовщину начала войны заявил, что верующими было собрано три миллиона рублей и теплые вещи в помощь фронту. В то же время он продолжал распространять "спасительную" ложь, будто религия под властью коммунистов находится вне опасности: "С полной объективностью надо заявить, что Конституция, которая гарантирует полную свободу отправления религиозного культа, решительно ни в чем не стесняет религиозной жизни верующих и жизни Церкви вообще..." Относительно процессов над духовенством и верующими он сказал: "Это были чисто политические процессы, отнюдь не имевшие ничего общего с чисто церковной жизнью религиозных организаций и чисто церковной работой отдельных священнослужителей. Нет, Церковь не может жаловаться на власть". Затем Сергий объявил дальнейший сбор пожертвований на создание особой танковой колонны имени Димитрия Донского (14).

Сталин мог убедиться, что церковь митрополита Сергия, далекая от какого-либо сопротивления его режиму, действительно оказывалась весьма полезной в деле направления русских патриотических и религиозных чувств в просоветское и антигерманское русло (15). Он также отметил, что немцы своей политикой дарования религиозной свободы на оккупированных территориях привлекали к себе большую долю симпатий местного населения (16). И он осознал, что его собственная антирелигиозная политика, вкупе с отчуждением от собственного народа, могла и дальше расхолаживать в деле помощи ему западных союзников, боровшихся, как они утверждали, за свободу и демократию (17).

По этим и другим причинам Сталин решил заключить с церковью митрополита Сергия взаимовыгодное соглашение, и 4 сентября 1943 г. митрополиты Сергий, Николай и Алексий, составлявшие вместе с митрополитом Сергием (Воскресенским) всю иерархию Московской патриархии, были приглашены в Кремль на встречу со Сталиным и Молотовым.

Вот как описывает эту встречу А. Левитин-Краснов: "Беседу начал Молотов сообщением о том, что Правительство СССР и лично товарищ Сталин хотят знать нужды церкви. Два митрополита, Алексий и Николай, растерянно молчали. Неожиданно заговорил Сергий... Митрополит указал на необходимость широкого открытия храмов... Он также заявил о необходимости созыва Собора и выборов патриарха, ...о необходимости широкого открытия духовных учебных заведений, т. к. у церкви отсутствуют кадры священнослужителей. Здесь Сталин неожиданно прервал молчание. "А почему у вас нет кадров? Куда они делись?" — спросил он, ...в упор глядя на своих собеседников... Всем было известно, что "кадры" перебиты в лагерях. Но митрополит Сергий ...ответил: "Кадров у нас нет по разным причинам. Одна из них: мы готовим священника, а он становится Маршалом Советского Союза". Довольная усмешка тронула уста диктатора. Он сказал: "Да, да, как же. Я семинарист..." Затем он стал вспоминать семинарские годы... Беседа затянулась до трех часов ночи... Во время беседы были выработаны Устав Русской Церкви и те условия, на которых она существует до сего времени" (18).

В результате этой встречи советская церковь получила шаткое полулегальное существование — право открыть счет в банке, издавать "Журнал Московской Патриархии" и несколько буклетов, вновь открыть некоторые семинарии и храмы и, самое главное, "избрать" нового патриарха после освобождения из тюрем наиболее сговорчивых архиереев. Взамен она должна была согласиться на цензуру и контроль над всеми аспектами ее жизни со стороны новоучрежденного совета по делам Русской Православной церкви, в шутку называвшегося "наркомбог" и "наркомопиум", укомплектованного полностью из сотрудников НКВД. Поначалу контроль Совета осуществлялся через архиереев в соответствии с жестко централизованной структурой

церкви. Однако, с 1961 г. этот контроль стал осуществляться также и снизу, через так называемые двадцатки, которые могли по своей воле нанимать и рассчитывать священников независимо от архиерея. Так, при всем своем увеличившемся размере и внешнем влиянии, Московская патриархия оставалась такой же марионеткой советской власти, как и всегда.

Как пишут О. Васильева и П. Книшевский, "нет сомнений, что сталинский "особый орган" и правительство (точнее, дуэт Сталин—Молотов) держали патриарха под "недремлющим оком". Сергий понимал это. Да и как он мог не понимать, когда 1 ноября 1943 г. Совет сделал обязательным для всех приходов представлять ежемесячный отчет с подробным описанием своей деятельности во всех аспектах?" (19)

Первый "патриарх" советской церкви Сергий скончался 2 мая 1944 г., вскоре после своей интронизации. В ноябре был созван архиерейский собор, чтобы обсудить избрание нового патриарха. Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий) подчеркивал, что, согласно правилам Собора 1917–1918 гг., патриарх должен быть избираем тайным голосованием из нескольких кандидатов. Однако, его предложение было отвергнуто, и единственным кандидатом был выдвинут митрополит
Ленинградский Алексий (Симанский) — тот самый, который некогда снял наложенное митрополитом Вениамином запрещение с обновленца Введенского. Он и был надлежащим образом единогласно "избран" семнадцатью голосами (архиепископ Лука не был приглашен на церемонию) (20).

Некоторые в примере с архиепископом Лукой видят подтверждение того, что Московская патриархия еще не была в то время вполне советизирована, и что в числе ее иерархов еще оставались некоторые истинные архиереи. К сожалению, однако, существует очевидное свидетельство того, что архиепископ Лука, подобно прочим иерархам Московской патриархии, был заражен советской бациллой до такой степени, что даже уклонился от православного вероучения. Так, он писал, что заповедь Христова о любви к ближним неприложима "к немецким убийцам... любить их — абсолютно невозможно". И еще: "Как будем мы теперь проповедовать Евангелие любви и братства тем, кто не знает Христа, но кто видел сатанинский лик немцев, заявляющих, что они христиане?" (21) Такие нехристианские настроения возможны только у того, кто позволил революционной морали затмить в своем сознании совершенную истину Христова Евангелия. И в самом деле, архиепископ Лука (недавно канонизированный Московской патриархией) известен тем, что сказал о себе, что не будь он священнослужителем, он стал бы коммунистом (22).

В период от сталинско-сергиевского пакта в сентябре 1943 г. до интронизации нового "патриарха" Алексия в январе 1945 г. число епископов Московской патриархии (их было девятнадцать в конце 1943 г., в начале же войны их было всего четверо) более чем удвоилось, и теперь их было уже сорок один. Большинство не только катакомбных, но также и сергианских иерархов перед II Міровой войной находилось в лагерях и тюрьмах, и когда Сергий стал "патриархом", он (вернее, ГПУ) располагал иерархами лишь самого сомнительного качества, которых мог призвать, чтобы пополнить ряды истощенной Московской патриархии. Новорукоположенные епископы были набраны почти все из "кающихся обновленцев", которые, будучи представлены к рукоположению безбожными властями, были приняты с минимумом формальностей, невзирая на предписания Собора 1925 г. относительно приема обновленцев. Что Московская патриархия принимала обновленцев в Церковь без назначенного патриархом Тихоном покаяния, явствует даже из патриархийных источников (23). Конечно, это не тревожило "патриарха" Сергия и его преемника "патриарха" Алексия, которые сами оба были "кающимися обновленцами". Но это означало, что новое послевоенное поколение архиереев полностью отличалось от довоенного тем, что они имели уже устоявшееся еретическое, обновленческое умонастроение и теперь вернулись в ново-обновленческую Московскую патриархию, "как пес на свою блевотину" (II Пет. 2:22), образовав еретический костяк архиереев, контролировавший патриархию, будучи в то же время в полном подчинении у безбожников.

"От сентября 1943 г. до января 1945 г., — писал катакомбный епископ А., — прошло так мало времени. Поэтому непонятно, откуда же взялось вместо девятнадцати епископов сорок один. В этом отношении наше любопытство удовлетворяет Журнал Московской Патриархии за 1944 г. Просмотрев его, мы видим, что девятнадцать епископов, существовавших в 1943 г., родили в спешном порядке в 1944 г. остальных, бывших членами собора 1945 г.

Из *Журнала Московской Патриархии* мы узнаем, что эти поспешные хиротонии производились в подавляющим большинстве над протоиереями-обновленцами.

В конце 1943 г. и в начале 1944 г. по мановению волшебной палочки все обновленцы сразу вдруг покаялись пред митрополитом Сергием. Покаяние было упрощенное, без наложения каких-либо взысканий на причинивших столько зла Святой Церкви. А через самое короткое время "кающиеся обновленцы" получили высокое достоинство, места и чины, вопреки канонам церковным и положению о приеме обновленствующих от 1925 г.

Как повествует *Журнал Московской Патриархии*, "епископские" хиротонии перед "собором" 1945 г. происходили так: рекомендуемый (безусловно, гражданскими властями) протоиерей, почти всегда из "воссоединенных" обновленцев или григорианцев, сразу постригался в монашество с изменением имени и затем через два-три дня ставился во "архиереи Русской Церкви" (24).

Легкость, с которой обновленческо-сергианские иерархи резко меняли свой курс по кивку сверху, была продемонстрирована в ближайшие годы резкой сменой позиции Московской патриархии в отношении экуменизма, которая из строго антиэкуменической в 1948 г. стала проэкуменической всего десятью годами позже.

Эти быстрые превращения церковной иерархии стали возможны благодаря тому, что церковь, смиренно подчинившись управлению тоталитарного диктатора Сталина, сама теперь стала тоталитарной организацией. Все принимаемые в этой церкви решения зависели на деле от одной лишь воли патриарха, а через него — Сталина. Ибо, как пишет о. Сергий Гордун, "на протяжении десятилетий положение Церкви было таким, что голос духовенства и мірян выслушать не было возможности. Согласно принятом Поместным собором 1945 г. документу, по вопросам, требующим согласования с правительством СССР, патриарх сносится с Советом по делам Русской Православной Церкви при Совнаркоме СССР. Положение даже приблизительно не очерчивает круг вопросов, которые патриарх обязан согласовывать с Советом, что дает последнему возможность неограниченного контроля над церковной жизнью" (25).

Иеромонах Нектарий (Яшунский) описал, как Сергий ввел в Московскую патриархию папизм.

"Еретическим было понимание митрополитом Сергием Церкви (а стало быть, и спасения). Он искренне, как нам кажется, верил, что Церковь — это прежде всего организация, аппарат, неспособный функционировать без административного единства. Отсюда стремление сохранить ее административное единство любой ценой, даже ценой повреждения содержимой ею истины. И это можно видеть не только из его церковной политики, но и из соответствующего ей богословия.

Особенно показательны здесь две его работы: "Есть ли у Христа наместник в Церкви?" (*Духовное наследство патриарха Сергия*. М., 1946) и "Отношение Церкви к отделившимся от нее сообществам" (ЖМП. № 2, 1930). В первой из них митрополит Сергий, хотя и дает отрицательный ответ на вопрос (поставленный прежде всего по отношению к папе), но отрицание это у него, скорее, не принципиальное, а эмпирическое. Папа не является главой Вселенской Церкви лишь потому, что он еретик. Но в принципе для митрополита Сергия возможно и даже желательно возглавление всей Вселенской Церкви одним лицом. Более того, в трудные моменты жизни Церкви это лицо может усваивать себе такие полномочия, даже не обладая соответствующими каноническими правами. И хотя митрополит заявляет, что такой вселенский глава не является наместником Христовым, заявление это не выглядит

искренним в контексте как других его богословских мнений, так и согласных с этим богословием деяний.

Во второй упомянутой статье митрополит Сергий утверждает, что с изменением чина приема в церковное общение членов какого-либо общества изменяется и реальное присутствие благодати в таинствах оного, которое, стало быть, зависит не от его объективного исповедания веры, а от субъективного (и посему изменяемого) отношения к нему первоиерарха Церкви. Так, писал Сергий, "мы принимаем латинян в Церковь в сущем сане, а из карловацкого раскола через миропомазание", чем утверждал наличие у латинян, в отличие от "карловчан", истинного миропомазания и священства.

Таким образом, — заключает о. Нектарий, — накладывая прещения на несогласных с его церковной политикой, Сергий считал, что он действительно отсекает их от благодати и по сути отправляет в ад. Вот уже воистину папизм и притязание на наместничество Христово!" (26)

Это еретическое превращение патриархии в западного рода папство так было описано о. Вячеславом Полосиным: "Если митрополит Сергий руководствовался не личной корыстью, а ошибочно понимаемой пользой для Церкви, то очевидно, что богословским фундаментом такого понимания были ошибочные и даже еретические представления о самой Церкви и ее действии в міре. Можно предположить, что эти представления были весьма близки идее "filioque": раз Дух исходит не только от Отца, но и от Сына, значит, и наместник Сына может распоряжаться Святым Духом, так что Тот действует через него "ex opere operato" — "в силу совершенного действия". Отсюда с необходимостью следует, что совершитель таинств Церкви, "minister sacramenti", должен быть автоматически "непогрешим", ибо непогрешим действующий через него и неотделимый от него Дух Божий... Однако, эта латинская схема Церкви значительно уступает той схеме, той структуре, которую создал митрополит Сергий. В его схеме Собор вообще отсутствует, либо заменяется формальным собранием для утверждения уже принятых решений — по образу съездов КПСС.

Место Собора в его структуре Церкви занимает отсутствующая у латинов советская власть, лояльность к которой становится чем-то вроде догмата... Эта схема стала возможной потому, что она была подготовлена русской историей. Но если православный царь и православный обер-прокурор в какой-то степени являли собой "малый собор", который по общей направленности не противоречил умонастроению большинства верующих, то при перемене міровоззрения тех, кто был у кормила светской власти, эта схема приняла еретический характер, т. к. решения центральной церковной власти, ассоциирующиеся у народа с волей Духа Божия, стали определяться не большим и не "малым" собором, а волей тех, кто хотел уничтожить даже самое представление о Боге (официальная цель второй "безбожной" пятилетки — полное забвение народом даже слова "Бог"). Таким образом, в родник Истины волеизъявления Духа Святого был подмешан смертельный яд... Московская патриархия, вверив себя вместо соборной воли Духа злой богоборческой воле большевиков, являет собой как раз образ такого соблазна неверия во всемогущество и Божественное достоинство Христа, Который Один только и может спасать и сохранять Церковь и Который неложно обещал, что "врата ада не одолеют ея"... Подмена такой веры надеждой на свои собственные человеческие силы, которые сумеют спасти Церковь, т. к. через них действует Дух, не соответствует канонам и Преданию Церкви, а "ex opere operato" (исходит) от "непогрешимой" верхушки иерархической структуры" (27)
.
Потрясающий объем власти над Церковью, данный атеистам собором 1945 г., был раскрыт в 1974 г. в секретном докладе ЦК КПСС, сделанном главой Совета по делам религий, преемственного Совету по делам Русской Православной церкви: "Синод (Московской патриархии) находится под контролем Совета по делам религий. Вопрос подбора и назначения его постоянных членов был и остается полностью в руках Совета, а кандидатуры непостоянных членов также предварительно согласуются с ответственными членами Совета. Все вопросы, имеющие обсуждаться на Синоде, сперва обсуждаются патриархом Пименом и постоянными членами Синода с

руководством Совета и в его отделах, и окончательные "Определения Священного Синода" также согласовываются" (28).

После интронизации Алексия, как пишет В. Алексеев, "на Совет по делам РПЦ Сталиным возлагалась обязанность от лица правительства поздравить Алексия с избранием, поднести ему на память подарок. Была определена и стоимость подарка: двадцать пять — тридцать тысяч рублей. Сталин любил делать дорогие подарки. Было решено "отблагодарить" за участие в Соборе и иностранных владык. Наркомпросу было дано поручение выдать сорок два предмета из фондов московских музеев и двадцать восемь — из Загорского государственного музея, главным образом православного культа, которые были употреблены в качестве подарков восточным патриархам. Так например, патриарху Александрийскому Христофору досталась золотая панагия с драгоценными камнями, полное архиерейское облачение из золотой парчи, митра с драгоценными камнями... Естественно, от патриархов ожидали ответных действий, и они не замедлили высказать главного — славословий... Патриарх Александрийский Христофор говорил: "Маршал Сталин... под руководством которого ведутся военные операции в невиданном масштабе, имеет на то обилие божественной благодати и благословения" (!!!)" (29).

Между тем страдания Катакомбной Церкви усилились. 7 июля 1944 г. Берия писал Сталину, прося разрешения на депортацию 1673 катакомбных христиан из Рязанской, Воронежской и Орловской областей в Сибирь. Он описывал катакомбных христиан как "ведущих паразитический образ жизни, не платящих налоги, отказывающихся нести свои обязанности и службу и запрещающих своим детям ходить в школу" (30). По словам И. Андреева, "подпольная или Катакомбная Церковь в Советской России пережила самые тяжелые свои испытания после 4 февраля 1945 г., т. е. после интронизации советского патриарха Алексия. Тех, кто не признал его, приговаривали к новым срокам заключения и иногда расстреливали. Тех, кто признавал его и давал в этом подписку, часто освобождали прежде окончания их сроков, и они получали назначения. Все тайные священники, обнаруженные в советской зоне Германии, были расстреляны. Все священники, не признавшие патриарха Алексия, также были расстреляны..." (31)

К концу войны администрация НКВД ГУЛАГа приняла следующие решения: "1. Завербовать подходящих агентов из среды заключенных церковников и сектантов, поручив им открывать факты, касающиеся антисоветской деятельности этих заключенных. 2. В процессе агентурной деятельности среди заключенных вскрывать их преступные связи с находящимися на свободе и согласовывать работу этих звеньев с соответствующими органами НКВД" (32). В результате этих инструкций многие катакомбные организации среди заключенных были ликвидированы. Например, "в Ухтойжемском ИТЛ была ликвидирована антисоветская группа церковников. Один из лидеров этой группы, священник Ушаков, сочинял молитвы и распространял их среди заключенных. Оказалось, что он имел преступные связи с епископом Галынским" (33).

Но главную опасность по-прежнему представляли собой патриархийные священники. Архиепископ Лазарь пишет: "Катакомбные верующие боялись священников Московской патриархии даже больше, чем милиции. Когда, по той или иной причине, приходил священник, его встречали с чувством страха. Катакомбники говорили: "Красный сыщик пришел". Он был несомненно подослан и был обязан докладывать обо всем властям. Нередко архиереи и священники открыто говорили народу прямо с амвона: "Смотрите вокруг, православные. Есть такие, кто не ходит в церковь. Разузнавайте, кто они, и докладывайте нам; это враги советской власти, которые стоят поперек пути построения социализма". Мы очень боялись этих сергианских священников" (34).

14) См.: ГРАББЕ, Русская Церковь перед лицом господствующего зла... 80–81.

15) См.: Священник ГЛЕБ ЯКУНИН, В служении культу // На пути к свободе совести / Изд. Д. Е. ФУРМАН, о. МАРК СМИРНОВ (Москва: Прогресс, 1989) 172–207.

16) Гитлер лишь изображал религиозную толерантность в политических целях. Так, он говорил: "Тяжелейшим ударом, который когда-либо был нанесен человечеству,

было пришествие христианства. Большевизм — это незаконное дитя христианства. Оба введены евреями. Преднамеренная ложь в религии была введена в мир христианством. Большевизм практикует ложь такой же природы, когда обещает принести людям свободу только для того, чтобы поработить их" (Цит. по: A. BULLOCK, Hitler and Stalin (Harper Collins, 1991) 801). Но в то же время он признает, что христианства "не сломить так просто. Оно должно изгнить и отмереть, как пораженный член". И 11 апреля 1942 г. он сказал: "Мы должны избегать, чтобы одна обособленная церковь удовлетворяла религиозные нужды больших районов, и каждая деревня должна быть превращена в независимую секту, почитающую Бога по-своему. Если в результате некоторые деревни захотят практиковать черную магию на манер негров или индейцев, мы не должны препятствовать им. Короче говоря, наша политика в России должна поощрять все и всякого рода разделения и расколы" (Цит. по: ALEXEYEV, STAVROU, The Great Revival... 60–61).

17) См.: ВОЛКОГОНОВ, Триумф и трагедия... Кн. 2, ч. 1. 382–383.

18) А. ЛЕВИТИН-КРАСНОВ, Лихие годы. 1925–1941 (Париж: ИМКА-Пресс, 1977). Более подробное описание этой встречи см.: О. ВАСИЛЬЕВА, П. КНИШЕВСКИЙ, Тайная вечеря // Литературная Россия. № 39 (27 сентября 1991).

19) ВАСИЛЬЕВА, КНИШЕВСКИЙ, Тайная вечеря…

20) См.: Священник СЕРГИЙ ГОРДУН, Русская Православная Церковь при Святейших патриархах Сергии и Алексии // Вестник Русского Христианского Движения 158 (1990) 92.

21) Журнал Московской Патриархии. № 2 (1944) 26–28; № 4 (1943) 25. Цит. по: POSPIELOVSKY, The Russian Church under the Soviet Regime... Vol. 1. 208–209.

22) См.: Протопресвитер ВАЛЕРИЙ ЛАПКОВСКИЙ, Кто воздвигал памятник архиепископу Луке? // Православная Русь. № 17 (1566) (1996) 10.
Прим. ред.: Подробнее о взглядах архиеп. Луки см.: И. И. ВОЛОШИН, Канонизация Московской патриархией архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого) как знамение времени // Вертоградъ-Информ. № 6 (63) (2000) 8–17.

23) См.: СНЫЧЕВ, Митрополит Мануил... 185.

24) Письмо 2-е катакомбного епископа А. к Ф. М. // Русский Пастырь 14 (1992) 10; Православие. № 2 (2) (1996) 11.

25) ГОРДУН, Русская Православная Церковь при Святейших патриархах... 94.

26) Иеродиакон ИОНА (ЯШУНСКИЙ; ныне — иеромонах Нектарий), Сергианство: политика или догматика? (29 апреля / 12 мая 1993) 2–3, 5 (неизд. рукопись).

27) Священник В. ПОЛОСИН (СЕРГИЙ ВЕНЦЕЛЬ), Размышления о теократии в России // Вестник Христианского Информационного Центра. № 48 (1989).

28) Цит. по: Times. December 7 (1981). См. также: J. ELLIS, The Russian Orthodox Church (London: Croom Helm, 1986) 215 [частичный рус. пер. этой книги: Дж. ЭЛЛИС, Русская Православная Церковь. Согласие и инакомыслие / Пер. с англ. прот. ГЕОРГИЯ СИДОРЕНКО (London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1990). — Ред.].

29) В. АЛЕКСЕЕВ, Маршал Сталин доверяет Церкви // Агитатор. № 10 (1989) 27–28.

30) См.: И. Ф. БУГАЕВ, Варварская акция // Отечество (краеведческий журнал). № 8 (1992) 53–73.

31) ANDREYEV, The Catacomb Church...

32) И. ОСИПОВА, Хотелось бы поименно назвать (М.: Мір и человек, 1993) 161.

33) Там же. 193. Полное имя "епископа Галынского" было: архиепископ Антоний

Галынский-Михайловский. В распоряжении автора находится рукописное житие сего великого исповедника, умершего в Киеве в 1976 г.

34) Out from the Catacombs // Orthodox America. Vol. X, № 10 (100) (1990) 5–6.

Культ Сталина в Церкви

После собора 1945 г. советская церковь начала мощную дипломатическую кампанию, предназначенную убедить верующих за рубежом в законности советского государства и церкви. Так, в 1945 г., в то время как митрополита Николая чествовали в Британии, патриарх Алексий посетил Ближний Восток, где он действовал как светский представитель советского правительства. Например, он вмешался в греческую гражданскую войну, призвав греческий народ поддерживать коммунистов и противостоять роялистам и британским империалистам (сам Сталин занимал более нейтральную позицию).

Советская церковь на волне просоветских чувств, поднявшейся вслед за победами Красной армии, успела расколоть русские эмигрантские общины в нескольких странах и отторгнуть несколько епархий от юрисдикции Русской Зарубежной Церкви. Так, в Китае все русские архиереи, за исключением одного — знаменитого чудотворца Иоанна Шанхайского (Максимовича), — приняли советские паспорта и вернулись в Московскую патриархию. В Болгарии архиепископ Серафим (Соболев) сделал то же, хотя и продолжал, по свидетельству его духовной дочери игумении Серафимы (Ливен), называть советскую власть "сатанинской" и противостоять проникновению коммунистического влияния в Болгарскую Церковь. Парижская митрополия тоже на краткое время вернулась, прежде чем нашла себе более постоянное пристанище в Константинопольской патриархии. И четверо из восьми архиереев Американской митрополии вернулись в патриархию на Кливлендском соборе в 1946 г., хотя вскоре и отделились опять, когда увидели, чту это подчинение Московской патриархии на самом деле означало.

Несколько поместных Православных Церквей, таких как Сербская, Болгарская и Румынская, оказались теперь вовлеченными в орбиту советской церкви. Униатская церковь Украины была насильно включена в состав Московской патриархии на Львовском "Воссоединительном соборе" 1946 г., что вынудило тех униатских епископов и священников, которые отказались присоединиться, уйти в подполье вплоть до времен Горбачева. Немногим позже униатов Чехословакии также принудили войти в Московскую патриархию, а румынских — в Румынскую патриархию.

Этот процесс был подтвержден на состоявшемся в Москве в 1948 г. соборе, на котором присутствовали представители Константинопольской, Антиохийской, Александрийской, Элладской, Сербской, Румынской, Болгарской, Чехословацкой, Польской и Грузинской Церквей (автокефалия Грузинской Церкви была признана Московской патриархией вскоре после сталинско-сергиевского пакта в 1943 г.). Только Иерусалимская патриархия, Русская Зарубежная Церковь и Истинно-Православные Церкви России, Греции, Кипра и Румынии не были представлены. Здесь прославление Московской патриархии шло рука об руку с обвинениями в адрес католического и протестантского Запада и осуждением экуменического движения, вновь оживившегося после I Генеральной ассамблеи Всемірного совета церквей, проходившей в Амстердаме в том же году.

Однако, мотивы этого отмежевания были скорее политическими, чем богословскими, что видно из особого архипастырского послания, где говорится, что основное различие между православным Востоком и протестантским и католическим Западом заключается в воспевании последним "гимнов во славу атомных бомб и тому подобных изобретений, предназначенных для уничтожения человеческой жизни" и в благословении им новой войны (35).

Обличая Запад в его политических грехах, патриархия в то же время продолжала самым постыднейшим образом прославлять Сталина, становясь действительно государственной церковью большевицкого режима. Еще во время войны культ

Сталина — возможно, величайшего гонителя Церкви за всю ее историю, возрос до идолопоклоннических размеров. Вот что пишет о. Глеб Якунин: "С началом войны и последующим церковным "ренессансом" ощущение чудного промыслительного действия Божьего в историческом процессе, совершающемся в России, у руководства Московской патриархии заметно усиливается. Божественным орудием в этом процессе становится, по их выражению, "мудрый, Богопоставленный", "Богом данный Верховный Вождь" (36).

Однако, своего апофеоза "культ личности" Сталина достиг в Московской патриархии в 1949 г., когда по случаю дня рождения диктатора ему было адресовано от лица всей церкви "Поздравление Вождю народов СССР", опубликованное затем *Журналом Московской Патриархии* (1949, № 12). "Без малейшего колебания, — пишут о. Глеб Якунин и группа православных мірян, — мы можем назвать этот адрес постыднейшим документом, когда-либо составлявшимся от лица Церкви за всю историю существования христианства и тем более за тысячелетнюю историю христианства на Руси" (37).
Также в день смерти Сталина в марте 1953 г. патриарх Алексий написал в Совет министров СССР:

"От лица Русской Православной Церкви и своего выражаю самое глубокое и искреннее соболезнование по случаю кончины незабвенного Иосифа Виссарионовича Сталина, великого строителя народного счастья. Кончина его является тяжелым горем для нашего Отечества и для всех народов, населяющих его. Его кончину с глубокой скорбью переживает вся Русская Православная Церковь, которая никогда не забудет его благожелательного отношения к нуждам церковным.

Светлая память о нем будет неизгладимо жить в сердцах наших.

С особым чувством непрестающей любви Церковь наша возглашает ему *вечную память*" (38).

35) Журнал Московской патриархии. № 12 (1948) 6. Цит. по: ЯКУНИН, В служении культу... 197. Наиболее богословскими были на этом соборе выступления архиепископа Серафима (Соболева). Он представил три доклада: против экуменического движения, о старом и новом стиле и об англиканской иерархии. Серафим выразил "частное мнение" по календарному вопросу, сочтя соборную резолюцию по нему неадекватной. В своем докладе против экуменизма он настаивал, что присутствие православных представителей на экуменических конференциях, даже в качестве наблюдателей, представляет собой отступничество от Святого Православия. Хорошо говорил также протоиерей Г. Разумовский. "Русская Православная Церковь, — сказал он, — всегда учила и до сих пор учит, что Пятидесятница, или схождение Святого Духа, уже было, и что христиане должны ждать не нового явления Святого Духа, а славного Второго пришествия Иисуса Христа. Умаление значения единократной жертвы Иисуса Христа и проповедь о будущем "третьем часе", в который чаемое Царство Духа Святого будет явлено, — характеризует учение масонов и еретиков; тогда как новоявленная открытая проповедь чаемой вселенской пятидесятницы не может быть ни чем иным, как эхом древних лжеучений этих прельщенных еретиков". См Archimandries Charlampios Basilopoylos, Oichoumenismos xopis Masxa (`Athenai, 1988) 122.

36) Цит. по: POSPIELOVSKY, The Russian Church under the Soviet Regime... Vol. 1. 208.

37) Цит. по: POTAPOV, What is False is also Corrupt... 223.

38) Известия. Март 10 (1953). См. так же: ЯКУНИН, В служении культу... 199.

Поворот к экуменизму

Несмотря на то, что сталинско-сергиевский пакт и принес советской церкви некоторый внешний временный мир, конечная цель властей — полное уничтожение Церкви — осталась прежней. Этот факт со всей силой вновь предстал пред сознанием верующих

в 1959–64 гг., когда большинство семинарий и монастырей и 12–15 тысяч приходских храмов было закрыто. Хрущевское гонение показало, сколь непрочным и односторонним было церковно-государственное соглашение, и как легко уступки со стороны государства могли быть упразднены без малейшего угрызения совести и без всякой компенсации (39).

Виктор Аксючиц пишет: "После сталинской эпохи идеология была вынуждена оставить свою политику тотального наступления внутри страны и перейти к тактике, сочетающей уступки с целеустремленными частичными захватами. Десталинизация и хрущевская оттепель выражали необходимость еще большего сужения сферы идеологического давления ради сохранения силы коммунизма. Власти старались всеми способами паразитировать на новоосвобожденных реалиях — строго регулируемой демократизации некоторых сфер жизни. Но законы сохранения коммунизма требуют пропорционально ослаблению идеологического контроля в отдельных сферах усиления давления на духовный центр действительности: началось жестокое гонение на Церковь и христиан. В их планах было полностью уничтожить религию, но власти снова вынуждены были остановиться перед лицом перспективы массового мученичества, которое в новой исторической ситуации могло сильно подорвать их международный престиж и внутренние силы СССР. Коммунизм был снова вынужден изменить свою тактику и направление своих ударов.

В Московской церкви власти ввели недоброй памяти реформу 1961 г., которая предоставила им новые возможности для разрушения церковного организма изнутри. Священство было полностью устранено от экономического и финансового управления приходами, и лишь нанималось по соглашению как "служители культа" для "удовлетворения религиозных нужд". Епархиальные органы управления приходской жизнью были упразднены... Теперь безбожные власти не только проводили "регистрацию" священства и "исполнительных органов", но также взяли и полный контроль над экономикой и финансами приходов, назначая старост и казначеев и используя, естественно, все их права для достижения атеистической цели разрушения Церкви" (40).

Патриарх Алексий содействовал как введению положения о приходах 1961 г., так и другим вредным для Церкви мероприятиям в течение всего хрущевского гонения (41). Но величайшая служба, сослуженная патриархией советам в послевоенный период, заключалась, вероятно, в ее вхождении в экуменическое движение — во Всемірный совет церквей в декабре 1960 г. Мы видели, что еще на Московском соборе 1948 г. Московская патриархия, за послушание своим коммунистическим хозяевам, занимала антизападную и антиэкуменическую позицию. Однако эта позиция начала изменяться в конце 50 х гг., и как показал о. Сергий Гордун на основе недавно рассекреченных документов советского Совета по делам религий, патриархию принудил войти в ВСЦ глава Совета по делам религий. Так, 16 января 1958 г. митрополит Николай спросил мнение Совета о том, как ему реагировать на предложение генерального секретаря ВСЦ встретиться с представителями Русской Православной Церкви. Товарищ Г. Карпов, глава Совета по делам религий, сказал, что надо ответить, что они, в принципе, согласны провести встречу в июне–июле этого года.

Другая важная встреча имела место между новым главой Совета по делам религий В. А. Куроедовым и патриархом Алексием 15 июля 1960 г. "Куроедов заявил, — пишет о. Сергий Гордун, — что он тщательно изучил внешнюю деятельность патриархии и пришел к заключению, что ситуация — совершенно неудовлетворительная. "В последние годы патриархия не предприняла ни одной важной инициативы для сплочения Православных Церквей вокруг Русской Православной Церкви, возглавляемой Московской патриархией, — т. е. инициативы, направленной на разоблачение реакционной деятельности папы Римского и интенсификацию борьбы за мир. Патриархия не использует те огромные возможности, которыми она обладает; она не провела ни одной важной акции за рубежом... Русская Православная Церковь не выступает объединяющим центром для Православных Церквей всего міра, она обычно занимает пассивную позицию и лишь вяло разоблачает клеветническую пропаганду относительно положения религии и Церкви в нашей стране... Совет рекомендовал митрополиту Николаю, чтобы он выработал предложения по интенсификации внешней деятельности. Однако митрополит Николай не выполнил эту

просьбу Совета и выдвинул предложения, никоим образом не соответствующие требованиям, обсуждавшимся с митрополитом в этом отношении". Затем Куроедов предложил, чтобы митрополит Николай был освобожден от своих обязанностей председателя Отдела внешних церковных сношений, и чтобы они были возложены на другого, более подходящего человека" (42).

"Предложение" было принято, митрополит Николай внезапно умер (предположительно, был убит), и новым руководителем внешних сношений оказался архимандрит Никодим (Ротов), о котором мы теперь знаем, что он был агентом КГБ по кличке "Святослав" и тайным католическим епископом, которому папа доверил возглавление всех римо-католиков в СССР (43)!

Отец Сергий продолжает: "Личность архимандрита Никодима (Ротова), впоследствии митрополита Ленинградского и Новгородского, связана с изменением позиции Московской патриархии по отношению к экуменическому движению. Как известно, Конференция глав и представителей автокефальных Православных Церквей, имевшая место в Москве в 1948 г., приняла резолюцию с заявлением, что "цели экуменического движения... не соответствуют идеалам христианства и задачам Церкви Христовой, как их понимает Православная Церковь". В этой связи было сделано частное замечание об обмірщенности экуменического движения и вовлечению в общественную и политическую жизнь, что неприемлемо для Православия. Этой позиции Московская патриархия придерживалась до 1960 г. В беседе, имевшей место 2 апреля 1959 г., святейший патриарх Алексий информировал Совет об отношении Русской Церкви к экуменическому движению и заявил, что она намеревается постепенно наращивать свои связи со Всемірным советом церквей и посылать своих наблюдателей на наиболее важные конференции, но не будет становиться членом этой организации. Однако полтора года спустя эта позиция изменилась. В записи беседы, имевшей место между патриархом Алексием и В. А. Куроедовым 15 сентября 1960 г., есть следующая фраза: "Патриарх принял рекомендацию Совета касательно вхождения Русской Православной Церкви в члены Всемірного совета церквей и оценил это как важнейшую акцию Русской Православной Церкви в ее деятельности за рубежом". С какой целью Совет по делам Русской Православной Церкви рекомендовал, чтобы Русская Православная Церковь вошла во Всемірный совет церквей? Чтобы скрыть, как может показаться, антицерковную политику советского правительства. Загоняя Церковь в тупик, Совет хотел создать за рубежом образ свободной и активной Русской Церкви..." (44)

Вынужденное КГБ вхождение Московской патриархии в ВСЦ возымело немедленное разрушительное действие на положение православных в ВСЦ. Ибо русские не только явились самой большой по численности отдельной церковью из числа входящих в ВСЦ; они также держали через КГБ под контролем реакции всех остальных делегатов из-за железного занавеса. Коммунизм и экуменизм сошлись теперь воедино в нечестивом союзе "экукоммунизма" (45). Как пишет диакон Андрей Кураев, "сергианство и экуменизм переплелись. Именно по указке властей наша иерархия вела свою экуменическую деятельность и именно в течение своей работы за границей духовенство, завербованное в КГБ, проверялось на лояльность" (46).

Патриархия вступила в ВСЦ на IV Генеральной ассамблее в Нью-Дели в декабре 1960 г. По словам митрополита Санкт-Петербургского Владиміра (Котлярова), присутствовавшего на Ассамблее, все прибывшие туда представители русского православного духовенства "были агентами КГБ" (47). Перед тем, однако, в сентябре 1960 г., представители Православных церквей–членов ВСЦ встретились на греческом острове Родос с целью выработать список вопросов, которые подлежали обсуждению на будущем Всеправославном Соборе. Это было использовано Московской патриархией как средство, позволяющее добиться того, чтобы ни один вопрос, могущий нанести ущерб советскому правительству, не обсуждался бы, будь то на любом будущем Всеправославном Соборе или на какой-либо экуменической встрече. И, как пишут Н. С. Гордиенко и А. Новиков, "в продолжении дебатов о списке, делегация Московской патриархии настояла на исключении из него некоторых тем (развитие внешней и внутренней миссионерской работы; методы борьбы с атеизмом и лжеучениями, такими как теософия, спиритизм, франкмасонство и т. д.) и включении некоторых других (со- трудничество между

поместными Православным Церквами в осуществлении идей мира, братства и любви между народами; Православие и расовая дискриминация; Православие и задачи христиан в местах резких социальных перемен)... Кроме выработки тем для будущего Предсоборного Совещания, первая Конференция издала определение "Об изучении путей достижения более тесных контактов и единства церквей во всеправославной перспективе", намечающее поиск контактов с Древними Восточными (нехалкидонскими) церквами (монофизитами), Старокатолической, Англиканской, Католической и Протестантской церквами, также как и со Всемірным советом церквей". Иначе говоря, православные отныне должны были оставить борьбу с атеизмом, франкмасонством и другими лжерелигиями и вступить в диалог с целью достижения единства со всеми "христианскими" ересями, — используя в то же время экуменические форумы для достижения практических целей советской внешней политики в ее борьбе с капиталистическим Западом (48)!

39) Д. ПОСПЕЛОВСКИЙ // Русская мысль, № 3698 (5 ноября 1987). См. также: Г. ПАНКОВ, О политике Советского государства в отношении Русской Православной Церкви на рубеже 50-х–60-х годов // Религия и демократия... 217–231.

40) В. АКСЮЧИЦ, 70 лет Вавилонского пленения...

41) См.: ПАНКОВ, О политике Советского государства... 217–231.

42) ГОРДУН, Русская Православная Церковь при Святейших патриархах... 120.

43) См.: Некоторые страницы биографии митрополита Николая (Ярушевича) // Вертоград-Информ. № 7–9 (16–18) (1996) 16–17.

44) ГОРДУН, Русская Православная Церковь при Святейших патриархах... 133–134. О связях Никодима с КГБ см.: POTAPOV, What is False is also Corrupt... 228. О его связях с католиками см.: Fr. SERGIUS KELEHER, Passion and Resurrection: The Greek Catholic Church in Soviet Ukraine, 1939–1989 (L'viv: Stavropegion, 1993) 101–102.

45) См.: MOSS, Ecucommunism...

46) Диакон АНДРЕЙ КУРАЕВ, Во дни печальные Великого Поста // День. № 13 (1992).

47) См. его интервью газете "Смена". Цит. по: Православная Русь. № 5 (1554) (1996) 11.

48) См.: А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ, Русская Православная Церковь (М.: Прогресс, 1988) 387.

Церковь в катакомбах

Тем временем Истинная Церковь России уходила все глубже и глубже в катакомбы, опасаясь лжебратий и оставляя всякую надежду влиять на широкие народные массы в ближайшем будущем. В 50-х гг. все еще сохранялась довольно большая сеть катакомбных общин, обслуживаемых многими замечательными священниками и очень немногими святыми епископами, такими как Петр (Ладыгин; † 1957) и Варнава (Беляев; † 1963) (49). Но непрекращающаяся сыскная деятельность КГБ, которому помогало и духовенство Московской патриархии, постепенно подрывала силы исповеднической Церкви.

Однако, "когда в 1961 г., — пишет архиепископ Лазарь, — права священников были у них отняты и переданы приходским советам, они притихли, и нам стало легче; по крайней мере, мы могли ходить к нашим священникам, и священники начали свободнее приходить к нам, исповедовать и причащать нас. С 1961 г. Московская патриархия успокоилась по отношению к нам. Конечно, когда иностранцы спрашивали представителей Московской патриархии: "Существует ли Катакомбная Церковь?" — ответ был всегда: "Нет". Это была ложь. Катакомбные верующие были по всей России, так же как есть и сегодня..." (50)

Духовную мощь этих катакомбных верующих хорошо показывает следующий случай из жизни катакомбного епископа Серафима (Поздеева), основателя одной из нынешних ветвей Катакомбной Церкви, известной как "Тихоновская".

"Однажды был такой случай. В городе Куйбышеве в одном доме собралась молодежная вечеринка по случаю дня рождения хозяйки дома, девушки Зои. Она пригласила своих друзей, но юноша, с которым она дружила, не пришел ее поздравить. Его имя было Николай. До этого у них произошел конфликт. Она ждала, что он сделает шаг к примирению, но он этого не сделал. После торжественной трапезы все стали танцевать. У нее же не оказалось пары. Тогда она взяла икону святителя Николая и сказала: "Мою любовь тоже зовут Николай, но он не пришел, ты будешь вместо него". Она взяла икону и стала танцевать с ней, но, не пройдя и круга, вдруг замерла на месте, стала как каменная, так что никто не мог сдвинуть ее с места. Друзья перепугались и убежали. Так она стояла весь Великий Пост, никто ничего не мог сделать. Врачи сказали, что она жива, но она не ела, не пила и не падала. Сюда стало стекаться много народа. Иногда от нее слышались крики: "Весь мір сгорит в огне! Люди, кайтесь, скоро пришествие Христа!" Дом был окружен. Хотели вырубить пол, но когда начинали это делать, из досок начинала проступать кровь. Хотели искусственно кормить и вскрыть трахею, но тело не поддавалось ни скальпелю, ни ножу. Приезжали разные священнослужители из патриархии читать молебны. Даже сам патриарх Алексий отслужил молебен, чтобы взять икону святителя Николая у этой Зои. Но икона не была ею отдана. И только за три дня до Пасхи владыка Серафим пришел и взял икону у нее с очень простыми словами: "Ну, что, настоялась? Давай сюда икону". Зоя пришла в себя, а потом рассказывала: "Ой, мама, как страшно на том свете. Как люди заблуждаются, когда они серьезно относятся к этой жизни и шутят о той загробной, даже не зная, что ждет их". Три дня она прожила и в Светлое Христово Воскресение преставилась ко Господу" (51).

Жизнь катакомбных христиан в послевоенный период оставалась по-прежнему очень тяжелой. Многие из них были лишены имущества и изгнаны из своих жилищ, были вынуждены жить в землянках и есть траву и коренья. Им не давали землю под огороды, на них возлагали тяжелые добавочные налоги, их принуждали к работам в опасных зонах. (В 1986 г., например, катакомбный епископ Владимір /Абрамов/ был приговорен к работам в Чернобыле, но бежал.) Во время войны они отказывались вступать в Красную Армию, а после войны часто отказывались даже пользоваться электричеством и радио, считая их за "лампочку Ильича" и "дар антихриста". Они не позволяли своим детям изучать марксизм-ленинизм, вступать в пионеры и в комсомол, так что детей у них зачастую отбирали (52).

Но наиболее открытой формой отказа от сотрудничества с советской властью со стороны катакомбных христиан был отказ принимать советские паспорта — отказ, получивший массовый характер во время хрущевского гонения. Надо сказать, что паспортизация была введена в Советском Союзе лишь в 1932 г. и только в наиболее урбанизированных областях. Катакомбные иерархи не благословили своих духовных чад брать паспорта, потому что в них отражалось социальное происхождение и положение христиан, что подвергало их преследованиям. Катакомбные христиане не хотели получать то, что они считали за печать антихриста, или заявлять себя гражданами антихристова царства.

Крестьянам паспортов не давали, но зато они были привязаны к земле, на которой работали. Их сгоняли в колхозы и принуждали делать разные вещи против их совести, как например, голосовать за коммунистических чиновников, которые разрушали их жизненный уклад и их храмы. Тех, кто отказывался делать это, — а, например, в Липецкой, Воронежской и Тамбовской областях отказы были практически общим явлением — жестоко преследовали и часто оставляли умирать с голоду.

4 мая 1961 г. советское правительство издало декрет о "паразитизме" и начало кампанию за всеобщую паспортизацию. В местных газетах по всей стране было объявлено, что для того, чтобы получить советский паспорт, гражданин СССР должен признавать все законы советской власти, прошлые и настоящие, начиная с ленинских декретов. Поскольку это означало на деле признание всех преступлений советской

власти, то поднялось движение, сгруппировавшееся в основном в сельских местностях среди тех крестьян и их семей, кто в тридцатых годах отверг коллективизацию.

"И вот, — пишет Е. А. Петрова, — по всей огромной стране среди христиан стихийно вспыхнули протесты по поводу всеобщей паспортизации. Огромное число тайных христиан, имеющих советские паспорта, стали отказываться от них, уничтожать, сжигать и громко, вслух, всенародно отрекаться от советского гражданства. Сдавали свои паспорта и многие из христиан патриаршей Церкви. Возникло целое мощное движение беспаспортных христиан. Были случаи, когда по двести человек сразу приходили в местный совет и сдавали свои паспорта. Под Ташкентом за один день целая христианская община сдала сразу сто паспортов. Сдавали паспорта общины в Кемеровской и Новосибирской областях. Сдавали и сжигали свои паспорта христиане в Алтайском крае... Протесты по поводу всеобщей паспортизации вспыхнули в Белоруссии, на Украине, в Воронежской, Тамбовской, Рязанской областях... Христиан, отказавшихся от советских паспортов, стали хватать и раскидывать по тюрьмам и ссылкам.

Но несмотря на эти репрессии, движение беспаспортных христиан росло и укреплялось. Именно в эти годы Катакомбная Церковь сильно пополнилась из числа христиан патриаршей Церкви, отказавшихся от советских паспортов и вернувшихся в лоно Истинной Православной Церкви" (53).

В 70-е годы детальные анкеты, требовавшиеся для получения паспорта, были отменены, но в 1974 г. иметь паспорт стало обязательным для каждого советского гражданина, кроме заключенных и находящихся в лечебницах психических больных. Были введены новые красные паспорта вместо прежних зеленых, от которых они существенно отличались. Так, на их развороте было написано: "Паспорт гражданина Союза Советских Социалистических Республик", и помещался серп и молот, что было неприемлемо для беспаспортных катакомбников, которые предпочитали лучше идти на тюрьмы, ссылки и голод. Те, кто в те годы присоединялся к Катакомбной Церкви, часто вычеркивали в паспорте слово "гражданин", заменяя его словом "христианин", так что у них получался "Паспорт христианина Союза Советских Социалистических Республик" (54).

Хотя беспаспортники и не заходили так далеко, чтобы говорить, что все имеющие советский паспорт суть отступники от веры, они все же считали обладание таким паспортом серьезным грехом. Движение это существует до сего дня. Однако, некоторые его лидеры были вынуждены взять паспорта с целью выехать за границу для рукоположения (55).

Вопрос о паспорте имеет большее богословское и практическое значение, чем это может показаться на первый взгляд. В сущности, он восходит к вопросу о том, считать ли советское государство "кесарем", которому должно отдавать "кесарево" (налоги, гражданская лояльность, служба в армии) или же "коллективным антихристом", послушание которому вовлекает в компромиссы и посему неприемлемо для христианской совести. Хотя большинство членов Истинной Российской Церкви в нынешнем столетии обходили этот вопрос (по вполне понятным причинам — призыв к отказу от паспортов есть по сути призыв к мученичеству, на который лишь очень немногие могут откликнуться), по-прежнему остается спорным, не требует ли послушание анафеме 1918 г. против большевиков отвержения советского государства, советских паспортов, службы в советской армии и т. д. в той степени, в какой лишь беспаспортники осуществили это на протяжении последних десятилетий. Однако, позиция беспаспортников ослабляется, с одной стороны, крайним ригоризмом некоторых из них, доходящим до отказа пользоваться советскими деньгами, поскольку на них изображен серп и молот; а с другой стороны — компромиссом, на который пошли некоторые из их руководителей, взяв паспорта, чтобы путешествовать за границу. Проблема, таким образом, заключается в определении, какого рода и какой степени участие в жизни антихристова царства является реальным подчинением антихристу.

49) О епископе Петре см.: Краткое описание биографии мене недостойного схиепископа Петра Ладыгина... 200–210 См. также: Церковная жизнь. № 7–8 (1985);

Схимонах ЕПИФАНИЙ (ЧЕРНОВ), Катакомбная Церковь на Российской земле (1980; рукопись). О епископе Варнаве см.: V. MOSS, Holy Hieroconfessor Barnabas of Pechersk // Orthodox Life (January–February, 1995).

50) Out from the Catacombs // Orthodox America. Vol. X, № 10 (100) (1990) 6.

51) Епископ СЕРАФИМ (ПОЗДЕЕВ), Неопубликованная рукопись.

52) См.: Монах АМВРОСИЙ (ФОН СИВЕРС), Государство и катакомбы // Религия и права человека (М.: Наука, 1996) 105, 111.

53) Е. А. ПЕТРОВА, Перестройка Вавилонской башни — последний шанс великого антихриста (М.: Самиздат, рукопись, 1991) 5–6.

54) ФОН СИВЕРС, Государство и катакомбы... 104.

55) Например, о. Гурий (Павлов), который взял паспорт в 1991 г., чтобы быть рукоположенным во епископы в Бостоне. О паспортной системе см.: M. MATTHEWS, The Passport Society (Oxford: Westview Press, 1993) Ch. 3.

Русская Зарубежная Церковь

В течение всего этого периода единственной Церковью, способной исповедовать истину открыто и поведать міру о реальном положении дел в России, была Русская Православная Церковь Заграницей (РПЦЗ). И она продолжала делать это смело и убедительно, несмотря на подрывавшие ее расколы в Европе, где так называемый "Парижский экзархат" заразился ересью софиологии и, после некоторых колебаний, окончательно связал свою судьбу с "міровым православием" под омофором новостильного Вселенского патриарха, и в Америке, где большинство паствы вошло после Кливлендского лжесобора 1946 г. в общение с Московской патриархией. Однако, как мы видели, обновленцы сумели ввести неких от рода своего в западноевропейские епархии РПЦЗ во время II Міровой войны; и в 60-х гг. архиепископ Аверкий Сиракузский и Троицкий замечал в письме к первоиерарху РПЦЗ митрополиту Филарету, что "с тех пор, как появились у нас тенденции одной малой группы епископов, составив свою партию, стремиться к захвату всей власти в Церкви, *и начались у нас смуты, которые — увы — и ведут нашу Церковь к развалу, все углубляясь и расширяясь с тех пор и до нашего времени*" (56).

Одной из этих смут была попытка в 1963 г. свергнуть великого чудотворца архиепископа Иоанна Сан-Франциского († 1966) с его кафедры по подозрению в покрытии им неких финансовых беспорядков в Сан-Франциской епархии. Страсти накалились до такой степени, что архиепископу Иоанну пришлось предстать перед гражданским судом. Он был оправдан, но против него свидетельствовали четверо его собратьев-епископов (57)! В том же 1963 г. архиепископ Иоанн в своем докладе Архиерейскому Синоду РПЦЗ сказал: "С болью приходится наблюдать и видеть развал Зарубежной Церкви, выгодный лишь врагам ее. Мы, ее архиереи, не можем допустить сего, как и того, чтобы одна сорганизовавшаяся группа господствовала над остальным епископатом и любыми средствами проводила то, что желательно ей" (58).

Другим проявлением деятельности этой "малой группы епископов" была их попытка ослабить позицию РПЦЗ по отношению к "міровому православию", невзирая на то, что Поместные православные церкви все глубже и глубже погрязали в апостасии. В частности, они пытались доказать, что РПЦЗ никогда не считала введение нового календаря чем-то большим, чем просто "ошибкой", и что она никогда не порывала общения с "міровым православием" по той или иной причине. Теперь РПЦЗ и вправду попыталась продолжить прерванное было общение с поместными православными церквами, включая даже новостильные. Однако, как мы видели, Русская Церковь как внутри, так и за пределами России отвергла предложенные в 1923 г. Мелетием Метаксакисом реформы, включая и переход на новый стиль. Более того, попытка патриарха Григория VII вмешаться в дела Русской Церкви в пользу навостильных раскольников "Живой церкви" встретила решительный отпор и патриарха Тихона, и митрополита Антония Киевского, председателя Архиерейского Синода Русской Церкви

Заграницей. Решительно протестовала РПЦЗ и в 30-е гг., когда русский митрополит Евлогий Парижский, запрещенный в служении Архиерейским Синодом, был принят на правах автономного архиерея под омофор Вселенского патриарха (епархия Евлогия вскоре стала главной колыбелью экуменической ереси).

Отношение РПЦЗ к экуменизму в целом и новому календарю в частности заметно ужесточилось в конце 50-х — начале 60-х гг., когда были установлены первые контакты между РПЦЗ и Греческой Старостильной Церковью — сначала с "флоринитской" ее ветвью, а затем также и с "матфеевской".

Но в это же самое время "малая группа епископов" стала делать попытки использовать прежние прецеденты периодического общения, с тем чтобы оправдать свое стремление сохранить общение с экуменистами. Лидером этой группы был архиепископ Антоний Женевский. Ему особенно противостояли архиепископы Антоний Лос-Анжелосский и Аверкий Сиракузский, которые были противниками каких-либо отношений РПЦЗ с отступническими церквами "мірового православия".

Негласной целью "малой группы епископов" было добиться признания Русской Зарубежной Церковью Московской патриархии, а затем, последовав примеру Американской митрополии, войти с патриархией в некоторое общение. Однако, они еще не чувствовали себя достаточно сильными, чтобы открыто оспаривать суждение архиепископа Джорданвиллского Виталия (Максименко), который писал в 1955 г.: "Патриархия нарушила существенный догмат о Церкви Христовой и отвергла ее существенное назначение — служить возрождению людей, и заменила противоестественным для Церкви служением безбожным целям коммунизма. Это отступление горше всех прежних арианств, несторианств, иконоборчеств и прочих. И это не личный грех того или иного иерарха, но коренной грех Московской патриархии, утвержденный, провозглашенный и связанный присягой пред всем светом, так сказать, *догматизированный апостазис*..." (59)

Тем не менее, РПЦЗ никогда официально не порывала общение с другой церковью "мірового православия" — Сербской патриархией; и многие не хотели и теперь порывать с нею — не из обновленческих побуждений, но из подлинного чувства любви к Церкви, оказавшей такое теплое гостеприимство РПЦЗ в период между двумя войнами. "Малая группа епископов" использовала эти чувства, чтобы доказать, что не только Сербская церковь, но также Московский и Вселенский патриархаты имеют благодать, даже если, по выражению архиепископа Антония Женевского, они не всегда "должным образом пользовались данной им благодатью". Архиепископу Аверкия, в частности, пришлось заметить, что Сербская патриархия 60-х гг. была вовсе не та же, что мученическая Сербская патриархия 30-х и 40-х гг., что теперь она в полном общении с Московской патриархией, под контролем титовских коммунистов и с 1965 г. — полноправный член Всемірного Совета церквей (патриарх Герман даже стал одним из президентов этого церковного Вавилона)...

Эти более-менее скрытые разделения в РПЦЗ выступили снова на поверхность с уходом на покой митрополита Анастасия в 1964 г. Тогда случилось такое противостояние между сторонниками двух кандидатов на освободившееся место митрополита — архиепископов Никона (Рклицкого) и Иоанна (Максимовича), — что для того, чтобы избежать раскола, архиепископ Иоанн снял свою кандидатуру и предложил вместо себя самого молодого архиерея — епископа Филарета Брисбенского. Это предложение было затем принято всеми (60).

Новый митрополит столкнулся с трудной задачей. Ибо, с одной стороны, ему нужно было вести свою Церковь в сторону решительного отвержения апостасии "мірового православия", а с другой — сохранять единство между членами собственного Синода, из которых некоторые были по духу ближе к "міровому православию", чем к истинному...

56) Архиепископ АВЕРКИЙ, Письмо от 14/27 сентября 1966.

57) Описание это процесса см.: Monk DAMASCENE, Not of this World (Forestvill, Ca: Fr.

Seraphim Rose Foundation, 1993) [рус. пер.: Иеромонах ДАМАСКИН (ХРИСТЕНСЕН), Не от мира сего. Жизнь и учение иеромонаха Серафима (Роуза) Платинского (М., 1995) — Ред.] Ch. 3. См. также: A Saint's Final Golgotha // The Orthodox Word. № 175–176 (March–June 1994) 109–141.

58) A Saint's Final Golgotha // The Orthodox Word. № 175–176 (1994) 140. См. также: Схимонах ЕПИФАНИЙ (ЧЕРНОВ), Проникновение обновленчества в Русскую Православную Церковь Заграницей (Рукопись).

59) Архиепископ ВИТАЛИЙ (МАКСИМЕНКО), Мотивы моей жизни (Джорданвилль, 1955) 25.

60) Однако, новостильники присутствовали и в этот критический переходный период. Так, новостильный греческий еп. Дионисий Новозеландский участвовал в наречении митрополита Филарета во епископа Брисбенского, а после смерти митр. Анастасия патриарх Афинагор послал в Синод телеграмму соболезнования, а архиепископ Иаков пропел Трисвятое (соответствует русской литии — Ред.) над его останками.

Москва и Митрополия

Между тем, Московская патриархия, под руководством генерала КГБ митрополита Ленинградского и тайного католического епископа Никодима (Ротова) делала большие шаги на международном экуменическом поприще. Так, в октябре 1969 г. митрополит Никодим преподал причастие католическим студентам Руссикума в Риме. За этим последовало решение русского Священного синода разрешить православному духовенству преподавать таинства старообрядцам и римо-католикам.

Это решение произвело "удивление, печаль и недоумение" в Элладской Церкви и "новое проблематичное положение с экуменической, пастырской и богословской точек зрения", по мнению Вселенской патриархии (61). Но не говорил ли Афинагор, что иерархи и богословы не должны стоять на пути народов к интеркоммуниону? Трудно увидеть в этой реакции греческих новостильников что-либо, кроме ревности к успехам Русской церкви, обогнавшей их в экуменической гонке. И это не привело, во всяком случае, ни к каким решительным действиям.

Более серьезным было постановление Синода Русской Зарубежной Церкви "рассматривать решение Московской патриархии, дающее римокатоликам доступ ко всем таинствам Православной Церкви, как нарушающее священные каноны и противное догматическому учению Православия. Входя в общение с инославными, Московская патриархия отчуждает себя от единения со свв. отцами и учителями Церкви. Этим своим деянием она не освящает еретиков, которым она преподает таинства, но сама становится причастной их ереси" (62).

Архиепископ Аверкий так комментировал это решение: "Теперь, если и были кое у кого сомнения, как нам относиться к современной Московской патриархии, можно ли считать ее православной, вследствие ея тесного союза с богоборцами, гонителями веры и Церкви Христовой, эти сомнения должны окончательно отпасть: вступив в литургическое общение с папистами, Московская патриархия тем самым *отпала от Православия*, и не может более почитаться православной..." (63)

Решение Московской патриархии давать причастие католикам поставило другую русскую юрисдикцию в Северной Америке, Митрополию, в затруднительное положение; ибо в начале шестидесятых Митрополия (церковное сообщество, отколовшееся от Русской Зарубежной Церкви в 1946 г.) была, в лице отцов Иоанна Мейендорфа и Александра Шмемана, среди самых консервативных участников экуменического движения.
Однако, с 1968 г. эта церковь вступила в секретные переговоры с Московской патриархией о даровании ей автокефалии. Согласно их договоренности, Московская патриархия должна была провозгласить Митрополию автокефальной Православной Церковью Америки в обмен на японские приходы последней, долженствовавшие перейти в юрисдикцию МП. Это соглашение, которое не было признано ни одной из

остальных Автокефальных Церквей и служило к пользе, в конечном итоге, лишь Московской патриархии и КГБ, было публично оглашено в декабре 1969 г. — как раз в тот момент, когда Московская патриархия объявила о своем вхождении в частичное общение с католиками. Так бывшая Митрополия обнаружила, что получила автокефалию от церкви, находившейся теперь в общении с католиками. Естественно, это нанесло смертельный удар тем антиэкуменическим мнениям, которые еще оставались в этой церкви. Таким образом, единственными Церквами, еще свободными от ереси экуменизма и способными открыто выступать против нее, остались Русская Зарубежная Церковь и греческие старостильники, включая в 1970 г. одиннадцать из двадцати афонских монастырей.

Однако, прежде чем проститься с драматическими событиями 1960-х гг., обратимся к последнему православному заявлению Митрополии в марте 1969 г.: "Основной целью экуменического движения ...является единство всех христиан в одном благодатном организме. И здесь Православная Церковь твердо исповедует, что такое подлинное единство обретается, прежде всего, в единстве веры, в несомненном приятии всеми Священного Писания и Священного Предания так, как они во всей полноте и целостности сохранены Церковью. Истинная любовь к отделенным от нас братьям (неправильное название еретиков, кои не суть наши братья во Христе) состоит посему не в замалчивании всего, что разделяет нас, но честном свидетельстве об Истине, которая одна может объединить нас всех, а также в общем поиске путей, как сделать Истину очевидной для всех. Только так всегда понимала Православная Церковь свое участие в экуменическом движении... Однако, внутри экуменического движения всегда существовало другое понимание единства. Это другое понимание сегодня, кажется, становится более популярным. Оно, фактически, не придает никакой важности согласию в вере и учении и базируется на релятивизме, т. е. на предположении, что
догматическое и каноническое учение Церкви, будучи "относительным", — не обязательно для всех. Единство рассматривается как уже существующее, и нужно лишь выразить и усилить его на экуменических мероприятиях или богослужениях. Такой подход совершенно несовместим с православным пониманием экуменического движения.

Различия между этими двумя подходами нигде лучше не выражаются, чем в отношении к сослужению и интеркоммуниону между разделенными христианами. Согласно православному учению, молитвы и таинства Церкви, особенно Божественная Евхаристия, суть выражения полного единства — в вере, в жизни, в служении Богу и человеку — как данного Богом. Такого единства с другими христианами мы ищем, но мы еще не достигли его. Посему в православном понимании никакая форма сослужения, т. е. никакое совместное участие в литургической молитве или таинствах с теми, кто не принадлежит к Православной Церкви, не может быть допущена, ибо это будет означать единство, которого в реальности не существует. Это будет означать самообман, обман других и создание впечатления, будто Православная Церковь признает то, чего она в действительности не признает" (64).

61) Цит. по: Eastern Churches Review. Vol. III, № 1 (Spring 1970) 91–92.

62) Определение от 18/31 марта 1970 г. Ср. Указ Архиерейского Собора от 15/28 сентября 1971 г.: "Несогласие решения Московской патриархии относительно преподания причастия римокатоликам с православным догматическим учением и канонами Церкви совершенно очевидно всякому, хоть немного знакомому с богословием. Оно было справедливо осуждено определением Синода Элладской Церкви. Святые каноны позволяют причащение великого грешника, находящегося под запрещением (епитимией), когда он близ смерти (13 прав. I Всел. Соб., 6 Карфаг., 2 и 5 Григория Нисского), но нет ни одного правила, которое распространяло бы это на лиц, чуждых Православной Церкви, покуда они не отвергнут свои лжеучения. Какое бы объяснение митр. Никодим и другие московские иерархи ни пытались дать этому деянию, совершенно ясно, что, хотя и с некоторым ограничениями, общение между Московской патриархией и римокатоликами было установлено. Более того, последние недавно приняли решение позволить членам Православной Церкви причащаться у них. Все это было недавно ясно продемонстрировано на богослужении, состоявшемся 14 декабря 1970 г. в базилике Св. Петра в Риме, когда митр. Никодим преподал

причастие католическим клирикам. Совершенно ясно, что подобное деяние не может быть оправдано никакой необходимостью, этим деянием Московская патриархия предала Православие. Если 45 правило Свв. Апостолов отлучает от Церкви православного епископа или клирика, который "помолился токмо с еретиками", а 10 Апостольское правило запрещает даже молиться с отлученными, то что мы можем сказать о епископе, дерзающем преподавать им Святые Тайны? Если оглашенные должны покидать церковь перед освящением Даров, и им не разрешается даже при смерти принимать причастие, покуда они не соединятся с Церковью, то как можно оправдать причащение тех, которые, будучи членами еретических обществ, гораздо дальше отстоят от Церкви, чем оглашенный, готовящийся соединиться с ней? Деяние Московского Синода, подтвержденное недавним собором Московской патриархии в Москве, возлагает ответственность за это неправославное решение на всех участников Московского собора и на всю их церковную организацию. Решение допустить католиков к причастию есть акт не только неканонический, но также и еретический, как повреждающий православное учение о Церкви, поскольку лишь истинные члены Церкви призваны причащаться Тела и Крови Христовых в Евхаристии. Московский указ, рассуждая логически, признает ее членами тех, кто, из-за своих догматических заблуждений, и сердцем и умом далеко отстоит от нее".

63) Архиепископ АВЕРКИЙ, Современность в свете Слова Божия... Т. 3. 216.

64) Цит. по: Eastern Churches Review. Vol. II, № 4 (Autumn 1969) 425–426.

ГЛАВА VI
ГРЕЦИЯ И БАЛКАНЫ: УДАР С ЗАПАДА

Беззаконнующие завет наведут с прелестию:
людие же ведуще Бога своего премогут.
Дан. 11:32

Геноцид православных сербов

Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев было создано после I Міровой войны. Согласно планам главных міровых сил, это было централизованное государство, управляемое православным сербским королем и парламентом. Католики хорваты противились власти сербов, и на протяжении всего межвоенного периода напряженность в отношениях двух народов не спадала. В 1934 г. король Александр был убит в результате покушения, произведенного на него в Марселе хорватской террористической организацией Усташи. Затем в 1935 г. правительство Югославии подписало соглашение с Ватиканом, которому, впрочем, воспротивилась Сербская Православная Церковь, поскольку им предусматривались для Католической церкви бульшие привилегии, нежели для Православной. 23 июля 1937 г. демонстрация протеста во главе с епископами и священниками была жестоко разогнана полицией, результатом чего явилась смерть в тот же день патриарха Варнавы. Хотя премьер-министр и воздержался от препровождения документа в Сенат для ратификации, и хотя в 1939 г. было достигнуто соглашение об образовании автономной области Хорватия со столицей в Загребе, ситуация продолжала оставаться весьма напряженной ко времени германского вторжения в апреле 1941 г.

Преданное хорватами, сербское сопротивление было вскоре подавлено. Немцы арестовали патриарха Гавриила, но он, хоть ему и пришлось в результате провести всю войну в тюрьмах и концлагерях, отказался сотрудничать с ними. Тем временем болгары оккупировали югославскую Македонию и выслали митрополита Иосифа Скопейского и епископа Викентия Злетово-Струмицкого вместе со многими священниками в Сербию.

Митрополит Иосиф воспринял теперь руководство израненной Церковью, жестоко пострадавшей на всей территории Югославии. Епископ Николай (Велимирович) был заключен в Дахау; епископ Серафим Рашка-Призренский умер в тюрьме в Тирене в 1945 г.; семеро священников и тысячи мірян были убиты венграми в Воеводине; болгары изгнали сербское духовенство из Македонии; а итальянцы оккупировали Косово и Черногорию. Но гораздо худшие зверства претерпели сербы в Хорватии и Боснии от усташей и Католической церкви в новообразованном независимом государстве Хорватия, получившем de facto признание от Ватикана.

28 апреля 1941 г. католический архиепископ Степинац Загребский выпустил воззвание, восхваляющее режим усташей Анте Павлевича и призывающее всех католических священников сотрудничать с ним. Это произошло три дня спустя после того, как правительство выпустило серию указов о запрещении употребления кириллического шрифта, о закрытии православных школ, об обложении патриархии социальным налогом, повелело сербам носить на рукаве цветные повязки с литерой "Р" (сокр. от pravoslavac) и запретило употребление термина "Сербская Православная религия". 22 июня министр образования сказал, что треть сербов из Хорватии будет выслана, треть перебита и треть обращена в католичество.

В июле начались аресты сербов. К осени свыше пятнадцати тысяч сербов прошли лагеря, и к 1943 г. в Сербии было триста тысяч беженцев из Хорватии. Митрополит Досифей Загребский, епископ Савва Карловацкий, епископ Платон Банья-Лукский и митрополит Петр Боснийский были убиты (1).

Иоахим Верц пишет: "Во многих деревнях бойня проходила по следующему сценарию. Усташи приходили и собирали всех сербов. Затем они приказывали им переходить в католичество. Тем, кто отказывался, а таковых бывало большинство, приказывали собраться в их местной приходской церкви. После этого они закрывали их в церкви и поджигали ее. Множество сербских православных мужчин, женщин и детей пострадали таким образом в сербских селениях" (2).

Согласно рапорту архиепископа Степинаца папе, на 8 мая 1944 г. 240 000 сербов отступили в католичество. Многие из них, однако, после войны вернулись в Православие. Сотни церквей были разрушены или осквернены, и огромное количество имущества было изъято у сербских православных. По немецким данным около 750 000 сербов было убито, включая 5 архиереев и 177 других духовных лиц. 200 000 из них погибли только в одном лишь печально известном лагере Ясеновац в условиях страшных зверств, причем 40 000 из них — по приказаниям францисканца отца Филипповича. Епископ Николай (Велимірович) вписал этих мучеников в церковный календарь под 31 августа, как "семьсот тысяч пострадавших за православную веру от рук римских крестоносцев и усташей во время II Міровой войны. Сии суть новые Сербские мученики".

Однако, новейшие исследования дают намного меньшее число убиенных. К примеру, Марк Альмонд пишет: "Вероятно, около 325 000 сербов было убито усташами в НХД (Независимое Государство Хорватия, в которое входила и Босния), включая 60 000 в одном лишь Ясеноваце. Иначе говоря, каждый шестой серб в области Павелича был убит"3 . Также сербский ученый Боголюб Косович пишет, что 487 000 сербов было убито всего за II Міровую войну, тогда как хорватов — 207 000, мусульман — 86 000, и прочих — 234 000; а хорватский исследователь Владимір Зерьявич дает такие цифры: 530 000 сербов, 192 000 хорватов, 103 000 мусульман и 202 000 прочих (4).

Одним из замученных в Ясеноваце был старик по имени Вукашин. Он стоял "в ореоле мира и радости, тихо молясь Христу. Палач был очень разгневан его умиротворенностью и непоколебимым спокойствием и приказал вывести его на место казни.

Св. Вукашину был предложен обычный выбор: "принять папу или умереть самой ужасной смертью". Старец осенил себя честным крестом и мирно произнес нараспев: "Делай свое дело, сынок".

Палач трясся от гнева. Он зверски отхватил одно ухо святого, повторяя свою угрозу. Св. мученик опять миролюбиво сказал: "Продолжай свое дело, сынок". И безрассудный мучитель продолжал: сначала другое ухо, затем нос и пальцы один за другим. Подобно новому Иакову Персянину, св. Вукашин был "обрезан, яко священная лоза Божия". При каждом страшном и кровавом отсечении благородный Вукашин, исполненный мира и радости Духом Святым, кротко повторял: "Продолжай делать свое дело, сынок".

Наконец, мучитель выколол глаза мученику, и святой еще раз сказал: "Продолжай свою работу, сынок". Тогда палач пришел в исступление и зарубил святого мученика. Почти сразу же после этого палач лишился рассудка и совершенно обезумел" (5).

В феврале 1942 г. д-р Привислав Грисогно, католик, член бывшего югославского кабинета, написал протест архиепископу Степинацу: "Наша Католическая церковь двояко участвовала в этих, худших, чем у язычников, преступлениях; но что еще ужаснее, католические священники становились командирами лагерей и отдавали приказы или же не препятствовали совершать дикие пытки, убийства и зверства в отношении крещеных людей. Один католический священник перерезал горло православному сербскому священнику... Епископы дают свое согласие, по крайней мере, своим невмешательством... Один епископ открыто поносил судьбу невинных сербских христиан, пострадавших больше, чем евреи в Германии. Я пишу это, чтобы спасти свою душу и предоставляю вам искать способ спасти вашу" (6).

Хотя некоторые и утверждают, будто Степинац пытался прекратить убийства, все же не остается сомнений в его фанатичной ненависти к Православию. Так под 27 и 28 марта 1941 г. он записал в своем дневнике: "Дух Византии — т. е. Восточной Православной Церкви — это что-то такое ужасное, что лишь Всемогущий и Всеведущий Бог может терпеть это... Схизма Восточной Православной Церкви — величайшее проклятие Европы, почти что хуже протестантизма". В 1946 г. коммунистическое правительство судило его и, найдя его виновным в государственной измене и убийствах сербов, приговорило к пяти годам тюрьмы. Когда он вышел из заключения, Ватикан пожаловал ему кардинальскую шапку, и ныне он — кандидат на канонизацию!..

"Всего было установлено, что до двухсот пятидесяти тысяч человек (всех национальностей Югославии) было убито во время титовских массовых расстрелов, маршей смерти и концлагерей в период 1945–46 гг." (7) Среди них был вождь монархистов-четников, сопротивлявшихся коммунистам-партизанам, Дража Михайлович, который был казнен коммунистами 4/17 июля 1946 г. и почитается как новомученик Свободной Сербской Церковью в Америке (в настоящее время возвратившейся в патриархию) (8). Однако, после нескольких лет сопротивления большая часть церковного руководства позволила вовлечь себя в коммунистическую орбиту; сербские иерархи присутствовали на московских лжесоборах 1945 и 1948 гг., и так называемые союзы священников, контролируемые коммунистами, были внедрены в Сербскую Церковь, как и в Церковь соседней Болгарии.

Свободные сербы пишут: "Доклад от 18 октября 1961 г., подготовленный Подкомитетом по исследованию исполнения Закона о внутренней безопасности и других законных постановлений о внутренней безопасности Комитета по правосудию Сената Соединенный Штатов, обрисовывает, как иерархия матери-Церкви попала под контроль атеистического правительства коммунистической Югославии:

"...После освобождения Югославии коммунисты начали преследование всех религий. Сразу же после войны православный митрополит Черногорский Иоанникий (Липовац) и семьдесят его священников были убиты. Значительное число православных священников было брошено в тюрьмы, и в 1947 г. уроженец Америки епископ Варнава (Настич) был приговорен к одиннадцати годам тюрьмы (где он умер при загадочных обстоятельствах). Патриарх Гавриил умер в 1950 г. После его смерти Священный синод Сербской Церкви хотел избрать новым патриархом сильную личность, митрополита Скопейского Иосифа (Цвийовича). Чтобы не допустить этого, правительство приказало арестовать его. Тем режим ясно намекнул, что новый патриарх должен быть из числа "сотрудничающих", и принудил избрать мягкотелого епископа Викентия (Проданова), ставшего послушным орудием коммунистической пропаганды" (9).

Болгарскую Церковь постигла в это время подобная же участь; и в Болгарии, как и в России и в Сербии, падению Церкви предшествовало падение ее опоры — православной монархии. Во время войны Царь Борис III, возможно, последний истинно-православный монарх, пытался сохранить нейтралитет своей страны между Гитлером и Сталиным и отказался выдать болгарских евреев в гитлеровские лагеря смерти, за что был убит в 1943 г. Затем его брат, князь Кирилл, стал регентом и продолжал ту же политику; но после того как советские части вошли в Болгарию, он был арестован и расстрелян в "Кровавый четверг", 3 февраля 1945 г. (10)

Иван Марчевский пишет: "После прихода к власти коммунисты начали уничтожение духовенства: была убита треть из двух тысяч духовных лиц. Потом стали действовать иначе: назначенные "сверху" владыки рукополагали послушных священников..." (11)

1) См.: S. ALEXANDER, Church and State in Yugoslavia since 1945 (Cambridge University Press, 1979) Ch. 1, 3.

2) I. WERTZ, On the Serbian Orthodox Martyrs of the Second World War // Orthodox Life. Vol. 33, № 1 (1983) 15–26.

3) M. ALMOND, Europe's Backyard War (London: Mandarin, 1994) 137. См. также: A. DJILAS, The Yugoslav Tragedy // Prospect (October 1995) 39.

4) См.: B. KOSOVIĆ, Žrtve drugog svetskog rata u Jogoslavije (London: Libra Books, 1985) 102, 174, 182; V. ZERJAVIĆ, Gubici stanovnistva Jogoslavije u drugom svjetskom ratu (Zagreb: Jugoslavensko Viktimološko Drustvo, 1989) 61, 82.

5) Holy New Martyr Vukashin // Orthodox Canada. № 114 (1986) 3.

6) Цит. по: Stepinac's Hat is Blood-Red // The Christian Century (January 14, 1953) 42–43. См. также: R. WEST, The War in Bosnia // Orthodox Christian Witness (September 11/24, 1995).

7) N. MALCOLM, Bosnia. A Short History (London: Papermac, 1996) 193.

8) Некоторые сомнения в том, был ли Михайлович истинным мучеником, вызывают обвинения его в практике "этнической чистки" против мусульман во время II Мировой войны. См.: N. CIGAR, Genocide in Bosnia (Texas: AM University Press, 1995) 18–19. Однако, N. MALCOLM утверждает (Bosnia. A Short History... 179), что очевидных свидетельств этого нет. См. также: К. ГЛАЗКОВ, К 50-летию расправы над Драголюбом-Дражей Михайловичем // Православная Русь. № 17 (1566) (1996) 5.

9) THE DIOCESAN COUNCIL OF THE FREE SERBIAN ORTHODOX DIOCESE OF THE USA AND CANADA. A Time to Choose (Third Lake–Illinois: Monastery of the Most Holy Mother of God, 1981) 10. О плачевном положении Сербской Церкви при коммунистах см.: Архимандрит ИУСТИН (ПОПОВИЧ), Истина о Сербской Православной Церкви в коммунистической Югославии // Вестник Германской Епархии Русской Православной Церкви Заграницей. № 2–3 (1992).

10) См.: Протопресвитер С. ЦАНКОВ, Покойный Царь Борис, как религиозно-нравственная личность // Православная Русь. № 18 (1495) (1993). См. также: D. HORBURY, Prince Kyril — Time to Restore History's Victim // Royalty. Vol. 14, № 5 (1996) 64–71.

11) Цит. по: Православная Русь. № 1 (1454) (1992) 15.

У румын появляется иерархия

В Румынии тем временем, как пишет митрополит Киприан, "с началом II Міровой войны в 1939 г., отец Гликерий был освобожден и вдвоем со своим любимым сподвижником, диаконом Давидом Бидаску, бежал в леса... Божественный промысел покрывал их от гонителей... С окончанием войны была возобновлена работа по строительству храмов, поскольку все построенные ранее были разрушены. В краткий срок между концом войны и 1950 г. почти все взорванные церкви, также как и развалины монастыря Добру, были восстановлены. Между 1947 и 1948 годами был сооружен большой монастырь Слатиоара (мужской) вместе с женскими монастырями Брадатель Нямец и Брадатель Сочава" (12).

"В 1947 г., — пишет митрополит Власий, — некоторые из нашей деревни пошли к архимандриту Гликерию и сказали: наступило что-то вроде свободы. Дело было в том, что коммунисты на первых порах пытались привлечь людей на свою сторону. Они сказали им, что они могут выйти из леса и строить монастырь. И в 1947 г. они построили монастырь Слатиоара — духовный центр нашей Церкви.

Трудно сказать, стало ли наше положение при коммунистах хуже или нет. Но по существу все оставалось так же — гонения продолжались. Коммунисты разрушили только восемь наших церквей — не все. Они были сравнительно умеренными.

Перед войной Церковь была почти полностью уничтожена. Прежде прихода коммунистов в 1944 г. нас обвиняли в большевизме, потому что у нас был тот же календарь, что и у "русских". При коммунистах, после 1944 г., они называли нас последователями Антонеску, Железной гвардией, фашистами, врагами народа. На деле мы не участвовали ни в каких политических движениях или партиях. Мы не входили в соглашение ни с гражданскими властями, ни с монархией, ни с Железной гвардией, ни с коммунистами, ни с масонами...

1947–52 гг. были периодом относительной свободы. Коммунисты даже заставили оффициальную церковь вернуть нам иконы, иконостасы, колокола и церковные принадлежности, которые они у нас отняли. Но в 1952 г., в два часа ночи с 1 на 2 февраля, два грузовика, заполненные полицией безопасности, приехали в монастырь и арестовали почти всех молодых монахов вместе с игуменом, пощадив только самых старых. Они были приговорены к двум годам заключения. Четверо из них умерли в лагере.

Следующая важная дата в истории нашей Церкви — 5 апреля 1955 г., когда епископ Галактион, который к тому времени был уже митрополитом, вернулся в нашу Церковь. Он был запрещен в служении патриархом и лишен всех своих титулов. Но он положил начало иерархии нашей Церкви, потому что до того в нашей Церкви не было епископов" (13).

Не только в исконно православных странах, таких как Сербия и Румыния, лилась кровь православных мучеников, но и на миссионерских территориях, как например Чехословакия. Одним из них был епископ Горазд Мораво-Силезский, перешедший в Православие из католичества и со времени своего посвящения в 1921 г. ведший благородную борьбу за возвращение на земли Чехии веры святых Кирилла и Мефодия. С началом II Міровой войны, после того как он оказался отрезанным от Сербского патриархата, которому он канонически подчинялся, он обратился к митрополиту Берлинскому Серафиму (Ляде) Русской Зарубежной Церкви, прося того принять его епархию под свое покровительство. Митрополит Серафим дал ему св. миро и антиминсы и помог укрепить его позиции в Богемии и Моравии. В 1942 г. диверсанты убили в Праге фашистского гаулейтера Гейдриха. Им было предоставлено убежище в крипте православного собора Кирилла и Мефодия в Праге. Когда епископ Горазд услышал об этом несколькими днями позже, он был очень обеспокоен, понимая, что если немцы раскроют этот тайник, то вся Чешская Православная Церковь подвергнется репрессиям. Перед своим отъездом в Берлин, куда его пригласил митрополит Серафим для участия в рукоположении епископа, он просил, чтобы диверсанты были как можно скорее переправлены в другое убежище. Вскоре фашисты раскрыли тайник, и семеро диверсантов были убиты. Двое соборных священников и другие православные были арестованы (священников впоследствии расстреляли). Епископ Горазд не пытался спасти свою жизнь, а взял всю ответственность на себя. Он написал властям: "Я предаю себя в распоряжение подлежащих властей и готов понести любое наказание, вплоть до смертной казни". 27 июля он был арестован, а 4 сентября после применения пыток расстрелян (14). Православные церкви в Моравии и Богемии были закрыты, а священники сосланы в германские лагеря.

12) Mitropolitan KIPRIAN, The True Orthodox Christians of Romania // The Orthodox Word. Vol. 18, № 1 (102) (1982) 8.

13) Православная Русь. № 2 (1479) (1993) 8–9.

14) См.: Монах ГОРАЗД, Священномученик Горазд // Православная Русь. № 12 (1465) (1992).

Греческая Церковь и коммунисты

1940-е годы были временем великих потрясений и физических лишений для греческого народа. Вторжение итальянцев было отражено лишь для того, чтобы

уступить место немецкой оккупации. Затем началась гражданская война между роялистами и коммунистами, на протяжение которой как государственная, так и Истинно-Православная Церковь сильно пострадали от рук ЕЛАМ, ЕЛАС и других коммунистических террористических организаций. Это было время, когда два главных направления борьбы Православной Церкви в нынешнем столетии — против коммунизма в России и Восточной Европе и против новостильного экуменизма в Греции, Румынии и на Западе — стали сходиться воедино. Так, греки испытали на своем опыте ужасы коммунизма, тогда как новостильных и болгарских иерархов пригласили (в феврале 1945 г.) в Москву для придания видимости законности "избранию" сталинской марионетки — "патриарха" Алексия Московского. А через несколько лет щупальца экуменизма стали ощущаться и в коммунистическом міре.

Среди священномучеников этого периода был иеромонах Иосиф Антониу, чье жизнеописание как истинно-православного священника дает хорошее представление о страданиях православных этого времени (15).

Отец Иосиф перешел в Истинно-Православную Церковь из государственной церкви в 1933 г. и был назначен на приход в Каристосе на острове Евбея. У него тут же начался конфликт со зверонравным митрополитом Каристийским и Скирским Пантелеимоном, который уже до этого выказывал свою антипатию к истинно-православным, отправив в тюрьму в Халки восьмидесятилетнего о. Георгия Антониу, где тот и скончался. Успешная миссионерская деятельность о. Иосифа вместе с его благотворительностью и даром исцелений лишь разожгла ярость новостильного иерарха, которому удалось опечатать храм, в котором служил о. Иосиф. Однажды о. Иосиф, как новый Иоанн Креститель, публично обличил митрополита в совершении неканонического брака и в неимении сострадания к чете, которая в результате может пострадать (два года спустя они сгорели заживо в автомобильной катастрофе). В конце концов, о. Иосифу пришлось бежать, чтобы избежать ареста, и он был назначен на другой приход в Домбрану, неподалеку от Фив.
4 августа 1936 г. на смену демократическому режиму пришла королевская диктатура с Иоанном Метаксой в качестве премьер-министра. Метакса был довольно либерален в отношении истинно-православных, но в 1938 г. министр общественного порядка, подстрекаемый архиепископом Хризостомом Пападопулосом, отдал приказ арестовывать истинно-православных священников и опечатывать их храмы. Хотя этот приказ был вскоре отменен, митрополит Пантелеимон воспользовался ми, чтобы убедить фивские власти арестовать о. Иосифа и опечатать его церкви. Отец Иосиф был брошен в тюрьму в Халки, низложен и насильно побрит. После его освобождения митрополит Герман послал его в Ксилокастрон близ Коринфа. Устроившись в Ксилокастроне, он перевез туда своих родителей и продолжал свою миссионерскую деятельность.

Во время германской оккупации в этой области появились партизаны-коммунисты и заняли несколько деревень. Отец Иосиф бесстрашно обличал их лжеучение и их ужасные зверства по отношению к людям. Два или три раза они предупреждали о. Иосифа, чтобы он прекратил выступать против них. Но он отвечал: "Вы ведете антихристианскую коммунистическую борьбу, а я веду противоположную борьбу — борьбу христианскую". Вскоре коммунисты решили казнить "неудобного" священника.

Вскоре после Пасхи 1944 г. неизвестный пожилой человек зашел в церковь, в которой совершал богослужение отец Иосиф, и сказал потом, что в продолжении всей службы видел кровь, текущую из-под его рясы. С этого времени о. Иосиф стал готовиться к мученичеству. Нападения на священников становились в то время все более частыми. Всего за три месяца до того, как отца Иосифа убили, он пригласил епископа Германа Кикладского крестить ребенка своего духовного сына Иоанна Моциса. Местный коммунистический начальник велел епископу немедленно убираться.

20 июня о. Иосиф служил литургию в деревне Лалиоти. Затем коммунисты зашли в дом, где он остановился, арестовали его, отправили в тюрьму и мучили. 22 июля три партизана взяли его из тюрьмы вместе с еще одним молодым человеком. Видя молодость палачей, о. Иосиф печально покачал головой и стал уговаривать их не совершать преступления. Коммунисты заставили свои жертвы копать собственные могилы, убили юношу, а затем обратились к о. Иосифу.

Ему позволили спеть по себе панихиду. Затем один из них воткнул нож ему в спину, но лезвие сломалось. Пока ходили за другим ножом, палачи курили и наблюдали за агонией о. Иосифа. Он сказал: "Я буду последней жертвой этого ножа, но один из убивающих меня будет первым, кто умрет от этого ножа". После убийства мученика, на обратном пути убийцы поссорились, и один из тех, кто убивал о. Иосифа, был убит своими товарищами, а другой был позднее казнен немцами.

В сентябре 1945 года отец и брат отца Иосифа при помощи его ослика нашли и раскопали его тело. Оно благоухало. По вечерам над могилой мученика можно было часто видеть небесный свет.

15) Нижеследующее повествование взято из: Metropolite CALLIOPIUS de Pentapolis, Saint Joseph de Desphina (Lavardac: Monastиre Orthodoxe St. Michel, 1988).

Дальнейшие разделения в Греческой Церкви

Хотя гонения со стороны новостильников в этот период ослабли, и число истинно-православных увеличилось, внутренние разделения в их среде продолжались и умножались. Митрополит Хризостом продолжал утверждать, что новостильники — скорее потенциальные, чем действительные раскольники. Более того, в своей статье для газеты "Елевферия" от 14 ноября 1945 г. он заявил, что не будет впредь посвящать епископов, потому что старостильники представляют из себя не Церковь, а лишь "гвардию" противников отступлений государственной Церкви (16). (Почти в то же время он издал два окружных послания, от 11 марта и 12 июля 1946 г., в которых запрещал совершение любых богослужений с новостильниками или для новостильников).

Как назло, еще и митрополит Герман в 1943 г. подал прошение о переходе к новостильникам, и хотя его просьба осталась неудовлетворенной, митрополит Хризостом был вынужден прервать с ним общение. Митр. Герман умер в 1944 г. и был похоронен новостильниками. Вдобавок еще и епископы Герман и Матфей разделились между собой в 1943 г. (17) В 1945 г., однако, епископы Христофор Мегарский и Поликарп Диавлейский снова отложились от государственной церкви и были приняты митрополитом Хризостомом. Так что к концу войны истинно-православные оказались разделены на три группы: митрополит Хризостом с епископом Христофором и епископом Поликарпом, епископ Герман Кикладский и епископ Матфей Вресфенский.

26 августа 1948 г. собрание Церкви епископа Матфея приняло решение, выглядевшее неканоничным и послужившее к углублению разделения в Истинно-Православной Церкви. Решение гласило: "Преосвященнейшему епископу Матфею Вресфенскому следует приступить к посвящению новых епископов, поскольку остальные лжеепископы истинно-православных христиан не понимают и не исповедуют Православие, не объединяются с нами и даже не соглашаются совершать рукоположения. Мы даруем ему власть приступить как к избранию кандидатов, так и к их немедленному посвящению, в согласии с божественными и священными канонами и суждениями наших специалистов по каноническому праву, и в согласии с практикой всей Церкви Христовой, которая допускала в случаях необходимости (каков и настоящий случай) такое исключение, как мы только что слышали от нашего протосинкела протопресвитера Евгения Томброса, который объяснил нам действительность посвящения одного епископа одним епископом согласно закону нашей Православной Церкви" (18).

Митрополит Каллиопий пишет: "Решение о "рукоположениях", совершаемых одним епископом, было принято в начале ноября 1944 г. Евгений Томброс (женатый священник, секретарь матфеевской Церкви) и мать Мириам (игумения монастыря в Кератеях) сумели убедить старика Вресфенского (еп. Матфея) приступить к единоличным хиротониям. Они сперва предложили иеромонаха Василия Валцакиса. Этот план провалился, благодаря усилиям отцов Преображенского монастыря, особенно отцов Григория, Климента, Ксенофонта и Евгения. Иеромонах Антоний (Танас), игумен монастыря († 1997 г., в сане митрополита Аттического), получил от

епископа Матфея заявление, что "он предпочел бы скорее, чтобы его руки были отсечены, нежели приступить к рукоположениям". Четырьмя годами позже, когда означенные отцы покинули монастырь, Евгений Томброс и мать Мириам добились своего, и епископ Матфей совершил единолично посвящение четырех архиереев..." (19)

Рукоположение архиерея одним архиереем противоречит первому Правилу св. Апостолов, которое требует минимум двух или трех участников рукоположения, а также другим священным канонам. Исключения на практике из этого правила допускались лишь очень редко. В данном случае можно было бы доказать возможность допустить такое исключение лишь при условии, что: а) епископ Матфей пытался, но безуспешно, заполучить для рукоположения второго епископа из-за границы и б) был единственным православным архиереем в Греции в то время.

В отношении первого из этих условий архиепископ Андрей (один из священников, посвященных епископом Матфеем во епископы) пишет, что три архимандрита и о. Евгений Томброс просили Матфея приступить к рукоположениям еще 28 ноября 1945 г. (сразу же после заявления митрополита Хризостома в "Елевферии"), и что просьбы о помощи в рукоположении были посланы разным архиереям (предположительно, заграничным), но безуспешно (20).

Но был ли епископ Матфей действительно единственным истинно-православным епископом в Греции в то время? Утверждать это было бы возможно, только если согласиться с тем, что все остальные старостильные архиереи отпали от Святого Православия, что было бы весьма сложно доказать в отношении епископа Германа.

Что же касается митрополита Хризостома, то хотя он и явно заблуждался, ослабив полную силу Исповедания 1935 г., это не сделало его автоматически отступником от Православия, когда над ним даже не было соборного суда. Преп. Никодим Святогорец дает такое объяснение в своем толковании на 30-е Апостольское правило: "Канонами постановлено, чтобы собор живых епископов извергал священников и отлучал или анафематствовал мірян, когда они нарушают каноны. Однако, если собор не приводит в действие извержение священников и отлучение или анафематствование мірян, эти священники и міряне не суть изверженные, ни отлученные, ни анафематствованные в действительности. Однако, они подлежат извержению и отлучению здесь и гневу Божию там" (21).

Многие считают, что протосинкел матфеевского Синода о. Евгений Томброс вместе с игуменией Мириам Кератейской вовлекли епископа Матфея в совершение злополучных хиротоний, пользуясь его простотой. Но как бы то ни было, известно, что у о. Евгения была ошибочная экклесиология, согласно которой всякий разрыв общения между группами архиереев неизбежно приводил к утрате благодати таинств одной из этих групп. Очевидно, он не знал о многих случаях в истории Церкви, когда бывали разделения, которые не означали раскола в полном смысле слова (22). В сентябре 1948 г. епископ Матфей рукоположил следующих епископов: Спиридона Тримифунтского (на Кипр), затем Димитрия Солунского, Каллиста Коринфского и Андрея Патрского (нынешнего матфеевского архиепископа). Сам владыка Матфей умер 14/27 мая 1950 г. По свидетельствам матфеевцев, его мощи благоухают и точат чудеса. Флориниты же это отрицают — по мнению автора, без достаточных оснований.

Между тем, в пастырском послании, датированном 23 октября 1948 г., митрополит Хризостом недвусмысленно вернулся к своему исповеданию 1935 г., заявив: новостильники "отделили себя от Единого Тела Православия... Мы полагаем и веруем, что оффициальная Элладская церковь есть раскольническая, и что богослужения, совершаемые ее клириками, лишены Божественной благодати" (23). Это побудило епископа Германа, который в 1948 г. был посажен в тюрьму за рукоположения священников, пересмотреть свою позицию, и в 1950 г. он вернулся в общение с митрополитом Хризостомом.

Затем, 26 мая 1950 г., два архиерея выпустили следующее окружное послание: "В лето Спасителя нашего 1935-е мы провозгласили Церковь новшествующих

новостильников раскольнической. Мы повторяем это заявление и, следовательно, применяем к ним 1 е Правило свт. Василия Великого о том, что таинства, совершаемые новостильниками лишены освящающей благодати, поскольку те являются раскольниками.

Посему никого из новостильников не должно принимать в лоно нашей Святейшей Церкви или совершать для него службы без предварительного покаяния, при котором он должен осудить новшество новостильников и объявить их церковь раскольнической. Что же касается тех, кто был крещен новшествующими, то их следует помазывать святым миром православного происхождения, которое мы имеем в изобилии.

Мы пользуемся также случаем обратить наш последний призыв ко всем истинно-православным христианам, отечески призывая их к единству с нами, которое содействовало бы нашей священной борьбе за отеческое благочестие и исполнило бы наше горячее желание.

Призывая вас, мы устраняем все соблазны, поданные нами по нашей ошибке, и для сего берем назад все сказанное или написанное нами, начиная с 1937 г., будь то заявления, уточнения, статьи или послания, противоречившие принципам Восточной Православной Церкви Христовой и ведомой нами священной борьбы за Православие, как заявлено в окружном послании, изданном Священным Синодом в 1935 г., — без всяких прибавлений или убавлений, включая научные определения "потенциально" и "буквально" (24).

Это смиренное и вполне православное заявление привлекло многих матфеевских клириков и монахов на сторону митрополита Хризостома. Но самые упрямые из матфеевцев остались им не удовлетворены. Им не нравилось, что Хризостом, хотя и возвращался к исповеданию 1935 г. и признавал свою вину в последующие годы, вместе с тем не сознавался, что он был раскольником, и не обращался к матфеевцам, чтобы быть вновь принятым в Церковь, а скорее их звал к воссоединению с собою. Во всяком случае, они не хотели подчиняться иерарху, который отказывался действовать как глава автокефальной Церкви и рукополагать епископов, ставя тем самым под угрозу выживание Церкви.

Однако, их требование, чтобы Хризостом исповедал себя раскольником, было совершенно безосновательным. Он не возвращался к новостильникам и не был судим или извержен никаким каноничным Синодом. И он продолжал пользоваться поддержкой большинства епископов и духовенства, восьмисот пятидесяти приходов и более миллиона человек народа (25).

Крайняя позиция матфеевцев логически приводит их к абсурду. Предположим, что Хризостом действительно автоматически отпал от Церкви в 1937 г. за то, что назвал раскольников православными. Из этого следовало бы, что все епископы в истории Православной Церкви, погрешившие подобным образом, тоже автоматически отпали. Стало быть, митрополит Дорофей и Синод Вселенской патриархии также автоматически отпали в 1920 г. из-за братания с западными еретиками. Более того, все те, кто остался в общении с Дорофеем, также автоматически отпали. Но в их числе были Восточные патриархи, патриархи России и Сербии и вообще вся Православная Церковь в целом! Тогда нужно заключить, согласно строгим матфеевским доводам, что Церковь Христова прекратила существовать в 1920 г.! Конечно же, матфеевцы не делают таких логических выводов из своих положений. Посему их аргументацию следует признать непоследовательной.

16) Mitropolites Nikolaos Peiraios, ‘Apanteseis eis ton Theologonch. N. Chapisen (‘Athenai, 1974) 6–7.

17) Их взаимные обвинения см.: Metropolite CALLIOPIUS de Pentapolis, Nobles et Saints Combats des Vrais Chrйtiens Orthodoxes de Grиce. Vol. 1. 150, note 8.

18) Цит. по: ‘Epischopos Andreas Matthaios, ‘Archiepischopos… 82.

19) Metropolite CALLIOPIUS, Nobles et Saints Combats... 151, note 11.

20) Metropolite CALLIOPIUS, Nobles et Saints Combats... 67–68.

21) Цит. по: Ieromonachos Theodophtos Maypos, To emerologiachon Echisma (Athenai) 3.

22) Такого рода разделения случались между свт. Мелетием Антиохийским и Павлином, преп. Феодором Студитом и свт. Никифором, преп. Арсением Паросским и Вселенской патриархией. Отец Евгений считал, что сам факт разделения между Матфеем и другими означал, что одна из сторон — в данном случае противная — должна была утратить благодать. См.: Maypos, To emerologiachon Echisma... 8–9; G. LARDAS, The Old Calendar Movement in the Greek Church... 24.

23) Цит. по: Metropolite CALLIOPIUS, Nobles et Saints Combats... 144.

24) Ieromonachos Amfilochios, "Gnosesthe ten 'Aletheian"... 21.

25) Эти цифры были подтверждены новостильным епископом Каллистом (Ware) Диоклийским в письме автору от 5 февраля 1991 г.

Гонения в Греции и на Кипре

Во всяком случае, новостильники не делали вовсе различий между "флоринитами" и "матфеевцами" в своем стремлении искоренить Истинно-Православную Церковь. И именно это общность в терпении гонений ради церковного предания и есть наиболее сильный аргумент после канонических в пользу того, что обе группы причащались истинных Тела и Крови Христовых. Как иеромонах Иероним Эгинский, будучи спрошен, к какой группе он принадлежит, ответил: "Я со всеми группами!" (26) — так и мы осмеливаемся предполагать, что Христос Господь был с обеими группами истинно-православных.

Вот что пишет относительно 1949 года иеромонах (ныне епископ) Амвросий: "Государственная церковь возвела в степень своего предстоятеля архиепископа Спиридона, показавшего себя жесточайшим гонителем старостильников. Непосредственно после своего избрания он потребовал от своих епископов представить детальные сведения о старостильном духовенстве, приходах и монастырях в их епархиях. Богословским школам было запрещено принимать студентов-старостильников (этот приказ до сих пор еще в силе, хотя еретиков различных вероисповеданий принимать не воспрещается). Наконец, 3 января 1951 г., по требованию Священного синода государственной церкви, Совет министров выпустил следующий декрет: "...определено, чтобы: 1) старостильное духовенство, не имеющее канонического рукоположения от канонических епископов нашей Православной Церкви и носящее духовное платье, должно быть лишаемо оного; 2) монахов и монахинь, следующих старому стилю, арестовывать и заключать в монастыри, а тех, кто носит монашеское платье неканонично, — лишать оного и преследовать в судебном порядке; 3) храмы, нелегально захваченные старостильниками, должны быть возвращены оффициальной Церкви, также как монастыри, которыми они владеют незаконно и не на постоянной основе; 4) исполнение вышеупомянутого поручено Министерствам общественного порядка, юстиции, религии и образования".

Этот план был немедленно приведен в действие. В течение короткого времени подвал архиепископии в Афинах заполнился рясами истинно-православного духовенства, представителей которого приводили туда, брили, стригли, зачастую били и вышвыривали на улицу в цивильном платье. Многие священники подвергались этой процедуре неоднократно, тогда как других арестовывали и ссылали. Так было по всей Греции. Один престарелый священник, о. Платон, был до смерти избит полицией в Патрах и затем наспех погребен в поле, чтобы скрыть преступление. Все церкви в Афинах были опечатаны и сосуды из них изъяты, а несколько церквей в других частях Греции — даже осквернены... Скоро ни один истинно-православный священник не мог

ходить открыто, и даже монахи и монахини не были защищены от этих нечестивых нападок... К сожалению, здесь не хватит места, чтобы описать всю героическую борьбу старостильников в это время, многотысячные демонстрации на афинских площадях, катакомбные богослужения и т. д., яже суть слава нашей Церкви.

...Митрополит Хризостом в возрасте восьмидесяти одного года был арестован в 1951 г. и, после повторных попыток заставить его переменить свои взгляды, был сослан в монастырь св. Иоанна на Лесбосе, расположенный на удаленном восьмисотметровом утесе, где ему пришлось пробыть больше года. Монахи относились к нему сочувственно, но условия были слишком тяжелыми для дряхлого, престарелого человека. Митрополит, однако, постоянно выражал свою радость о том, что сподобился пострадать за веру, и свое удовлетворение твердым стоянием верных пред лицом гонения. Это трудное для него время оставило нам ясное доказательство его святости: полицейский офицер, приставленный стеречь его, заглянул однажды вечером в келью архиерея и, к своему изумлению, увидел его стоящим на молитве, окруженным ослепительным небесным светом. Страж упал к его ногам, умоляя о прощении, и впоследствии стал одним из наиболее преданных его духовных чад.

На Страстной Седмице 1952 г. можно было видеть страшные сцены нечестия, совершаемого в отношении ИПЦ, но вскоре всем стало очевидно, что гонения вызывали лишь общественные волнения и беспорядки и не приносили никаких результатов в деле "воссоединения" верующих с государственной церковью, а скорее наоборот. В конце концов, в июне 1952 г., благодаря вмешательству нового премьер-министра Пластираса, митрополит Хризостом и другие архиереи были освобождены. Постепенно гонение стало ослабевать, в значительной степени благодаря постоянным протестам патриарха Христофора Александрийского, поддерживавшего старостильников с самого начала их движения, и наконец, было дозволено функционирование двух храмов в Афинах (чтобы читателю было понятно, насколько это соответствовало действительным потребностям, скажем, что теперь их — тридцать восемь!). Однако, вплоть до 1954 г. нельзя было сказать, что применение насильственных мер подошло к концу и стало возможным безбоязненно открывать ранее закрытые храмы" (27).

Следует теперь сказать несколько слов и о священной борьбе истинно-православных христиан острова Кипра. В 1924 г. подавляющее большинство православных на Кипре приняли новый стиль. Однако, главному новатору, архиепископу Кириллу, на смертном одре было видение ангелов, убедившее его в том, что он допустил роковую ошибку (28)...
Центром сопротивления новшеству был древний монастырь Ставровуни, где иеромонах Киприан с несколькими своими учениками продолжал следовать православному календарю даже после того, как игумен принял нововведение. В 1944 г. начальство Ставровуни изгнало эту маленькую группу истинно-православных, которые рассеялись по острову и основали несколько пустынек, впоследствии ставших монастырями. В 1946 г. епископ Матфей послал на Кипр пятерых монахов, а немного позднее — протосинкела своей Церкви о. Евгения Томброса. В 1948 г., как мы уже видели, он посвятил епископа Спиридона, грека, для истинно-православных Кипра (29).

Монастырь Галактотрофуса (Млекопитательницы) около Ларнаки был первым монастырем истинно-православных и был построен по прямому указанию Матери Божией. Монах Павел Кипрский так рассказывает эту историю: "Когда монастырь строился — по-нищенски, как и все монастыри истинно-православных христиан, из саманного кирпича и соломы, — один из монахов-строителей, благочестивый и очень простой человек, но "перекати-поле", подумывал было идти еще куда-нибудь дальше. Когда он отдыхал в полдень под деревом, ему явилась, как он рассказывал, Панагия (Богородица) во славе и сказала: "Не ходи". Он сказал Ей: "Что Ты стоишь на солнце? Иди в тень". А Она снова сказала ему: "Оставайся и строй для Меня церковь и кельи, и Я принесу сюда Мои сокровища и буду жить здесь, поскольку они изгнали Меня отовсюду своим новым стилем". После этого Она исчезла из виду" (30).

Гонения в Греции коснулись и Кипра. Епископ Спиридон после всего лишь девяти месяцев, проведенных на острове, был арестован и выслан в Грецию англичанами по

наущению новостильников. Находясь в тюрьме, еп. Спиридон сказал игумену Галактотрофусского монастыря Хризостому, чтобы тот поехал с ним в Грецию для посвящения в епископы вместо него. Однако, власти отказали ему в визе, из-за чего истинно-православные Кипра так и оставались без архиерея до самого 1957 г. (31)

26) См.: Botse, Gerontas `Ieronumos…

27) Hieromonk AMBROSE and others, The Old Calendar Orthodox Church of Greece (Etna, Ca.: Center for Traditionalist Orthodox Studies, 1986) 15–18. Новостильники не позволили какому-либо истинно-православному священнику отпеть епископа Германа. Но один смелый священник — согласно одному источнику, нынешний архиепископ Хризостом II Афинский — сумел пробраться в тюрьму и причастить исповедника. Хризостом был рукоположен во священники еп. Германом в 1947 г., в возрасте 27 лет. Еп. Матфей Вресфенский хотел рукоположить его при условии, что тот оставит своего духовного отца (будущего митрополита Каллиста Коринфского) и перейдет в его монастырь. Он обещал сделать его епископом, но Хризостом отказался (Письмо архиепископа Хризостома автору от 18 июля 1992 г.).

28) Игумен монастыря Богоматери "Млекопитательницы" ХРИЗОСТОМ, Личное сообщение (январь 1981).

29) См.: Histoire de L'Eglise des Vrais Chretiens Orthodoxes de Chypre // Foi Transmise et Sainte Tradition. № 21/23, numero special (Lavardac).

30) Monachos Paylos, `E Panagia eis ten Kupron // Agios ` Agathaggelos `Esfigmenites 125 (Maios – `Iounius 1991) 26.

31) Игумен ХРИЗОСТОМ, Личное сообщение (январь 1981).

Экуменизм набирает обороты

Возможно, не случайно то, что эти гонения происходили в то время, когда в Греции гражданская война и великие политические потрясения предшествовавшего десятилетия подошли к концу. Освободившись от внешних врагов, государственная церковь могла теперь вновь заняться внутренним врагом. Даже некоторые из бывших иерархов-коммунистов были вновь призваны в ряды борцов с истинно-православными, как например митрополит Антоний Элийский, вступивший в партию в 1944 г. и низложенный в 1946 г., но возвращенный на свою кафедру после амнистии 1952 г. (32) Более того, по мере усиления американского влияния, возрастало и давление в сторону достижения любезной американцам цели — соединения церквей. Посему нужно было нейтрализовать противившихся экуменизму истинно-православных.

Вселенская патриархия со времени своего официального принятия экуменизма в 1920 г. и до организационного амстердамского конгресса Всемірного Совета церквей в 1948 г. принимала участие в нескольких экуменических конференциях вместе с протестантами. А. В. Солдатов проследил смягчение позиции православных на протяжении этих лет:

"На конференции (Веры и Устройства) в Женеве в 1920 г. дух крайнего протестантского либерализма взял верх. Дошло до того, что когда православный Софийский митрополит Стефан заметил в своем докладе, что "Церковь — только там, где иерархия имеет апостольское преемство, а где такой иерархии нет — там лишь религиозные общины", — большинство делегатов конференции покинули зал в знак протеста. На следующей конференции Веры и Устройства (в Лозанне) в 1927 г. победа вновь была за крайне левыми протестантами. Православная делегация, испытывавшая на этой конференции психологическое давление, была вынуждена опубликовать следующее заявление: "Согласно взглядам Православной Церкви, никаких компромиссов в отношении вероучения и религиозных убеждений не может быть допущено. Никто из православных не может надеяться, что воссоединение, основанное на спорных формулировках, может быть крепким и позитивным...

Православная Церковь считает, что любое единение должно быть основано исключительно на вероучении и исповедании древней неразделенной Церкви, на семи Вселенских Соборах и других постановлениях первых восьми веков". Но многочисленные выступления православных, объяснявшие учение Церкви о церковном единстве, казалось, лишь усиливали непонимание или нежелание понять их со стороны протестантских лидеров экуменизма. Эта тенденция сознательно поддерживалась протестантами на конференциях 1937 г. в Оксфорде и Эдинбурге. Подводя итог этому диалогу в начале столетия, о. Митрофан Зноско-Боровский замечает: "Православные делегаты в Эдинбурге были вынуждены со скорбью признать наличие основных непреодолимых различий в точке зрения на многие вопросы веры между православным Востоком и протестантским Западом".

После II Міровой войны был создан Всемірный совет церквей. Необходимо подчеркнуть, что движения "Веры и Устройства" и "Христианский совет жизни и труда" рассматривались их организаторами как подготовительные шаги в поисках возможных способов интеграции "христианского міра". Всемірный совет церквей в принципе отличался от них. Он вступил на путь "практического экуменизма" впервые в міровой истории, заявив, что является зачатком нового типа вселенской церкви. Первая, так сказать, учредительная конференция ВСЦ в Амстердаме избрала своим девизом слова: "Человеческий беспорядок и Божие домостроительство". На ней, как замечает архиепископ Виталий, "были приложены все усилия, чтобы разрушить учение о Единой, Истинной, Святой, Соборной и Апостольской Церкви". Ведущие богословские умы протестантского міра сделали ряд докладов на Амстердамской конференции, в которых они выявили с особенной ясностью всю глубину догматической и богословской дезинтеграции протестантской веры и, в частности, экклесиологии. Заключение доклада Густава Олена стало основным, единственным догматом создаваемой организации: "Церковь — это как бы синтез из всех церквей". Другой докладчик, Кларенс Крейг, несколько углубил аргументы своего коллеги при помощи предложенного варианта перевода слова "кафолическая" (в славянском переводе Символа Веры — "Соборная") как "интегральная". Но особенно интересной для нас была речь на этой конференции известного богослова и церковного историка, православного священника (Вселенской патриархии) о. Георгия Флоровского. Заметив, что "Библия, догматы, катехизис, церковная дисциплина, литургия, проповедь и таинства стали музейными экспонатами", о. Георгий заключил, что "единственное спасение в деле возрождения Церкви — в экуменическом движении". Он утверждал, что "Церковь еще не определила себя самое, не выработала собственного школьного богословского определения, не имеет своего собственного определения, еще не осознала себя" (33).

Несмотря на эту фактическую капитуляцию перед протестантской экклесиологией, усиление Истинно-Православной Церкви удержало официальную греческую государственную церковь от слишком уж решительных шагов в сторону экуменизма, из боязни, что многие консервативные новостильники перейдут от них к старостильникам. Более того, на соборе 1948 г. в Москве, в котором приняли участие все Автокефальные Церкви за исключением Константинопольской, экуменизм был осужден как интрига, замышленная Ватиканом и англо-американскими империалистами. Вряд ли это являлось убедительным богословским обоснованием неучастия в экуменизме, но, с другой стороны, этого хватило, чтобы на время затормозить его. Поэтому Константинопольский патриархат был единственной православной юрисдикцией, представленной несколькими своими членами на Амстердамской конференции ВСЦ (34).

К 1949 г., однако, опасность коммунизма отступила, и Греция прочно вернулась в сферу западного влияния. Для государственной церкви это было самым подходящим временем идти в наступление — но только обезопасив свой тыл от снайперов Истинно-Православной Церкви. Отсюда — значение избрания гонителя архиепископа Спиридона, которому было поручено устранить главное препятствие на пути дальнейшего развития экуменизма в западном міре.

Тем временем, главная богословская инициатива пришла, как и в 20-е годы, из Константинополя. В 1949 г. на личном самолете президента Трумэна прилетел в Константинополь новый Мелетий Метаксакис — бывший архиепископ Северной и

Южной Америки Афинагор. По иронии судьбы, Афинагор был бывшим духовным чадом митрополита Хризостома, так что вождями противоборствующих сторон в церковной борьбе начала 50-х гг. оказались, подобно Давиду и Авессалому, святой отец и его сын-отступник.

Патриарх Максим был вынужден уйти на покой под предлогом психического расстройства, и его место занял масон 33-й степени посвящения Афинагор. В своей речи на интронизации он вышел далеко за пределы нечестивого масонского окружного послания 1920 г. и провозгласил догмат "пан-религии", заявив: "Мы заблуждаемся и грешим, если думаем, что православная вера сошла с небес, и что другие учения (т. е. религии) — недостойны. Триста миллионов людей избрали магометанство, как путь к Богу, а другие сотни миллионов — протестанты, католики и буддисты. Цель каждой религии — сделать человека лучше" (35). Это поразительное отступление от православной веры едва ли вызвало хоть слабый протест со стороны автокефальных Церквей...

32) См.: Metropolite CALLIOPIUS, Saint Joseph de Desphina... 70, прим. 17.

33) А. В. СОЛДАТОВ, Православие и экуменизм // Мірянин (Июль–Август 1992) 8.

34) См.: MACRIS, The Orthodox Church and the Ecumenical Movement... 12–14. См. также: ЯКУНИН, В служении культу... 195–197.

35) См. газеты: Chronos (20 Martios 1949); ‘Orthodoxos Tupos (Dechembrios 1968). Цит. по: Maypos, Palaion chai neon... 21.

Митрополит Хризостом Флоринский

В этот период, к сожалению, митрополит Хризостом вновь вернулся к своей шаткой позиции в отношении новостильников. Он объяснил, что истинно-православные назвали государственную церковь раскольнической, "чтобы защитить себя, иначе она бы первой объявила раскольниками нас". Такая неадекватная защита позиции Истинно-Православной Церкви, которая на самом деле зиждилась на гораздо более сильных и более канонических основаниях, поколебала решимость двух епископов, и 6 ноября 1952 г. они сложили с себя пастырские обязанности "вплоть до окончательного разрешения календарного вопроса Всеправославным Собором". Митрополит Хризостом тут же взял свои слова обратно, но епископы Христофор и Поликарп остались простыми членами Истинно-Православной Церкви до февраля 1954 г., когда они вновь вернулись в качестве архиереев в государственную церковь (36).

"Кончина митрополита, последовавшая на праздник Рождества Божией Матери 8 сентября (ст. ст) 1955 г. (правильнее — 7 сентября), вновь позволяет нам увидеть отблеск его святости из-за завесы великой скромности и скрытности, которая всегда была ему присуща при общении даже со своими ближайшими помощниками. Предвидя свою кончину, архиерей накануне вечером призвал своего духовника, афонского архимандрита Иоанна, и тот принял его исповедь за всю жизнь, продолжавшуюся целый час. Вернувшись в тот вечер домой, он велел келейнику застелить свою постель новой белой простыней и покрывалом. Утром его обнаружили лежащим на ней со скрещенными на груди руками, почившим о Господе, без каких-либо признаков болезни. Из его завещания узнали, что у него вовсе не было ни денег, ни имущества, которые следовало бы распределить. На его погребении в храме Преображения в Кипселли (Афины) присутствовали десятки тысяч народа, пришедшие поклониться телу своего первоиерарха, во время отпевания сидевшему, согласно византийской традиции, на своем троне в центре храма. Полиции пришлось по окончании службы разгонять толпу, чтобы дать возможность вынести тело к месту погребения — в женский Успенский монастырь на горе Парнис. Случилось так, что во время его проводов траурный перезвон колоколов был слышен во всей Греции — новостильный Синод приказал звонить в знак скорби по поводу недавних антигреческих террористических актов в Константинополе. Когда, по истечении шести лет, согласно греческому обычаю, кости митрополита были эксгумированы, то испускаемое ими

благоухание наполняло весь монастырь в течение нескольких дней и до сих пор часто ощущается" (37).

Трудно отрицать, что непоследовательность митрополита Хризостома нанесла серьезный ущерб Церкви. Однако, в отличие от епископов Христофора и Поликарпа, он никогда не вступал в общение с новостильниками. У нас есть также и другие доказательства его православности и даже святости. Так, игумения Успенского монастыря Евфимия пишет:

"Когда мы открыли мощи приснопамятного святителя Хризостома, поскольку он был похоронен у нас в монастыре, все место исполнилось благоухания, и строители, которые делали фундамент церкви, пришли оттуда и спросил нашего батюшку: "Отче, что это за благоухание, которое мы ощущаем там, где работаем?" Тут они увидели вынутые останки и поняли. Я была одной из тех, кто мыл кости Его Блаженства, и мои руки благоухали всю ночь. И это благоухание ощущалось в нашем монастыре сорок дней.

Одна монахиня, жившая в монастыре с семи лет, ...говорила, что она некрещеная. ...Когда епископ Флоринский почил, она до сорока дней сидела на его могиле и умоляла его просветить старца, чтобы тот крестил ее. И затем она увидела его во сне сидящим на престоле, и он сказал ей, что она была некрещеной, и чтобы старец посмотрел в святом Пидалионе. И в самом деле, они нашли, что когда есть сомнение, то следует крестить человека. И была другая, чахоточная девушка, ...которая пришла и взяла немного масла из лампады у гроба и помазала им свою грудь, и исцелилась" (38).

Если подводить итог разногласиям между архиереями в этот период истории греческого старостильного движения, то мы не сможем сделать ничего лучшего, кроме как обратиться за этим к словам афонского старца Дамаскина, делившего в двадцатых годах келью с епископом Матфеем, но перешедшего к "флоринитам" в 1982 г.: "Три приснопамятных иерарха — Хризостом Флоринский, Герман Кикладский и Матфей Вресфенский — подвизались за отеческие предания. Но яко человецы, плоть носящии и в міре живущии, они впадали в сей жизни в заблуждения. Однако, все трое окончили жизнь в добром исповедании и отошли в покаянии. И если кто хочет представить одного или другого из этих троих совершенно безукоризненным, и утверждает, что он один содержал истину без всяких уклонений, — такой человек, по слову божественного Златоуста, есть заблудший глумливец, обманщик и низкий льстец. То есть, когда он хвалит все — вместе хорошее и дурное" (39).

36) См.: Suntomos istoriche perigraphe tes ‘Echchlesias ton Gnesion ‘Orthodoxon Christianon ‘Ellados... 29–31.

37) HIEROMONK AMBROSE and others, The Old Calendar Orthodox Church of Greece... 19–20.

38) Kapamitsos, ‘O Sugchronos ‘Omologetes tes ‘orthodoxias… 73–74.

39) Цит. по: Goytzides, ‘Apantitiche Pragmateia peri tes omologias tou pr. "Phlorines" Chrusostomou (‘Athenai, 1983) 11.

Всемірный совет церквей

До самого конца 50-х гг., несмотря на деятельность таких ревностных экуменистов, как патриархи Мелетий и Афинагор, участие Православных Церквей в экуменическом движении было нерешительным и вялым. Причины этому очевидны. "Православие" значит "правое верование" или "правильное поклонение", из чего следует, что все остальные веры содержат большую или меньшую примесь заблуждения. Более того, геноцид, который претерпели православные сербы от рук католиков, не давал, в частности, Сербской Церкви всем сердцем участвовать в экуменическом движении вплоть до конца 60-х гг. (хотя она и оставалась в общении с экуменическими

православными). Подобный страх быть поглощенными католичеством и протестантствам сдерживал также Иерусалимский патриархат. Но с конца 50-х гг. остальные Православные Церкви начали отбрасывать свои предубеждения. Им казалось — ошибочно, как мы увидим, — что они могут удержать в своих недрах огонь ереси и не опалиться.

Прежде, хотя протестантская экклесиология ВСЦ, которая требовала от всех его участников взаимного признания в качестве равноправных членов Церкви, была ясна уже в Амстердаме (1948 г.), православные не связывали себя ее принятием. Так, в окружном послании, выпущенном в 1952 г., патриарх Афинагор начертал довольно жесткую линию, ограничивавшую участие православных в ВСЦ, — линию, которую впоследствии сам же безнаказанно преступил, но которая служила для успокоения более консервативных православных (40). Также и на II Генеральной Ассамблее в Эванстоне (1954 г.) православные делегаты заявили: "Мы обязаны выразить наше глубокое убеждение, что Святая Православная Церковь одна сохранила в полноте и неприкосновенности Веру, единожды преданную святым" (41). Далее, на конференции "Вера и Устройство" в Оберлине (1957 г.), на которой центральная тема была: "Единство, которое мы ищем", — православные заявили: "Единство, которое мы ищем, для нас есть данное нам единство, которое никогда не утрачивалось и, как Божественный дар и существенный признак христианского бытия, не могло быть утрачено... Для нас это единство воплощено в Православной Церкви" (42).

Однако, с разных сторон было оказано давление в сторону более "позитивного" сотрудничества православных. Во-первых, католики, которые не были представлены в ВСЦ, объявили о созыве II Ватиканского собора, в результате которого имели место неформальные контакты между православными и католиками (43). Ватикан-II, как стали называть II Ватиканский собор, должен был широко открыть двери такому экуменизму в западном міре, который поглотил бы и православных, и протестантов, и вынес бы их за рамки вопросов чисто межхристианского воссоединения.

Так, Малахия Мартин пишет: "Еще до окончания четвертой и последней сессии Ватикана-II под председательством преемника папы Иоанна, Павла VI, некоторые епископы и служащие Ватикана уже усвоили совершенно новое и новаторское понимание идеи экуменизма. Всесильный кардинал Беа, например, был ведущей фигурой на соборе и близким советником Павла VI, каким он был и у папы Иоанна. Беа был как бы передовым отрядом самого Ватикана в том, что должно было стать не менее чем экуменической революцией. Кардинал организовывал "экуменические встречи", в которых участвовали не только католики и протестанты, как обычно, но также иудеи и мусульмане. Со временем, как логическое продолжение этого, буддисты, синтоисты, анимисты и масса других нехристианских и даже нерелигиозных групп, должна была найти свое место в плохо, но широко определенном новом "экуменизме" (44).

Во-вторых, протестанты начали оказывать непосредственное давление на православных. Так в 1955 г. Рабочий комитет "Веры и Устройства" ВСЦ предложил православным консультацию с конечной целью: как выразился доктор М. Спинка, чтобы "в некоем будущем, во время чаемой "Великой Оттепели", когда эти общины получат возможность продумать это в покаянном и сдержанном расположении духа, они могли бы, возможно, примкнуть к нам" (45)! Другими словами, православные должны были покаяться в своем Православии, в своем убеждении, что Православная Церковь является Церковью, — для того, чтобы оказаться достойными войти в новую псевдо-церковь вместе с протестантами! Предложенная консультация имела место в Кифиссии близ Афин в 1959 г. Советский митрополит Николай Крутицкий принял участие в этой консультации, что показывало, что коммунисты переменили свое мнение об экуменизме и решили, что участие в нем Русской Церкви пойдет на пользу делу коммунизма.

То, что позиция православных пошатнулась под этим напором, стало ясно в апреле 1961 г., когда Греко-Американский архиепископ Иаков сказал: "Мы пытались разрывать нешвенный хитон Господень, и тогда мы бросались "аргументами" и "псевдо-документами", чтобы доказать, что — наш Христос и наша Церковь... Жить вместе и молиться вместе без всяких перегородок, воздвигнутых расовыми или

религиозными предрассудками, — вот единственный путь, который может уверенно повести к единству" (46).

Чем могли быть эти "псевдо-документы" и "религиозные предрассудки", как не священными канонами, запрещающими православным молиться с еретиками!

40) См.: MACRIS, The Orthodox Church and the Ecumenical Movement... 8–9.

41) См.: Ibid. 10.

42) Ibid. 11.

43) См.: MACRIS, The Orthodox Church and the Ecumenical Movement... 19–22.

44) M. MARTIN, The Keys of this Blood (New-York: Simon Schuster, 1990) 259–259.

45) Цит. по: MACRIS, The Orthodox Church and the Ecumenical Movement... 16.

46) Цит. по: MACRIS, The Orthodox Church and the Ecumenical Movement... 23.

Румыны консолидируются

В течение этого периода истинно-православные в Румынии укрепляли положение своей Церкви в коммунистическом государстве. Как мы уже видели, у них было очень немного священников (иеромонах Гликерий и два священника, перешедших из государственной церкви) вплоть до 1955 г., когда у них появилась иерархия в лице митрополита Галактиона (Кордуна). 13 апреля он сделал публичное заявление о своем возвращении к старому стилю, а затем отправился в Молдавию, где рукоположил некоторое количество священников и диаконов (47).

"В ноябре 1955 г., — пишет митрополит Власий, — митрополит Галактион был арестован вместе с иеромонахом Гликерием. Отца Гликерия приговорили к десяти годам лагерей, а митрополита Галактиона сослали в новостильный монастырь (Галдарушени), где его заключили в тюрьму. Он был похищен оттуда. Мой брат — он сейчас приходской священник о. Павел — пришел туда с другим нашим верующим (Георгием Хинку). Они назвались агентами безопасности и забрали митрополита с собой. Когда, два или три часа спустя, патриарх позвонил, чтобы выяснить, что делает митрополит, ему сказали, что два офицера безопасности забрали его. Патриарх выпалил: "Я не присылал никаких офицеров!" Но митрополит был уже далеко.

Когда он рукоположил епископа Евлогия (Ота) и затем вместе с ним — епископа Мефодия, он снова был арестован и опять похищен. После этого ночью 17 ноября 1956 г. архимандрит Гликерий, которого похитили с принудительных работ, был тайно рукоположен в епископы. Затем они укрылись в нашем монастыре, где каждый день бывали рукоположения. Год спустя их снова арестовали...

Нужно сказать, что не только епископы, но также все приходские священники и все монахи, кто вел миссионерскую работу, были арестованы. Они не арестовывали монахов прямо в монастыре, а ждали, пока монах покинет монастырь, чтобы служить где-нибудь или исполнить требу, и тогда они появлялись и арестовывали его. Наши старшие приходские священники все побывали в тюрьме, и все священники, рукоположенные в пятидесятых-шестидесятых... Брат Савва провел шесть месяцев в тюрьме за то, что вышел из монастыря в скуфье" (48).

Обретение иерархии не означало еще конец гонений на истинно-православных христиан Румынии. Вот что, например, Виктор Болдевскул пишет об о. Демосфене (Ионита; ныне епископ): "В 1957 г. митрополит Гликерий рукоположил его в священники. В первый месяц после рукоположения о. Демосфен поехал в Бухарест помогать епископу Евлогию, который в то время скрывался. Там его предал один

старостильный священник, и он был арестован. Власти требовали, чтобы о. Демосфен открыл местопребывание епископа, на что тот ответил отказом.

23 июля 1958 г. о. Демосфен снова был арестован. Он с несколькими певчими совершал заупокойную службу по своей двоюродной сестре в закрытом храме. Один новостильный священник дал знать об этом властям, и о. Демосфена и певчих арестовали. Шесть офицеров отвезли о. Демосфена в город Тигру-Муреш. По прибытии, его отвели в комнату, где несколько охранников сняли с него облачение, а затем сбрили ему волосы и бороду. Ложе в его камере было цементным и ничем не покрывалось. В течение пяти месяцев гражданские власти вели расследование и допрашивали о. Демосфена, пытаясь найти вину, за которую ему можно было бы вынести приговор. Первый раунд вопросов проходил примерно так:

Следователь: — Какова деятельность Гликерия в этой стране? Какие меры он планирует предпринять против коммунистов?

Отец Демосфен: — Митрополит учит нас трудиться, молиться и подчиняться государственным законам.

Следователь: — Где вы прячете ваши ружья?

Отец Демосфен: — Наши ружья — это наши церковные книги.

Главный следователь: — Почему он не говорит нам, где ружья? Повесить его!

В этот момент о. Демосфен потерял сознание и упал на пол. Когда он очнулся, он находился в своей камере вдвоем с врачом. Врач спросил, что у него болит и почему он упал. Отец Демосфен ответил: "Не помню". Врач ударил его кулаком и сказал: "Вот наше лекарство для старостильников, которые хотят свергнуть коммунистов".

Следующие семь лет о. Демосфен провел в концлагерях. Его опыт мог бы составить главу солженицынского "Архипелага ГУЛАГ". Заключенных морили голодом, мучили и лишали всяких удобств. Одно время о. Демосфен был так измучен, что даже не мог вспомнить "Отче наш". В 1959 г. власти обещали всем заключенным за веру в его лагере свободу, если они подпишут отречение. Из двух тысяч узников лишь девяносто пошли на это. В тюремном лагере в Салции о. Демосфен видел, как узников топтали лошадьми, в то время как он вместе с другими морозной зимой работал на строительстве каналов и других объектов. Много лет спустя отец Демосфен встретил одного из охранников тюрьмы в Салции, который сказал ему, что это поистине чудо, что он выжил, ибо было приказано, чтобы никто не покинул лагерь живым.

В 1964 г. о. Демосфена выпустили из тюрьмы. когда его мать увидела его впервые после семи лет, она спросила: "Почему они освободили тебя? Ты поколебался в вере?" С облегчением она услышала, что ее сын не предал Церковь: это была ее главная забота. Через три недели он снова оказался под домашним арестом. Отец Демосфен убежал в леса и жил, скрываясь, следующие пять лет" (49).

Похожие условия были в то время и в Болгарии. Много монахов и священников содержалось примерно в тридцати лагерях смерти, куда узников привозили на убиение одного за другим. Один Бог ведает, сколько пострадавших в коммунистических лагерях Румынии и Болгарии числятся у Него среди Его истинных мучеников.

47) См.: Mitropolitan KIPRIAN, The True Orthodox Christians of Romania… 8–9.

48) Православная Русь. № 2 (1479) (1993) 9, 15.

49) BOLDEWSKUL, The Old Calendar Church of Romania... 13–15.

Хризостомовцы обретают иерархию

Истинно-православные Греции тем временем вступили в более мирную полосу истории. В 1957 г. матфеевцы смогли рукоположить монаха-киприота Епифания во архимандриты и затем в епископы для кипрской паствы, взамен сосланного епископа Спиридона, который, однако, яростно оспаривал каноничность этого акта (50).

После смерти в 1955 г. митрополита Хризостома Флоринского его последователи избрали для управления Церковью комиссию из двенадцати членов и принялись искать пути для восстановления иерархии. При жизни митрополита Хризостома сербский епископ Николай (Велимирович), живший в Америке, предлагал помочь ему рукоположить новых архиереев, но Хризостом не захотел (51). Теперь же этот вопрос стал насущным.
В 1956 г. архимандрит Хризостом (Киюсис) был избран генеральным секретарем комиссии. И в апреле 1957 г. конгресс духовенства и мірян (причем первого участвовало более ста представителей) избрал трех подходящих архимандритов кандидатами в архиереи в следующем порядке: Акакий Паппас (старший), ставший епископом в 1960 г.; Хризостом Киюсис, нынешний епископ, которому пришлось ждать до 1971 г.; и Хризостом Наслимис, рукоположенный в 1963 г. (52)

В конце концов "флоринитам" удалось восстановить свою иерархию от Русской Зарубежной Церкви. (Истинно-православные уже обращались с подобной просьбой к Зарубежной Церкви в 1934 г., и митрополит Антоний /Храповицкий/ отнесся к ней благосклонно. Но в то время из этого ничего не вышло) (53).

История была такова. Первое обращение к русским предприняли архимандриты Акакий Паппас (племянник Акакия старшего) и Хризостом Киюсис. Они поехали в Брюссель, где знаменитый чудотворец архиепископ Иоанн (Максимович) посмотрел на их просьбу благосклонно, но сказал, что им нужно заручиться благословением Синода в Нью-Йорке. Флориниты послали архимандрита Акакия в Нью-Йорк к митро- политу Анастасию. Но митрополит Анастасий отказался рукополагать его. В конце 1960 г. архимандрит Акакий снова прибыл в Синод Русской Зарубежной Церкви со своим племянником, и снова ему отказали. Согласно рассказу Акакия-младшего автору данного труда, митрополит Анастасий, председатель Синода РПЦЗ, отказался лично участвовать в посвящении Акакия-старшего из боязни вызвать недовольство со стороны Вселенской патриархии, но не возражал против посвящения в другом городе от рук других архиереев. И 9/22 декабря 1960 г. архимандрит Акакий Паппас был рукоположен в Детройте во епископа Талантийского архиепископом Серафимом Чикагским и румынским епископом Феофилом Детройтским. Впоследствии, однако, Русский Архиерейский Синод выговорил за это архиепископу Серафиму и наказал его (54).

Матфеевцы резко оспаривали каноничность этого акта, говоря, что Акакий-старший подкупил Серафима. Но это обвинение твердо отвергает Акакий-младший, сопровождавший своего дядю в этой поездке (55).

Матфеевцы также обращали внимание на то, что Феофил был новостильником, назначенным управлять румынскими новостильными приходами, примкнувшими к Русскому Синоду. Это была правда, но это еще не обязательно делало рукоположение недействительным, поскольку он был членом Синода, следовавшего православному календарю. Иначе говоря, хотя его следование новому стилю и было неканоничным, но раз он был членом истинно-православного Синода, который из соображений пастырской икономии дозволял употребление нового стиля некоторым группам, то его следовало считать истинным епископом. Более серьезную проблему представлял из себя тот факт, что епископ Феофил впоследствии отрицал свое участие в хиротонии. Однако, его участие засвидетельствовано как архиепископом Серафимом, так и тогдашними архимандритами Петром и Акакием-младшим (по словам Серафима, у Феофила были личные причины держать все это дело в секрете) (56).

По возвращении в Грецию епископ Акакий стал управлять Церковью, имея помощником одного из архимандритов из комиссии. В мае 1962 г. епископ Акакий и комиссия пригласили в Грецию архиерея Русской Зарубежной Церкви архиепископа Леонтия Чилийского. Затем архиереи вдвоем рукоположили: Парфения (Скурлиса) во епископа Кикладского, Авксентия (Пастраса) во епископа Гардикийского, Акакия-младшего во епископа Диавлейского, Геронтия (Маргиолиса) во епископа Саламинского. Было также решено, что новорукоположенные епископы должны рукоположить архимандритов Хризостома (Наслимиса) и Хризостома (Киюсиса). Первый действительно был рукоположен в следующем году, а Хризостома (Киюсиса), хотя он и был избран на конференции 1957 г. вторым кандидатом во епископы, по неизвестным автору причинам, обошли (57).

"Вмешательство архиепископа Леонтия в дела старостильников на том не кончилось. Вместе с епископом Русской Зарубежной Церкви Серафимом Каракасским он тайно рукоположил архимандрита Петра (Астифидиса) во епископа Асторийского в его церкви св. Маркеллы в Астории, Нью-Йорк (29 ноября 1962 г.). Это тоже было сделано без ведома или согласия Синода и митрополита Анастасия. Потом архиепископ Леонтий рукоположил в Нью-Йорке во священника Акакия Муску. Этот Акакий был иподиаконом архиепископа Виталия Монреальского и был рукоположен без согласия архиепископа Виталия. Впоследствии он вернулся в Монреаль, где устроил греческий старостильный приход, независимый от архиепископа Виталия" (58).

В течение нескольких лет Синод Русской Зарубежной Церкви не признавал совершенные архиепископами Серафимом и Леонтием хиротонии греков-старостильников. Интересная точка зрения на этот спорный вопрос была высказана архиепископом Аверкием Сиракузским на сессии Архиерейского Синода Русской Зарубежной Церкви 17/30 ноября 1962 г.:

"...Я сам не решился бы совершить хиротонию греческих старостильников. Но вместе с тем, в глубине души, не могу не восхищаться смелостью, с которой архиепископ Леонтий совершил поступок, к которому звала его совесть.

...Мы подчеркиваем, что не признаем патриарха Алексия, а в то же время все патриархи его признают. Мы говорим об общении с этими патриархами и, таким образом, парадоксально оказываемся в общении с Москвой. Получается заколдованный круг. Ввиду такого иррационального положения, нам особенно важно стоять на твердом каноническом основании, сохраняя суть, а не букву, которая может привести к поклонению сатане...

...Он (владыка Леонтий — В. М.) совершил мужественный акт помощи братской Церкви, которая сейчас для нас самая близкая нам по духу. Греческая Церковь теперь гонима и преследуема. Было большой ошибкой, что мы в свое время слишком снисходительно отнеслись к введению нового стиля, ибо оно имело целью внести раскол в Православную Церковь. Это было делом врагов Церкви Христовой. Видны уже плоды. Даже в Америке имеется греческое духовенство, которое мучает совесть за принятие нового стиля. С соблюдением старого стиля связано сохранение всяческих преданий в разных областях. Вместе с удалением старого стиля удаляется из храма аскетическое начало. Старостильники — самые близкие нам по духу. Единственное "но" в поступке архиепископа Леонтия — это то, что он поступил как бы не по-братски, наперекор решению Собора, хотя и по добрым побуждениям" (59).

На той же сессии архиепископ Иоанн (Максимович) заметил: "Старостильники стучались к нам шесть лет. Архиерейский Собор не мог взять на себя решения, признавая это внутренним делом греков. Надо признать объяснения архиепископа Леонтия (что Греческая Церковь — гонимая, как и Катакомбная в России, и ее надо поддерживать — В. М.) удовлетворительными и на этом прекратить прения" (60).

Владыка Иоанн также напомнил, что в прошлом столетии были подобные нестроения в Антиохийской Церкви. Тогда вмешалась Константинопольская Церковь. Кипрской Церкви так же помогла Элладская.

Собор выразил сожаление архиепископу Леонтию по поводу его участия в хиротониях епископов для греческих старостильников. Архиепископ Леонтий, в свою очередь, выразил сожаление, что не смог спросить митрополита Анастасия (61).

В 1964 г., примерно через год после смерти архиепископа Акакия-старшего, епископы Геронтий и Акакий-младший возвели Авксентия в сан архиепископа, впрочем, без согласия епископа Хризостома (Наслимиса), чьи опасения о недостаточности Авксентия для архиепископского сана вскоре трагически подтвердились...

18/31 декабря 1969 г. митрополит Филарет, новый первоиерарх Русской Зарубежной Церкви, со своим Синодом оффициально признали действительность хиротоний епископа Акакия и остальных "флоринитских" архиереев, что устранило все возможные сомнения (по крайней мере, у всех, кроме матфеевцев) в каноничности флоринитского Синода. Зарубежный Синод написал Авксентию: "Многие испытания, какие Православная Церковь переживает с начала своей истории, особенно сильны в наше лукавое время, и поэтому в особенности требуют единения между теми, кто истинно предан вере Отцов. С такими чувствами мы желаем уведомить Вас, что Архиерейский Синод Русской Православной Церкви Заграницей признает действительность архиерейской хиротонии Вашего предшественника, блаженнопочившего архиепископа Акакия, и последующие хиротонии епископов Вашей Святой Церкви. В соответствии с этим и принимая во внимание различные другие обстоятельства, наш Архиерейский Синод рассматривает Вашу иерархию как братьев во Христе, находящихся в полном общении с нами" (62).

50) См.: Письма епископа СПИРИДОНА игумену Хризостому Галактрофусскому, копии которых имеются в личном архиве автора.

51) См.: LARDAS, The Old Calendar Movement in the Greek Church... 16.

52) См.: Monachos Antonios Deorganes, ‘Opheilomene ‘Apantesis Kachoetheis chai anistoretes "Epichriseis (Gortunia: ‘E Mone tou ‘Agiou Nichodemou, 1992) 8. См. также: Christianiche Poreia (Thessaloniche, Matios 1992) 5. См. также: I. DOENS, Les Palaioiemerologites: Alerte pour leurs Monasteres // Irenikon. № 1 (1973) 48–49.

53) См.: LARDAS, The Old Calendar Movement in the Greek Church... 17.

54) См.: Suntomos istoriche perigraphe tes ‘Echchlesias ton Gnesion ‘Orthodoxon Christianon ‘Ellados... 35–37

55) Митрополит АКАКИЙ, Личное сообщение (май 1985).

56) См. письмо архиепископа Серафима архиепископу Авксентию от 1972 г.: Ieromonachos Amfilochios, "Gnosesthe ten ‘Aletheian" 43–48.

57) Некоторое объяснение этому было впоследствии дано архиепископом Авксентием перед самой его кончиной. См.: Воздвижение. № 6 (1994).

58) LARDAS, The Old Calendar Movement in the Greek Church... 17. О спорах вокруг хиротонии еп. Петра (с враждебной еп. Петру позиции) см: Церковные новости. № 43 (Февраль 1995) 1.

59) Цит. по: А. ПСАРЕВ, Воспоминания архиепископа Леонтия Чилийского // Православная жизнь. № 5 (557) (Май 1996) 11–12.

60) ПСАРЕВ, Воспоминания архиепископа Леонтия... 11.

61) Там же. 12.

62) Suntomos istoriche perigraphe tes ‘Echchlesias ton Gnesion ‘Orthodoxon Christianon ‘Ellados... 37–39. Полный текст послания на русском, французском и английском языках см.: Foi Transmise et Sainte Tradition. № 33 (Juillet 1987).

Снятие анафем

Окончательным рубиконом между "міровым православием" и Истинным Православием стала Ассамблея ВСЦ в Нью-Дели в 1961 г. Если до этого еще можно было говорить, хотя и не убедительно, что новостильники не отступили от Православия, а только некоторые их лидеры были еретиками-экуменистами, то такое утверждение стало решительно невозможным после общего заявления, подписанного всеми делегатами в Нью-Дели, где среди прочего говорилось: "Мы считаем, что дело созидания Единой Вселенской Церкви должно непременно сопровождаться разрушением и упразднением отдельных старомодных, традиционных форм богослужения". Это был прямой вызов, брошенный Священному Преданию Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви! И бросив его, православные делегаты, казалось, потеряли всякий стыд. После Конгресса в Нью-Дели, созванного довольно неслучайно в самом центре индуистского міра, экуменическое движение вышло на более высокий уровень и даже, в течение одного-двух последующих десятилетий, в область "супер-экуменизма" — связей с нехристианскими религиями.

Так, в апреле 1963 г. архиепископ Иаков сказал: "Для истинно верующих было бы крайне глупо претендовать или настаивать, что вся истина была открыта только им одним и они одни обладают ею. Такое заявление было бы и не библейским, и не богословским... Христос не указал ни места, ни времени, когда бы Церковь вдруг возымела бы полное обладание истиной".

Это утверждение, которое более или менее отрицало, что Церковь есть, по апостолу Павлу, столп и утверждение Истины (I Тим. 3:15), вызвало возмущение в Греции и на Афоне. Однако, Афинагор поддержал Иакова, назвав его позицию "православной" (63). С этого времени два масона уверенно пошли дальше, делая все более откровенно антиправославные заявления. Как мы увидим, в автокефальных Церквах была некоторая оппозиция из числа более консервативных элементов, но оппозиция недостаточно сильная и решительная для того, чтобы остановить их...

На заседании движения Веры и Устройства в Монреале в 1963 г. в меморандуме "Советы церквей в воле Божией" было заявлено: "Совет (ВСЦ) предусматривает новое понимание полноты Церкви в ее единстве, святости, кафоличности и апостоличности. Поэтому эти признаки Церкви более не могут просто прилагаться к нашим разделенным церквам". Хотя этот меморандум и не был в итоге принят (о. Георгий Флоровский возражал против него на пленарном заседании), он все же показал, как ВСЦ посягал на самосознание Православной Церкви как Единой Церкви. В действительности, можно утверждать, что православные участники уже отказались от этого догмата. Ибо еще в Торонтском 1950 г. заявлении Центрального комитета ВСЦ признавалось, что в основе ВСЦ лежит предпосылка, что церкви-члены "понимают Церковь Христову шире, чем членство в их собственных обществах" (64).

На II Всеправославном Совещании в Родосе в сентябре 1963 г. было единогласно решено, что православным следует войти в диалог с католиками при условии, что он будет идти "на равных правах". На практике это означало, что католикам нужно было бы отказаться от своих миссий восточного обряда на православных территориях. Католики никогда не выказывали особого желания пойти на такую уступку, но они со своей стороны, чтобы облегчить диалог, в декрете Ватикана-II об экуменизме присвоили православным новое определение — "отделенные братья" вместо прежнего "схизматики".

И вот, 5–6 января 1964 г. папа Павел VI и патриарх Афинагор встретились в Иерусалиме и молились вместе. Это было явным нарушением канонов касательно отношений с еретиками, и новостильный архиепископ Хризостом Афинский, говорят, сказал: "Тогда как папа идет в Святую Землю преклонить колена пред Гробом

Спасителя, Вы (Афинагор) идете преклонить колена пред папой и похоронить Православие" (65).

В этот период опять был поднят календарный вопрос. Так, во время II Всеправославного Совещания Элладская Церковь угрожала бойкотировать его, если календарный вопрос будет поднят. "Но представители Иерусалимского патриархата, — пишет епископ Ефрем, — настояли, и вполне резонно, чтобы календарный вопрос был внесен в повестку дня для обсуждения. Иерусалимский патриархат особенно заинтересован в разрешении календарного вопроса по причине своего положения как места паломничества. Когда Афинагор встречался с папой Павлом в Иерусалиме, он затем отправился в Вифлеем принять участие в Рождественской службе (которая, конечно же, отправлялась там по старому стилю). Тем временем, новостильники справляли в Константинополе Крещение. Ко времени возвращения Афинагора в Стамбул Крещение уже прошло. Иными словами, Афинагор в тот год отпраздновал два Рождества и ни одного Богоявления, по причине календарной неразберихи. Также многие благочестивые паломники приезжали из Греции праздновать Рождество в Вифлееме, не зная, что Иерусалимский патриархат придерживается старого стиля... Они прибывали в Вифлеем и убеждались, что еще только день свт. Спиридона, а до Рождества еще целых две недели. Они могли оставаться только на несколько дней, и лишь немногие из них имели с собою провизию или деньги в достаточном количестве, чтобы ждать здесь две недели. В отчаянии они умоляли священников пропеть хоть несколько рождественских песнопений, что те, естественно, отказывались делать, т. к. по их понятиям еще не только не было Рождества, но была к тому же еще и середина поста. Паломники возвращались в Грецию сконфуженными и несчастными, поскольку они не смогли отпраздновать Рождество не только в Вифлееме, но и в Греции, где оно уже кончилось. Поэтому в тот год они не праздновали Рождества нигде. И такое там случалось ежегодно, — отсюда и беспокойство Иерусалима" (66).

"Сразу же после встречи в Святой Земле, — пишет о. Георгий Макрис, — воззвание всей монашеской общины Святой Афонской Горы к "благочестивому православному греческому народу и всей Православной Церкви" отвергло "проуниатские действия и заявления" патриарха и его сотрудников" (67).

В это время турки усилили было давление на Вселенскую патриархию в Константинополе, что дало некоторым возможность предполагать, что сближение патриарха с папой было вызвано необходимостью искать могущественных друзей, которые бы поддержали его с Запада, как в 1274 и 1439 гг. Так, в апреле 1965 г. архиепископ Иаков обратился к папе с просьбой помочь патриарху. Папа обещал свою поддержку, после чего два иерарха молились вместе (68).

Дальнейшая интенсивная деятельность привела 7 декабря 1965 г. к "снятию анафем" 1054 г. между Православной и Римокатолической церквами. Заявление об этом было одновременно сделано в Риме и Константинополе. Оно включала в себя следующие слова: "Папа Павел VI и патриарх Афинагор I со своим синодом во взаимном согласии заявляют, что: а) они сожалеют об обидных словах, безосновательных упреках и достойных порицания жестах, которые с обеих сторон отмечали или сопровождали печальные события этого периода (т. е. XI века); б) они также сожалеют и устраняют равно из памяти и из среды церковной отлучения, последовавшие за сими событиями, память о которых оказывала влияние на деяния вплоть до сего дня и затрудняло более близкое общение в любви; и они предают эти отлучения забвению" (69).

Во-первых, следует заметить, что, назвав раскол 1054 г. основанным на "безосновательных упреках", патриарх фактически сказал, что папство не является и никогда не являлось еретическим, хотя папство не отказалось ни от одной из своих ересей, и папа Павел VI подтвердил папскую непогрешимость не далее как на Ватикане-II. Во-вторых, хотя отношения с отлученными личностями или церквами могут быть восстанавливаемы, если эти личности или церкви покаются, анафемы против ересей не могут быть отменены, поскольку ересь остается ересью навсегда.

В журнале "Экклисия" новостильный архиепископ Хризостом Афинский заявил, что патриарх не обладает властью действовать независимо от остальных Православных Церквей. И он сказал: "Я убежден, что ни одна другая Православная Церковь не

повторит деяние Вселенского патриарха" (70). С этого времени несколько монастырей и скитов на Святой Горе перестали поминать патриарха.

15 декабря 1965 г. митрополит Филарет, Первоиерарх РПЦЗ, написал патриарху, протестуя против его действий: "Акт этот ставит знак равенства между заблуждением и истиной. В течение столетий вся Православная Церковь справедливо верила, что она ни в чем не отступила от учения Святых Вселенских Соборов, в то время как Римская церковь приняла ряд несогласных с Православием новшеств в своем догматическом учении. Чем больше вносилось новшеств, тем более углублялось разделение между Востоком и Западом. Догматические отклонения Рима в XI столетии еще не включали в себя заблуждений, прибавленных впоследствии. Посему аннулирование взаимных отлучений 1054 г. могло иметь смысл в то время, но ныне оно является лишь свидетельством безразличия по отношению к самым важным заблуждениям, именно к новым учениям, чуждым древней Церкви, из коих некоторые, выявленные свт. Марком Ефесским, были причиной, по которой Церковь отвергла Флорентийскую Унию... Никакое соединение с нами Римской церкви невозможно, пока она не откажется от своих новых догматов. Никакое молитвенное общение невозможно с нею восстановить без решения всех Церквей, которое, однако, не представляется нам возможным, пока не освободится Церковь Российская, ныне принужденная жить в катакомбах... Подлинный диалог подразумевает обмен мнениями, допускающий возможность переубеждения его участников для достижения соглашения. Как можно понять из Энциклики "Ecclesiam Suam", папа Павел VI понимает диалог как план нашего объединения с Римом при помощи некоей формулы, которая бы, однако, оставила бы неизмененными его учения и, в частности, его догматическое учение по положении папы в Церкви. Но всякое соглашение с заблуждением чуждо всей истории Православной Церкви и ее существу. Оно могло бы привести не к единомышленному исповеданию истины, а к призрачному внешнему объединению, подобно соглашению разномыслящих протестантских общин в экуменическом движении" (71).

63) См.: MACRIS, The Orthodox Church and the Ecumenical Movement... 43–44.

64) Цит. по: U. DUCKROW, Conflict over the Ecumenical Movement (Geneva: The World Council of Churches, 1981) 31.

65) Ibid. 53.

66) Monk EPHRAIM, Letter on the Calendar Issue...

67) MACRIS, The Orthodox Church and the Ecumenical Movement... 57.

68) Ibid. 72–73.

69) Полный текст см.: Eastern Churches Review. Vol. 1, № 1 (Spring 1966) 49–50.

70) См.: Eastern Churches Review. Vol. 1, № 1 (Spring 1966) 50.

71) Полный текст см.: I. OSTROUMOFF, The History of the Council of Florence (Boston, Mass.: Holy Transfiguration Monastery, 1971) 193–199. [См. также полный текст: Православная Русь. № 3 (1966) 3–4. — Ред.]

Падение славянских Церквей

Улучшение отношений с римокатоликами не помешало улучшению отношений с остальными еретиками. В сентябре 1966 г. в Белграде были основаны две межправославные комиссии по связям с англиканами и старокатоликами. Это событие запечатлело вхождение последней из великих автокефальных Церквей, Сербской, в экуменическое движение.

"Обращение" Сербской Церкви в экуменизм стало возможным в результате "избрания" патриарха-марионетки Германа после смерти мягкотелого патриарха Викентия в 1958 г.

"Все его оппоненты были устранены заранее. Епископа Василия, в то время бывшего Банья-Лукским, арестовала в Белграде УДБА (югославская тайная полиция) и угрожала ему возвращением в Банья Луку и преданием "народному суду" за "контрреволюционную деятельность", если он не поддержит кандидатуру епископа Германа в патриархи. Как только он поддержал кандидатуру Германа, его освободили, благодаря "милостивому" вмешательству последнего.

Отцу Макарию, игумену знаменитого Дечанского монастыря, дали двести тысяч динаров (шестьсот пятьдесят долларов) в виде платы за голос, поданный в пользу Германа. Он вернулся в свой монастырь после выборов и раздал деньги монахам, говоря им, что "чувствует себя Иудой".

Многим делегатам на выборах были даны специальные ручки и бумага, на которой они должны были заполнять свои бюллетени, чтобы показать, что они выполнили свое обещание агентам тайной полиции. (Два показания свидетелей под присягой)" (72).

По свидетельству бывавших дома у патриарха, у него был партбилет. А когда его однажды обвинили в растрате очень большой суммы денег и пригрозили судебным разбирательством, сербский КГБ спас его и сам заплатил эти деньги. после этого он был, конечно же, совершенно "их человеком" (73).

Поставив своего человека патриархом, экукоммунисты поспешили использовать его против своего самого опасного противника в Сербской Церкви — епископа Американско-Канадской епархии Дионисия. В 1963 г. Герман и его синод начали фабриковать обвинения против Дионисия, которые должны были привести к его низложению. Из Белграда была послана следственная комиссия, которая инсценировала фальшивое расследование и неканоничное низложение Дионисия. Затем три в высшей степени негодных про-белградских священника были рукоположены вместо него. Дионисий и его сторонники отказались признать эти акты, за что были осуждены патриархией как безблагодатные раскольники (74).

Теперь коммунисты полностью контролировали Сербскую патриаршую Церковь. Результат был ясен: "Настораживает тенденция части иерархии "Матери-Церкви" оставить истинное Православие и избрать ересь. Ибо вскоре после того, как белградские архиереи прервали общение с епископом Дионисием и с нами, истинными сербскими православными христианами в свободном міре, оставшимися верными ему, они увязли обеими ногами в мрачной трясине худшей из когда-либо восставших на Церковь ересей — ереси "экуменизма" (75), через вхождение в 1965 г. во Всемірный совет церквей...

Архимандрит Иустин Попович писал о катастрофическом положении восточно-европейского Православия того времени: "Постепенно разоряется Церковь изнутри и снаружи, идеологически и организационно; употребляются все средства: известные и неизвестные, явные и тайные, утонченнейшие и грубейшие... И все это искусно растворено, но на деле это отрава из отрав, только в сахарном обличье. ...самая элементарная и рудиментарнейшая логика показывает и доказывает: совершенно нелогично и противулогично сотрудничество между откровенными безбожниками, заклятыми христоборцами и Православной Церковью Христовой. Тех, кто ищут такого сотрудничество, или уже сотрудничают, или — страшно сказать! — принуждают к таковому, мы спрашиваем словами Святого Апостола: Кое бо причастие правде к беззаконию; или кое общение свету ко тме; кое же согласие Христови с велиаром; (II Кор. 6:14–15). Не слышите ли Христоносного Апостола, который гремит: Но и аще мы, или ангел с небесе благовестит вам паче, еже благовестихом вам, анафема да будет (Гал. 1:8). Или вы в гуле безбожнической диктатуры совсем оглохли для Христовой Божественной истины и заповеди: Не можете Богу работати и мамоне (Мф. 6:24)?" (76)

Патриарх Герман привел свою Церковь в ВСЦ в 1965 г., а в 1968 г. стал одним из его председателей. В то же самое время он сближался также и с римокатоликами. Так в 1967 г. он сказал римокатолическому епископу Мостарскому: "Времена таковы, что нашим церквам-сестрам нужно опираться друг на друга, отвращаться от того, что нас разделяло, и концентрироваться на том, что у нас общего". В следующем году он признал католические браки.

Герман любил оправдывать экуменизм, цитируя сербскую поговорку: "Дрво се на дрво наслања, а човек на човека" — "дерево на дерево опирается, а человек на человека". Но у Свободных сербов был на это ответ: "Мы тоже можем цитировать пословицы нашего народа: "С ким си, онак и си" — с кем ты, таков ты и сам. Если находишь общее с еретиками, то начнешь разделять их ложные мнения и в конце концов сам станешь еретиком. Как гласит американская поговорка: "Птицы одной породы собираются вместе" (77).

"Каждый истинно православный христианин, воспитанный под водительством святых отцов, — писал о. Иустин, комментируя решение Православных Церквей стать "органическими членами" ВСЦ, — покрывается краской стыда, когда читает, что православные члены Пятого Всеправославного Совещания в Женеве (в июне 1968 г.) ...по вопросу об участии православных в работе Всемірного совета церквей сочли необходимым "заявить, что Православная Церковь считает себя органической частью Всемірного совета церквей".

Это утверждение апокалиптически ужасно в своем неправославии и антиправославии. Нужно ли было Православной Церкви, этому Святейшему Телу Богочеловека Христа, унижать себя до такой степени, что ее богословские представители — среди которых были и сербские архиереи — стали молить об "органическом" участии и членстве во Всемірном совете церквей, который предположительно станет новым "телом" и новой "церковью", которая будет стоять превыше всех остальных церквей, в которой Православные Церкви и неправославные церкви будут представлять собою лишь части? Боже, упаси! Никогда прежде не было такого предательства и оставления нашей святой веры!

Мы отвергаем православную веру в Богочеловека Христа и органические связи с Богочеловеком и Его Святейшим Телом; мы попираем Православную Церковь святых апостолов, отцов и Вселенских Соборов, — и мы хотим стать "органическими членами" еретического, гуманистического, гуманизированного и человекопоклоннического клуба, который состоит из двухсот тридцати шести ересей, каждая из которых — духовная смерть.

Как православные христиане, мы суть уды Христовы. Взем убо уды Христовы, сотворю ли я уды блудничи (I Кор. 6:15)? Мы делаем это нашим органическим единством со Всемірным советом церквей, который есть ничто иное, как возрождение безбожного человека, языческого идолопоклонства.

Пришло, наконец, время для святоотеческой, свято-саввской Православной Церкви, Церкви святых апостолов и отцов, святых исповедников, мучеников и новомучеников прекратить церковное и иерархическое смешение с так называемым "Всемірным советом церквей" и пресечь навсегда всякое участие в любых церковных отношениях, которые не являются самозамкнутыми и не выражают уникальный и неизменный характер Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви — Православной Церкви — единственной истинной Церкви, которая когда-либо существовала" (78).

Экукоммунисты одержали еще одну победу в 1968 г., когда Болгарская Церковь приняла новый стиль. Изменение было внесено, согласно одной из версий, по настоянию Всемірного совета церквей, который в 1965–66 гг. разослал по церквам письма на эту тему; а согласно другой версии — по приказу Московской патриархии, которая желала посмотреть, как отреагирует на перемену народ в Болгарии, прежде чем приступить к подобному нововведению в России (79). В результате, только русский женский Покровский монастырь в Софии отказался принять новый стиль.

Епископ Фотий Триадицкий, единственный в настоящее время старостильный архиерей в Болгарии, пишет: "За несколько месяцев до проведения реформы "Церковный вестник" сообщил ошеломленному верующему народу, что реформа делается "в соответствии с экуменическим стремлением БПЦ"... Болгарское духовенство и даже епископат оказались совершено не подготовленными к противодействию календарному новшеству, а народ, подозревая что-то неладное, начал глухо роптать. Ловко и молниеносно провел календарную реформу патриарх Кирилл — ярый модернист и "сердечный" друг Вселенского патриарха Афинагора! Все знали, что патриарх в благоволении у коммунистической власти (за свои "заслуги" перед ней он получил звание "академика" — члена Болгарской Академии наук!) Всем был известен и его деспотический нрав: он преследовал до конца и уничтожал, если имел возможность, своих идеологических противников" (80).

72) A Time to Choose. The Truth about the Free Serbian Orthodox Diocese (Third Lake, Illinois: Monastery of the Most Holy Mother of God, 1981) 11.

73) М. АТАВИНА, Личное сообщение.

74) Отделившись таким образом, Свободные сербы, как они стали себя теперь называть, обратились к Русской Зарубежной Церкви, но были отвергнуты. Тогда они сначала на короткое время вошли в общение с двумя украинскими епископами Польской Православной Церкви, а затем с Александрийской патриархией. Спасаясь от экуменизма последней, они на краткий период нашли прибежище у "флоринитов"-старостильников архиепископа Авксентия (11/24 сентября 1981 г.) В 1991 г., однако, было восстановлено общение между Сербской патриархией и Свободными сербами. См.: A Time to Choose... Ch. 4. См. также: LARDAS, The Old Calendar Movement in the Greek Church... 22; Православие (1 июня 1991); Keston News Service. № 379 (1991) 4; Anglican and Eastern Churches Association (December 1991) 29–31.

75) A Time to Choose... 47.

76) Архимандрит ИУСТИН (ПОПОВИЧ), Истина о Сербской Православной Церкви в коммунистической Югославии // Вестник Германской Епархии Русской Православной Церкви Заграницей. № 3 (1992) 15–16.

77) A Time to Choose... 47.

78) A Time to Choose... 53.

79) См.: Eastern Churches Review. Vol. 2, № 3 (Spring 1969) 335.

80) Цит. по: Православная Русь. № 21 (1522) (1994) 8–9.

"Ересь ересей"

Во второй половине 1960-х гг. оппозиция экуменизму не только в славянских, но также и в остальных Автокефальных Церквах была постепенно подавлена. Одни консервативные иерархи умерли, такие как патриарх Христофор Александрийский (в 1967 г.), другие были более насильственным образом устранены или заменены, как архиепископ Хризостом Афинский и главы нескольких афонских монастырей. Третьих успешно заставили замолчать путем подкупа, как Православную Церковь Америки.

Греческая государственная церковь была сломлена вместе подкупами и грубым политическим нажимом. Подкупы шли со стороны Ватикана в виде возвращения мощей свв. Андрея, Тита и Исидора Элладской церкви (и св. Саввы Иерусалимскому патриархату). Архиепископу Хризостому было очень трудно с одной стороны приветствовать возвращение мощей и воздавать за то благодарность, а с другой — проводить твердое сопротивление отмене анафем против Рима. Другим умным маневром со стороны Ватикана было разрешение трем тысячам католиков на острове Корфу и на Ионических островах праздновать в 1967 г. Пасху 30 апреля по

православному календарю. Журнал "Экклисия" подчеркивал: "Это решение вызывает естественные подозрения, что это пропагандистский шаг и попытка прозелитизма среди православного населения Корфу" (81). Так притягательно было полное единство, что папистам стало не так важно, в какой день им с православными отмечать праздники, лишь бы это было в один и тот же день.

Есть и другое свидетельство, что папа пытался ускорить движение в том году. Так, в мае месяце была издана Католическая экуменическая директория, дозволявшая римокатоликам причащаться в православных храмах, если они находятся вдали от своих и в течение долгого времени не могут сподобиться принятия католических таинств. А еще в марте патриарх Афинагор сказал, что православные не могут (пока) принимать "благодать таинств от священника, который сам не является православным". Затем в июле папа ездил в Константинополь, где молился вместе с патриархом. Афинагор нанес ответный визит в Рим в октябре, во время которого оба иерарха восседали на равных одинаковых тронах — "событие беспрецедентное в анналах папского Рима, подобного которому безусловно не было на Флорентийском соборе 1438–39 гг." (82)

Этот обмен визитами заметно облегчился тем, что 21 апреля в Греции произошел военный переворот. Вновь созданное правительство немедленно обнародовало 10 мая "обязательный закон", который распускал Священный Синод, заменяя его Синодом, подобранным правительством, и увольнял на покой архиепископа Хризостома, как слишком старого для занятия должности. Этот акт очень напоминал то, каким образом революционное правительство выбрало Хризостома Пападопулоса в 1922 г., и, надо думать, преследовал ту же цель — сменить существующего иерарха на более близкого Западу и экуменизму.

Таким образом, Хризостома заменили архиепископом Иеронимом, который был членом центрального комитета Всемірного совета церквей с 1954 г. Новый неканонично выбранный архиепископ быстро показал себя, придя к "полному согласию" со Вселенской патриархией и заявив при своей интронизации следующее: "Наши отношения с неправославными исповеданиями должны быть отмечены христианской любовью и взаимным уважением, чтобы способствовать дружбе; но в то же самое время мы должны сохранять наше достоинство и нашу твердую преданность православной вере и учению. Как на предварительном условии для всяких более близких отношений, мы должны настаивать на осуждении прозелитизма" (83).

Единственное "но" в этом по-видимому консервативном заявлении было то, что "твердая преданность православной вере" и "осуждение прозелитизма" не сходятся между собой, поскольку, если мы веруем, что православная вера есть Истинная Вера, то мы обязаны надеяться на обращение в нее людей из других вер и прилагать к этому старания. Мы осуждаем прозелитизм среди православных не потому, что он "нечестный" и противоречит некоему религиозному пакту о ненападении, но потому, что он уводит людей из спасительного ковчега Единой Истинной Церкви. По той же причине мы поддерживаем православное миссионерство среди инославных, ибо оно приводит их ко спасению, во исполнение слов Спасителя: Шедше убо научите вся языки (Мф. 28:19) (84).

Были также и другие, более политические причины для переворота в Церкви. Афинагор был любезен Америке, как наиболее подходящий человек для достижения соглашения между Грецией и Турцией, с одной стороны, и для противостояния влиянию советизированной Московской патриархии, с другой. Так что его оппоненты в Элладской церкви должны были быть удалены (85).

Иерархия Элладской церкви была усмирена (или, скорее, удалена); но большинство монашествующих на Святой Горе все еще были резко настроены против отмены анафем. Посему в ноябре 1967 г. на Афон был послан экзархат из трех архиереев новопереустроенной Элладской Церкви, с целью попытаться переубедить монахов и привести те монастыри, которые порвали общение с экуменистами, и в особенности Дионисиу, обратно в послушание Вселенской патриархии. В этом, однако, они не преуспели — пока что.

В 1968 г. состоялась IV Генеральная Ассамблея ВСЦ в Упсале. Патриарх Герман Сербский был одним из шести ее председателей и оставался на этом посту в течение последующих десяти лет. Ввиду вышеописанного, кажется удивительным, что Элладская церковь отказалась принять участие в этой Ассамблее. Но мотивы этого были политическими — негативное отношение шведского правительства и ВСЦ к греческой хунте. Упсала значительно продвинула экуменическое движение при полном, как с радостью отметил это новый генеральный секретарь Гарсон Блейк, участии православных во всех секциях и комитетах, без всяких особых заявлений, расходящихся со взглядом протестантского большинства, какие часто бывали в прошлом.

Теперь только РПЦЗ, Российская Катакомбная Церковь и греческие и румынские старостильники стояли на пути совершенного триумфа экуменизма. Настало время этому последнему остатку Истинной Церкви Христовой отвергнуть все колебания, все ложные надежды, все искушения компромисса пред лицом совершенно недвусмысленной апостасии официальных церквей "мірового православия". Настало время объявить, что экуменизм был не просто неканоничной деятельностью, а ересью, и не просто ересью, а "ересью ересей".

Это определение прозвучало впервые в докладе, представленном архиепископом Виталием Канадским Синоду РПЦЗ об Упсальской Ассамблее ВСЦ: "При открытии Ассамблеи была прочитана экуменическая молитва от лица всех собравшихся: "Боже, Отец наш, Ты можешь воссоздать все заново. Мы вручаем себя Тебе, помоги нам жить для других, ибо Твоя любовь распространяется на всех людей, и искать Истину, которой мы не знаем..." Как могли православные слушать эти последние слова? Интересно было бы посмотреть в этот момент на лица православных иерархов, которые заявляли во всеуслышание, что они тоже не знают Истины. Каждый наш батюшка в самой глухой деревеньке опытно знает Истину, поскольку он стоит пред престолом Божиим и молится Богу в Духе и истине. Даже "Журнал Московской Патриархии", который целиком подвластен цензуре коммунистической партии, цитируя слова молитвы в статье об этой конференции, не дерзнул перевести английское "truth" словом "истина", а перевел его как "правда". Конечно, все отлично понимали, что в данном случае в тексте молитвы говорилось без малейшей двусмысленности об Истине.

Возможно, православные иерархи прибегли на конференции к старой иезуитской практике "reservatio mentalis", но в таком случае, если все эти делегаты не покаются в грехе общей молитвы с еретиками, мы должны считать их на совершенно ложном пути отступления от Истины Православия...

Экуменизм — это ересь ересей, потому что доныне каждая ересь в истории Церкви стремилась занять место истинной Церкви, а экуменическое движение, объединяя все ереси, призывает их все вместе считать себя единой истинной Церковью" (86).

81) Цит. по: Eastern Churches Review. Vol. 1, № 3 (Spring 1967) 291.

82) См.: Eastern Churches Review. Vol. 1, № 4 (Winter 1967–1968) 419.

83) Ibid. 425.

84) Архимандрит Иоанн (Льюис) из монастыря Пресвятой Богородицы в Норт-Форт-Мьерс (Флорида) рассказал автору, как он однажды в августе 1967 г. посетил патриарха Афинагора, будучи в то время иподиаконом Руфинианской Византийской Католической церкви, ищущим перейти в Православие. Афинагор обескуражил его, сказав, что он должен оставаться в униатской церкви и служить "мостом" между католиками и православными!

85) См.: MACRIS, The Orthodox Church and the Ecumenical Movement... 101–105.

86) Архиепископ Канадский ВИТАЛИЙ [УСТИНОВ], Экуменизм // Москва. № 9 (1991) 149.

ГЛАВА VII
ЗЕНИТ ЭКУМЕНИЗМА
И УПАДОК КОММУНИЗМА

Призывы истинно-православных, обращенные к "мірovому православию" большей частью не были услышаны, и история оффициального "мірового православия" с 1970 г. представляет собой продолжающееся скатывание во все углубляющееся удаление от Бога и подчинение маммоне. На этом мрачном фоне были некоторые светлые пятна, как например, временное единение истинно-православных в 1971 г. и падение коммунизма в 1989–1991 гг. Но в целом, экукоммунизм, взяв в течение шестидесятых последние бастионы оффициальных церквей, продолжал свое наступление на Церковь. К 1970 г. все поместные Православные Церкви вступили во Всемірный совет церквей, и это, вместе со все возрастающим ослаблением "железного занавеса", разделявшего Церкви Запада и Востока, делает разграничение нашей истории на историю Русской Церкви, с одной стороны, и Греческой и Балканской Церквей, с другой, все более искусственным. Отныне мы можем говорить о едином блоке, составленном из церквей отступнического "мірового православия", которые все, в большей или меньшей степени, подвержены "все-ереси" экуменизма, и которым противостоит некоторое число Истинно-Православных Церквей, тщащихся достигнуть единства пред лицом общего врага.

Разделения среди греческих старостильников

К 1970 г. поместные церкви более или менее объединились в своем стремлении к единству с католиками и протестантами. К 1971 г. истинно-православные Греции и Кипра и Русская Зарубежная Церковь (РПЦЗ) тоже объединились — временно. Увы, этот союз, который мог бы быть столь полезным в борьбе истинно-православных христиан, развалился.

Как мы уже видели, в 1969 г. РПЦЗ оффициально признала флоринитскую иерархию, возглавлявшуюся тогда архиепископом Авксентием. Это усилило позиции флоринитов и, соответственно, ослабило матфеевцев. В результате этого, 1/14 сентября 1971 г. посольство матфеевского Синода, в составе митрополитов Каллиста Коринфского и Епи- фания Китийского (Кипрского) и секретаря Синода протопресвитера Евгения Томброса, отправилось в Нью-Йорк в Синод Русской Зарубежной Церкви. Они прибыли, как об этом несколько лет спустя матфеевцы писали русским, "с тем чтобы войти в контакт с вашим Синодом и установить духовное общение с вами для усиления Священной борьбы Православия" (1). Митрополит Епифаний в письме к митрополиту Филарету (Вознесенскому) подчеркивал: "Я приехал исполнить наш общий с Вами долг с опозданием на сорок восемь лет. Я приехал с убеждением, что по немощи человеческой мы в 1971 году испоняем то, что должны были сделать в 1924 ...я верил, что входя в таинственное общение с Вами, я становлюсь с Вами единым Телом и Кровию Иисуса Христа" (2).

Однако матфеевцы не искали немедленного молитвенного общения с русскими. Прежде всего они спросили об отношении русских к новостильникам. Те ответили, что введение нового стиля было ошибкой, и пообещали, в лице архиепископа Филофея Гамбургского, что они впредь не будут сослужить с новостильниками. Однако, они ничего не сказали относительно того, считают ли они таинства новостильников действительными. Возможно, не случайно русские именно в это время также решили, что все католики и протестанты, желающие стать православными, должны быть сначала крещены троекратным погружением.

По-видимому, удовлетворенные этим ответом, матфеевцы затем попросили русских вынести суждение об их собственном каноническом положении.

Исследовав положение матфеевцев, русские 15/28 сентября предоставили в письменном виде догматико-каноническое исследование случая рукоположения архиереев лишь одним епископом. Матфеевцы утверждают, что этот доклад оправдывает деяние епископа Матфея, но это — в результате переиначивания текста. В действительности же русские, хотя и выражались в примирительном тоне, заключили, что матфеевцы погрешили, "не против догматов Православия, но тем не менее, по своей ревности сохранить их, они погрешили против иерархического порядка, когда епископ Матфей рукоположил епископа единолично. Простое признание их хиротоний может послужить причиной соблазна, как противоречащее установленным правилам: Первому Апостольскому, Четвертому Первого Вселенского Собора и Третьему Седьмого Вселенского Собора. В то же самое время, из других канонов и примеров явствует, что икономия может быть применена на основании Восьмого правила Первого Вселенского Собора и Шестьдесят шестого Карфагенского Собора..."

Таким образом, было решено, что два русских архиерея возложат руки на митрополитов Каллиста и Епифания, а те двое, в свою очередь, совершат то же над своими собратиями-епископами, а епископы над духовенством, и что епископы Каллист и Епифаний должны "сделать все возможное, чтобы их иерархия, клир и народ объединились бы с теми, кто находится под управлением его Блаженства архиепископа Авксентия". Возложение рук, действительно, имело место, однако, здесь были большие разногласия относительно его точного значения. Матфеевцы утверждали, что это таинство, будучи хиротесией (возложением рук), а не хиротонией (рукоположением), не означало, что посвящения Матфея были недействительны, а скорее наоборот, означало признание их действительными. В подтверждение этого они цитировали: а) слова Деяния, где употреблено слово "хиротесия" и его русский эквивалент (3), и б) английский текст письма, посланного митрополитом Филаретом митрополиту Епифанию, в котором означенное таинство описано не более чем как "разрешительная молитва" — очевидно, для устранения смущения касательно матфеевских рукоположений по причине их происхождения от только одного архиерея.

Против этого, однако, говорят следующие факты: а) русские в своем документе от 15/28 сентября определенно заявили, что они не собираются просто признавать матфеевские рукоположения; б) в том же самом тексте они пояснили, что в истории Церкви клирики некоторых безблагодатных раскольников, таких как кафары, принимались в ряды православного духовенства через хиротесию, а не через перерукоположение, что являлось применением икономии, но никоим образом не означало признания раскольнических рукоположений; и в) епископ Лавр, секретарь русского Синода, во время своей поездки в Грецию подчеркивал, что хиротесии над митрополитами Каллистом и Епифанием были совершены не в один и тот же день, а поочередно, что явственно означает, что по существу они были эквивалентны хиротониям (4).

Вернувшись в Грецию, митрополиты Каллист и Епифаний действительно совершили то же таинство над своими собратьями-архиереями; и поначалу матфеевцы, по-видимому, приветствовали это исправление своего ненормального канонического положения. Но затем многие из числа духовенства воспротивились этому, не захотев принимать какое-либо таинство, которое могло бы означать недействительность совершенных епископом Матфеем рукоположений. Более того, они воспротивились всякому единению в таинствах с флоринитами и усомнились также в православии и самих русских. В результате, спустя короткий период времени, в продолжении которого матфеевцы и флориниты называли друг друга "братьями во Христе", 20 декабря 1972 г. матфеевцы порвали общение также и с русскими, потому что, как они утверждали, русские нарушили данное им обещание представить письменное исповедание безблагодатности новостильников и продолжали, в лице Антония Женевского, иметь с последними общение (5).

В июле 1972 г. умер патриарх Афинагор. Сразу же появилась надежда, что его преемник Димитрий отвергнет униатство своего предшественника и вернется к Православию. Однако, эта надежда рухнула, когда в своей интронизационной речи 5/18 июля новый патриарх подтвердил свою приверженность экуменизму и ВСЦ и

сказал о "неотложной необходимости приступить к диалогу, прежде всего, с исламом, а затем с другими великими монотеистическими религиями" (6).

Несколько позже в том же году Димитрий обратился к мусульманам по случаю одного из их праздников со словами: "Великий Бог, чадами Которого мы все являемся, хочет, чтобы все мы, верующие в Него и почитающие Его, были спасены и были братьями. Он хочет, чтобы это было так, несмотря даже на то, что мы принадлежим к разным религиям. В этих религиях, однако, мы научены и признавать Святаго Бога началом и концом всего, и любить друг друга, и помышлять только о добром, — давайте же и будем это делать в отношении друг друга" (7).

Это не помешало Священному Киноту Святой Горы распространить по всем монастырям окружное послание от 8/21 июля, предписывающее им возобновить поминовение Вселенского патриарха. "Новый климат установился во взаимоотношениях между Святой Горой и Вселенской патриархией, — утверждалось в послании. — После смерти патриарха Афинагора причин, побудивших некоторые священные монастыри прекратить поминовение имени своего епископа, более не существует". Тем не менее, даже после этого утверждения и визита на Святую Гору в сентябре экзархии Вселенской патриархии, семь монастырей по-прежнему отказывались поминать патриарха. А один из них, Эсфигмену, начал вместо него поминать старостильного архиепископа Авксентия (8). В сентябре 1973 г. другая экзархия прибыла на Святую Гору. Она осудила бунт Эсфигмену и сказала, что патриарх вскоре вынесет свое окончательное решение по этому вопросу.
"11 марта 1974 г. Вселенский патриарх написал Священному Киноту, объявляя свое решение. Прещения были наложены на тринадцать монахов. В их число входили архимандрит Афанасий, игумен Эсфигмену, два эпитропа и секретарь монастыря, которые должны были быть немедленно изгнаны с Горы; архимандрит Евдоким и игумен Ксенофонт подлежали низложению и изгнанию из своего монастыря, но с дозволением жить в какой-либо другой афонской обители. Игумены двух других братств — архимандриты Дионисий Григориатский и Андрей Святопавловский — подлежали низложению, если в течение двух месяцев они не возобновят поминовение патриаршего имени.

...По получении патриаршего письма полиция обрезала телефонную линию в Эсфигмену и выставила оцепление снаружи монастыря. Между тем, монахи держали врата закрытыми и вывесили со стены большой черный флаг с надписью "Православие или смерть". Они предупредили гражданского губернатора, что окажут сопротивление любой попытке войти в монастырь силой. В своей декларации внешнему міру они заявили, что продолжают считать себя каноническим субъектом Вселенского патриархата, но не признают занимающего в настоящее время патриарший престол, поскольку "он — враг Православия". К наступлению Страстной седмицы монастырь был полностью отрезан от міра: никто не входил и не выходил из него" (9).

Хотя матфеевцы порвали общение с флоринитами в 1972 г., флориниты изо всех сил старались заделать брешь. Так, в 1974 г. они вновь подтвердили в синодальной декларации, что новостильники суть раскольники безо всякой благодати в таинствах, и что их должно принимать в истинную Церковь через мvропомазание. К сожалению, это не повлекло за собой желаемого результата в отношении приведения матфеевцев вновь к единству, а породило лишь дальнейшие расколы.

Так, епископ Петр Асторийский, грек-старостильник, посвященный двумя русскими архиереями без разрешения Синода РПЦЗ, отказался подписать исповедание 1974 г. и был смещен с занимаемой им должности экзарха флоринитского Синода в Америке. В том же году митрополиты Акакий Диавлейский и Герман Кикладский порвали общение с флоринитским Синодом из-за того, что архиепископ Авксентий рукоположил во епископы нескольких недостойных кандидатов и, более того, сделал это без их согласия. В 1978 г. к ним присоединились епископ Петр Асторийский и митрополит Солунский Хризостом (Киюсис).

Увы, процесс распада продолжался. В 1977 г. митрополит Каллист Коринфский, недовольный разрывом матфеевцев с русскими, разорвал общение с матфеевцами и

присоединился к флоринитам. Однако, в 1978 г. флоринитский архиепископ Авксентий принял некоего священника РПЦЗ и посвятил его как епископа Гавриила Лиссабонского, вынудив РПЦЗ разорвать общение с флоринитами (10).

В 1978 г. матфеевский митрополит Епифаний Кипрский выпустил воззвание, призывающее всех истинно-православных христиан к единению, но не был услышан. В феврале 1979 г. митрополиты Каллист Коринфский и Антоний Мегарский отложились от флоринитов и основали свой собственный Синод. Затем они рукоположили восемь флоринитских архимандритов во епископы (11). В 1980 г. этот "каллистовский" Синод совершил чин мvроварения и вошел в оффициальное общение с Синодом Истинно-Православной Церкви Румынии под председательством митрополита Гликерия (12).

Тем временем, авксентьевский Синод вновь раскололся, и одну из частей возглавил митрополит Геронтий Пирейский. А в середине 1980-х гг. каллистовский Синод тоже распался: митрополит Каллист умер в одиночестве, некоторые иерархи вернулись к Авксентию, другие соединились с Геронтием, а митрополиты Киприан Филийский и Джованни Сардинский основали еще один независимый Синод. Перспективы для греческого Православия вырисовывались действительно мрачные...

1) Письмо от 20 февраля 1976 г. от матфеевского Синода русскому Синоду. Цит. по: Keryx Gnesion ‘Orthodoxon (Phebroyarios 1976) 5–12.

2) Письмо на Пасху 1979 г. митрополита ЕПИФАНИЯ митрополиту Филарету (франц. перевод). (Рукопись).

3) Anegnoristhe e chanonichothes ton cheirotonion tes parataxeos emon // Keryx Gnesion ‘Orthodoxon (Noembrios 1971) 3–14. Русский текст этого оффициального документа, воспроизведенный в том же матфеевском органе, утверждает, что русские "прочитали молитвы с возложением рук" на этих двух архиереев.

4) См.: DOENS, Les Palaioiemerologites... 48.

5) Письмо от 20 февраля 1976 г. от матфеевского Синода русскому Синоду (см. сн. 1). Архиепископ Антоний действительно служил с новостильниками и с сербами. По этой причине многие клирики и міряне ушли от него в различные греческие старостильные Синоды в 70–80-е гг. См.: Keryx Gnesion ‘Orthodoxon (Martios 1984) 102–103; (‘Ochtobrios 1997) 262–263. Более подробный рассказ об этих событиях, в том числе, полный текст русского документа, см. в: HOLY TRANS-FIGURATION MONASTERY, The Struggle against Ecumenism (Boston, 1998) 87–100.

6) Epischepsis 59 (‘Ioynios 25, 1972) 6; Eastern Churches Review. Vol. IV, № 2 (Autumn, 1972) 175.

7) Phone ex ‘Agioy ‘Oroys (1988) 73. См.: ‘Echchlesiastiche ‘Alethea 70 (1972).

8) См.: Eastern Churches Review. Vol. IV, № 1 (Spring 1973) 72–73.

9) Estern Churches Review. Vol. IV, № 1 (Spring 1974) 109–110.

10) Этот священник принадлежал к юрисдикции архиепископа Антония Женевского, и возможно, знаменательно то, что архиепископ Антоний был единственным русским иерархом, который не подписал послание от 18/31 декабря 1969 г. с признанием хиротоний флоринитов. Он продолжал благословлять своих священников сослужить лучше с ново-, чем со старостильниками во время пребывания в Греции, что привело к переходу архимандрита Амвросия (Фонтрие), главы Парижской Миссии, к грекам-старостильникам в 1986 г.

11) Две противоположные оценки деятельности этого Синода см. в: Hieromonk AMBROSE and others, The Old Calendar Orthodox Church of Greece… 22–26, с одной стороны, а с другой — Latest developments in the Church of Genuine Orthodox Christians of Greece, специальное приложение к Orthodox Christian Witness. Vol. XVIII, № 12 (November 1984) (St. Nectarios Educational Series, 93); Priest-monk HARLAMPUS (Book Rewiew // The True Vine. № 21. Vol. 6, № 1 (1994) 56–63). Утверждают, что хиротонии восьми архимандритов были совершены с разрешения архиепископа Авксентия. Однако, даже если это правда, они были совершены тайно от остальных архиереев авксентьевского Синода, что противно канонам. Во всяком случае, архиепископ Авксентий вскоре отверг новый Синод, основанный якобы по его благословению.

12) См.: Panegyrichon Sylleitoyrgon 'Ellenon chai Poymanon // Phylaches 'Orthodoxias 9 (Noembrios 1979) 72–74. См.: The Present State of the Church of the Old Calendar in Romania // Orthodox Christian Witness (September 25 / October 8, 1978) 2.

Прим. ред.: Святитель Гликерий Исповедник († 1985) был прославлен Истинно-Православной (Старостильной) Церковью Румынии 26–27 июня 1999 г. Подробнее о прославлении и житие свт. Гликерия см.: Вертоградъ-Информ. № 7 (52) (1999) 19–32.

Российские диссиденты и экуменисты

Если экуменический аспект экукоммунистической ереси восходил от силы в силу, то коммунистический, хотя еще и могущественный, начал выказывать первые признаки увядания, если не в свободных странах Запада и в Греции, где в интеллектуальной среде по-прежнему господствовали левацкие взгляды, то, по крайней мере, на своей родине — в Советском Союзе, где секретная хрущевская речь на XX Съезде компартии, развенчивавшая Сталина, и последующее бесхребетное пресмыкательство оффициальной церкви во время гонений 1959–64 гг. вызвали первые проявления того, что впоследствии стало известно под именем диссидентства, диссидентского движения.

Теперь модно умалять значение этого движения, считая его в основе своей чисто политическим, имеющим мало общего с Церковью. Действительно, следует отметить, что никто из ведущих диссидентов, таких как Эшлиман, Дудко и Солженицын, не был членом Истинной Церкви, и все они были, в большей или меньшей степени, заражены западными еретическими идеями, такими как экуменизм. Тем не менее, диссиденты несомненно имели историческое значение, ознаменовав собою возвращение смелости к советской интеллигенции и к части советской церкви, а аргументы, преувеличившие их значение в глазах Русской Зарубежной Церкви, довольно сильно повлияли на историю этой Церкви.

Два главных течения, различавшиеся внутри диссидентского движения, могут быть названы, возвращаясь к терминологии интеллигенции XIX века, западниками и славянофилами (13). Западники сосредотачивались, главным образом, на исправлении злоупотреблений в Церкви, восстановлении свободы совести и свободы слова. Они больше искали и получали поддержку на Западе и были, в соею очередь, больше подвержены влиянию современного западного образа мысли, особенно — и в этом они отступали от традиционно-православного образа мысли — влиянию экуменизма. Славянофилов не столь хорошо принимали и понимали на Западе. Их главный акцент был на восстановление традиционной русскости — русской религии, русского искусства и архитектуры, русской культуры во всех ее формах, которую советская культура так сильно растоптала и искалечила.

Эти два течения не всегда были резко дифференцированы и могли даже сочетаться в мышлении и деятельности одного человека. Так, Александр Солженицын, которого принято считать славянофилом, тем не менее, имел ряд характерных признаков диссидента-западника, не только в своей правозащитной деятельности, но также и в экуменических взглядах. И очищенные от своих неправославных элементов, оба течения, можно сказать, были направлены (хотя и неосознанно) к Истинно-Православной Церкви, которая оставалась более радикальной и еще более смелой в

своем исповедании, чем диссиденты, и более полно представляла собой лучшее из наследия старой России, чем славянофилы.

Диссидентское движение в советской церкви началось среди духовенства с открытого письма священников Николая Эшлимана и Глеба Якунина председателю ЦК КПСС Подгорному в 1965 г., где они протестовали против раболепства церкви перед государством, выразившемся, в частности, в непротивлении хрущевскому гонению, в передаче управления приходами подконтрольным "двадцаткам", в предоставлении списков крестившихся местным органам власти, в запрещении детям и подросткам до восемнадцати лет участвовать в церковной жизни и в рукоположении в епископы и священники только тех кандидатов, которые были угодны Совету по делам религий. Это письмо было проигнорировано патриархией, что стало общим явлением для подобных протестов, а в 1966 г. оба священника были запрещены в священнослужении.

Среди мірян наиболее выдающимся диссидентом был философ Борис Талантов, посаженный за руководство группой верующих города Кирова, предававших огласке нечестивую деятельность местного епископа Иоанна по закрытию церквей и по давлению на верующих. Он тоже не получил никакой поддержки со стороны патриархии, будучи публично оклеветан по Би-би-си митрополитом Никодимом Ленинградским, и был в результате посажен в кировскую тюрьму, где и умер в 1971 г. Талантов продвинул диссидентское движение внутри советской церкви на новую важную стадию тем, что развенчал Декларацию митрополита Сергия от 1927 г. как предательство Церкви и открыто назвал Московскую патриархию "тайным агентом мірового антихристианства" (14).

В 1972 г. А. Солженицын написал открытое "Великопостное письмо" патриарху Пимену, описывая патриархию как "диктаторски управляемую атеистами — нечто невиданное за два тысячелетия!" "Русская Церковь, — писал он, — выражает свою озабоченность любыми бедствиями в далекой Африке, когда ей вовсе нечего сказать о худших вещах здесь, дома". И он продолжает: "Какими доводами можно убедить себя, что планомерное разрушение духа и тела Церкви под руководством атеистов — есть наилучшее сохранение ее? Сохранение — для кого? Ведь уже не для Христа. Сохранение — чем? Ложью? Но после лжи — какими руками совершать евхаристию?" (15)

Солженицынский призыв "жить не по лжи" показался некоторым (независимо от того, виделся ли он ему самому в таком свете) логически ведущим к принятию катакомбного существования для Церкви. Так, о. Сергий Желудков откликнулся на него следующими словами: "Что же нам делать в таком случае? Сказать ли: все или ничего? Нужно ли нам пытаться уйти в подполье, что при нынешней системе немыслимо? Или нам нужно попытаться как-то принять систему и использовать пока те возможности, которые дозволены?" (16)

Несколькими годами позже другой диссидентский священник, о. Димитрий Дудко, развил мысль дальше: "Все мы признаем патриарха Тихона, и мы смотрим на патриарха Сергия как на предателя церковных интересов в угоду властям. Последующие — Алексий и нынешний Пимен — лишь идут уже проторенным путем. У нас нет другой иерархии. Катакомбная Церковь может быть и хороша — но где она? Истинная Православная Церковь — они хорошие люди, морально стойкие; но у них почти нет священства, и вы их просто не найдете, а жаждущих много. И приходится пользоваться той иерархией, которая у нас есть. Сразу же встает вопрос: а пользуют ли они нас? В основном, они марионетки безбожников. И другой вопрос: по крайней мере, верующие ли они? Кто ответит на этот вопрос? Я боюсь отвечать..." (17)

13) См.: Р. РЕДЛИХ, Россия, Европа и реальный социализм // Грани (1986) 265–289; A. JANOV, The Russian Challenge (Oxford: Blackwells, 1987) Ch. 2–4; В. АКСЮЧИЦ, Западники и почвенники сегодня // Вестник Христианского Информационного Центра. № 30 (22 сентября 1989).

14) См.: ANDREYEV, Russia’s Catacomb Saints… 460.

15) Цит. по: ELLIS, The Russian Orthodox Church... 304.

16) ELLIS, The Russian Orthodox Church... 305.

17) Посев (Июль 1979). Англ. пер. см.: The Orthodox Word (September–October 1979).

Ретрограды и либералы в РПЦЗ

В 1974 г. в Свято-Троицком монастыре в Джорданвилле (США) прошел Третий Всезарубежный Собор РПЦЗ. Как Первый Всезарубежный Собор, проходивший в Сремских Карловцах в 1921 г., определил отношение ПРЦЗ к большевицкому режиму и реставрации династии Романовых, а Второй Собор, проходивший в Белграде в 1938 г., определил ее отношение к Катакомбной Церкви, — так Третий Собор определил или попытался определить ее отношение к диссидентскому движению. Значительная часть соборян, во главе с архиепископом Антонием Женевским хотела, чтобы РПЦЗ оказала безоговорочную поддержку диссидентам, несмотря на то, что все они были членами Московской патриархии, и что их экуменическая идеология была чуждой духу и учению РПЦЗ. Однако, остаток традиционалистов во главе с архиепископом Антонием Лос-Анжелосским, хотя и отдавая должное уважение смелости диссидентов, возражал против признания, которое могло бы ввести в заблуждение верующих в России, обесценив свидетельство истинных катакомбных исповедников, создав впечатление, будто можно быть истинным исповедником внутри еретической церковной организации.

Соборное Послание скомкало вопрос, заявив:

"Граница между охранением Церкви и соблазнительным самосохранением проведена Святейшим Патриархом Тихоном, его законным местоблюстителем Митрополитом Петром, Митрополитом Казанским Кириллом, Петроградским Митрополитом Иосифом и соловецкими исповедниками во главе с Архиепископом Иларионом (Троицким) (18).

Эту границу за последние годы вновь четко провели Архиепископ Ермоген, некоторые священники, среди них Николай Гайнов и Димитрий Дудко, вятские міряне во главе с Борисом Талантовым, защитники Почаевской Лавры, такие как Феодосия Кузьминична Варрава, и многие другие.

Эту границу провел и Солженицын своим призывом "жить не по лжи". Жить не по лжи и чтить память святых мучеников и исповедников нашей Церкви — это и есть граница, отделяющая действительных тихоновцев от "иродовой закваски сергиевщины", как об этом писал умерший в заточении обличитель нынешних возглавителей патриархии Борис Талантов.

В своих неусыпных молитвах друг за друга, в своей любви о Господе Иисусе, в своей верности идеалу прошлой и будущей Православной Руси верные архипастыри, пастыри, иноки и міряне по обе стороны железного занавеса едины. Вместе они составляют Святую Церковь Русскую — неделимую, как неделим нешвенный хитон Христов" (19).

На Соборе раздавались голоса за объединение РПЦЗ с раскольничьими Парижской и Американской юрисдикциями. Любовь, говорили они, должна всех объединить, и не следует подчеркивать разногласия. Но эти голоса вынуждены были смолкнуть, когда первоиерарх РПЦЗ митрополит Филарет подчеркнул, что любовь, которая не желает потревожить ближнего указанием на его заблуждения, есть не любовь, а ненависть (20).

Как писал по этому поводу преподобный Максим Исповедник: "Я хочу и молю вас быть вполне резкими и непримиримыми с еретиками только в отношении сотрудничества с ними или какой бы то ни было поддержки их безумного верования. Ибо я считаю это человеконенавистничеством и удалением от Божественной любви — оказывать

поддержку заблуждению, чтобы те, кто был ранее захвачен им, могли бы еще более растлиться" (21).

В конце 1970 г., с ослаблением напряжения в политической сфере, "диссидентская лихорадка" в РПЦЗ стала усиливаться. Это вызвало беспокойство среди традиционалистски настроенных ее членов, особенно нерусского происхождения, многие из которых стали уходить в те или иные из греческих старостильных юрисдикций. Однако, именно в эти годы митрополит Филарет принял под свой омофор четырнадцать иеромонахов Катакомбной Церкви, осиротевших после смерти своего архиерея, архиепископа Антония Галынского-Михайловского († 1976 г.).

"Ретрограды" в РПЦЗ желали более прямого, менее двусмысленного заявления об отношении РПЦЗ к Московской патриархии, лучше всего — заявления о том, что МП еретична и лишена благодати таинств. В поддержку своих аргументов они обращали внимание на все более и более наглый экуменизм и униатство патриархии, возглавляемые генералом КГБ митрополитом Никодимом Ленинградским. Апогеем этого процесса стала смерть самого Никодима в 1978 г. на руках папы Иоанна Павла I, от которого он получил последнее напутствие. Один из самых высокопоставленных иерархов Русской оффициальной церкви умер как папист (если он не был прежде и более всего коммунистом), — такого не бывало со времен митрополита Исидора и Флорентийского собора (22).

Насколько глубоко проникло латинство в Московскую патриархию, прекрасно видно из истории о. Михаила Гаврилова, русского православного священника, тайно принятого в 1973 г. в Католическую церковь.

"Капуцинский священник, — пишет о. Сергий Келехер, — сказал Гаврилову, что митрополит Никодим Ленинградский втайне был католическим епископом, с признанной Римом юрисдикцией над всей Россией, полученной им от папы Павла VI. Это утверждение, хотя и не вполне доказанное, тем не менее, вовсе не невозможно. 6 сентября 1975 г. Гаврилов произнес перед митрополитом Никодимом генеральную исповедь, и тот принял его монашеские обеты и клятву на верность Апостольскому Престолу и папе Римскому. Кир Никодим велел Гаврилову проводить свою монашескую жизнь согласно иезуитским Постановлениям и подарил ему их экземпляр на русском языке. Все это было сделано приватно, а четырьмя днями позже митрополит постриг Гаврилова в монахи. 9 октября кир Никодим рукоположил Гаврилова в священники без обычной для русских ставленников присяги.

В 1977 г. Гаврилов был переведен в Львовско-Тернопольскую епархию Московской патриархии. Во время последнего разговора Гаврилова с кир Никодимом, митрополит Ленинградский "благословил его и дал ему указания хранить его католические убеждения и делать все возможное для пользы католического дела не только на Украине, но и в России. Митрополит говорил о практике своих предшественников, а также просил его быть благоразумным"..." (23)

Эта информация показывает, что за "миротворческой" экуменической деятельностью Ватикана стоит твердое намерение одолеть МП без всякого уважения к ней как к церкви. Гаврилов, уже бывший русским православным священником, был перерукоположен Никодимом — явное свидетельство того, что Рим признает таинства православных лишь постольку, поскольку это его устраивает. Когда же он берет инициативу в свои руки, такого признания может уже и не быть...

Поскольку диссиденты в МП были далеки от разоблачения экуменизма, а напротив, активно поддерживали его, и поскольку Катакомбная Церковь не могла в условиях СССР говорить во всеуслышание, то возвысить голос против отступничества патриархии досталось на долю Зарубежной Церкви. И она это сделала в лице ее первоиерарха митрополита Филарета, через его "Скорбные послания", выдвинувшие его на положение лидера истинно-православных в свободном міре. Но митрополит Филарет не был настолько всесильным, чтобы противостоять либеральным тенденциям в своей Церкви, в частности, деяниям архиепископа Антония Женевского и епископа Марка Берлинского; и в 1980-х гг. либералы достигли своего величайшего триумфа,

добившись тайного рукоположения человека, рекомендованного диссидентским советским священником Димитрием Дудко, — человека, к которому с величайшим недоверием относилась вся Катакомбная Церковь, — Лазаря Журбенко — в качестве первого архиерея новой тайной иерархии в России, параллельной иерархии Катакомбной Церкви.

1/14 августа 1990 г. Синодальная Канцелярия РПЦЗ решила пролить некоторый свет на эту тайную хиротонию, выпустив следующий документ: "В 1982 г. Преосвященный Антоний, Архиепископ Женевский и Западно-Европейский, вместе с Преосвященным Марком, Епископом Берлинским и Германским, по указанию Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей, тайно совершили архиерейскую хиротонию иеромонаха Варнавы (Прокофьева), чтобы содействием этих архипастырей церковная жизнь Катакомбной Церкви в России могла быть урегулирована. Поскольку внешние обстоятельства более не вынуждают ни Преосвященного Епископа Лазаря в России, ни Преосвященного Епископа Варнаву во Франции оставаться тайными архиереями нашей Русской Зарубежной Церкви, Архиерейский Синод теперь официально заявляет об этом факте" (24).

Это была зловещая фраза: "чтобы ...церковная жизнь Катакомбной Церкви в России могла быть урегулирована". Никакого указания на то, почему жизнь Катакомбной Церкви требовала урегулирования извне, или каким образом это предполагаемое урегулирование должно совершаться, или какое каноническое право было у РПЦЗ вмешиваться в дела Катакомбной Церкви в России, дано не было. В действительности же согласие Катакомбной Церкви не было ни испрошено, ни дано. Есть некоторые признаки того, что решение не было даже решением всего Синода РПЦЗ. В частности, полагают, что Председатель Синода митрополит Филарет и пятеро других архиереев были не согласны с ним (25)...

Однако, диссидентское движение, которому либералы придавали столь великое значение, уже само находилось в это время в резком упадке. Ибо в 1980 г. о. Димитрий Дудко был арестован, за чем вскоре последовали аресты его учеников Виктора Капитанчука и Льва Регельсона. Затем Дудко выступил по советскому телевидению с раскаянием и заявил, что его "так называемая борьба с безбожием" была на самом деле "борьбой с советской властью". Регельсон сознался в "преступных связях" с зарубежными корреспондентами и в смешивании религиозной деятельности с политикой, а Капитанчук также сознался в связях с западными журналистами, сказав: "Я возводил клевету на советское государство, о чем очень сожалею". Оба они впутывали других в свои "преступления".

Митрополит Филарет писал, что трагедия отказа от своих собственных убеждений постигла Дудко потому, что его деятельность проходила внутри Московской патриархии — то есть вне Истинной Церкви.

"Что такое "советская церковь"? — писал Владыка Филарет. — О. архим. Константин [Зайцев] много и настойчиво говорил о том, что самое страшное из того, что сделала в России богоборческая власть, есть появление "советской церкви", которую большевики преподнесли народу как церковь истинную, загнав настоящую православную Церковь в катакомбы или в концлагери.

Эта лже-церковь дважды анафематствована.

Святейший Патриарх Тихон и Всероссийский церковный Собор анафематствовали коммунистов и всех их сотрудников. Эта грозная анафема до сих пор не снята и сохраняет силу, т. к. снять ее может только такой же всероссийский церковный Собор, как каноническая высшая церковная власть. И произошло страшное дело в 1927 году, когда возглавлявший церковь митр. Сергий своей позорной отступнической декларацией подчинил русскую церковь большевикам и объявил о сотрудничестве с ними. И сбылось в самом точном смысле выражение пред-исповедной молитвы: "под свою анафему падоша"! Ибо в 1918 году церковь анафематствовала всех соработников коммунизма, а в 1927 году сама вошла в компанию этих сотрудников и

стала восхвалять красную богоборческую власть — восхвалять красного зверя, о котором говорит Апокалипсис.

Этого мало. Когда митр. Сергий обнародовал свою преступную декларацию — от сов. церкви сразу отделились верные чада церковные, и создалась катакомбная Церковь. А она в свою очередь анафематствовала официальную церковь за ее измену Христу" (26).

Рассматривая эту трагедию с психологической точки зрения, мы можем видеть, что уязвимость Дудко заключалась не столько в страхе перед пытками, сколько в способности КГБ (возможно, с помощью кого-нибудь из архиереев государственной церкви) посеять в нем чувство ложной вины — вины, заключавшейся в том, что он, объективно, вредил советскому государству, которое, согласно оффициальному учению своей церкви, он обязан был поддерживать и за которое он должен был молиться.

Эта трагедия высветила фундаментальную и неизбежную дилемму, вставшую перед всеми диссидентами. Ибо честный анализ не мог не привести к выводу, что действия, направленные на восстановление свободы и достоинства Церкви были непременно антисоветскими, поскольку советское государство и Православная Церковь представляют собой носителей противоположных и непримиримых целей и идеологий. Поэтому каждый последовательный борец за свободу и достоинство Церкви раньше или позже будет вынужден сознаться самому себе (независимо от того, признается ли он в этом перед КГБ), что он ратовал против советской власти — если не физическими, то, по крайней мере, духовными средствами, и что ему нужно действовать вне учреждений советской власти, будь то политические или церковные учреждения. Так что неуспех диссидентов был естественным следствием их непослушания апостольской заповеди: не бывайте преложни ко иному ярму с неверными (II Кор. 6:14). Это было следствием того пакта между митрополитом Сергием и коммунистами, который, по словам одной самиздатовской публикации начала 1970-х гг., "связал Церковь по рукам и ногам, возложив на нее лояльность в отношении не только государства, но главное — коммунистической идеологии". (27).

Поучительно будет сравнить развитие диссидентского движения в Российской оффициальной церкви с аналогичным процессом в Грузинской церкви, которая, несмотря на свою автокефалию, была ничуть не в меньшей степени под контролем КГБ (28). Грузия пострадала от антирелигиозной политики Хрущева в 1959–64 гг. и потом еще раз, когда Эдуард Шеварнадзе стал Первым секретарем компартии Грузии в 1972 г. Это вызвало всплеск диссидентского движения среди грузинских христиан, сочетавшего в себе заботу о правах человека с борьбой против церковного прислужничества и коррупции, свойственных российской оффициальной церкви, с сильным акцентом на грузинском национализме. В 1975–77 гг. лидеры этого движения — Звиад Гамсахурдиа, Валентина Паилодзе и Мераб Костава — были арестованы и приговорены к различным срокам лагерей. Гамсахурдиа, однако, покаялся по центральному советскому телевидению, и уменьшение его срока до двух лет ссылки показало, что он пошел на сделку с властями.
Эта досадная капитуляция лидеров движения за церковные реформы в обеих республиках нанесла ему серьезный ущерб.

18) В действительности архиепископ Иларион на Соловках был главным защитником сергианства.

19) Послание Третьего Всезарубежного собора Русской Православной Церкви Заграницей православному русскому народу на родине (8/21 сентября 1974).

20) Митрополит Филарет писал об этом в своем письме к игумении Магдалине 26 ноября / 9 декабря 1979 г. Прим. ред.: Выдержки из этого письма см: Вертоградъ-Информ. № 10 (43) (1998) 17, 18–19.

21) PG 91:465c.

22) О митр. Никодиме см: P. COMPTON, The Broken Cross: The Hidden Hand in the Vatican (Sudbury: Neville Spearman, 1983) 158–159. On the Death of a Soviet Bishop // Orthodox Christian Witness (October 23 / November 5, 1978).

23) S. KELEHER, Passion and resurrection — the Greek Catholic Church in Soviet Ukraine 1939—1989 (L'viv: Stauropegion, 1993) 101–102.

24) Заявление Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей // Православная Русь. № 18 (1423) (1990) 6.

25) Е. А. ПЕТРОВА, Перестройка Вавилонской башни (М., 1991) (Рукопись).

26) Письмо протоиерею Виктору Потапову. 26 июня / 9 июля 1980. Прим. ред.: полный текст письма см.: Вертоградъ-Информ. № 11 (44) (1998) 28–32.

27) См.: Orthodox Life (September–October 1974).

28) Сведения взяты в основном из статьи: S. JONES, Soviet Religion Policy and the Georgian Orthodox Apostolic Church: from Khrushchev to Gorbachev // Religion in Communist Lands. Vol. 17. № 4 (Winter 1989) 292–312. В недавно рассекреченных документах из архивов КГБ содержится следующая оценка, относящаяся к 1982 г.: "Благодаря работе наших агентов, Русская Православная, Грузинская и Армянская церкви занимают строго лояльную позицию" (Вестник Германской Епархии Русской Православной Церкви Заграницей. № 1 (1992) 20).

Вопрос о благодати

Другим, еще более важным фактором, показавшим невозможность иметь дело с любой из "церквей" "мірового православия" и, тем более, находиться в них, стал переход, происшедший в начале 80-х гг., от межхристианского экуменизма к межрелигиозному. Уже в 1980 г. Экуменическая Пресс-служба заявила, что ВСЦ разрабатывает план объединения всех христианских деноминаций в одну новую религию (29). Затем, в 1981 г., была составлена межконфессиональная евхаристическая служба на конференции в Лиме (Перу), во время которой протестантские и православные представители в ВСЦ согласились, что крещение, евхаристия и рукоположение у всех деноминаций — действительны и приемлемы (30).

Но самый большой шок вызвала Ванкуверская Генеральная Ассамблея ВСЦ 1983 года. На ней присутствовали представители всех существующих религий, а началась она с языческого обряда, совершенного местными индейцами. Участие православных иерархов в религиозных церемониях вместе с представителями всех міровых религий заслуживало упрека, и он был сделан.

Во-первых, греческий старостильный митрополит Гавриил Кикладский попытался обратиться к Ванкуверской Ассамблее. Но экуменисты не позволили ему выступить, показав тем самым, что их "любовь" и "терпимость" распространяется на всякого рода нечестие, но не на выражение Истинного Христианства. Затем Синод РПЦЗ, собравшись в Канаде, анафематствовал экуменизм в таких словах: "Нападающим на Церковь Христову и учащим, яко она разделилась на ветви, яже разнятся своим учением и жизнью, и утверждающим Церковь не сущу видимо быти, но от ветвей, расколов и иноверий соединитися имущу во едино тело: и тем, иже не различают истиннаго священства и таинств Церкви от еретических, но учат, яко крещение и евхаристия еретиков довлеет для спасения: и тем, иже имут общение с сими еретиками, или способствуют им, или защищают их новую ересь экуменизма, мняще ю братскую любовь и единение разрозненных христиан быти: анафема" (31).

Приложение этой анафемы было самоочевидным: раз Московская патриархия была вполне действительным членом ВСЦ, то она была под анафемой и, следовательно, — лишена благодати таинств. Как пишет И. М.: "Не бывает ереси без еретиков и их практической деятельности. ВСЦ в своих заявлениях говорит: Церковь исповедует,

Церковь учит, Церковь делает то, Церковь делает другое... Этим ВСЦ свидетельствует, что он признает себя не просто советом церквей, а единою церковью. И все, кто являются членами ВСЦ, являются членами этой единой лжецеркви, сатанинского сборища. И этим своим участием в ВСЦ все
поместные православные церкви подпадают под анафему РПЦЗ 1983 года и отпадают от Истинной Церкви. В числе их также находится и МП" (32).
Многие считают, что анафема 1983 года против экуменизма была в значительной степени делом рук Спасо-Преображенского монастыря в Бостоне — общины греко-американских монахов, которые уже не раз громко протестовали против некоторых либеральных деяний РПЦЗ в семидесятых годах. Однако, положение Бостонского монастыря не было прочным: некоторые члены Синода пытались "улучшить" текст анафемы в своих епархиях, ослабляя ее силу; другие нападали на позицию Бостонского монастыря по другим доктринальным вопросам, таким как учение о "мытарствах" или отношение к святости блаженного Августина Иппонского. Тем не менее, анафематизм против экуменизма был подписан всеми архиереями и внесен в Синодик недели Торжества Православия для ежегодного чтения; и вплоть до последовавшей 8/21 ноября 1985 г. кончины Митрополита Филарета, главного зарубежного "ретрограда" и защитника Бостонского монастыря (33), казалось, что либералы в РПЦЗ потерпели поражение и вопрос о благодати был окончательно разрешен.

Но затем сторонников Бостонского монастыря постигло страшное потрясение, подобное внезапному разрыву бомбы: несколько бывших монахов монастыря обвинили игумена, архимандрита Пантелеимона, в аморальном поведении. Синод назначил комиссию во главе с архиепископом Антонием Лос-Анжелосским; но прежде чем окончательное решение и приговор были вынесены, в декабре 1986 г. монастырь покинул РПЦЗ, примкнув, в конце концов, к авксентиевской ветви греческих старостильников. Это событие изменило баланс сил внутри РПЦЗ в пользу либералов; и в своем Рождественском послании 1986/1987 г. Митрополит Виталий допустил довольно либеральное высказывание, произведшее значительный переполох среди "ретроградов", заявив, что анафема 1983 г. не имеет вселенского значения, но приложима лишь к членам РПЦЗ, придерживающимся экуменических взглядов (34).

В последующие годы митрополит Виталий колебался между ретроградством и либерализмом в отношении к міровому православию в целом и Московской патриархии в частности, но именно наиболее либеральные его высказывания получали наибольшую огласку. В то же время борьба с патриархией стала более интенсивной, когда гласность и падение коммунизма открыли истину о подчинении патриархии советской власти и вдохновили РПЦЗ начать открывать приходы на русской земле. В этой новой ситуации РПЦЗ была движима, с одной стороны, желанием привлечь к себе приходы патриархии, которые впервые получили возможность перейти в свободную Церковь и могли бы быть отпугнуты слишком конфронтационным подходом последней, а с другой стороны — необходимостью защищаться от патриархии, которая пыталась дискредитировать и изгнать РПЦЗ всеми способами, включая самую отчаянную ложь, мошенничество и применение физической силы.

Тем временем, хаос среди греческих старостильников все более усиливался. В 1984 г. архиепископ Авксентий рукоположил двух португальских и двух итальянских епископов без ведома части своего Синода (35). В следующем году он и четверо других архиереев были низложены Синодом из семнадцати флоринитских епископов за тайную и незаконную хиротонию во епископы в высшей степени недостойного Дорофея Цакоса, за ложь Синоду и учинение раскола (36). Но эти пятеро архиереев отказались подчиниться такому приговору и образовали новый Синод (к которому впоследствии присоединился Преображенский монастырь в Бостоне) (37), а семнадцать архиереев пригласили митрополита Солунского Хризостома (Киюсиса) быть новым флоринитским Архиепископом. Хризостомовский Синод низложил в 1986 г. митрополита Оропосского и Филийского Киприана, который образовал новый "Синод Противостоящих", оппозиционный всем остальным греческим старостильным Синодам и получивший поддержку румынских старостильников.

Теперь в Греции было уже четыре основных старостильных Синода: матфеевцы, хризостомовцы, авксентиевцы и киприаниты, — и некоторое число независимых

архиереев. Первые три Синода едины в признании новостильников раскольниками, лишенными благодати таинств; киприаниты же отказываются произнести такой суд, считая экуменические православные церкви "заблуждающимися, но не осужденными" Церковью-Матерью. Большинство зилотов с Афона во главе с единственным зилотским монастырем Эсфигмену остались в общении с хризостомовцами.

29) См: Newsletter of the Foreign Relations Department of the Synod of the Russian Orthodox Church Outside Russia (January–March 1981) 2.

30) См: Archbishop VITALY, The 1983 Sobor of Bishops // Orthodox Christian Witness (August 20 / September 2, 1984) 4.

31) См.: A Contemporary Patristic Document // Orthodox Christian Witness (November 14/27, 1983) 3; Encyclical Letter of the Council of Bishops of the Russian Orthodox Church Outside Russia // Orthodox Life. Vol. 33. № 6 (November–December 1983) 13. Bishop ILARION of Manhattan, Answers to Questions Posed by the Faithful of the Orthodox Parish in Sommerville, South Carolina (Sunday of the Myrrhbearers 1992).

32) Искажение догмата о единстве Церкви в исповеданиях веры Синодом и Собором Русской Православной Зарубежной Церкви (РПЦЗ), возглавляемым митрополитом Виталием (Устиновым). (Рукопись) 9.

33) Мощи Митрополита Филарета были обретены совершенно нетленными 28 октября / 10 ноября 1998 г.; однако, 8/21 ноября они были перенесены в другую усыпальницу и вновь преданы земле (см.: Вертоградъ-Информ (1998) № 11 (44) 15–16; № 12 (45) 3–4); вопрос же о канонизации Святителя, столь явным образом прославленного Богом, даже и не ставился архиереями РПЦЗ, что уже само по себе говорило о том, насколько резко церковная позиция Митрополита Филарета расходилась, а с годами еще более разошлась с позицией остальных архиереев Зарубежной Церкви. — Прим. ред.

34) Fr. Niketas PALLASSIS, Reflections on Metropolitan Vitaly’s Nativity Epistle // Orthodox Christian Witness (February 16 / March 1, 1987); An Annulment of the Anathema of 1983 // Orthodox Christian Witness (May 4/17, 1987).

35) Orthodoxos Christianichos ‘Agon (Noembrios 1985) 261–263. В 1987 г. эта новообразованная автономная церковь раскололась. В 1990 г. митрополит Гавриил с двумя епископами, 60 приходами и примерно 80 тысячами верующих присоединились к Украинской церкви, а в 1993 г. получили "Томос об автономии" от "патриарха Киевского" Филарета (Денисенко). См.: Kerux Gnesion ‘Orthodoxon 42 (Septembrios 1997) 228.

36) Ekklesiastike Paradosis 20 (Ianouarios-Fevrouarios 1985) 261–263; Eis tas ‘Epalxeis! // ‘ E phone tes ‘Orthodoxias 802–803 (Noembrios –Dechembrios 1985) 1–31.

37) "Бостонцы" первоначально перешли к митрополитам Акакию и Гавриилу, отказавшимися вслед за митр. Хризостомом присоединиться к реформированному флоринитскому Синоду. Однако, когда митр. Гавриил передумал принимать их и разорвал общение, бостонцы, боясь остаться только с одним епископом, оставили митр. Акакия и присоединились к архиепископу Авксентию. См.: Письмо митрополита АКАКИЯ Диавлейского (1 июля 1987), Протокол № 287 (Архив Митрополита Акакия); Письмо чтеца ПОЛИХРОНИЯ монаху Пахомию (12/25 октября 1989; рукопись); И. МЕДВЕДЕВ, В. РЕДЕЧКИН, Бостонский раскол, а не стояние в истине (21 июня / 4 июля 1994; рукопись); Письмо Архиепископа АНТОНИЯ Лос-Анжелосского В. Редечкину // Русское Православие. № 4 (8) (1997) 26–28.
Прим. ред.: После смерти архиеп. Авксентия "бостонцы", фактически, превратились в независимую от греческих старостильников юрисдикцию; Бостонский Синод в настоящее время объединяет Православную Церковь Северной Америки, Православную Церковь Франции и Православную Церковь Грузии (о последней см. подробнее: Вертоградъ-Информ. № 9 (42) (1998) 1, 12–28); под его омофором

находится также некоторое количество истинно-православных приходов в России и в других странах, в частности, в Уганде (см.: Вертоградъ-Информ. № 11 (68) (2000) 8–9.

Гласность и перестройка

Между тем коммунизм в Советском Союзе стал приходить в упадок в результате начатой М. Горбачевым политики гласности и перестройки. В 1985 г. убежденность советских руководителей в том, что им нужно догонять США в экономической и военной области, привела к власти лидера, готового идти на риск, — Михаила Горбачева. А возможно, согласно одной из гипотез, реальные обладатели политической власти в міре испугались риска атомной войны между СССР и Западом и надели намордник собаке (коммунизму), которая могла начать кусать своего хозяина (масонство). Результатом было усиление западного крыла міровой антихристианской закулисы за счет восточного крыла. Промыслом Божиим, реформаторские усилия Горбачева, направленные, по-видимому, на модернизацию и усиление коммунистического советского государства, привели к его крушению и возрождению религии, хотя, по большей части, и не истинной религии.
По-разному оценивают влияние горбачевско-ельцинского периода российской истории (1985–1995) на церковную жизнь. Демократически мыслящие — положительно; и в самом деле, имеются некоторые несомненные выгоды: окончание открытого гонения, рассекречивание некоторых архивов КГБ и раскрытие большой доли правды о советском периоде в целом и о Московской патриархии в частности, а также данная живущим в России христианам возможность встретиться с живущими за границей и почерпнуть от их опыта, и наоборот. Однако, с течением времени, разлагающее и раздробляющее действие российской демократии становилось все более и более очевидным. Порнография, насилие, преступность всякого рода чрезвычайно умножились, и многие считают, что вырастить детей в истинном христианском благочестии стало намного сложнее, чем в советские времена. Общий культурный уровень народа тоже заметно снизился; а свобода, предоставленная религии, пошла на пользу больше всякого рода сектам и лжерелигиям, чем истинному Православию.

Конечно, любящим Бога вся поспешествуют во благое (Рим. 8:28). Так, мы знаем, что несмотря на все разочарования, которые доставил истинно-православным христианам этот период, несомненно были и важные уроки и преимущества, выучить и использовать которые нам необходимо, если только у нас есть глаза, чтобы разглядеть их. Среди достижений этого периода следует отметить крушение у большинства русских людей веры в идола "демократии". Покуда русские, отвергнув коммунизм, продолжали возвеличивать демократию, не видя близкого исторического и философского родства этих двух западных ересей, им было не понять истинные корни и природу революции и поэтому не вернуться к Истинному Православию. Но теперь, смеем надеяться, православные русские люди могут видеть лукавую и антихристианскую природу не только Октябрьской, но и Февральской революции, и будут готовы в предопределенный момент принять истинную богоустановленную власть...

В начале горбачевского периода коммунисты не выказывали никаких признаков своей грядущей либерализации по отношению к религии. В ноябре 1986 г. Горбачев, выступая в Ташкенте пред партийными работниками, сказал, что членство в партии несовместимо с религиозными верованиями (возможно, это относилось к коммунистам-мусульманам). А в 1987 г. его главный идеолог "либерал" А. Яковлев сказал в связи с грядущим в следующем году тысячелетием крещения Руси: "Богу Богово, Церкви церковное, но нам, марксистам, принадлежит полнота истины. И на основании этого любые попытки представить христианство "матерью" русской культуры должны быть решительно отвергнуты. И если русское средневековье заслуживает внимания историков, то этого нельзя сказать о тысячелетней дате Православия" (38).

Однако, политические соображения и особенно необходимость для Горбачева перейти, пользуясь терминами сэра Джеффри Хоскинга, от "перестройки № 1" к "перестройке № 2", вызвали изменения также и в его политике по отношению к Церкви (39). Поворотной точкой стал апрель 1988 г., когда Горбачев встретился с патриархом и старейшими митрополитами и установил новый церковно-государственный конкордат, напоминающий пакт Сталина—Сергия в 1943 г. Этот конкордат, вместе с подспудным

ростом религиозных чувств, ознаменовавшим последующие несколько лет духом гласности и освобождением большинства узников совести, сделали торжества тысячелетия Крещения Руси в июне 1988 г. поистине центральным событием в жизни страны. Более того, очень широкое освещение празднования в средствах массовой информации дало мощный импульс дальнейшему движению религиозного возрождения. Патриархия, естественно, выразила власти свою благодарность. Даже уже спустя два года, 17 июля 1990 г. (в день мученической кончины Царя Николая!), патриарх Алексий заявил в интервью газете "Правда", что он молится за сохранение Коммунистической партии!

Плоды этого вскоре стали явны всем. Большинство узников совести были освобождены; было дано разрешение на открытие многих сотен храмов (1 830 только за первые девять месяцев 1990 г.); религиозные общества и объединения почти всех конфессий выросли, как грибы, по всей стране; программы по православному искусству и архитектуре и проповеди священнослужителей в рясах стали обычными на телевидении, а комментаторы разных политических направлений стали превозносить вклад Православной Церкви в русскую историю и культуру...

У этого процесса были и негативные аспекты. Истинно-Православная Церковь оставалась вне закона; по местам продолжалось сопротивление местных чиновников открытию храмов, особенно в провинции; а религиозные активисты впали в прелюбодейное смешение религии с национализмом или гуманистической культурой (40). Более того, продолжало существовать подозрение, что новоявленное уважение партийцев к религии было просто тактическим маневром.

Такой скептицизм находил себе основание в реальности. В конце концов, никто из ведущих российских коммунистов не заявил о своем обращении в христианство (в отличие от грузинских и болгарских два-три года спустя). Мало того, в апреле 1988 г., в том самом месяце, когда Горбачев встречался с патриархом, в "Коммунисте" вышла анонимная статья, в которой утверждалось, что реальной целью нового горбачевского подхода к Церкви было скорее коммунизировать Церковь, чем христианизировать партию.

Но если это было целью партии, то нужно признать, что эффект получился обратный. Ибо, в отличие от конкордата 1943 года, действительно коммунизировавшего Церковь, конкордат 1988 года, наоборот, помог православным христианам освободиться от пут коммунистической идеологии и насилия. Ибо, если церковные иерархи и продолжали платить дань фальшивых похвал "ленинским нормам", то совершенно не так обстояло дело со многими священниками и мірянами, из которых, пожалуй, наиболее известным и влиятельным был о. Глеб Якунин (освобожденный и разрешенный в священнослужении в 1987 г.), являвшийся одним из самых громогласных, радикальных и популярных критиков Компартии.

Это было наиболее всего заметно весной–летом 1990 г. Мартовские выборы принесли триста депутатских мандатов на разных уровнях духовенству различных религий и деноминаций, в том числе девяти десяткам русских православных клириков, в то время как кандидатов от Коммунистической партии провалили в крупнейших городах страны. В апреле провел свой учредительный съезд Христианско-демократический союз, возглавлявшийся депутатами РСФСР священниками Глебом Якуниным и Вячеславом Полосиным и философом Виктором Аксючицем. Затем, 19 мая, в день рождения Царя-Мученика Николая II, в Москве прошло заседание Православного Монархического ордена, на котором его делегат Сергей Энгельгарт-Юрков призывал к реставрации монархии в России в лице старейшего члена дома Романовых, Великого Князя Владиміра Кирилловича.

Даже в патриархии появились под воздействием гласности признаки перемен. Первым таким признаком была отмена на Соборе в июне 1988 г. Положения 1961 г., подчинявшего священников приходским советам. Затем был канонизирован в октябре 1989 г. Патриарх Тихон. А затем, 3 апреля 1990 г., синод МП выпустил декларацию, в которой а) заявил о своем нейтралитете в отношении к различным политическим системам и идеологиям, б) признал существование в прошлом гонений и давления на Церковь и в) молчаливо признал справедливость некоторых критических замечаний,

направленных в его адрес диссидентами (41). Также в мае митрополит Ростовский Владимір, возглавлявший комиссию, образованную для сбора материалов о подвергшихся репрессиям священнослужителях и верующих, сказал, что "до сих пор подробности репрессий игнорировались или фальсифицировались официальными, государственными и даже многими церковными источниками с целью удовлетворить принятым идеологическим стереотипам" (42). Кульминация наступила в июне, когда опросы общественного мнения показали, что Церковь превосходит по популярности партию, армию и КГБ (43). В то же самое время собрался Собор Русской православной церкви, чтобы избрать нового патриарха на место умершего Пимена. Православные диссиденты искренне надеялись, что новый патриарх будет не членом сталинско-брежневской номенклатуры, правившей церковью с 1943 г., а энергичным, канонически избранным и не скомпрометированным лидером, который восстановит свободу РПЦ и возглавит морально и духовно весь народ в целом.

Но в этот самый момент религиозное воодушевление испытало первое серьезное потрясение. Ибо РПЦ поспешно избрала на патриарший престол митрополита Ленинградского Алексия (Ридигера), человека, которого Фуров еще в 1974 г. определил в своем докладе ЦК как самого надежного (с антирелигиозной государственной точки зрения) после самого Пимена иерарха МП, и который вскоре стал известен как агент КГБ по кличке "Дроздов" (44). Это своевременно напомнило верующим, что политическая либерализация не заменяет собой настоящего очищения.

Ибо было ясно, что Московская патриархия, "вторая администрация" государства, оставалась вместе с КГБ самой неперестроенной частью советского общества со своей остающейся на местах брежневской номенклатурой, нераскаявшейся в предательстве собственной паствы на протяжении последних десятилетий.

Сталинизм руководства МП особенно ярко открылся в связи с событиями, приведшими к отставке председателя Совета по делам религий Константина Харчева, касавшимися положения церкви на Украине. Хотя Харчев и был коммунистом, он стал проводить некоторую либерализацию в отношениях Совета и церкви. Так, он настаивал, чтобы местные власти соблюдали законность в своих отношениях с верующими, поддерживал легализацию униатской Украинской греко-католической церкви (УГКЦ) и высказывался в пользу свободного избрания архиереев народом.

За это Московская патриархия пожаловалась на него в Верховный Совет, и ее жалобы были поддержаны членами идеологического отдела ЦК, включая члена Политбюро Вадима Медведева. Харчева убрали. Однако, в интервью журналистам он сделал характерное замечание о тех, кто сместил его: "Я подозреваю, что некоторые члены Синода в силу привычки полагаются больше на поддержку властей, чем на собственный авторитет Церкви" (45).

Все эти факты, получившие известность одновременно с новыми откровениями о жесткой папистско-тоталитарной структуре и деятельности МП, подорвали уже колебавшуюся репутацию патриархии у интеллигенции.

Так, о. Павел Адельгейм писал: "Патриархийная и епархиальная администрация пользуется всей полнотой административной и экономической власти над приходами. Опираясь на поддержку органов советской власти, церковные администрации применяют давление на приходы и накладывают санкции. Например, размер сборов, которые приходы обязаны платить для поддержания епархиальной администрации, определяются не приходскими советами, а епархиальными администрациями" (46). А например, согласно свидетельству архимандрита Поликарпа (Гришина), все делегаты от Орловско-Брянской епархии на поместном соборе 1988 г. были назначены местным епископом (без обсуждения кандидатур) в соответствии со списком, присланным Советом по делам религий (47). И на том же самом соборе архиепископ Хри- зостом Иркутский сказал: "Мы, архиереи, — самые бесправные, пожалуй, люди в Русской Православной Церкви. Когда нас переводят, нас никто не спрашивает. Почему и за что? Но мы поступает так же с нашим духовенством. Мы бесправны перед патриархом и Священным Синодом, они не обращают на нас никакого внимания, и мы действуем таким же образом" (48).

38) Вестник Академии Наук СССР. № 6 (1987) 1–3.

39) См.: D. HOSKING, The Awakening of the Soviet Union (Mandarin, 1991) 120.

40) См.: Г. АНИЩЕНКО, Врата ада // Посев. № 3 (1395) (Май–Июнь 1990) 135.

41) Московский церковный вестник. № 9 (27) (Апрель 1990) 1–3.

42) O. ANTIC, The Russian Orthodox Church moves towards coming to terms with its past // Report on the USSR (March 8, 1991).

43) Московские новости (3–10, 10–17 июня 1990).

44) См.: ELLIS, The Russian Orthodox Church... 216, 224–226; Keston News Service. № 352 (June 14, 1990) 3; Священник ГЕОРГИЙ ЭДЕЛЬШТЕЙН, Новый патриарх как олицетворение наших проблем // Русская мысль (6 октября 1990).

45) Огонек. № 44 (Октябрь 1989). Ср.: Keston News Service. № 339 (November 30, 1989) 16–18; № 341 (January 11, 1990) 13–14.

46) Священник ПАВЕЛ АДЕЛЬГЕЙМ, Тупики нашего возрождения // Православная Русь. № 6 (1411) (1990) 8.

47) Д. КОЛЕСНИЧЕНКО, О распространении еретических и языческих религиозных учений среди исконно православных народов СССР // Свободная Россия. № 3 (96) (17 июля 1990) 28.

48) В. БОРЩЕВ, Возвращение дыхания // На пути к свободе совести (М.: Прогресс, 1989) 233.

Украинские автокефалисты

В начале 90-х годов два церковных движения, возглавлявшиеся из-за рубежа, начали представлять собою определенную угрозу для Московской патриархии.

Первое — возрождение движения за церковную автокефалию Украины. Чтобы правильно понимать это движение, нужно вернуться в 1946 год к Львовскому собору, когда Сталин интегрировал униатов (католиков по вере, но православных по обряду) в Московскую патриархию и вынудил тех из них, кто не пожелал стать православным, уйти в подполье. Когда Горбачев пришел к власти и завел политику гласности, униаты вышли на свет и начали кампанию по легализации своей церкви. Они добились цели в январе 1990 г., вскоре после встречи Горбачева с Римским папой. Еще прежде, чем они восстановили свою свободу на законных основаниях, они начали захватывать многие храмы на Западной Украине, которые, как они считали, по праву принадлежали им. К декабрю 1991 г. 2 167 номинально православных прихода перешли к униатам. Лишенная помощи местных властей, выказывавших все признаки благоволения к униатам, Московская патриархия казалась совершенно беспомощной перед лавиной, которую ей было никак не остановить (49).

Поскольку МП считалась дискредитированной своими связями с коммунизмом, с одной стороны, и русским национализмом, с другой, заштатный патриархийный епископ Иоанн (Бондарчук) объявил в октябре 1989 г. о создании Украинской автокефальной православной церкви (УАПЦ). Патриархия немедленно запретила его в священнослужении. Однако, МП решила пойти и на некоторые уступки национальным чувствам украинцев и создала в январе 1990 г. якобы автономную, но на деле промосковскую Украинскую православную церковь (УПЦ МП) во главе с митрополитом Киевским Филаретом (Денисенко).

Между тем, отношения между православными и католиками продолжали обостряться, и в марте униатский архиепископ Львовский Володимір (Стернюк) покинул четырехсторонние переговоры между римокатоликами, униатами, русскими православными и УПЦ МП. Затем в июне УАПЦ созвала свой первый Всеукраинский собор в Киеве, на котором Мстислав Скрыпник, бывший лидером украинских автокефалистов в США, был интронизирован как первый патриарх в истории Украины. УАПЦ получила дальнейшую значительную поддержку после того, как Украина добилась независимости в конце 1991 г.

В целом русские православные были против политического разделения России и Украины, считая русских, украинцев и белорусов, по существу, тремя частями единой славянской расы, которые должны держаться вместе на основании своих близко родственных религии, культуры и истории. Эту точку зрения, однако, разделяли не все украинские верующие. "Украинская автокефальная православная церковь, — сказал Анатолий Красиков, — это выражение непоколебимой воли украинского народа окончательно освободиться от имперской [русской] Православной церкви, которая является инструментом духовного угнетения украинского народа, направленного на его полную русификацию и порабощение" (50).

Этот всплеск националистических чувств, вместе с открытием российской парламентской комиссией того факта, что несколько ведущих митрополитов МП были агентами КГБ, вынудил УПЦ МП искать, с одной стороны, более тесных отношений с униатами и националистами в церкви и в государстве и, с другой стороны, полной автокефалии от Московской патриархии. Однако, многие русские члены УПЦ были против дарования полной автокефалии, как были они и против автономии двумя годами раньше. Так что на своем соборе в первых числах апреля 1992 г. МП отвергла просьбу о полной автокефалии для УПЦ.

Но в этот момент в и без того сложную ситуацию привнесся новый фактор — спор о личности и поведении лидера УПЦ митрополита Филарета, подвергшегося резким нападкам некоторых кругов российской прессы за безнравственность и политический оппортунизм. В течение долгого времени московские иерархи защищали своего коллегу от этих нападок, но теперь давление стало слишком сильным. Филарета принудили дать обещания оставить кафедру и созвать собор УПЦ для избрания нового предстоятеля. По возвращении в Киев, однако Филарет отказался исполнять свои данные в Москве обещания, заявив, что их вырвали у него силой, и что если он уйдет, то это будет означать конец автономии УПЦ и ее возвращение к статусу митрополичьего округа Московской патриархии. Но это объяснение не было принято многими из его паствы; он был отстранен от служения патриархом Алексием, и в марте 18 из 22-х епископов УПЦ избрали в Харькове нового лидера УПЦ — митрополита Ростовского Владиміра (Сабодана).

Филарет проигнорировал это запрещение, и в мае он и епископ Переяславский Антоний (Масендич) (УАПЦ) встретились в Киеве и провозгласили воссоединение своих церквей в единый "Киевский патриархат". Такое воссоединение когда-нибудь могло бы и в самом деле оказаться желанным для УАПЦ, но в настоящий момент патриарх Мстислав отверг его. Однако, Филарет продолжал пользоваться поддержкой украинского президента Л. Кравчука, некоторых лидеров националистических движений и большей части подконтрольной государству прессы. В июне–июле УАПЦ была вынуждена принять соединение с Филаретом. Смысл этого акта, как кажется, состоял в том, чтобы патриарх Мстислав стал бы главой новой церкви, известной как Украинская православная церковь Киевского патриархата (УПЦ КП), в противоположность Украинской православной церкви митрополита Владиміра в составе Московской патриархии (УПЦ МП), тогда как реальным управляющим, стоявшим за патриаршим троном, оставался бы Филарет.

В июле Филарет ездил в Стамбул искать признания от недавно интронизированного патриарха Константинопольского Варфоломея. Но эта поездка принесла Филарету лишь дальнейшие сложности, поскольку российская таможня задержала некоторые дары, предназначавшиеся для Варфоломея, и Варфоломей отказался сослужить с ним. И до сих пор ни одна из "официальных" православных церквей не признала

каноничность Киевского патриархата (если не считать диссидентский Болгарский синод во главе с епископом Пименом [Этот синод был ликвидирован в 1999 г. — Ред.]).

С октября 1992 г. УПЦ КП начала разваливаться. Патриарх Мстислав настаивал, чтобы Филарет и митрополит Антоний (Масендич) оставил свои церковные посты. Наконец, архиепископ Львовский Петр, епископ Уманский Михаил и некоторое число духовенства, включая протоирея Владиміра Ярему, ушли из протеста против поведения Филарета. Они создали третью украинскую православную юрисдикцию, называвшуюся Украинской православной автокефальной церковью (УАПЦ).

11 июня 1993 г., через пять дней после смерти патриарха Мстислава, УПЦ КП избрала митрополита Черниговского и Сумского Владиміра (Романюка) местоблюстителем патриаршего престола и призвала к единству УАПЦ. Однако, в сентябре собор УАПЦ отверг этот призыв и избрал патриархом Киевским и всея Украины о. Владиміра Ярему, принявшего монашеский постриг с именем Димитрий. В октябре митрополит Владимір (Романюк) был избран патриархом Киевским.

Однако, в июле 1995 г. патриарх Владимір умер, и на смену ему пришел Филарет. Есть сильные подозрения, что смерть Владиміра произошла не от естественных причин, т. к. он был близок к раскрытию финансовых махинаций Филарета. После его смерти четыре архиерея из УПЦ КП перешли в УАПЦ (51). Итак, теперь на Украине появились два патриарха Киевских — Филарет (Денисенко) в УПЦ КП и Димитрий (Ярема) в УАПЦ, и один митрополит Киевский — Владимір (Сабодан) от УПЦ МП, которому подчиняется большинство украинских православных (52).

Следующее важное событие произошло в апреле 1995 г., когда шесть живущих заграницей украинских епископов во главе с митрополитом Константином были прняты в юрисдикцию Вселенской патриархии (53). Это вызвало резкий протест со стороны патриарха Московского Алексия, зато было сделано с предварительного согласия УПЦ КП и УАПЦ, из чего явствует, по мнению Ж.-Ф. Мейера, что эмигранты, возможно, пытаются восстановить единство Украинской церкви с конечной целью избрания одного патриарха Киевского, которого признавала бы вся полнота мірового официального православия (54).

Недавние отчеты показали, что в 1996 году у УПЦ МП было 6 464 прихода и 5151 клирик, т. е. на 7 % больше по сравнению с 1995 г.; у УПЦ КП — 1332 прихода и 1 100 клириков, на 35 % меньше, чем в 1995 г.; у УАПЦ — 1 209 приходов и 548 клириков, на 49 % больше, чем в 1995 г., — ясное свидетельство о сильном вторжении автокефалиствов в паству патриарха Филарета (55).

В этой связи следует отметить два других сепаратистских движения, основанных на националистических принципах, возникших в бывших советских республиках. Так, часть Православной церкви в Эстонии, состоящая из примерно 40 000 членов и 80 приходов, стала искать отделения от Московской патриархии и войти в юрисдикцию Вселенской патриархии, восстановив тем самым статус автономии, дарованной (совершенно незаконно) Эстонской Церкви Константинополем в 20-е годы (56). В начале 1996 года этот спор стал столь серьезным, что Московская патриархия на время разорвала общение с Константинопольской и Финской церквами (57).

А в 1992 г. епископ Петр Бельский (Автономная Молдавская церковь) порвал с Московской патриархией и перешел в Румынскую, которая затем восстановила митрополию в Кишеневе. (До II Міровой войны все молдавские территории на правом берегу Днестра составляли румынскую провинцию Бесарабия (58).

49) Не последней причиной этого было то, что на протяжении многих лет в патриархийных духовных школах семинаристов учили, что у католиков тоже есть благодать, что православная и католическая церковь — "церкви-сестры". По опуб ликованным впоследствии данным, 60 % перешедших в униатство были выпускниками Ленинградских духовных школ. — Прим. ред.

50) The Exarch vs. the Patriarch // Новое время. № 26 (Июль 1992) 13. Цит. по: K. DAWISHA, B. PARROTT, Russia and the New States of Eurasia (Cambridge University Press, 1994) 96.

51) См.: Церковные новости. № 6 (49) (Ноябрь–декабрь 1995) 10.

52) См.: Ukrainian Scorecard // St. Sophia Quarterly. № 1 (Winter 1995) 4.

53) См.: Orthodox Observer (April 1995).

54) См.: MEYER, Religions et securite internationale... 31.

Прим. ред.: Мейер был совершенно прав: в последнее время активно ведутся переговоры о возможности создания единой Украинской поместной церкви путем объединения УПЦ КП и УАПЦ КП и признания новой юрисдикции Константинопольским патриархатом. Этого желают и украинские власти, причем, по прогнозам депутатов, в случае объединения "обеих частей украинского православия" и признания их каноничности Константинополем, большинство верующих УПЦ МП перейдут в "единую Украинскую поместную церковь", поскольку их останавливает на этом пути по сути дела лишь то, что МП объявила Киевский патриархат неканоничным и наложила прещения на его епископов. См.: Вертоградъ-Информ. № 12 (69) (2000) 25–26.

55) См.: Вертоградъ-Информ. № 7–9 (16–18) (1996) 15.

56) См.: Orthodox News. Vol. 9. № 8 (August 1995).

57) См. несколько статей в: Service Orthodoxe de Presse 206–208 (Mars–Mai 1996).

58) См.: Service Orthodoxe de Presse 175 (Fevrier 1993) 12–14.

РПЦЗ обвиняет: 1. Сергианство

Другая серьезная угроза благополучному существованию МП исходила от Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ), и одним из самых важных церковных событий горбачевского периода было возвращение этой Церкви в Россию (59). Ее первый приход в России открылся в июне 1990 г. в Суздале, и в течение года ее организация в пределах страны возросла до примерно шестидесяти приходов, в то время как популярность Московской патриархии, очевидно не случайно, стремительно падала (60). Встал вопрос: может ли эта Церковь быть семенем возрождения всей Русской Церкви и тем самым всей Истинно-Православной Церкви?

В 1981 г. РПЦЗ канонизировала святых Новомучеников и Исповедников Российских. Этот акт имел огромное значение для России и, несомненно, послужил одним из главных стимулов того возрождения Православия, которое имело место в годы правления Горбачева. Затем, в 1983 г., РПЦЗ анафематствовала экуменизм. Этот акт, хотя и вызвал гораздо меньший отклик, но на деле может возыметь даже большее значение, чем первый, когда антиэкуменическое движение в МП наберет силу.

Вооруженная этими решениями, РПЦЗ, после открытия в России в июне 1990 г. своего первого прихода, могла пойти в наступление на Московскую патриархию по трем основным направлениям.

Первое. Избрание патриарха Алексия II ничего не изменило в существовавшем с 1927 г. симбиозе официальной Русской церкви и советского государства. Так, 17 июля 1990 г., в самый день мученической кончины Царя Николая II, патриарх публично выразил свое сожаление о падении коммунизма и сказал, что молится о предотвращении "вспышки", направленной против партии (61). Это высказывание вызвало потрясение и испуг среди диссидентствующих священников и мірян в Москве, которые, хотя и были уже в высшей степени критически настроены по отношению к патриархии, но

все еще надеялись, вопреки всем прогнозам, что с освобождением общества от пут коммунизма оффициальная церковь возьмет новый курс.

Однако, Алексий II своим хорошо развитым политическим чутьем уловил, откуда ветер дует, и быстро восстановил баланс, так что дальнейшей поддержки коммунистической партии со стороны МП с тех пор не последовало. Возможно, единственным исключением было появление в декабре 1990 г. его подписи под письмом пятидесяти трех известных деятелей политики, науки и искусства, убеждавших Горбачева принять решительные меры к преодолению состояния кризиса в стране и говоривших о "деструктивной диктатуре людей, бесстыдных в своем стремлении к присвоению территории, ресурсов, интеллектуальных богатств и трудовых сил страны, название которой — СССР" (62). Но вскоре патриарх аннулировал свою подпись; а через несколько недель после гибели людей в Вильнюсе он заявил, что эти убийства были "великой политической ошибкой — на церковном языке грехом" (63). Затем в мае он публично выразил несогласие с влиятельным членом блока "Союз", сказавшим, что силы армии и духовенства должны быть направлены на спасение народа и отечества. По мнению Алексия Ридигера, эти слова могли быть неправильно поняты в смысле утверждения о готовности использовать Церковь в политических целях. Патриарх повторил свои слова, сказанные прошедшей осенью: Церковь и вера не должны быть используемы как полицейская дубинка (64).
К июню патриарх завершил свое замечательное превращение из коммуниста до мозга костей в ревностного демократа, сказавшего Б. Ельцину: "Помоги Вам Бог победить на выборах".

Еще более поразительным было его кажущееся отмежевание от сергианства. Так, в интервью газете "Известия" от 6 июня он сказал: "Нынешний год освободил нас от государственного надзора. Теперь мы имеем моральное право сказать, что Декларация митрополита Сергия осталась в прошлом, и мы более не руководствуемся ею... Митрополит сотрудничал с преступными узурпаторами. Это была его трагедия" (65).

А всего лишь за два месяца до того в интервью газете "Комсомольская правда" он говорил: "Для Церкви важнее всего сохранить себя, сохранить для людей, для возможности доступа к чаше Христовой, к чаше причастия... Есть правило, когда христианину приходится брать на себя грех, чтобы избежать греха большего... Есть ситуации, в которых человек, христианин, должен жертвовать личной чистотой, личным совершенством для того, чтобы отстоять нечто большее... Так и в отношении митрополита Сергия и последующего руководства при советской власти, приходилось говорить неправду, приходилось говорить, что у нас все нормально. Но ведь шли гонения на Церковь. Делались заявления о политической лояльности. Отказывались от полноты церковной жизни, от благотворительности, от милосердия, от Державной иконы Божией Матери тоже. Шли на компромиссы" (66).

Другими словами, сергианство, хотя и греховно, но было оправданным. Оно может "уйти в прошлое", но если подобные обстоятельства вновь возникнут, впредь "жертвование" личной чистотой может и должно быть сделано снова!..

В другом интервью патриарх, касаясь положения Церкви во времена патриарха Тихона, сказал: "Церковь не могла, не имела права уйти в катакомбы. Она оставалась с народом и пила до дна чашу страданий, выпавших на ее долю" (67).

Патриарх Алексий забыл здесь упомянуть, что патриарх Тихон специально благословил Михаила Жижиленко, будущего священномученика Максима Серпуховского, стать тайным катакомбным епископом, если давление на Церковь со стороны государства зайдет слишком далеко. Что же до утверждения, будто сергиане разделили чашу народных страданий, то здесь патриарха следует считать сознательным лицемером. Ведь всем известно, что советские иерархи проводили жизнь в роскоши, посылая в то же время катакомбных христиан и диссидентов на пытки и смерть в застенках КГБ.

Во время попытки переворота в августе 1991 г. патриарх показал, что яд сергианства по-прежнему сидит в нем. Когда российский вице-президент А. Руцкой обратился к нему утром 19-го, патриарх, подобно некоторым другим ведущим политическим деятелям, разыграл "болезнь" и отказался встретиться с ним. Когда же он наконец-таки сделал заявление — вечером 20-го и потом еще одно ранним утром 21-го, — то впечатление от них было, по словам о. Глеба Якунина, "скорее, слабое" (68). Он призвал обе стороны избегать кровопролития, но определенно не осудил заговорщиков.

"Хотя патриарх Алексий II, — замечает Джейн Эллис, — и выпустил заявления во время путча, они были расплывчатыми и неконкретными, и многие полагают, что он выжидал, чтобы понять, откуда ветер дует, прежде чем решился выпустить их. И скорее, это священники в Белом Доме — здании Российского Парламента, — такие как ветеран борьбы за религиозную свободу о. Глеб Якунин и другие христиане, бывшие среди вышедших на баррикады, помогли свергнуть коммунистическую партию, КГБ и советскую систему" (69).

Лишь в среду утром патриарх послал своего представителя, диакона Андрея Кураева, в здание Российского парламента, где к тому времени уже находилось несколько священников-диссидентов. А первый молебен Новомученикам Российским на балконе Белого дома был отслужен двумя священниками Русской Православной Зарубежной Церкви — о. Николаем Артемовым из Мюнхена и о. Виктором Усачевым из Москвы. Патриарх, чтобы не отставать, немедленно откликнулся своим молебном и в тот же день анафематствовал всех принимавших участие в организации путча.

Этими действиями патриарх, по-видимому, укрепил свою позицию по отношению к ельцинскому правительству, и 27 августа Б. Ельцын присутствовал на заупокойном богослужении в Успенском соборе Кремля, за которым патриарх приветствовал провал заговора, сказав, что "гнев Божий падает на чада непослушания" (70).

В начале 1992 г., однако, парламентская комиссия по раскрытию деятельности КГБ, включавшая в себя о. Глеба Якунина и мірянина Льва Пономарева, подтвердила тот факт, что на протяжении нескольких десятилетий верхушка Московской патриархии состояла сплошь из агентов КГБ. Архивы четвертого церковного отдела Пятого Управления КГБ показывали, что митрополиты Ювеналий Крутицкий, Питирим Волоколамский, Филарет Киевский и Филарет Минский все были агентами КГБ под кодовыми именами "Адамант", "Аббат", "Антонов" и "Островский" соответственно. Другие открытия, добытые комиссией, включали в себя следующие материалы:

а) слова из доклада руководителя КГБ Ю. Андропова Центральному комитету партии, сделанного в 70-е годы: "Органы государственной безопасности держат контакты Ватикана с Русской православной церковью под контролем...";

б) на VI Генеральной ассамблее Всемірного совета церквей в Ванкувере религиозная делегация из СССР включала в себя сорок семь (!) агентов КГБ, включая религиозное начальство, духовенство и технический персонал (июль 1983 г.);

в) "наиболее важными" были поездки агентов "Антонова", "Островского" и "Адаманта" в Италию на переговоры с папой Римским по вопросу дальнейших отношений между Ватиканом и Русской православной церковью и, в частности, касательно проблем униатов (1989 г.) (71)

Независимо от этого расследования архиепископ Хризостом Виленский признал, что архиереи, включая его самого, имели контакты с КГБ, и что его старший коллега, митрополит Мефодий Воронежский, — "офицер КГБ, атеист, растленная личность, управляемая КГБ" (72). Уже в более недавнее время митрополит Санкт-Петербургский Владимір сказал о русской православной делегации на Генеральной ассамблее ВСЦ в Нью-Дели в 1961 г., членом которой он был: "В душе я был убежден, что все эти православные священники, приехавшие сюда, были агентами КГБ" (73).

Парламентская комиссия открыла также, что и сам патриарх Алексий был агентом под кодовым именем "Дроздов". Но этот факт не был
предан общественной огласке, потому что, как считает Брюс Кларк, "о. Глеб Якунин... считал патриарха Алексия в некотором роде более просвещенной личностью, чем большинство его коллег по Священному синоду, организации из тринадцати членов, непочтительно называемой им "Митрополитбюро". Вполне возможно, что эта избирательная утечка информации помогла бы патриарху получить превосходство перед своими соперниками, когда бы это ему потребовалось" (74).

Если помыслы о. Глеба и впрямь были таковы, то он жестоко просчитался. Год или два спустя патриарх, не проявив ни благодарности, ни малейшего стыда за свое лицемерие, обвинил его в политической деятельности, несовместимом с его священным саном. Более того, парламентская комиссия была распущена, причем, как показывает нижеследующий комментарий Льва Пономарева, не без участия патриарха. "Парламентская комиссия была создана 6 сентября. Нам надлежало изучить причины и обстоятельства путча и затем предложить соответствующие рекомендации касательно изменения законодательства Российской Федерации, ее силовых структур и некоторых государственных ведомств — чтобы события августа 1991 года не могли бы никогда больше повториться. Это была наша главная цель. Мы достигли ее работой в архивах КГБ и оглаской его оперативных документов. В частности, мы нашли доклады четвертого отдела Пятого Управления — того самого отдела, что занимался церковными делами. По нашему мнению, эти документы были составлены в довольно беспечной манере, что сделало задачу расшифровки имен агентов особенно сложной. Встал вопрос: нужно ли называть некоторых из них? Я думаю, что если мы честно и открыто скажем, что такие-то и такие-то люди должны быть удалены с государственных должностей, занимаемых ими благодаря их связям с КГБ, это будет правильно понято нашим обществом. Я настаиваю, чтобы это касалось лишь самого узкого круга бывших агентов, следовательно, не всех их. Чем раньше мы это сделаем, тем лучше. Конечно, все, что я сказал, касается руководства Церкви. Я хотел бы добавить, что, как мне кажется, именно обнародование некоторых имен послужило причиной роспуска комиссии. Мы знаем, что председатель Верховного Совета Р. Хасбулатов встречался с патриархом Алексием II и главой нашей разведки Е. Примаковым (который в 1996 г. стал министром иностранных дел РФ). Я думаю, что оба эти человека настояли на прекращении деятельности комиссии..." (75)

Фен Монтень проливает дополнительный свет на эти события: "Согласно церковным диссидентам и законодателям, близко знакомым с архивами КГБ, "Дроздов" — это не кто иной как Алексий II, патриарх Московский и всея Руси... Горстка русских журналистов публично идентифицировала членов управляющего церковью синода в качестве агентов КГБ. Но Алексия II не затронули. Члены парламентской комиссии сказали патриарху, что они не станут называть его имени как агента, если он начнет очищать церковь изнутри и признает всю глубину сотрудничества церкви и КГБ. "Нам приходилось молчать, потому что мы хотели дать патриарху шанс", — сказал Александр Нежный, журналист, сказавший, что сопоставление архивов с церковными бюллетенями убедило его в том, что Алексий II и в самом деле — "Дроздов"..." (76)

Разоблачения, сделанные парламентской комиссией, произвели кратковременную панику в сердцах ведущих патриархийных священников. Так, в дискуссии за круглым столом в редакции журнала "Столица" 19 февраля 1992 г. игумен Иоанн (Экономцев) сказал: "Как по своему личному убеждению, так и в качестве официального представителя Московской патриархии я должен заметить, что в настоящее время Московская патриархия никоим образом не защищает сергианский курс" (77). Тем не менее, остается подозрение, что это признание, не сопровождавшееся никаким публичным покаянием со стороны патриарха, было лишь маскировкой того же сергианства в другое обличье, ведь политический ветер дул теперь в сторону демократов.

Это подозрение подтвердилось во время обсуждения данного вопроса на соборе Московской патриархии в апреле 1992 г. Ибо расследование обвинений в сотрудничестве с КГБ было поручено архиереям, недавно рукоположенным их коллегами-КГБшниками!

И конечно же, никакого расследования проведено не было, как не было и ничего подобного хотя бы временной отставке патриарха Румынского Феоктиста по причине его сотрудничества с румынской Секуритате.

Затем, в июне 1992 г., патриарх назвал сергиевскую декларацию "достойной попыткой" избежать репрессий, целью которой было "продолжить процесс нормализации отношений между Церковью и государством, начатый Святейшим патриархом Тихоном. К сожалению, она не принесла желаемых результатов..." (78)

Также в более недавнее время патриарх говорил: "Я не отвергаю ее (декларацию — В. М.), ибо невозможно отвергать свою историю... Я думаю, что в нынешнем году мы [Московская патриархия] смогли выйти из-под тривиальной (sic!) опеки государства и, стало быть, имеем моральное право утверждать, что Декларация митрополита Сергия — это факт, принадлежащий к прошлому, и мы более не руководствуемся ею. В то же самое время, однако, это не означает, что мы против правительства..." (79)

Ибо, конечно же, патриарх Алексий никогда не против находящегося сегодня у власти правительства, несмотря ни на какие его преступления. Слегка пожурить — вот самое большее, что может этот "миролюбивейший" из патриархов, который не может выносить и тени насилия и безнравственности, если, конечно, это не безнравственность, допускаемая его собственным духовенством, а насилие направлено не против нерожденных младенцев (80) или врагов демократии, или Русской Зарубежной Церкви, членов которой патриарх, действуя в согласии с местными гражданскими властями, унижает, оскорбляет и лишает возможности пользоваться открытыми храмами (81) ...

Лучше всего, пожалуй, иллюстрирует неисправимое сергианство патриарха один недавний случай. Как известно, восстановление храма Христа Спасителя в Москве стало возможным благодаря огромным дотациям со стороны мэра города Юрия Лужкова. Вероятное криминальное происхождение этих денег и тот факт, что их было бы гораздо лучше потратить на другие объекты, не умалили решимости патриарха начать постройку этого "храма новых русских". И вдобавок ко всему этому, сам мэр Лужков был крещен патриархом. Воистину радостное событие! Но кажется, что, спеша привести существующие власти в согласие с Церковью (впрочем, не купили ли себе эти самые власти при помощи этого трюка значительную долю голосов верующих?), патриарх забыл выяснить, верует ли Лужков во Христа! Ибо, когда уже после того новокрещенному задали этот вопрос, он ответил, что в Бога не верит и менять свой образ жизни в соответствии с христианскими нормами не собирается!..

59) См.: V. MOSS, The Free Russian Orthodox Church // Report on the USSR. № 44 (November 1, 1991).

60) См. результаты голосования, приведенные в: Л. БИЗОВ, С. ФИЛАТОВ, Религия и политика в современном общественном сознании советского народа // Религия и демократия... (1993) 41–42.

61) Правда (17 июля 1990).

62) Цит. по: Keston News Service. № 369 (February 21, 1991) 6.

63) Цит. по: Keston News Service. № 376 (May 30, 1991) 5.

64) См.: ANTIC, Patriarch Aleksii II: a political portrait // Report on the USSR. Vol. 5, № 45 (November 8, 1991) 17.

65) Цит. по: Епископ ГРИГОРИЙ (ГРАББЕ). Догматизация сергианства // Православная Русь. № 17 (1446) (1991) 5.

66) ГРАББЕ, Догматизация сергианства... 5.

67) Цит. по: А. КРАСИКОВ, Третий Рим и большевики (без грифа "совершенно секретно") // Религия и права человека (М.: Наука, 1996) 198.

68) Иеромонах ТИХОН (КОЗУШИН), Личное сообщение; Н. БАБИСЯН, Священники на баррикадах // Христианские новости. № 38 (22 августа 1991) 21.

69) J. ELLIS, The Russian Church: hopes and fears // Church Times (September 13, 1991).

70) Он сказал, что Церковь не поддержала путч (хотя есть очевидные свидетельства, что его поддержали митр. Филарет Киевский и Питирим Волоколамский), а "приняла сторону закона и свободы". См.: Report on the USSR. Vol. 3, № 36 (September 6, 1991) 82.

71) Дальнейшие подробности открытий парламентской комиссии см.: Прямой путь. № 1–2 (Январь 1992) 1; № 3 (Февраль 1992) 1; специальный выпуск (Февраль 1992); НЕЖНЫЙ, Третье имя... I. WALKER, C. STERN, Holy Agents of the KGB // The Mail on Sunday (March 29, 1992); J. DUNLOP, KGB Subversion of Russian Orthodox Church // RFE/RL Research Report. Vol. 1, № 12 (March 20, 1992) 51–53; Протодиакон ГЕРМАН ИВАНОВ-ТРИНАДЦАТЫЙ, А не начало ли это конца? // Православная Русь. № 9 (1462) (1992) 6–9; Н. А., Не бо врагом Твоим тайну повем... 16–22; Священник ВИКТОР ПОТАПОВ, Молчанием предается Бог (М.: Исихия, 1992) 36–39; J. HARMS, The Gospel according to Marx // Reader's Digest (February 1993) 59–63; C. ANDREW, V. MITROKHIN, The Mitrokhin Archive: the KGB in Europe and the West (London—New York: Allen Lane, The Penguin Press, 1999) 634–666.

72) М. ПОЗДНЯЕВ, Архиепископ Хризостом: Я сотрудничал с КГБ... но не был стукачом // Русская мысль. № 3926 (24 апреля 1992). Перевод на англ. см.: Religion, State and Society. Vol. 21, № 3, 4 (1993) 345–350.

73) Интервью газете "Смена". Цит. по: Православная Русь. № 5 (1554) (1996). Руководителями этой делегации были митрополит Никодим Ленинградский, бывший, как теперь доказано, агентом КГБ по кличке "Святослав", и митрополит Сурожский Антоний (Блюм).

74) B. CLARK, An Empire's New Clothes (London: Vintage, 1995) 112.

75) P. WALTERS, The Defrocking of Fr. Gleb Yakunin // Religion, State and Society. Vol. 22, № 3 (1994) 308–309; ANDREW, MITROKHIN, The Mitrokhin Archive... 660–661.

76) Цит. по: The Church of the KGB // Living Orthodoxy. Vol. XIV, № 2 (March–April 1992) 22–23.

77) Е. ПОЛЯКОВ, Хроника церковной жизни (Самиздат) 3.

78) Независимая газета (10 июня 1992).

79) Голос. № 33. 11.

80) Что касается убийства нерожденных младенцев, то патриарх даже покровительствует этому делу. Так, по свидетельству бюллетеня Russia Reform Monitor (№ 584, 1999 г.), издающегося Американским советом по внешней политике в Вашингтоне и освещающего политическую и экономическую ситуацию в России, патриарх Алексий покровительствует некоей Гульназ Сотниковой (которая даже появляется нарочито рядом с ним на официальных приемах, например, на Рождественском приеме в 1999 г.), учредив для нее особый Фонд примирения и согласия, полностью освобожденный от налогов. По сведениям Russia Reform Monitor, Сотникова является неофициальным президентом компании "Вертекс Аэро" и владельцем компании "Вертекс", основная деятельность которой связана с гинекологией и косметологией, в том числе с абортами и эмбриональным бизнесом (т. е. использованием органов нерожденных младенцев в возрасте от 18 до 20 недель).

Russia Reform Monitor приводит следующие слова одного политического обозревателя: "Российское правительство безусловно запретило бы подобную деятельность, если бы здесь не была замешана Сотникова. В любом случае, печальной аномалией кажется тот факт, что женщина, которую благословляет и поддерживает патриарх, делает деньги на торговле эмбрионами". См.: Вертоградъ-Информ. № 2 (47) (1999) 44–45; № 6 (51) (1999) 35. — Прим. ред.

81) Например, когда во Владивостоке пьяная толпа захватывала часовню св. Александра Невского, принадлежавшую РПЦЗ, а иеродиакон Сергий (МП) угрожал убить всякого, кто покусится на его "собственность", эти действия были оправдываемы на основании послушания патриарху Алексию (см.: Православная Русь. № 6 (1555) (15/28 марта 1996) 13).

РПЦЗ обвиняет: 2. Новомученики

Ободренный тем, что общественное мнение простило ему сергианство, патриарх почувствовал в себе силу коснуться второго вопроса, отделявшего патриархию от Русской Зарубежной и Катакомбной Церквей, — вопроса о новомучениках российских, которых патриархия в течение столь многих лет упорно именовала "политическими преступниками" и кровь которых лежала и лежит тяжким грузом на ее совести.

Главную проблему для патриархии здесь представляют, с одной стороны, Царственные мученики, а с другой — мученики Катакомбной Церкви, отвергавшие митрополита Сергия. Нецарственные мученики, пострадавшие до раскола с Катакомбной Церковью, могли быть "безопасно" канонизированы. Так, в 1989 году был канонизирован патриарх Тихон, а в 1992 году были канонизированы трое других мучеников; была также назначена комиссия по расследованию убийства Царской Семьи.

Однако, МП так и не составила своего мнения по вопросу, был ли Царь истинным мучеником или нет; то одна, то другая причина выставлялись патриархом, митрополитом Ювеналием и другими на протяжении последующих лет (82). Трудно было добиться покаяния в цареубийстве от тех, кто еще несколько лет назад ратовал за "возвращение к ленинским нормам" в отношениях между Церковью и государством. Правда, в июле 1993 г. синод МП призвал свою паству покаяться в грехе цареубийства. Но поскольку этот призыв не сопровождался публичным покаянием самих иерархов, которые на протяжении десятилетий принимали советскую интерпретацию событий, согласно которой Царь был справедливо убит за свое сопротивление прогрессивному советскому строю, то он вызвал вполне объяснимый скептицизм. Так, протоиерей Лев Лебедев назвал его "лицемерием, жестом, позой, пустой фразой, за которой не стоит ничего реального..." (83)

В то же время кажется, что патриархия в конце концов все-таки канонизирует Царственных Мучеников, хотя и неохотно и безотносительно к своим подлинным намерениям. Еще три года тому назад началась работа по постройке храма Новомучеников Российских на месте Ипатьевского дома, где была расстреляна Царская Семья. И в оффициальном патриархийном календаре за 1996 г. тропарь новомученикам был напечатан с упоминанием "царственных страстотерпцев" (84).

Но настоящим тестом на политическую подоплеку действий патриархии послужит вопрос о канонизации мучеников Катакомбной Церкви, таких как митрополиты Иосиф Петроградский, Кирилл Казанский и многие другие, отвергавших сергианскую МП. Кажется невероятным, чтобы патриархия могла продолжать почитать Сергия и одновременно его главных оппонентов, хотя недавние патриархийные публикации близко подходят именно к этому (85). Однако, если МП откажется канонизировать катакомбных мучеников, она окажется беззащитной пред лицом обвинений в том, что она на стороне их гонителей. Если же она канонизирует их, то тем самым она признает моральное право Истинной Церкви, отделившейся от митрополита Сергия, на духовное руководство народом. Так что, в любом случае, это пойдет на пользу Истинной Церкви.

Патриархия может решить прославить некоторых катакомбных мучеников и некоторых сергиан, тем самым тонко принижая подвиг Катакомбной Церкви (86). Так, о. Олег Орешкин пишет: "Я думаю, что часть прославленных будет из сергиан для того, чтобы вводить верующих в заблуждение: вот, видите, — святой, мученик, во Царствии Небесном, а декларацию митрополита Сергия признавал; и вы смиряйтесь с нею и с ее плодами. Это будет сделано не для того, чтобы прославить мученичество Христа ради, а чтобы утвердить сергианскую политику" (87).

Патриарх, по-видимому, нащупывает путь к такого рода тактическим маневрам, ибо в интервью, данном в июне 1992 г., он сказал: "Канонизация новомучеников совершается независимо от "карловчан"; кроме того, если Зарубежная Церковь ограничивает круг новомучеников теми, кто пострадал до 1927 года, то мы прославляем всех достойных исповедников веры" (88). Это, конечно же, сознательная ложь: именно Зарубежная Церковь прославила исповедников до и после 1927 г., тогда как патриархия продолжает считать их политическими преступниками (89)! То, что делает патриарх, — это, по-видимому, подготовка пути для канонизации некоторых сергианских "мучеников", притворяясь при этом, что никто из мучеников периода после 1927 г. еще не канонизирован.

Беспринципность патриарха в этом вопросе хорошо выразил о. Петр Перекрестов: "Во вступлении к одной статье (В катакомбах // Совершенно секретно. № 7, 1991) патриарх Алексий написал следующее: "Я верю, что наши мученики и исповедники, безотносительно к тому, следовали ли они за митрополитом Сергием или не соглашались с его позицией, вместе молятся за нас". В то же самое время в еженедельнике "Неделя", № 2, I/92, тот же самый патриарх Алексий заявляет, что Русская Зарубежная Церковь — это раскольническая церковь, и прибавляет: "Равно неканонична и так называемая ‘Катакомбная Церковь’. Другими словами, он признает мучеников Катакомбной Церкви, многие из которых были преданы безбожным властям церковной организацией митрополита Сергия... и в то же самое время заявляет, что эти мученики — раскольники и неканоничные!" (90)

Ибо, в конце концов, как подчеркивает о. Петр, для Московской патриархии все дело не в истине и лжи, святости или нечестии, а во власти: "Для них не важно, занимается ли священник теневым бизнесом или чисто церковной деятельностью; демократ ли он или монархист; экуменист ли или зилот; хочет ли он служить всенощую за шесть часов или за один; служит ли священник панихиду по убиенным защитникам Белого дома или молебен о сторонниках Ельцина; хочет ли священник крестить погружением или окроплением; служит ли он в катакомбах или открыто; почитает ли он Царственных Мучеников или нет; служит ли он по новому или по православному календарю — это поистине все равно. Главное — поминать патриарха Алексия. Пусть Зарубежная Церковь сохранит свою автономию, пусть она даже высказывается, выражается как прежде, но только при одном условии: поминать патриарха Алексия. Это форма папизма: пусть священники будут женаты, пусть служат по восточному обряду — это безразлично, важно, чтобы они поминали папу Римского" (91).

82) Царственные мученики были наконец канонизированы на архиерейском соборе МП в августе 2000 года в чине "страстотерпцев". Впрочем, это не более чем очередная уловка иерархов МП — "успокоить" народ канонизацией Новомучеников и Царской Семьи, а между тем спокойно продолжать свой еретический курс. Анализ деяний этого "юбилейного" собора см.: Вертоградъ-Информ. № 9 (66) (2000) — Прим. ред.

83) Протоиерей ЛЕВ ЛЕБЕДЕВ, Цель одна: ответить любовью на любовь // Русский пастырь II (1994) 46.

84) Такое упоминание может быть отнесено и к канонизированным ранее в МП преподобномученице Великой княгине Елисавете (сестре Императрицы) и пострадавшим с ней князьям. — Прим. ред.

85) См.: ГУБОНИН, Акты... 808–810.

86) Что она уже и начала делать, прославив во святых архиепископа Луку (Войно-Ясенецкого), который сам о себе говорил, что если бы он не стал священником, то стал бы коммунистом, — т. е. идеология компартии не противоречила его взглядам.

87) Иерей Олег отвечает на вопросы редакции... 7.

88) Независимая газета (10 июня 1992).

89) См.: Л. КЕЛЛЕР, Блуждания патриарха Московского // Православная Русь. № 20 (1473) (1992) 5.

90) P. PEREKRESTOV, Why now? // Orthodox Life. Vol. 44, no 6 (November–December 1994) 44. Остается вопросом, угодно ли Богу канонизация патриархией даже истинных мучеников? Так, когда пятьдесят патриархийных архиереев открыли мощи патриарха Тихона в Донском монастыре 5 апреля 1992 г., очевидцы говорили, что "было возможно узнать лицо патриарха Тихона по причине его нетления, и его мантия и митра также сохранились совершенно нетленными. Свидетели также говорят о прекрасном благоухании и необычном чувстве благоговейного мира в этот момент, но затем, как подтверждают некоторые из патриархийных клириков, от контакта с воздухом мощи распались, или — как замечают катакомбные христиане — мощи не дались в руки Московской патриархии. Тогда они погрузили их в гипс — нечестивое деяние с православной точки зрения..." (Е. ПОЛЯКОВ, Личное сообщение (5 апреля 1992)).

91) PEREKRESTOV, Why now?... 43.
Прим. ред.: МП на своем "юбилейном" архиерейском соборе 2000 года наконец прославила собор новомучеников российских, в который, однако, не включила некоторых действительных исповедников, зато включила весьма многих сергиан. Подробнее см.: Т. СЕНИНА, "И вы исполните меру отцов ваших..." // Вертоградъ-Информ. № 9–10 (66–67) (2000) 27–41.

РПЦЗ обвиняет: 3. Экуменизм

РПЦЗ справедливо обвиняет патриархию во все-ереси экуменизма. В 1983 г. патриархийное духовенство принимало участие в VI Генеральной ассамблее ВСЦ в Ванкувере, которая началась с языческого обряда местных индейцев и в которой участвовали иудеи и мусульмане. В 1986 г. митрополит Киевский Филарет участвовал в молитве за мір в Ассизи (Италия) вместе с папой Римским, архиепископом Кентерберийским, далай-ламой и североамериканскими змеепоклонниками. Архиепископ Кирилл Смоленский (92), глава Отдела внешних церковных сношений, определенно отказался последовать примеру патриарха Иерусалимского, ушедшего из экуменического движения в 1989 г., и устранился от критики патриарха Парфения Александрийского, который признает Магомета за апостола Божия (93). А на VII Генеральной Ассамблее ВСЦ в Канберре в 1991 г., на которой язычники-аборигены пригласили участников пройти сквозь "очистительный дым", объединяющий, якобы, духовность аборигенов и христиан (!), он сказал: "ВСЦ — это наш общий дом, и мы хотим, чтобы он стал колыбелью Единой Церкви" (94).

Патриарх Алексий ревностно содействовал нехристианскому межрелигиозному экуменизму. Так, он писал "Преосвященнейшему" хамбо-ламе Гаадану, председателю Азиатской буддийской мирной конференции: "Я желаю Вам мира, счастья и успехов в Вашей религиозной и социальной деятельности" (95), — как будто православный христианин может желать безбожному буддисту успеха на религиозном поприще!
Но особенное негодование вызвало отношение патриарха Алексия к иудеям. В августе 1991 г. патриарх стоял рядом с раввином во время пения каддоша — заупокойной еврейской молитвы — по убитому иудею, хотя, как признавал отец мальчика, они ни разу не слышали каддоша и не бывали внутри синагоги (96). Но еще серьезнее было обращение патриарха к нью-йоркским раввинам в ноябре 1991 г., которое начиналось словами: "Дорогие братья, шалом вам во имя Бога любви и мира! ... Мы все — братья, ибо мы все — дети Ветхого Завета на горе Синай, который, как мы, христиане, веруем,

был обновлен Христом. ...Ваш закон — это наш закон, ваши пророки — наши пророки" (97).

В феврале 1992 г. председатель Союза Православных братств Сергей Поляков заявил, что речь патриарха была "чисто еретической". А представитель Тверской епархии МП сообщил, что "почти 60 % епархиального духовенства" отказались поминать патриарха за богослужением (98). Одно время казалось, что речь патриарха "ваши пророки — наши пророки" должна была вызвать протест, подобный по силе тому, который вызвал митрополит Сергий своей декларацией "ваши радости — наши радости" (99).

Важным этапом участия Православных церквей в экуменическом движении стало Шамбезийское соглашение между экуменическими православными и еретиками-монофизитами в 1990 г., когда монофизиты согласились дать "положительную оценку" четырем последним Вселенским Соборам и принимавшим в них участие Отцам (хотя и без оффициального их принятия) и отменить анафемы против них; тогда как православные согласились снять анафемы со всех монофизитских соборов и отцов, включая знаменитых ересиархов Диоскора, Тимофея и Севира. Так обе "семьи церквей" (новое выражение, неизвестное православной экклесиологии) согласились, что "анафемы и осуждения прошлого, которые ныне разделяют нас, должны быть сняты Церквами, чтобы последнее препятствие к нашему полному единению и общению было устранено благодатью и силой Божией" (100). Но это означало, что многие сотни Святых Отцов, налагавших эти анафемы и осуждения, были неправы!..

Конечно, поместные Православные церкви (за исключением Иерусалимского патриархата) уже имплицитно отвергли Соборы и Отцов посредством своего общения в молитвах и таинствах со всякого рода еретиками и даже язычниками, самым разительным примером чего была, пожалуй, Генеральная ассамблея ВСЦ в Канберре в 1991г. Тем не менее, сказать во всеуслышание, что Вселенские Соборы были неправы, что монофизитов не следовало осуждать, что они были православными в течение всех этих веков, несмотря на то, что Святые Отцы и все святые Православной Церкви считали их еретиками, — это, несомненно, новая и важная фаза. Это не просто несоответствие образцам Вселенских Соборов — это отказ от самих этих образцов.

РПЦЗ и греческие старостильники незамедлительно осудили Шамбезийское соглашение (101). Тем не менее, в 1992 г. Антиохийская патриархия вошла в полное оффициальное общение с монофизитами [из Сиро-яковитской церкви. — Ред.]. Есть все признаки того, что Московская патриархия собирается пойти по тому же пути.

Объединение православных с монофизитами шло параллельно с шагами к объединению с римокатоликами. По некоторым данным можно было предположить, что эти три древнейшие христианские общности скоординировали свои экуменические сношения с целью добиться к 2000 году полного единства. Сразу же после своего восшествия на патриарший престол Алексий II занял более примиренческую позицию по отношению к западно-украинским униатам; и хотя он и его старейшие архиереи часто протестовали против католического прозелитизма в России (102), знаменательно, что патриарх решительно противостал призыву патриарха Иерусалимского Диодора в марте 1992 г. прекратить всякий диалог между православными и Ватиканом. В январе 1992 г.
патриархия и Ватикан благословили создание Экуменического центра в Москве, целью которого было "посредством взаимополезных связей создавать единое Тело Христово" (103). А в июле 1993 г. последовало признание римокатоликов в качестве "церкви-сестры" в полном смысле этого слова в итоге "Богословского диалога", имевшего место в Баламанде (Ливан) (104).

К этому времени возникло новое "диссидентское" движение, направленное на сей раз против экуменизма и модернизма, и в течение, приблизительно, двух лет внутри Московской патриархии существовало даже движение "непоминающих" (105). Затем, во время патриархийного собора в декабре 1994 г., либералы взяли реванш: членство МП во Всемірном совете церквей было недвусмысленно одобрено, и началась "чистка" антиэкуменически настроенных братств (106). Вскоре за этим в 1995 г. последовала

также смерть единственного открыто антиэкуменически настроенного иерарха МП митрополита Санкт-Петербургского Иоанна (Снычева).

Однако, в декабре 1995 г. группа духовенства Московской епархии числом около пятидесяти человек направила открытое письмо патриарху с осуждением "крипто-католического" учения и действий некоторых модернистских столичных священников и мірян. Патриарх откликнулся еще одним сожалением о католическом прозелитизме в России и Белоруссии и, в частности, об использовании римокатоликами гуманитарной помощи для прикрытия своих миссионерских целей (107). Тем не менее, было весьма маловероятно, что патриарх добровольно откажется от своей примиренческой политики по отношению к католикам, особенно в виду того факта, что католическая организация "Помощь Церкви в беде" предложила, по благословению папы Римского, выдавать каждому священнику Русской церкви ежегодное пособие в размере тысячи долларов (108). Возможно, единственной силой, которая могла бы заставить патриарха изменить курс, сейчас может быть лишь переход власти в руки националистов, антизападнически настроенных сил. Ибо Алексий II, будучи политической креатурой, никогда не занимал действительно независимой позиции по отношению к государству...

92) Ныне — митрополит Смоленский и Калининградский. — Прим. ред.

93) См.: Время действовать // Московский церковный вестник. № 17 (Декабрь 1989) 3; ‘Orthodoxos Tupos 854 (‘Ochtobrios 6, 1989); La Lumiere de Thabor 25 (Paris, 1990) 121–123.

94) См.: Л. ПЕРЕПЕЛКИНА, Экуменизм — путь, ведущий в погибель (С.-Петербург, 1992); Christian News (April 1991) (перепечатано в: Ecumenism down under // Orthodox Christian Witness. Vol. XXIV, № 45 (1149) (August 5/18, 1991) 3); Keston News Service. № 370 (March 7, 1991) 2.

95) Журнал Московской патриархии. № 2 (1991). Перевод на англ. в: Orthodox Life. Vol. 41, № 6 (November–December 1991) 40.

96) См.: CLARK, An Empire’s New Clothes... 87.

97) См.: А. С. ШМАКОВ, Речь патриарха Алексия II к раввинам г. Нью-Йорка и ересь жидовствующих (Нью-Йорк, 1993).

98) См.: Прямой путь (Февраль 1992) 5; Е. ПОЛЯКОВ, Хроника церковной жизни в январе–феврале 1992 года (Самиздат) 2.

99) Однако, время показало, что никакого массового исхода верующих и духовенства из МП из-за речи патриарха не произошло. На заседании Синода МП патриарх получил "взбучку" от собратьев-архиереев, после чего заявил, что речь его была необдуманным поступком; такое непубличное "покаяние" многими было сочтено достаточным. Например, представитель "консервативного" крыла МП ныне покойный митр. С.-Петербургский Иоанн (Снычев) так и говорил своим духовным чадам: патриарх покаялся и больше так делать не будет... — Прим. ред.

100) Полный текст Шамбезийского, а также Баламандского соглашения и комментарий к ним см.: Пагубное единомыслие. Унии: история и современность (Санкт-Петербург, 1996) (О духовном рассуждении, 2). Еретики-монофизиты именуются в Шамбезийских документах "Ориентальными Православными". — Прим. ред.

101) См.: Mitropolites Kalliopios (Giannakoylopoylos) Pentapoleos, Prodosia tes ‘Orthodoxias (Peiraieys, 1991); ‘O Pharos tes ‘Orthodoxias 66 (Ochtobrios, 1991) 120; Monk ISAAC, Commentary on the latest recommendations of the joint Commission for theological dialogue between the Orthodox and Oriental Orthodox Churche // Orthodox Life.

Vol. 42, № 3 (May–June 1991); Dossier sur les Accords de Chambesy entre Monophysites et Orthodoxes // La Lumiere de Thabor 31 (1991).

102) Так, в ноябре 1991 г., патриарх, будучи в Лондоне, сказал в связи с умножением римокатолических епархий в бывшем Советском Союзе, что Ватикан нарушил некоторые антипрозелитические соглашения, и что паства из не более чем трехсот католиков в Новосибирске не оправдывает создание там епархии. См.: O. ANTIC, New structure for the Catholic Church in the USSR // Report on the USSR. Vol. 3, № 21 (May 24, 1991).

103 См.: Церковная жизнь. № 3–4 (Май–Август 1992) 6–7.

104) См.: Letter to the Patriarch of Constantinopole from the Sacred Commumity of Mount Athos // Orthodox Life. № 4 (July–August 1994) 26–39.

105) См.: Священник ТИМОФЕЙ АЛФЕРОВ, Некоторые уроки движения "непоминающих" // Русский пастырь. № 19 (1994) 102–104.

106) См.: А. СОЛДАТОВ, Обновление или обновленчество? // Православная Русь. № 20 (1521) (1994) 6–9; В. Н. ОСИПОВ, Православное сердце на ветру // Православная Русь. № 2 (1527) (1995) 14–15; Service Orthodoxe du Presse 194 (Janvier 1995) 7–10.

107) См.: Service Orthodoxe du Presse 204 (Janvier 1996) 13.

108) См.: Vatican Diary // Orthodox Christian Witness (January 2/15, 1995) 7–8.

РПЦЗ и Катакомбная Церковь

Хотя нападки РПЦЗ на Московскую патриархию были принципиальными и сильными, они не принесли ожидаемого плода в виде перехода верующих из патриархии в Истинную Церковь.

Причин этому много. Главная из них, несомненно, состоит в недостатке глубокого покаяния в русском народе, который, хотя и отверг в целом и главном свое коммунистическое прошлое, остался, тем не менее, как бы парализованным, лояльным к безнадежно себя скомпрометировавшим структурам и правителям. Как точно выразились об этом иерархи РПЦЗ в своем послании в октябре 1991 г.: "Если результаты чернобыльской катастрофы все еще дают себя знать в телах детей окрестных областей, то духовная катастрофа всей России будет оказывать свое действие в течение гораздо большего времени. Как чернобыльская радиация будет многие годы продолжать уносить жизни детей нашей земли своим зловещим невидимым пламенем, ясно, что и последствия духовной катастрофы не скоро отойдут от нас" (109).

Однако, и сама иерархия РПЦЗ не свободна от "чернобыльских" недугов, как это стало явным для многих, живущих в России, и как было очевидно уже на протяжении десятилетий живущим за ее пределами. В частности, были затяжные последствия "диссидентской горячки" семидесятых, о которой было сказано выше, такие как тенденция считать Московскую патриархию "Матерью-Церковью" русского Православия, в лоно которой, как говорят многие, РПЦЗ должна теперь вернуться ввиду падения коммунизма. Трагический пример такого мышления был явлен в лице Великого Князя Владимiра Кирилловича, наследника династии Романовых, перешедшего из РПЦЗ в патриархию, целовавшего в ноябре 1991 г. крест в руке патриарха Алексия за службой в Исаакиевском соборе Санкт-Петербурга и отпетого спустя несколько месяцев тем же патриархом в том же соборе (110).

Другой причиной было то, что не состоялось объединение с рассеянным остатком Катакомбной Церкви. Действительно, грубая тактика РПЦЗ в первые месяцы после ее возвращения в Россию вызвала раскол с некоторыми ветвями Катакомбной Церкви, тот "великий разлад", который, согласно пророчеству великого исповедника Катакомбной Церкви архиепископа Антония (Галынского-Михайловского), должен был

произойти после крушения советской власти. Непосредственной причиной разлада было то, что в 1982 г. РПЦЗ, как мы уже говорили выше, установила в России, не посоветовавшись с Катакомбной Церковью, параллельную иерархию, рукоположив человека, к которому все ветви Катакомбной Церкви относились с величайшим недоверием, — Лазаря Журбенко (111).

Прежде чем более детально рассмотреть этот раскол, будет полезно вкратце коснуться состояния Катакомбной Церкви в ее различных ветвях.

I. Тихоновцы

Эти катакомбники называют себя так потому, что их отец-основатель епископ Серафим (Поздеев, † 1971) был тайно рукоположен самим патриархом Тихоном незадолго до смерти Святителя. Эта ветвь получила распространение, главным образом, благодаря героическим усилиям схимитрополита Геннадия (Секача) (112). Однако, после смерти последнего в 1987 г. ветвь претерпела несколько расколов, самым значительным из которых был раскол проживавшего в Москве епископа Исаакия, который в 1991 г. был лишен сана четырьмя архиереями (113). Следующий удар этой ветви был нанесен постановлением РПЦЗ от августа 1990 года, подписанным лишь епископом Иларионом Манхеттенским, в котором хиротонии епископа Серафима и митрополита Геннадия (оба они были, по свидетельствам, чудотворцами) объявлялись неканоничными, главным образом на том основании, что они не могут быть подтверждены действительными ставленническими граматами и поэтому должны быть отвергнуты на основании 33-го Апостольского правила. Поскольку все ныне живущие архиереи и большинство священников Катакомбной Церкви получили свои рукоположения от одного из этих двух епископов (некоторые же ветви Катакомбной Церкви не имели епископов вовсе), этот акт, по сути, был равносилен заявлению, что Катакомбная Церковь не является канонической Церковью и что единственная каноническая церковная организация в России есть та, которая возглавляется епископом Лазарем, которого все ветви Катакомбной Церкви считали агентом КГБ (114)! Это настроило Тихоновцев резко против РПЦЗ, хотя из всех ветвей Катакомбной Церкви они в богословском отношении стояли к ней ближе всего. Есть сведения, что впоследствии РПЦЗ смягчила свое отношение к Тихоновцам и что митрополит Виталий предложил соединиться с ними через простое сослужение; но ошибка уже была сделана, и по сей день между этим двумя Церквами нет никакого общения.

В настоящее время у этой ветви есть три архиерея, действующие вполне открыто — схимитрополит Феодосий на Северном Кавказе, митрополит Епифаний в Белоруссии и архиепископ Василий в Закарпатье. Кроме того, есть еще три архиерея, живущие в условиях полной секретности, о которых чего-то определенного известно мало: Моисей (живет в Москве), Варсонофий и Досифей. Другие ветви Катакомбной Церкви обвиняли Тихоновцев в чрезмерной близости к Московской патриархии, но митрополит Епифаний заявил, что его ветвь с патриархией не имеет никакого общения (115).

II. Галынцы

Называются так по имени своего отца-основателя архиепископа Антония (Галынского-Михайловского, † 1976). Эта ветвь, состоявшая из четырнадцати иеромонахов и их паствы, была, как мы сказали, принята под омофор митрополита Филарета Нью-Йоркского в 1977 г., после смерти архиепископа Антония (116). Некоторые из этих иеромонахов впоследствии, в 80-х годах, присоединились к Тихоновцам, тогда как остальные по сей день остаются сами по себе, без архиерея. Указ РПЦЗ от августа 1990 г. обвиняет в неканоничности и архиепископа Антония, что настроило всех Галынцев против РПЦЗ. Указ этот представляется особенно странным ввиду того, что митрополит Филарет знал и уважал архиепископа Антония и принял его осиротевшую паству под свой омофор. Это можно объяснить лишь мстительностью Лазаря Журбенко, который трижды обращался к архиепископу Антонию с просьбой о рукоположении и трижды получил отказ. Галынцы, по-видимому, не имеют четкой структуры или администрации. По меньшей мере об одном из их священников известно, что он

беспаспортник; другой, вместе со своей в большинстве беспаспортной паствой, перешел под омофор архиепископа Валентина Суздальского.

III. Беспаспортники

Называются так из-за своего отказа брать советские паспорта. Эта ветвь распространена, главным образом, в восточной России и Сибири. После смерти их последнего епископа, Феодосия (Бахметьева, † 1986) (117), часть беспаспортников избрала о. Гурия (Павлова) своим кандидатом в епископы. Весной 1990 г. о. Гурий отправился за хиротонией в Синод РПЦЗ в Нью-Йорк (для чего, естественно, пошел на компромисс и взял паспорт). Однако, когда он узнал, что в его хиротонии должен был участвовать епископ Лазарь (Журбенко), то категорически отказался от хиротонии и вернулся в Россию. Дело в том, что еп. Лазарь причинил особенный вред беспаспортникам, оклеветав епископа Феодосия и побудив всех его священников отойти от него. После некоторых переговоров со старостильным греческим архиепископом Афинским Хризостомом II, о. Гурий обратился к авксентьевцам и в июле 1991 г. был рукоположен в Бостоне во епископа Казанского (118). Он скончался в день Рождества Христова 1995/96 г. (119)

IV. Матфеевцы

В 1978 г. катакомбный схимонах Епифаний (Чернов, † 1994), бывший духовным сыном второго по старшинству иерарха РПЦЗ, архиепископа Феофана Полтавского († 1940), выехал на Запад. Сначала он примкнул в Швейцарии к РПЦЗ, но затем, убедившись, что РПЦЗ отошла от своего прежнего исповедания и была поражена обновленческими настроениями, он переехал в Англию, где присоединился к греческим старостильникам-матфеевцам. Вернувшись в 1990 г. в Россию, он воспринял руководство широкой сетью фактически беспоповских приходов, приведя их под омофор матфеевского митрополита Хризостома Солунского (120). В 1995 г. у матфеевцев произошел раскол, в результате которого архиепископ Андрей Афинский и митрополит Хризостом Солунский оказались в разных станах. Тогда российские матфеевцы перешли под омофор архиепископа Андрея Афинского и окормляются, главным образом, митрополитом Кириком Месогейским. В настоящее время у них четыре священника и два диакона.

V. Хризостомовцы

Хотя и получая просьбы со стороны российских катакомбников, среди прочих от о. Гурия (Павлова), хризостомовцы некоторое время отказывались вмешиваться в дела Российской Церкви. Однако, в сентябре 1994 г. архиепископ Хризостом II рукоположил двух перебежавших от Тихоновцев отцов Василия Редечкина и Игоря Медведева (последний недавно покинул юрисдикцию архиеп. Хризостома), а затем еще нескольких клириков.
Из этого краткого очерка можно видеть, что Катакомбная Церковь не была в цветущем состоянии, когда РПЦЗ открыла свои первые приходы в России в 1990 г. (121) Хотя в катакомбах все еще оставалось много замечательных и чрезвычайно стойких и отважных христиан, но они испытывали недостаток в пастырях, внушающих всеобщее уважение и признание, а во многих областях и вовсе не имели священников. Это может казаться достаточным оправданием попытки РПЦЗ взять в свои руки управление катакомбами; и в самом деле, сделай она это с тактичностью, рассудительностью и любовью, она наверняка была бы с радостью принята подавляющим большинством катакомбных христиан.

Почему же этого не произошло?

Во-первых, следует помнить, что было практически невозможно, чтобы за десятилетия географической изоляции не развились некоторые разности в мировоззрении между Церковью в России и Церковью за рубежом. Церковь в России, живя в условиях крайней опасности и достаточно реальной угрозы полного уничтожения, была склонна описывать свое положение в апокалиптических выражениях следующим образом: начиная с 1917 г. мы вошли в последний период христианской истории, период

Апокалипсиса; Истинная Церковь, как жена, облеченная в солнце, бежала в пустыню, и земля (катакомбы) сокрыла ее; тогда как лже-церковь, Московская патриархия — это блудница, сидящая на красном звере (коммунизме) (ср. Откр., гл. 12, 13, 17). РПЦЗ на своем Всезарубежном Соборе в Белграде в 1938 г. использовала очень сходные выражения для описания ситуации; но в послевоенные годы, когда, с одной стороны, сведения о Катакомбной Церкви стали скуднее, а "советский зверь" стал, по меркам 30-х годов, относительно ласковее, этот эсхатологический акцент стал менее выраженным. Это различие выросло в четкое богословское расхождение, например, в переписке митрополита Виталия с одним беспаспортником в начале 90-х годов (122). Митрополит сравнивал гражданство Советского Союза с гражданством Римской империи во времена апостола Павла, который, действительно, гордился своим римским гражданством и пользовался им для защиты от иудеев. Однако, беспаспортник категорически отверг это сравнение, настаивая, что Советский Союз нужно рассматривать как антихриста, поскольку эта власть, установленная не Богом, а диаволом (Откр. 13:2); что советское гражданство не имеет в себе ничего, чем можно было бы гордиться, но, скорее, влечет (или, по крайней мере, влекло) за собой обязательство соблюдать богоборческие законы, на что христианин никак не может соглашаться. Парадоксально, но позиция беспаспортника здесь ближе не только к анафеме патриарха Тихона на большевиков 1918 года, призывавшей христиан не иметь ничего общего с большевиками и даже убеждавшей христианских жен бросать своих мужей-большевиков, но также и к позиции первого возглавителя РПЦЗ митрополита Антония (Храповицкого), который в 1921 г. призывал к вооруженному вторжению в Советскую Россию и всеобщему восстанию против советской власти)(123).

Другое различие между Церковью в России и за рубежом заключалось в их отношении ко все-ереси экуменизма. Катакомбные христиане, как и вообще основная масса христиан в СССР, не знали почти ничего об экуменизме и экуменической деятельности Московской патриархии. За одним-единственным исключением, в катакомбной литературе 60–80-х годов, дошедшей на Запад, нет даже упоминания о нем. РПЦЗ же, со своей стороны, все более и более вовлекалась в те годы в борьбу с ним. Начавшись "Скорбными посланиями" митрополита Филарета в 60-х гг., эта борьба достигла своей кульминации в анафематствовании экуменизма в 1983 г.

Не вызывает сомнения, что самая большая польза, доставленная РПЦЗ Катакомбной Церкви и вообще всякого рода верующим в СССР, заключалась в публичной и резкой критике экуменизма, — хотя некоторые иерархи РПЦЗ, такие как архиепископ Антоний Женевский († 1993) и архиепископ Марк Берлинский, своими словами и делами сделали много, чтобы подорвать ее действие. Впервые после 30-х годов Московская патриархия была вынуждена защищать себя, а богословская осведомленность тысяч, если не миллионов русских людей выросла настолько, что сейчас существует уже целое мощное движение против экуменизма среди низшего духовенства и мірян МП. Более того, борьба против экуменизма усилила наше понимание апокалиптической блудницы, которая не только сидит на красном звере коммунизма, но и прелюбодействует со всеми царями земными, порождая всякого рода доктринальные мерзости экуменизма.

Когда границы между Советским Союзом и Западом открылись, РПЦЗ и Катакомбная Церковь, по логике, должны были встретиться и как бы "объединить капитал", чтобы образовать максимально эффективный и единый фронт против общего врага. РПЦЗ могла представить свои богословские знания и относительно большие материальные возможности, тогда как Катакомбная Церковь — свою существующую сеть общин, свой исповеднический опыт и свое прекрасное знание советских условий и ловушек на пути жизни в царстве антихриста. К сожалению, РПЦЗ решила "дать полный вперед", пытаясь скорее взять верх над Катакомбной Церковью, нежели действовать сообща с ней.
Рукоположение епископа Лазаря было первой роковой ошибкой, последовавшей в результате этой не в меру активной политики. Второй стало исторжение из РПЦЗ епископа Валентина Суздальского и вместе с ним других епископов, к рассмотрению чего мы сейчас и обратимся.

109) Orthodox Life. Vol. 41, № 6 (November–December 1991) 10.

110) См. статью бывшего духовника Великого Князя: Архиепископ АНТОНИЙ Лос-Анжелосский, Великий Князь Владимір Кириллович и его последнее посещение СССР // Православный вестник. № 60–61 (1993).

111) Указом № 648/818/2 от 5/18 января 1981 г. будущий еп. Лазарь был принят в качестве клирика в Западно-европейскую епархию РПЦЗ архиепископом Антонием Женевским. Это показывает, что пропатриархийная "диссидентская лихорадка" 1970-х, возглавлявшаяся в значительной мере архиеп. Антонием, принесла свой конкретный плод в виде первого значительного предательства Катакомбной Церкви со стороны РПЦЗ. Эту пагубную тенденцию, начатую архиеп. Антонием, ныне энергично развивает архиепископ Марк Берлинский.

112) О епископах Серафиме и Геннадии см.: Епископ ИОАНН, игумен ИЛИЯ, Тайный схимитрополит..., а также рукописные жития, находящиеся в собственности автора.

113) См.: V. MOSS, The True Orthodox Church of Russia // Religion in Communist Lands (Winter 1991).

114) См.: Справка из канцелярии Архиерейского Синода РПЦЗ № 4/77/133 (2/15. 08.1990); Священник ОЛЕГ, О мире всего мира, благостоянии святых Божиих Церквей и соединении всех Господу помолимся // Православная Русь. № 24 (1453) (1991) 11–12.

115) Митрополит ЕПИФАНИЙ, Личное сообщение (май 1995).

116) Об архиепископе Антонии см. рукописное житие, имеющееся у автора.

117) О епископе Феодосии см. рукописное житие, имеющееся у автора. См. также: ПЕТРОВА, Перестройка Вавилонской башни...

118) Священноначалие РПЦЗ, естественно, не признало законность этой хиротонии. Вот например, как отзывался архиеп. Лазарь (Журбенко) об о. Гурии: "В России злоумышленные люди связались с Бостоном, они почитают нас отступниками... Где и кем рукоположен о. Гурий, точно не ясно, также как и факты о его жизни. ...Архиерейский Собор запретил его в священнослужении и епископский сан за ним не признал. Так что, к сожалению, ныне он — бежавший клирик Российской Церкви" (Владыка Лазарь отвечает на вопросы редакции...). Судя по этой истории, архиеп. Лазарь просто добивался того, чтобы все российские катакомбники находились в его единоличном подчинении, а нежелающие подчиняться ему были бы признаны раскольниками. — Прим. ред.

119) См.: Воздвижение. № 2 (15) (Февраль 1996); A Biography of archimandrite Gury // The True Vine. Vol. 3, № 3 (1992).

120) В некоторых русских публикациях о. Епифания называют "схимитрополитом". Однако, автор настоящего труда, хорошо его знавший, не смог найти ни одного свидетельства в подтверждение того, что он имел какой-либо священный сан, и в некрологе, опубликованном после его смерти матфеевцами (Keryx Gnesion `Orthodoxon 215 (Noembrios 1995) 310–311), не упоминается об его епископстве.

121) В этой главе не упоминаются чисто еретические группы, называющие себя "катакомбными", такие как т. наз. "Третий завет Матери Божией" (группа была отправлена под запрет Тихоновцами).

122) См.: Митрополит ВИТАЛИЙ, Ответ беспаспортному // Православный вестник (Февраль–Март 1990); ПЕТРОВА, Перестройка Вавилонской башни...

123) Примерно такими же были и позиции двух последующих Первоиерархов РПЦЗ. Митрополит Анастасий (Грибановский) завещал не иметь с "советской церковью", т. е. МП, никакого, даже бытового общения. Митрополит Филарет (Вознесенский)

настолько строго придерживался этого завещания, что даже не стал отвечать на письмо о. Димитрия Дудко и выговаривал тем клирикам РПЦЗ, которые слишком далеко заходили в своих дружеских контактах с патриархийными клириками. См.: Блажен иже не идет на совет нечестивых // Вертоградъ-Информ. № 11 (44) (1998) 27–33. — Прим. ред.

Свободная Российская Православная Церковь

Название "Свободная Российская Православная Церковь" изначально относилось к епархиям и приходам Русской Зарубежной Церкви в России начала 90-х годов, которые управлялись тремя епископами — Лазарем Тамбовским, Вениамином Кубанским и Валентином Суздальским.

В то время число приходов СРПЦ стремительно росло, особенно в епархии Владыки Валентина. Однако, в 1992 г. стали возникать серьезные осложнения. С одной стороны, Московская патриархия с помощью местных властей и отрядов ОМОН захватила обратно ряд храмов; с другой же стороны, что было еще хуже, заграничные архиереи РПЦЗ, особенно Марк Берлинский, пытались вмешиваться в управление российскими епархиями и даже позволили себе публично чернить епископов СРПЦ. Так, архиепископ Марк называл епископов Лазаря и Вениамина никудышными администраторами, а епископа Валентина — "волком в овечьей шкуре". На деле попытки архиепископа Марка стать "фюрером всея Руси" начались уже задолго до этого. Еще в июле 1990 г. в Москве епископ Лазарь говорил автору этих строк, что если Марк будет продолжать вмешиваться в дела его епархии, то он будет вынужден образовать автономную Церковь, независимую от РПЦЗ. Более того, архиепископ Марк пытался привлечь епископа Валентина к суду, но Синод РПЦЗ в итоге, после двух лет расследования, все-таки отверг обвинения.

Но на этом дело не остановилось. Зарубежный Синод назначил епископа Варнаву Каннского своим представителем в России с полномочиями принимать в свое ведение приходы по всей территории страны. Епископ Варнава приступил к своей задаче с азартом. Так, он стал принимать клириков, запрещенных в служении российскими архиереями, рукополагать священников в их епархиях без их ведома и разрешения и т. д. (124) Затем на оффициальном бланке Синода он обратился к "патриарху Киевскому" (главе украинских раскольников-самосвятов) с прошением принять СРПЦ в молитвенное общение и поехал в Киев на встречу, чем, конечно, воспользовалась Московская патриархия, чтобы дискредитировать всю РПЦЗ в целом! Наконец, епископ Варнава публично
поддержал фашистскую чернорубашечную организацию "Память", включил нескольких фашистов в состав своей епархиальной администрации и принимал участие в фашистских демонстрациях; а один из его священников даже организовал нападение на редакцию газеты "Московский комсомолец". В результате всех этих скандалов и с целью спасти то, что осталось от СРПЦ, весной 1993 г. архиепископ Лазарь, к которому присоединились все остальные епископы СРПЦ, решил создать автономное Высшее Церковное Управление в России, которое было бы административно независимо от РПЦЗ, но оставалось бы с ней в общении, основываясь на: а) Указе патриарха Тихона за № 362 от 7/20 ноября 1920 г., который допускал создание автономных епархий и групп епархий в случае утраты связи с патриархом или до канонического избрания нового патриарха и б) Положении о РПЦЗ, которое в первом же своем пункте нарочито ограничивает административную власть РПЦЗ пределами русских приходов вне России (это не возбраняет оказывать помощь Русской Церкви в России путем, например, рукоположения новых архиереев, но возбраняет каким бы то ни было образом руководить ею). Зарубежный Синод отреагировал на это запрещением Высшего Церковного Управления и увольнением на покой епископа Валентина по причине его "расстроенного здоровья" (разумеется, без его на то согласия).

СРПЦ рукоположила трех новых епископов: Феодора Борисовского, Агафангела Одесского и Серафима Сухумского (последнего, как катакомбника, для большого количества катакомбных приходов, присоединившихся к СРПЦ). Однако, она все еще искала примирения с РПЦЗ, и поэтому двое старших архиереев — архиепископ Лазарь и епископ Валентин — прибыли на Архиерейский Собор РПЦЗ, проходивший в

Лесненском монастыре в ноябре 1994 г., и, испросив прощения, были вновь приняты в общение. Однако, затем двум российским архиереям был представлен некий "Акт", который им велели подписать. Этот "Акт" глубоко взволновал обоих иерархов, поскольку они увидели, что он вводил изменения, крайне вредные для жизни СРПЦ. Однако, архиепископ Лазарь решил подписать его, а епископ Валентин, хотя и не хотел подписывать, но еще более не хотел создавать раскол среди российских епископов, не последовав примеру старшего по сравнению с ним архиепископа Лазаря. Но он заручился уверением в том, что если он захочет внести затем поправки в какие-либо из пунктов этого Акта, он сможет это сделать, и что его поправки будут включены в конечный, предназначенный для публикации, вариант документа. При этом его уговаривали подписать сейчас же, "во имя братской любви". Поэтому он поставил подпись, после чего внезапно почувствовал сердечный приступ и был увезен в больницу в Париж, где неделю провел в реанимации.

В январе 1995 г. в Суздале прошло совещание архиереев и духовенства СРПЦ, на котором обсуждались результаты Лесненского Собора. Акт был широко и сильно раскритикован приходским духовенством, т. к. в нем Архиерейский Синод РПЦЗ предлагал пересмотреть границы епархий. Это всех особенно задело, поскольку влекло за собой необходимость перерегистрации очень многих приходов. Естественно, это не могло понравиться духовенству и верующим, ведь и первую регистрацию они получили с великим трудом. Но, что было еще более серьезно, это могло означать, что они окажутся вообще без всякой регистрации, т. к. представители МП при Министерстве юстиции могли настоять на том, что изменение названий и границ епархий является недопустимым. Это, в свою очередь, с большой долей вероятности могло означать, что их храмы будут переданы Московской патриархии. Поэтому было предложено вежливо просить РПЦЗ внести в Акт изменения в нескольких пунктах. Однако, двое из присутствовавших на совещании иерархов — епископ Евтихий (125) и епископ Вениамин — усмотрели в этом предложении бунт против власти РПЦЗ, которую подтвердили вновь над собою преосвященные Лазарь и Валентин столь недавно. Тогда один священник спросил епископа Евтихия, что для него более авторитетно: Апостольские правила, постановления Всероссийского Собора 1917–18 гг. и указы Святейшего патриарха Тихона, или решения Зарубежного Синода? Епископ Евтихий ответил: Зарубежного Синода. Эта реплика вызвала возмущение в зале, а епископ Евтихий покинул собрание (прихватив с собою магнитофонную запись заседания).

Вскоре после этого Синод РПЦЗ прислал епископам Феодору, Агафангелу и Серафиму составленное в весьма вежливых выражениях приглашение прибыть в Нью-Йорк на февральское заседание Синода. Когда епископы Феодор и Агафангел приехали туда, им вручили документ, извещающий их о том, что а) сами они не являются канонично рукоположенными архиереями (хотя их рукоположение было оффициально признано на Соборе в Лесне, и полученные ими приглашения были адресованы им как епископам) и б) архиепископы Лазарь и Валентин запрещены в священнослужении и будут лишены сана, если продолжат служить, а их "вдовствующие" епархии временно управляются митрополитом Виталием.

Это явилось последней каплей, переполнившей чашу долготерпения многострадальных российских приходов. Новый разрыв с РПЦЗ теперь был неизбежен. С 1995 г. архиереи СРПЦ (в настоящее время это: Валентин Суздальский, Феодор Борисовский, Серафим Сухумский и Виктор Латвийский) образовали автономное церковное управление, не имеющее никакого общения с РПЦЗ. (126)

124) В нарушение многих церковных правил, например, следующих: Апостольское 16: "Аще же епископ, у которого таковым (т. е. клириком, запрещенным другим епископом по Ап. Прав. 15) быти случится, в ничто вменив определенном им запрещение служения, приимет их яко членов клира, да будет отлучен, яко учитель бесчиния"; Апост. 35: "Епископ да не дерзнет вне пределов своея епархии творити рукоположения во градех и в селех, ему не подчиненных. Аще же обличен будет, яко сотвори сие без согласия имеющих в подчинении грады оные или села, да будет извержен и он, и поставленные от него". Однако, никаким таковым прещениям еп. Варнава не подвергся. — Прим. ред.

125) Рукоположенный по решению Синода РПЦЗ без ведома и воли российских архиереев, что также является нарушением канонов. — Прим. ред.

126) Подробно об этих событиях см: В. МОСС, Российская Православная Церковь. Очерк истории новейшего периода (1982–1998 гг.) // Суздальские епархиальные ведомости. № 8 (Июнь–Сентябрь 1999) 7–18. Прим. ред.: Современное название этой Церкви — Российская Православная Автономная Церковь (РПАЦ); на начало 2001 г., кроме упомянутых епископов (теперь уже архиепископов), в ее Синод входят архиепископы Антоний Яранский и Иларион Суходольский и епископы Тимофей Оренбургский и Амвросий Хабаровский.

Сербская война

Помимо развития экуменизма и падения коммунизма, больше всего в 90-х гг. занимала внимание православных и вызывала у них страх война в бывшей Югославии. Когда в 1991 г. разразилась война между Сербией и Хорватией, многие увидели в этом повторение 1941 года, когда создание независимой Хорватии повлекло за собой геноцид православных сербов в Хорватии и Боснии. Однако, при наличии определенного сходства, различия между этими двумя ситуациями и этими двумя поколениями — более значительны.
С одной стороны, не подлежит сомнению, что в 1991, как и в 1941 г., папа Римский использовал эту войну для осуществления своих геополитических амбиций за счет православных. Ватикан был первым государством, признавшим Хорватию; сообщалось также, что Католическая церковь сама приобретала оружие и боеприпасы и посылала их хорватам (127); папа же назвал кровавого палача сербов времен II Міровой войны кардинала Степинаца "несомненно самым выдающимся мучеником в истории Хорватии" (128). Повсеместное разрушение православных храмов является особо веским доказательством того, что силы, ополчившиеся против сербов, и в самом деле вдохновляются от лукавого.

С другой же стороны, невозможно утверждать, как бы ни хотелось это сделать, что сербы претерпевают мученичество за Христа, как неоправданно заявили некоторые истинно-православные.

Обратим внимание на некоторые факты. Во-первых, как подчеркнул православный писатель Джим Форест, "Сербия — это одно из самых секуляризированных обществ в Европе. Антирелигиозная политика Тито была эффективнее сталинской, хрущевской и брежневской. Очень малое число сербов хотя бы крещены (обычно насчитывают пять из ста) и гораздо меньшее число из них участвует в церковной жизни" (129). Если в 1931 г. всего 0.1 % населения Югославии заявили об отсутствии у них религиозной принадлежности, и лишь около 12.5 % — в 1953 г., то в 1987 г. эта цифра составляла 31.6 %. И это явление религиозной индифферентности было особенно сильным именно на сербских территориях (например, в Черногории — 54 %) (130), в то время как один опрос в Боснии в 1985 г. показал число религиозно-верующих 17 % (131).

Эти цифры делают сомнительным часто повторяемое утверждение, что война в бывшей Югославии религиозна по своей сущности. Скорее, как подметил Срдан Врчан, это политический конфликт, окрашенный в религиозные тона лидерами воюющих сторон с целью получить поддержку своих народов (132). Так, по словам декана Сербского Православного богословского факультета в Белграде, этот конфликт — "никоим образом не религиозная война. Какой религиозный вопрос является ее главным мотивом? Никакой. Скорее, это национальная или гражданская война с некоторыми элементами религиозной... Это именно тот случай, когда религиозный компонент поставлен на службу национальному или секулярному" (133).

Во-вторых, отношение Сербской церкви к этому конфликту было в высшей степени двусмысленным. Она критиковала сербское коммунистическое правительство то за то, что оно вовлекло сербский народ в такие страдания, то за то, что оно недостаточно твердо сражается, и даже благословляла деятельность некоторых самых криминальных элементов в сербских вооруженных силах.

Так, православный аналитик Жан-Франсуа Мейер пишет: "Церковь приняла на себя роль хранительницы "сербскости" и сохраняет живейшее сознание этой миссии. Так, она всегда занимала бескомпромиссную позицию в отношении вопроса о Косово и энергично защищает его сохранение как части Сербии. Что же до сербов Хорватии и Боснии-Герцеговины, то раз зверства, совершавшиеся во время II Міровой войны в зонах, находящихся под контролем Хорватии, были также и антиправославными операциями, то Церковь и не скрывала своего сочувствия к их проблемам и политическим стремлениям. Некоторые сербские православные круги могли одно время думать, что в Милошевиче они нашли политика, разделявшего их главные политические чаяния в этом отношении. Но Церковь не замедлила отстраниться, испытав придирки со стороны его режима. Так, в 1993 г. можно было видеть, как министр по делам религий в Белграде обвинял Церковь в вовлеченности в политику, а некоторых архиереев в желании "настроить народ против правительства", в ответ на что патриархия назвала министра "рабом коммунистической идеологии". По меньшей мере часть окружения президента Милошевича продолжает культивировать антирелигиозное наследие коммунистического режима, начиная с жены самого президента Миры Маркович (экс-президента "Федерации коммунистов — Движения за Югославию", затем ставшей в 1995 г. основательницей новой партии, ОЮЛ — "Объединения югославских левых"), которая сожалеет о влиянии религии в Сербии и считает, что страна "духовно уже вернулась в средневековье"; даже тенденция режима к восстановлению сербских национальных символов не останавливает супругу президента от критики культа святого Саввы, являющегося весьма важной частью сербской православной традиции. Желая быть гарантом единства всех сербов, Сербская Церковь еще усилила свою оппозицию Белградскому режиму, когда последний попытался отстраниться от боснийских сербов, чтобы добиться снятия эмбарго, наложенного международным сообществом. Когда сербы бежали из Краины в августе 1995 г., лидеры Сербской Церкви опять опубликовали торжественное заявление, остро критикующее "несостоятельность" белградского "неокоммунистического" режима, который завел страну "в полный тупик" и мешает "духовному, нравственному и политическому выздоровлению" сербского народа" (134).

Эта независимость от коммунистического правительства являет собой положительную перемену по сравнению с обычной для Сербской церкви в течение последних пятидесяти лет позицией прислуживания коммунистам. Но, с другой стороны, как пишет Сигар: "Вопреки общему осуждению насилия патриархом Павлом, Сербская церковь продолжает ссужать свой покров респектабельности даже самым крайним националистическим элементам. Аркан предоставил телохранителей сербскому православному митрополиту Амфилохию Черногорскому, который, говорят, пользовался ими для запугивания диссидентов. В июле 1993 г., по случаю белградского городского торжества, Аркан маршировал рядом с патриархом Павлом в торжественной процессии по улицам города. В том же месяце патриарх Павел лично возглавил официальную делегацию в Боснию, где председательствовал на широко разрекламированнных прессой религиозных церемониях с участием высших правительственных и военных чинов боснийских сербов" (135).

Конечно, положение у патриарха трудное. Как патриарх всего сербского народа, он обязан содействовать единению нации в ее различных политических общностях: сербских, боснийских, словенских, краинских, — что неизбежно влечет за собой контакты с некоторыми из их наиболее кровавых лидеров, таких как Аркан. Будь сербский патриарх иерархом масштаба свт. Иоанна Златоуста или свт. Филиппа Московского, он смог бы соединить попечение о всей своей пастве с открытым осуждением арканов, сбивающих ее с пути и растлевающих. Но, будучи воспитан в сергианском духе послевоенной Сербской церкви, он не способен на это. Как не способен и ни один из нынешних патриархов бывшего советского блока...

Однако, еще большее влияние, чем его сергианское прошлое, оказывает его экуменическое настоящее. О патриархе лишь тогда можно было бы сказать, что он защищает Православие от хорватских католиков и боснийских мусульман, когда бы он в самом деле последовательно ниспровергал заблуждения этих ложных религий. Он же, однако, извинялся перед папой за неучастие в межрелигиозных молитвах в Ассизи и заявлял, что у христиан и мусульман один и тот же Бог; а его клирики занимают видные места во Всемірном совете церквей. Но мученических венцов для таких

предателей православной веры нет! Лишь когда Сербская церковь вернется к подлинно православной вере, будет она иметь право на название "мученической" Церкви.

И все же, хотя и трагическая и глубоко досадная, война в бывшей Югославии может в конце концов иметь положительное воздействие на православный мір. Ибо если ее уроки будут усвоены, она может перевернуть последнюю страницу постыдной сергианско-экуменической главы в истории Сербской церкви. Знаменательно, что война началась, когда последняя значительная антиэкуменическая сила в Сербской церкви — "Свободные сербы" — капитулировала перед патриархией. Это означает, что война была попущена Богом как наказание за такое отступление от истинной веры. Теперь мы можем надеяться, что сербы увидят свою ошибку и начнут бороться с Западом и исламом не физически, а духовно, не воздавая злом за зло, а исповедуя православную веру словом и делом. Если же покаяния не будет, то можно ожидать лишь продолжения и расширения войны, которая охватит не только те части Сербии, которые до сих пор сумели избежать военных действий, но также и все православные народы, которые являются братьями сербов, но не по верности Христу и Святому Православию, а по безразличию к истине и ереси... (136)

127) См.: A. MARKOU, On the Serbian Question // Orthodox Tradition. Vol. XI, № 4 (1994) 16.

128) "World Orthodoxy's" Sister Church to canonize murderer of the Serbian Orthodox people // Orthodox Christian Witness (September 12/25, 1994) 2.

129) D. FOREST, An Orthodox Response to the War in Former Yugoslavia // Orthodox Outlook. Vol. VII, № 6 (1995) 32. Следует также заметить, что крещение в Сербской церкви сейчас очень часто совершается лишь через обливание, а не полное погружение.

130) См.: S. FLERE, Denonimational Affiliation in Yugoslavia, 1937—1987 // East European Quarterly XXV, № 2 (June 1991) 145–165.

131) Эти цифры приведены в: MALCOLM, Bosnia. A Short History... 222.

132) См.: S. VRĆAN, The War in Former Yugoslavia and Religion // Religion, State and Society. 22/4 (1994) 374–375.

133) Цит. по: CIGAR, Genocide in Bosnia...

134) MEYER, Religions et securite internationale... 24–25.

135) CIGAR, Genocide in Bosnia... 67–68.

136) В настоящее время в Сербии существует маленькая Истинно-Православная Церковь, единственный священник которой находится в юрисдикции "хризостомовского" Синода ИПЦ Греции. Подробнее об ИПЦ Сербии см.: Вертоградъ-Информ. № 5 (50) (1999) 51–52; № 9–10 (66–67) (2000) 6–7. — Прим. ред.

Признаки возрождения

В июле 1994 г. тенденция Истинно-Православных Христиан дробиться на все возрастающее число юрисдикций была приостановлена, по крайней мере, временно, объединением четырех Церквей: РПЦЗ, Румынских старостильников, Греческих старостильников — киприанитов и Болгарских старостильников, возглавляемых епископом Фотием Триадицким (рукоположенным совместно киприанитами и румынами). Если бы это был здоровый союз, то он нес бы в себе надежду на возрождение Истинного Православия во всем міре, ибо входящие в него Церкви не только представляют собой большинство ныне живущих Истинно-Православных

христиан, но и имеют важные миссии в неправославных странах, таких как Израиль (РПЦЗ), Центральная Африка (киприаниты), Западная Европа (все четыре Церкви) и англоязычные страны (РПЦЗ и киприаниты). Однако, этот союз был опротестован консервативными членами РПЦЗ в России и Америке, с одной стороны, и самой большой ветвью греческих старостильников — хризостомовцами, с другой.

Эта критика в основном двусторонняя. Во-первых, в 1994 г. РПЦЗ заявила, что она приняла экклесиологию киприанитов, согласно которой в поместных церквах "мірового православия" существует благодать Таинств. И во-вторых, в 1986 г. митрополит Киприан был лишен сана хризостомовцами как раз в то время, когда РПЦЗ явно принимала последних в неоффициальное общение.

Первое обвинение — серьезное, и оно выдвигалось среди прочих и автором настоящей книги (137). Однако, ситуация здесь более сложная, чем это кажется с первого взгляда. Так, хотя РПЦЗ оффициально приняла в 1994 г. киприановское исповедание, в своем Рождественском послании 1995/96 г. митрополит Виталий сказал, что он лично считает Московскую патриархию безблагодатной (138). Также, хотя румыны и состоят уже в течение нескольких лет в общении с киприанитами и никогда не протестовали против их экклесиологии, их собственная практика принятия от новостильников через мyропомазание доказывает, что сами они придерживаются более строгой экклесиологии (139). Ввиду этих нестыковок, как представляется, было бы правильнее сказать, что этот истинно-православный блок не имеет оффициальной позиции по вопросу о благодати, а скорее — как и хризостомовцы, его главные критики — разнообразие взглядов в диапазоне от строгого отрицания таинств экуменических православных до более или менее полного их признания.

Раньше или позже — и желательно раньше, ибо опасность велика и ересь уже достаточно развилась, — Истинно-Православному блоку будет необходимо четко выразить свою позицию по отношению к "мірovому православию". Вполне может быть, что Церкви, образующие этот блок, до сих пор медлили это сделать по уважительным причинам — смиренной неуверенности, например, в своей рассудительности и авторитетности или из опасения отпугнуть потенциальных обращенцев из оффициальных церквей. Но эти доводы, хотя и немаловажные, не могут перевешивать доводы за вынесение решительной резолюции по данному вопросу в настоящее время. Эти доводы следующие.

1. *Необходимость следовать священным канонам и правилам по отношению к еретикам*. Как РПЦЗ, так и киприаниты объявили "мірovое православие" еретическим и даже "всееретическим". Но 46-е Апостольское правило среди прочих ясно говорит, что у еретиков нет таинств, поэтому отказ четко утверждать это создает антиканоническое противоречие.

2. *Необходимость примириться с более "ретроградными" юрисдикциями,* такими как матфеевцы и хризостомовцы. Четкое исповедание "мірового православия" отступническим и лишенным благодати таинств устранило бы единственное самое большое препятствие на пути к единению истинно-православного міра.

3. *Необходимость согласовать современные учение и практику с более ранними соборными решениями*, особенно с анафемой 1983 года против экуменизма. Нынешнее колебание между двумя позициями смущает равно и друзей, и врагов. **Ибо аще безвестен глас труба даст, кто уготовится на брань?** (I Кор. 14:8).

Если бы истинно-православный блок созвал Всеправославный Собор, на котором анафема РПЦЗ против экуменизма была бы подтверждена как относящаяся ко всем православным церквам, принимающим участие в экуменическом движении, то это одновременно объединило бы огромное большинство истинно-православных всех юрисдикций и привлекло бы тех консервативных членов оффициальных церквей, которые ждут признаков твердого руководства. А это, в свою очередь, могло бы послужить, наконец, падению стен еретического Иерихона. Ибо в сущности, как сказал свт. Иоанн (Максимович), "нет никаких таких юрисдикций" — есть лишь Единая Святая Соборная и Апостольская Церковь.

Однако, если даже этого не случится и, напротив, существующий истинно-православный блок впадет в общение с еретиками или сам станет еретическим, это не будет означать гибель надежд. Ибо где-нибудь, в тайне от міра, — в сибирской тайге или на греческих островах, или в одном из великих мегаполисов современного Вавилона, — Истинное Православие выживет.

Впрочем, во время писания этих строк другая Церковь, не входящая в упомянутый блок — Российская Православная Автономная Церковь (РПАЦ), ранее известная как Российская Православная Свободная Церковь — уже стала, по мнению довольно многих, форпостом Истинного Православия в наиболее важной православной стране — России. Основанная в древней столице северной России, Суздале, который является теперь, возможно, первым известным историческим центром Православия, отвоеванным Истинной Церковью, РПАЦ не состоит в общении, официально или неофициально, ни с какой другой юрисдикцией. Однако, есть много поводов думать, что она могла бы действовать как магнит, центр объединения, для истинно-православных сил во всем міре: это единство ее епископата, духовенства и паствы в истине и любви; ее исповедание бескомпромиссного святоотеческого Православия, без примеси ереси или общения с ересью; сильная поддержка ее со стороны катакомбных верующих, которые выжили, пройдя через огонь и воду гонений от советского антихриста и его лже-пророка, советизированной Московской патриархии; и ее свобода из политических пристрастий, будь то к коммунистам, демократам или националистам-фашистам, при полной поддержке идеи православного монархизма в духе Святой Руси.

Только на такой твердой основе, реальной и постоянной, а не иллюзорной или мимолетной, действительно может произойти возрождение Истинно-Православной Церкви, реальный возврат из вавилонского плена советского периода. Возрождение, начавшееся возвратом РПЦЗ в Россию в 1990 году, быстро затормозилось, потому что элементы ереси, политических пристрастий и личных амбиций и ревности подорвали основы движения, выявив стремление быть, в сущности, ближе к песку, чем к камню, который есть Христос. Изучившие уроки этого горького опыта, и всех беспрецедентно трагических и скорбных лет, начиная с 1917 года, иерархи РПАЦ, во главе с архиепископом Суздальским и Владимірским Валентином, стали действовать усерднее и серьезнее; и поразительное восстановление суздальских храмов является живым отражением того внутреннего восстановления храма Духа, которое ныне происходит в сердце российской земли; оно также напоминает — и нынешними болезненными трудностями, и по своему огромному значению для будущего, другое событие — восстановление храма после первого вавилонского пленения, предпринятое вождями еврейского народа Иисусом сыном Иоседековым и Зоровавелем, — храма, предназначавшегося для того, чтобы принять под свои своды не кого иного, как "свет во откровение языков и славу людей Израиля" (Лк. 2:32), Господа Иисуса Христа. (140)

Более 170 лет назад св. Серафим Саровский предрек убийство Царя, падение Святой Руси и ее конечное восстановление. И он указал необходимое условие этого восстановления: верность Священному Преданию Православной Церкви во всей его полноте. "Горе тому, кто убавит или прибавит хоть слово (к Священному Преданию), — говорил Преп. Серафим. — Церковь наша без порока: горе тому, кто дерзнет ввести любые изменения в богослужение или чиноположение Церкви, которая есть *столп и утверждение Истины* (I Тим. 3:5), и о которой Сам Спаситель сказал, что *врата адова не одолеют ей* (Мф. 16:18); то есть, она пребудет неизменной до конца — до Второго Пришествия..."

137) См.: V. MOSS, The Sacred Struggle of the True Orthodox Christians of Greece, 1919—1992 (Mayford, Woking, 1992).

138) См.: Православный вестник (Январь–Февраль 1996). Не так давно митрополит Виталий вновь высказал это мнение в еще более жесткой форме, сказав, что МП — это "церковь лукавнующих, церковь антихриста", которая "завершила и запечатлела свое невозвратное отпадение от Тела Церкви Христовой" (Письмо архиепископу Марку Германскому и Великобританскому. 29 ноября / 12 декабря 1996. См.: Церковные новости. № 1 (57) (Январь 1997) 3).

139) Архимандрит КИПРИАН, секретарь Румынского Синода. Личное сообщение (август 1994).

140) К моменту выхода этой книги уже окончательно стало ясно, что история РПЦЗ как Истинно-Православной Церкви завершилась: на своем Архиерейском соборе в октябре 2000 года архиереи РПЦЗ подписали два отступнических документа — соборное Послание и письмо к патриарху Сербскому Павлу, — из которых совершенно очевидно, что они признают Московскую патриархию за Церковь и стремятся к слиянию с экуменическим "міровым православием". Развитие событий после этого собора только подтверждает тот факт, что РПЦЗ окончательно пала под свою собственную анафему 1983 года. Различные документы собора, высказывания его участников, а также свидетельства, отражающие реакцию паствы на деяния архиереев РПЦЗ, см.: Вертоградъ-Информ. № 11 (68), 12 (69) (2000). В свою очередь, архиереи РПАЦ до начала Архиерейского собора РПЦЗ обратились к нему с призывом вернуться на истинно-православный путь (это Обращение не было рассмотрено на соборе РПЦЗ), а затем, на очередном Съезде духовенства, монашествующих и мірян РПАЦ было принято итоговое Обращение, в котором констатируется отпадение иерархов РПЦЗ от православия, в связи с чем ревнители православия из РПЦЗ призываются к переходу под омофор архиереев РПАЦ; кроме того, участники Съезда выразили стремление к общению "с истинно-православными христианами всех стран и народов". Подробнее см. вышеуказанные №№ Вертоградъ-Информ. Таким образом, в настоящее время единственной российской истинно-православной юрисдикцией (если не считать малоизвестных и самозамкнутых катакомбных православных групп) стала Российская Православная Автономная Церковь. Что касается киприанитов, то надежды на "исправление" их экклесиологии можно считать несбыточными (см.: И. И. ВОЛОШИН, Возможен ли "истинно-православный" экуменизм? // Вертоградъ-Информ. № 7–8 (64–65) (2000) 45–59). — Прим. ред.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ:
ВОССТАНОВЛЕНИЕ РОМЕИЗМА

Бысть царство міра (сего, царство) Господа нашего и Христа Его
Откр. 11:15

Политизация Церкви

Трагедия нашего века очевидна для всех: Церковь секуляризировалась и политизировалась. Слева она была сведена до образа автократического партийного государства (сергианская советская церковь); справа она приняла формы демократической федерации государств (Всемірный совет церквей); и со всех сторон националистическое служение самим себе и самопоклонение заменило служение и поклонение Человеку, Который умер за всех людей, чтобы создать Нацию, которая существует, чтобы объять собою все нации. Церковь стала служить не Богу, а міру, стала пособницей человеку в его падших желаниях: "экукоммунизм" стер границы между Церковью и міром.

Корни этой трагедии лежат в двух мятежах против Церкви: автократическом мятеже папы в XI веке, породившем, как это виделось Ф. И. Тютчеву и Ф. М. Достоевскому, коммунизм; и демократическом мятеже протестантской Реформации в XVI веке, породившем экуменизм. Эти мятежи, хотя и стремительно ослабевающие по мере своего вырождения в простое язычество, и доныне все еще с нами. Но настоящая трагедия заключается в том, что мятежный дух проник в самое сердце Православной Церкви, позволив окружающей политической культуре и идеологии проникнуть в церковный организм и иссушить животворящий ток Духа Святаго во всех автокефальных Церквах, сделав их одной плоти и одного духа с окружающим міром.

Бог страшно покарал этот мятеж — и эта кара доныне еще продолжается. Ситуация такова, какой описал ее некогда пророк: "Увы, язык грешный, людие исполнени грехов, семя лукавое, сынове беззаконнии,
остависте Господа и разгневасте Святаго Исраилева, отвратистеся вспять. Что еще уязвляетеся, прилагающе беззаконие; Всякая глава в болезнь, и всякое сердце в печаль. От ногус даже до главы несть в нем целости: ни струп, ни язва, ни рана палящаяся: несть пластыря приложити, ниже елеа, ниже обязания. Земля ваша пуста, гради ваши огнем пожжени, страну вашу пред вами чуждии поядают, и опустй низвращйна от людисй чуждих. Оставится дщерь Сионя, яко куща в винограде и яко овущное хранилище в вертограде, яко град воюемый. И аще не бы Господь Саваоф оставил нам семене, яко Содома убо были быхом, и яко Гоморру уподобилися быхом" (Ис. 1:4–9).

Открытый и явный мятеж начался в России в феврале 1917 года, когда народ восстал на Господа и на христа (помазанника) Его, православного Императора, чья миссия была, по слову апостола, — сдерживать пришествие антихриста (II Сол. 2:7). Итак, Господь попустил антихристу придти. Он попустил плоть (политическую структуру) предать сатане во изможднение, да дух (Церковь) спасется (I Кор. 5:5).

Кара за мятеж началась примерно восемью месяцами позже, когда вечером 25 октября 1917 г. Зимний дворец пал в руки большевиков в то самое время, когда в церквах читался следующий урок: "Сия глаголет Господь: кое обретоша отцы ваши в Мне погрешение, яко удалишася от Мене и ходиша вслед суетных и осуетишася, и не рекоша: где есть Господь, изведый нас от земли Египетския, преведый нас по пустыни, по земли необитанней и непроходней, по земли безводней и неплодней, по земли, по нейже не ходил муж никогдаже и не обитал человек тамо? И введох вас в землю Кармил, да снесте плоды его и благая того: и внидосте, и осквернили землю Мою, и достояние Мое поставили есте в мерзость. Священницы не рекоша: где есть Господь? И держащии закон не ведеша Мя, и пастырие нечествоваша на Мя, и пророцы пророчествоваша в Ваала и идолом последоваша" (Иер. 2:5–8).

И поскольку Россия и Русская Церковь была de facto лидером Православия, катастрофа, происшедшая там, разразилась и во всех остальных Православных Церквах, которые были заражены подобной же обмірщенностью. Православные монархии распались по всей Восточной Европе, в то время как раскол, связанный с новым календарем, заставил остаток верных отделиться от оффициальных Церквей, подняв знамя верности преданиям свв. Апостолов и Отцов Церкви. Ибо основной причиной этой катастрофы явились безразличие и пренебрежение к священным преданиям Православной Церкви. В особенности два предания были почти повсеместно осмеяны в среде образованных, то есть озападнившихся классов: о Православной Церкви как единственном ковчеге истины и спасения и о Православной Империи как главной защите Церкви от атак внешнего міра. А ведь преп. Серафим Саровский говорил: "После Православия, ревностная преданность Царю есть первый долг русский и главное основание истинного христианского благочестия" (1).

Что касается предания о Православной Империи, то лояльность к ней русских была разъедена в результате инфекции ереси демократического социализма. Лояльность греков была подорвана другой западной ересью — национализмом (2), вопреки тому, что еще в 1589 г. Вселенский патриарх Иеремия II сказал Царю Феодору: "Ты — защитник всех православных христиан повсюду" (3). Ибо Москва и в самом деле была "Третьим Римом", законной преемницей Нового Рима — Константинополя. И лучшие русские цари принимали на себя эту миссию и связанную с ней ответственность со всей серьезностью. Они вели постоянные (и обычно успешные) войны, чтобы освободить православные Балканы от турок и защитить их от западных держав; они тратили огромные суммы на поддержку православных монастырей на Афоне и Патриархатов на Ближнем Востоке; и сама царская власть пала в жертвенной войне в защиту православной Сербии от католической Австро-Венгрии.

И тем не менее, лишь немногие понимают и чтут эту священную миссию православного Императора. Русские были более всех виновны в этом, призывая к отречению от престола помазанника Божия и прилагая очень мало усилий для того, чтобы спасти его от смерти от рук врагов его и России. И кара, постигшая их, была соответственно очень суровой.

Однако, остальные православные народы также должны нести свою долю ответственности. Греки, например, были склонны видеть в самопожертвенных войнах России на Балканах — таких как Болгарская кампания 1877–78 гг., стоившая ста тысяч русских жизней, — единственно выражение националистического панславизма. В то же самое время они позволяли своим собственным мечтам о реставрации Византийской империи заслонять тот факт, что вполне легитимный наследник Византии уже существовал в лице Святой Руси. За это они были наказаны лишь немного менее сурово — исчезновением последних остатков греческого Православия в Малой Азии.

Отречение русского Императора привело, примерно двадцать пять лет спустя, к падению православных монархий в Сербии, Болгарии и Румынии и к приходу им на смену "народных демократий" воинствующего атеизма. Только Греция сохранила некоторые остатки православной государственности, но и то лишь по видимости (ибо как может государство, делающее аборты легальными и легкодоступными, считаться православным?); и одна греческая газета была в значительной степени права, когда сообщала в статье о демократической революции 1924 года, что новая демократия свергла вместе с Короной и Крест (4).

Из этого явственно следует, что если Кресту суждено однажды быть вновь воздвигнутым во славе над бывшими православными землями, то Корона также должна быть воздвигнута вместе с ним. Отсюда большое значение приобретает тот факт, что, несмотря на победу в холодной войне "истинных" демократий Запада, монархические настроения воскресают по всей Восточной Европе. Итак, возможно ли, чтобы как на смену эпохе римских катакомб пришел триумф Креста при императоре Константине Великом, так и за появлением из советских катакомб Истинной Церкви последовало бы возрождение православной Империи? Возможно ли еще возрождение ромеизма — религиозно-политического единства православных народов — в наше время?

1) Цит. по: С. НИЛУС, Что ждет Россию? // Московские ведомости (1905).

2) О подъеме национализма в наше время см.: Sir ISAIAH BERLIN, The Crooked Timber of Humanity (London: John Murray, 1990).

3) А. В. КАРТАШЕВ, Судьбы Святой Руси // Русское Возрождение II–III (1987) 253–281.

4) Выражение журналиста Николая Краниотакиса. См.: Giannakoylopoylos. Deinopathemata G. O. Ch. 1 (Peiraieys, 1990) 15.

Крест и Корона

Прежде чем отвергнуть эту мысль как праздную мечту, давайте рассмотрим поближе глубокую связь между крестом и короной, Православной Церковью и Православной Империей.

Крест — это символ одновременно победы христианства и основных христианских добродетелей — смирения, любви и самоотвержения, причем последние служат к достижению первой. И хотя христианские добродетели возможно стяжать при любых обстоятельствах и при любом режиме, включая антихристов, однако, огонь Святого Духа погаснет во многих душах, поддавшихся слабости и падшему состоянию человеческой природы, если Его действия не будут поддерживаться христианским государством с христианским сводом законов. И обратно, когда Крест царит в сердцах достаточно широкого слоя общества, то закваска Духа сможет повлиять и изменить в христианском направлении даже то, что представляется самой окостеневшей и неисправимой частью общества — его политическую структуру и философию.

Именно это мы видим во времена св. Константина и Семи Вселенских Соборов (312–787 гг.) Выработанная снизу сила римского христианства взломала изнутри формы римского языческого общества и трансформировала его основной и наиболее антихристианский стержень — культ императора, "pontefex maximus" в христианскую систему "симфонии" властей церковной и государственной под верховным господством Царя царей и Великого Архиерея, Иисуса Христа. Последующие христианские императоры в Духе Христовом, ради спасения всех своих подданных ввели христианскую законодательную систему, основным принципом которой было то, что она не должна была никоим образом противоречить церковному законодательству, а напротив — должна была поддерживать его. Единство государства отражало в себе глубочайшее единство Церкви и вдохновлялось им, целиком бывшим земным воплощением пренебесного единства ангелов и человеков в Царстве Бога, Отца, Сына и Святаго Духа. Так же как Бог правит Своим Царством на небесах, так и Его служители, епископы и император, правили Его царством на земле, во образ Его небесного владычества; таким образом, воля Его должна была исполняться якоже на небеси, и на земли.

Император Юстиниан выразил это висдение в своей "VI Новелле" (535 г.) следующим образом: "Есть два величайших дара, которые Бог по Своей любви к человеку даровал свыше: священство и царственное достоинство. Первое служит божественному, тогда как второе направляет и управляет человеческими делами; оба, однако, проистекают из одного источника и украшают собою жизнь человечества. Отсюда, ничто не должно служить таким источником заботы для царей, как достоинство священников, поскольку это для их (императорского) блага, что те постоянно молят Бога. Ибо если священство во всем чуждо упрека и обладает дерзновением к Богу, и если цари управляют справедливо и благоразумно государством, вверенным их попечению, то последует всеобщая гармония [в греч. оригинале: симфония. — Ред.], и всяческие благословения дарованы будут роду человеческому" (5).

Это висдение основано на вере, что царство в не меньшей степени, чем Церковь, направляется Промыслом Божиим. Как писал царю Юстиниану папа Иоанн II: "Сердце царево в руце Божией: аможе аще восхощет обратити, тамо уклонит е (Притч. 21:1).

Здесь основание твоей империи и крепость твоего праления. Ибо мир Церкви и единство веры возносят их виновника на высоту и удерживают его на ней в мире и счастии. Сила Божия никогда не оскудеет тому, кто защищает Церковь от зла и от пятна раздора, ибо написано: Егда царь праведен на престоле сядет, не противится пред очима его ничтоже лукаво (Притч. 20:8)" (6).

Симфония властей может действовать постольку, поскольку большинство населения — истинно-христианское и поэтому хочет, чтобы она действовала. Она начинает разрушаться, когда: а) значительная часть населения верует по-другому и готова прибегнуть к революционным действиям, чтобы расстроить ее (например, сирийские, коптские и армянские монофизиты в VI–VII вв. в Византии, или евреи и поляки в XIX в. в России); б) сам правящий класс заражен ересью (как например, императоры-иконоборцы в Византии VIII–IX вв., или образованные классы в России в XIX в.); или в) империю завоевывают совне по причине предательства со стороны того или иного из столпов общества (как например, Феррaро-Флорентийский лжесобор в 1439 г., или насильственное отречение Царя в 1917 г.).

Такая симфония есть образец христианского общества, который явно был угоден Божиему промыслу для спасения рода христианского; ибо абсолютное большинство православных христиан до 1917 г. жило либо в Византийской или Российской империях, либо в одном из меньших царств, таких как православные (до раскола) Англия и Франция, а также Сербия и Грузия, строившиеся по византийской модели.

Следовательно, как секулярная демократия и нацистский фашизм суть образцы общества, построенного на определенной философии жизни, так и христианская симфония властей. Ее философия основана на предпосылке, что реальным правителем міра и всего, что есть в нем, является Бог. Та часть міра, которая признает это правление, является Церковью Христовой, а остальная — сознательно или несознательно — суть мятежники против Бога (ср.: Мф. 22:1–14). Поэтому в идеале христианское общество должно стремиться к отождествлению с Церковью, в которой все подчиняется Божиему господству через посредство иерархии, а целью всего является спасение душ, как это прекрасно выразил Московский патриарх Никон.

Однако, к этой тождественности христианского общества и Церкви здесь, на земле, возможно лишь приближаться, никогда не достигая ее полностью. На практике всегда были и всегда будут дела, находящиеся вне канонических прав епископов, такие как управление не-христианами, ведение войн и сбор налогов. Это принадлежит кесарю; это — дело государства, а не Церкви.

Тем не менее, если Божие правление признается подлинно всеобъемлющим, то политика также должна быть если не формально подчинена Его Царству — Церкви, то во всяком случае приведена в согласие с ней и подвержена ее влиянию. Иными словами, может и должно существовать такое понятие, как христианская политика. И этот идеал становится достижимым, если сам кесарь — христианин и верный сын Церкви (7).

На Западе модно сочувствовать отделению Церкви от государства. Главным аргументом в пользу этого считается то, что это освобождает Церковь от политического давления и дает ей возможность заниматься своими делами без постороннего вмешательства и не распыляясь на мірские заботы. Это действительно похвальная цель. Однако, этот аргумент рассыпается, если принять во внимание, что "свято место пусто не бывает", и разгосударствление Церкви неминуемо приводит к огосударствлению вместо нее какого-либо другого института или философии — масонства, например, или секулярного гуманизма, или национализма. Ибо отделение Церкви от государства связано и с отделением государства от Церкви; если же государство не управляется христианскими принципами, оно неизбежно будет управляться антихристианскими принципами. В конце концов, лишенное освящающего влияния Церкви, оно повернется против Церкви. И тогда Церковь, вместо освобождения от политики, будет вынуждена противостоять решительному захвату политиканами собственно ее области, как это случилось в православных странах после 1453 и особенно после 1917 года.

Поэтому выход состоит в сохранении относительной автономности двух царств, без узаконения, однако, их абсолютной независимости. Ибо отношения между Церковью и государством подобны отношениям между душой и телом — различные по природе, они предназначены действовать вместе при посредстве Духа, даже если грех нарушил это сотрудничество. Как душа животворит тело и руководит им, так и Церковь для государства. Церковь задает стандарты и существенные неотмірные цели для всего общества, дает ему жизненные силы и легитимирует и освящает его политические институты. Государство, со своей стороны, защищает Церковь от внешних врагов и оказывает ей существенную материальную поддержку, особенно в сфере образования и благотворительности.

Если же, однако, государство отвергает Православие, то Церковь может отнять свою легитимизацию власти, как это было, когда Всероссийский Собор анафематствовал советскую власть в 1918 г. Целью этого является сохранение души общества через сохранение в неприкосновенности ее общения с небесным міром, даже когда тело — политическая оболочка — умирает. Тогда Церковь входит в условия изолированного существования, символически изображенные в двенадцатой главе Апокалипсиса в виде жены, убегающей в пустыню. Но такие условия неестественны и носят апокалиптический характер; они предвещают духовную смерть міра, его сожжение и пришествие ему на смену нова небесе и новы земли, в нихже правда живет (II Пет. 3:13). Действительно, и апостол Павел указывает на отъятие "удерживающего" (II Сол. 2:7), т. е. законной монархической власти, как на признак скорого пришествия антихриста.

Период начиная с 1914 г. был именно периодом после крушения законного монархического правительства, сначала в России, а затем последовательно в каждой из православных балканских государств — в Греции в 1924 г., в Сербии в 1934 г. в результате убийства благочестивого короля Александра, в Болгарии в 1943 г. после убийства благоверного царя Бориса III. Истинная Церковь во всех этих странах (за исключением, разве что, Греции, хотя и здесь истинно-православные находились по временам вне закона) вынуждена была уйти в пустыню, тогда как лжецерковь осталась обрученной с гниющим трупом теперь уже откровенно антихристианского государства. Падение коммунизма дает православным впервые после 1914 г. ни с чем не сравнимую возможность покаяться в своих грехах и объединиться на основании своих вековых преданий, из которых монархия — одно из наиболее важных.

Ибо "монархия — не анахронизм, не грезы ностальгирующих аристократов. В недавние времена на монархию смотрели как на серьезную гарантию демократического правления, которое вовсе не следует смешивать с демократической идеологией. Это совершенно разные понятия. Демократическое правительство позволяет народу образовывать некий определяющий фактор в правлении и даже, по временам, прямо или косвенно, избирать вождя нации. Демократическая идеология, с другой стороны, настаивает, что власть управлять принадлежит народу. Это есть ужасная ересь, ибо вся власть и право управлять принадлежит Богу. Даже когда лидер законно избран, его власть управлять с момента избрания происходит от Бога. Так же как Бог делит с человеческими родителями Свою власть творить их потомство, глава государства принимает участие или сотрудничает во власти Бога управлять. Вот почему монарх является монархом "милостью Божией". По этой именно причине православные христиане слушаются и почитают законную власть, постольку поскольку эта власть не требует ничего противного нравственному закону" (8).

Старец Варсонофий Оптинский замечательно выразил это отношение: "Преданность Православного Русского народа к Царям своим — совсем не то, что преданность западных народов к их государям. По современным западным понятиям, государь есть не что иное, как представитель своего народа, — и народы западные любят своих представителей и охотно повинуются, когда они верно выполняют это назначение, или когда силою своего гения увлекают народ за собою и ослепляют его блеском славы и могущества государственного, как Наполеон во Франции и Фридрих в Пруссии; но это любовь своекорыстная и эгоистичная. На Западе в своих государях народы любят лишь самих себя. Если король по личному своему характеру не в состоянии быть верным отражением, представителем воли народа и господствующих в нем

стремлений, идей и страстей, то ограничивают и сжимают его волю посредством конституционных тисков. Если же король не поддается этим усилиям и не в силах подделываться под вкус и характер подданных, то лишается не только любви народной, но и престола, как это было с Карлом X и с Людовиком-Филиппом, и с сардинским королем Альбертом.

Совсем не то у нас в России: наш Царь есть представитель воли Божией, а не народной. Его воля священна для нас, как воля Помазанника Божия; мы любим его потому, что любим Бога. Славу ли и благоденствие дарует нам Царь, мы принимаем это от него, как милость Божию. Постигает ли нас бесславие и бедствие, мы переносим их с кротостию и смирением, как казнь небесную за наши беззакония, и никогда не изменим в любви и преданности Царю, пока они будут проистекать из наших православно-религиозных убеждений, из нашей любви и преданности Богу" (9).

Полагая спасение душ высшей целью общества, превыше всякого общественного или материального блага, православная симфония властей избегает крайностей папоцезаризма и цезаропапизма, фашистской диктатуры и секулярной демократии, от которых так страдает западное общество. Дальнейший путь народов лежит поэтому к восстановлению их духовного и политического единства под сенью воскрешенной православной империи. И если это выглядит как невозможная романтическая мечта, то вспомним, что без откровения свыше народ необуздан (Притч. 29:18 МТ) и что у Бога все возможно (Мр. 19:26).

5) Цит. по: ASTERIUS GEROSTERGIOS, Justinian the Great: the Emperor and Saint (Belmont, Mass.: Institute for Byzantine and Modern Greek Studies, 1982) 88.

6) GEROSTERGIOS, Justinian the Great…69.

7) См.: Archbishop ANTHONY of Los Angeles, The Glorification of the New Martyrs of Russia is our Sacred Moral Duty // Orthodox Life. Vol. 29, № 3 (May–June 1979) 26.

8) Archimandrite ATHANASIUS (DE VARENNES), Orthodoxy, Nationalism, Patriotism (Рукопись).

9) Схиархимандрит ВАРСОНОФИЙ (ПЛИХАНКОВ), Келейные записки (М., 1991) 44.

Препятствия: I. Национализм

Но на пути осуществления этой мечты стоят труднопреодолимые препятствия. Первое заключается в продолжающемся влиянии национального соперничества — наследства, в значительной степени, периода теократии, когда национальные чувства помогали защищать Православие от ислама. Примеры этого видны повсюду: соперничество Вселенской и Московской патриархий; продолжающееся соперничество между греками и славянами в Македонии, между греками и албанцами в Албании, между русскими и украинцами на Украине, между русскими, украинцами, румынами, болгарами и гагаузами в Молдавии, между русскими и грузинами на Кавказе и между греками и арабами на Ближнем Востоке (10). Возможно, самый яркий пример — это вавилонское смешение этнических юрисдикций в диаспоре, даже среди единых в своем отношении к экукоммунизму православных. В Америке, например, сегодняшняя юрисдикционная неразбериха являет собой резкий контраст царившему там до революции единству всех православных под омофором русского архиепископа, будущего патриарха Тихона. Это ведет к общему ослаблению свидетельства о Православии внешним, которые, несмотря на все препятствия, из коих не последним является постыдное решение православных первоиерархов прекратить всякий прозелитизм в западных странах (11), все в большем и большем количестве приходят к свету Православия.

У Византийской и Российской империй в преодолении националистических предрассудков были в целом очень хорошие достижения, гораздо лучшие, чем у любого из наследовавших им государств; и успехи эти служат еще одним указанием

на то, что правильно понятая "великая идея" православной христианской империи и в самом деле может объединить народы (12). Вот что пишет о. Георгий Металлинос о Византийской империи: "Огромное число народов входило в состав империи без какой бы то ни было "этнической" дифференциации между ними. Все это расовое смешение жило и двигалось внутри единой цивилизации (если оставить в стороне некоторые частности) — греческой, — и имело единую связующую духовную силу — Православие, которое было в то же время идеологией империи-икумены. Граждане империи были римлянами политически, греками — культурно, православными христианами — духовно. Через Православие прежним взаимоотношениям управляющих и управляемых пришли на смену высшие узы братства. Так язык свят Нового Завета (I Пет. 2:9) осуществился в реальности как "народ ромеев (римлян)" то есть православных граждан империи Нового Рима".

Российская империя добилась даже еще более выдающегося успеха, охватывая территорию и народонаселение во много раз большие, чем это было в Византийской империи. Конечно, там были ошибки, были и периоды, особенно XVIII век, когда православная симфония властей
опасно искажалась в сторону западного абсолютизма. Но даже в XVIII столетии было бы трудно охарактеризовать Российскую империю как шовинистическую — хотя бы уже потому, что от ошибок ее руководителей (нерусских) страдал больше всего именно русский народ (13). Ибо русская идея есть по существу своему православная христианская идея и потому универсальна. Вот что, цитируя Достоевского, писал Николай Лосский: "Восточный идеал, то есть идеал русского Православия, есть "прежде духовное единение человечества во Христе, а затем уже, в силу этого духовного единения всех во Христе и несомненно проистекая из него, — приличествующее государственное и общественное единение" (Дневник писателя, май–июнь 1877 г.)" (14). Конечно, идея эта никогда не воплощалась вполне в русской истории, и ленинизм и "советский патриотизм" были гротескными пародиями на русскую идею и русский патриотизм. И сегодняшняя посткоммунистическая Россия так же далека от воплощения в жизнь того универсализма, который столь превозносит Достоевский. Тем не менее, те народы, как православные, так и неправославные, которым кажется, что Россия всегда была шовинистическим и захватническим государством, допускают тем самым и историческую, и нравственную ошибку.

Возможно, за исключением Бесарабии в 1812 г., Россия никогда насильственно не захватывала территории, принадлежавшие иным православным народам. Что же касается народов неправославных, Россия впервые начала продвигаться на Восток в XVI столетии и осуществляла это частью посредством мирной колонизации малонаселенных местностей, как на русском севере и в Сибири, а частью посредством вооруженных завоеваний, как например, захват Казани Иваном Грозным. Однако, следует помнить, что войны против татар были войнами против бывших завоевателей самой России, и что Золотая Орда продолжала на протяжении многих столетий представлять из себя угрозу самому существованию России — и физическому, и духовному. В отношении Запада — поляков, шведов, французов и германцев — войны России носили почти всегда оборонительный характер, будучи связанными с освобождением русских земель со значительным русским населением, духовная и национальная самобытность которого была вполне определенно под довольно серьезной угрозой. И лишь очень редко предпринимала Россия чисто наступательные войны; как заметил Генри Киссинджер, "Россия являла собой любопытный феномен: почти каждая наступательная война, которую она вела, оканчивалась плохо, а каждая оборонительная победоносно, — парадокс" (15). Да, парадокс, но легко объяснимый: когда Россия сражалась, защищая свою православную христианскую идею, Господь давал ей победу, отнимая Свою помощь, лишь когда она предавала эту идею.

Поэтому, пока Россия остается верна своей идее, мы можем ожидать, что она войдет в конфликт с другими народами лишь в том случае, когда сама эта идея окажется под угрозой. В настоящее время эта идея еще не воплощена внутри самой России; ибо ни советская Россия, ни демократическая Россия, ни Россия Жириновского не есть истинная Россия — Святая Русь. Но в течение борьбы истинной и святой России за то, чтобы вырваться из-под гнета чуждых ей самой идеологических концепций, возникновение этого конфликта неизбежно.

И тогда другим православным народам нужно будет преодолеть свой националистический и самооправдывающий антироссийский настрой и понять, что их собственное самосохранение как православных наций и теперь зависит от России точно так же, как это было в то время, когда Россия являлась единственной защитой православных от турок и от Запада. Ибо слова Ф. Тютчева, сказанные сто сорок лет тому назад, остаются справедливыми до сих пор: "Давно уже в Европе существуют только две действительные силы — революция и Россия. Эти две силы теперь противопоставлены одна другой и, быть может, завтра они вступят в борьбу. Между ними никакие переговоры, никакие трактаты невозможны; существование одной из них равносильно смерти другой! От исхода борьбы между ними, величайшей борьбы, какой когда-либо мір был свидетелем, зависит вся политическая и религиозная будущность человечества" (16).

Трагедия заключается в том, что национализм сегодня не только разделяет православных между собою — он дает возможность совершенно бесчестным и по существу антиправославным тиранам, таким как нынешние лидеры Сербии [писано в 1999 г. — Ред.], предпринимать варварские войны, якобы во имя Православия, которые лишь порочат святое имя Православия на весь мір. Ибо хотя реальна угроза, существующая для Сербии со стороны католицизма и ислама, но порочные методы, используемые ею для своей защиты, в конце концов лишь повредят ей. Все православные повсюду должны осознать, что национал-коммунистические головорезы, стоящие сегодня во главе сербской нации, не имеют ничего общего со святыми идеалами и прошлым православной Сербии, что зло может быть побеждено лишь добром, и что Великая Сербия, великая в духовном смысле, может быть восстановлена лишь чистотой и покаянием, а не "этнической чисткой" и насилием. И то же самое приложимо к идее Великой Греции или Великой России. Ибо правда возвышает язык, умаляют же племена греси (Притч. 14:34).

10) Хорошее современное резюме националистического соперничества в Православном мире см.: MEYER, Religions et securite internationale...

11) См.: Letter of Christopher George // Orthodox Outlook. Vol. VI, № 2 (1991) 4.

12) См.: I. N. KALLIANOTIS, The Need for Unity among Orthodox States // Orthodox Tradition. Vol. XI, № 3 (1994) 58–66.

13) См.: SOLZHENITSYN, Le "Probleme russe" // The Mortal Danger...

14) Н. ЛОССКИЙ, Бог и мировое зло (М.: Республика, 1994) 233.

15) H. KISSINGER, Russian and American Interests after the Cold War // Rethinking Russia's National Interests (Washington, D.C.: Center for Strategic and International Studies, 1994) 3.]

16) Ф. И. ТЮТЧЕВ, Полное собрание сочинений (С.-Петербург, 1913) 295.

Препятствия: II. Экуменизм

Вторым серьезным препятствием на пути восстановления ромеизма является то, что большинство православных остаются причастными к ереси экуменизма. Ибо хотя слова "коммунизм" и все в большей степени также и "экуменизм" уже дискредитированы, особенно в среде российской церковной интеллигенции, однако, большинство по-прежнему идет за иерархами, глубоко погрязшими в этой антихристианской ереси. Это можно видеть на примере шумихи, поднявшейся после экуменической речи патриарха Алексия в нью-йоркской синагоге в ноябре 1991 г., когда, несмотря на осуждение этой речи как еретической со стороны многих московских церковных интеллигентов, никакого массового выхода из Московской патриархии не последовало (17). Даже христиане, бывшие на передним фронте борьбы и обличавшие вероломство Московской патриархии, такие как о. Глеб Якунин, остались в МП, оправдывая себя вымыслом, будто бы Церковь может сохранять

благодать даже тогда, когда возглавляется людьми, открыто предающими Христа. Это свидетельствует о продолжающейся политизации образа мыслей в сегодняшнем Православии, когда вслед за появлением ереси следует не формальное осуждение еретиков и разрыв всякого церковного общения с ними, как того требует Священное Предание Церкви, а лишь бессильные "жесты порицания" со стороны "лояльной оппозиции".

Хотя экуменизм представляет собой отраву, состоящую из многих токсинов, из них несомненно более опасным для Православия является предполагаемая уния с римо-католичеством, которая уже почти достигнута после православно-католической конференции в Баламанде (Ливан) в 1993 г.

Православный ромеизм (римскость) и римский католицизм, православная христианская империя восточных ромеев (римлян) и "Священная римская империя" Запада (ныне читай: "Европейское сообщество" или "наш общий европейский дом") — это диаметральные противоположности, непримиримые и несоединимые. Православный ромеизм стоит на принципах истинной кафоличности, когда каждая Церковь обладает полнотой благодати в единении со всеми остальными Церквами, но независимо от них, а решения принимаются посредством соборного согласия по существу равных друг другу епископов, авторитет которых основывается на их совершенной верности апостольскому преданию. Он также предполагает относительную взаимную независимость церковной и государственной сфер, при том что государство мыслится как православное самодержавие, предназначенное воплощать в жизнь евангельские законы в пределах своих границ и защищать и поощрять распространение православного христианства за пределами их.

Римский же католицизм, напротив, стоит за разрушение кафоличности, поскольку, согласно его учению, ни одна поместная Церковь не может иметь благодать независимо от Рима, а решения какого бы то ни было собора епископов, даже Вселенского, не имеют никакой законной силы, пока их не утвердит папа. Авторитет его основывается на отмене апостольского предания и подмене вдохновения истины от Святаго Духа на папское "fiat" (18). Он также стоит за отмену различия между Церковью и государством, за превращение Церкви в государство, и требует подчинения ей всех остальных государств, в идеале на основе социалистического нивелирования всех традиционных ценностей и установлений.

Точно так же, как может быть лишь одна Святая, Соборная и Апостольская Церковь, так может быть и лишь одна истинная римскость. Поэтому любая уния между формами православного ромеизма и содержанием римского католицизма неизбежно окажется фальшивой. Ибо, как пишет о. Илия Фрача, "уния — это последствие попыток Католической церкви установить скорее политическими, чем церковными способами господство и юрисдикцию папы на православных землях. Уния родилась там, где Православие и ромеизм встретились с римским католичеством... Не существует никакой унии на протестантских землях или в Англии, несмотря на то что диалоги с протестантизмом и англиканством велись. Выражаясь точнее, уния завершает проникновение папизма в Православие, является римско-католическим паразитом на теле ромеизма" (19).

Несмотря на это и на жесткое осуждение униатства Поместными православными церквами на Всеправославном совещании 1992 года в Константинополе, патриарх Алексий ревностно выступает за продолжение диалога с Римом, а Вселенский патриарх Варфоломей сказал, что "будет продолжать трудиться для христианского единства и одобряет курс на унификацию Европы" Это еще одна победа экуменизма, ибо осуждение не может повредить ему до тех пор, пока продолжает существовать экуменический форум, на котором он процветает и может беспрепятственно укреплять свое положение. И этот пример еще раз демонстрирует, если еще требуется приводить какие-либо новые примеры, что иерархи оффициального "мірового православия" полностью утратили соль истинного ромеизма, став униатами по духу и по истине.

Но поразительно то, что по мере того, как экуменизм достигает зенита своего могущества, его падение кажется все более и более неизбежным. Так, по мере того как папа — этот тоталитарный волк в овечьей шкуре экуменизма — все расширяет

свои геополитические планы и предпринимает все более и более амбициозные поездки по странам, его священники тысячами слагают с себя священный сан и женятся, его богословы мыслят во все более протестантском духе, а его паства открыто восстает против всего литургического стиля вплоть до разрешения абортов и контрацепции, от отношения церкви к социализму до авторитета самого папы. Англиканская церковь распадается, поскольку "всеохватность", которой она так гордится, лишает ее последних остатков общей веры и дисциплины. Протестантские церкви стали более мірскими, чем сам мір, к которому они обращаются с проповедью, защищая "права" гомосексуалистов и всякого рода извращенцев. И повсюду проникает язычество "новой эпохи" с духами земли и женщинами-"священницами". Упадок Запада был очевиден западным наблюдателям еще в самом начале нынешнего столетия. Упадок этот ныне превратился в крутой спуск ко все расширяющейся и углубляющейся "черной дыре".

Однако, как главным союзником в борьбе Запада против советского антихриста, по словам многократно повторявшего это в эпоху холодной войны Солженицына, был русский народ, так и теперь величайшим союзником православных, после Бога и Его святых, в их борьбе против европейского антихриста вполне может оказаться неосознанное стремление народов Запада к утраченному ими ромеизму. Ибо по мере того как сгорают "дрова, сено и солома" постраскольной западной цивилизации, открывается его дораскольное основание истинной и православной веры в Господа Иисуса Христа. Так, британцы с обновленным интересом обращаются к своим кельтским святым, французы — к своим галликанским церквам, итальянцы — к своему греко-язычному югу.

Именно ромеизм Запада, наследие его первого христианского тысячелетия, и есть единственное реальное основание для воссоединения Европы. Это наследие стало утрачиваться, когда чуждый ромеизму франк Карл основал вторую христианскую Римскую империю (800 г.), когда другой чуждый ромеизму франк — папа Николай I — попытался ввести "filioque" в Символ веры и папское самодержавие в православной Болгарии, когда чуждый ромеизму германец — "священный римский император" Генрих II — заново ввел "filioque" при своей коронации в Риме (1014 г.), а другой германец, папа Лев IX, изъял из литургии эпиклезу — молитву призывания Святаго Духа — и умер, как раз перед тем как Константинопольская Великая Церковь отсекла его от Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви (1054 г.) (20) И поскольку животворящее дыхание Духа Святаго удалилось с алтарей собора св. Петра в Риме, то смертоносный яд князя тьмы заступил его место на престолах и кафедрах и в потирах западного римского міра. Это была первоначальная трагедия; и она должна быть преодолена, если ромеизм будет восстановлен. Что такая полная перемена произойдет на самом деле, хотя и в результате ужасной войны, которая начнется между Россией и Турцией, а затем захватит и Запад, Ближний Восток и Китай, сказано в нескольких православных пророчествах (21).

17) См.: Прямой путь (Февраль 1992) 5.

18) Да будет (лат.).

19) Oynia: e en te ‘Anatole Dyse // Synaxe 40 (‘Ochtobrios-Dechembrios, 1991) 25. Прим. ред.: Фактически это утверждение не совсем верно: унии с Римом возникали по всему христианскому Востоку, в том числе и раньше всего — с неправославными.

20) См. предисловие о. Патрика Рансона к книге: C. LAMPSAQUE, La Mystification Fatale (Lausanne: L’Age d’Homme, 1987); J. ROMANIDES, Franks, Romans, Feudalism and Doctrine (Boston: Holy Cross Orthodox Press, 1981).

21) См.: ФОМИН, Россия перед вторым пришествием...; Fr. NILUS SOTIROPOULOS, The Coming Sharp and Two Edged Sword (Athens, 1973); A. Panagopoylos, ‘Agioi chai Sophoi peri ton mellonton na symbosi (‘Athenail: ‘Agios Nichodemos); ‘Epiochpos Gregorios, Ti tha doyme emeis chai ta paidia mas (Kalamata, 1975); A. D. Delemase, Phobera chai thaymasia (‘Athenai, 1986).

Препятствия: III. Европейский антихрист

В силу вышесказанного, третьим главным препятствием к восстановлению ромеизма является возрождение западноевропейского, ближневосточного и китайского антихристов, которые, хотя и исповедают разные религии, объединяются своей общей ненавистью к Православию и общей приверженностью к коммунистическим формам социальной организации. Возможно, самый опасный из них, хотя по видимости и самый "миролюбивый", — "Священная Римская империя" в форме Европейского Сообщества, уже оказывающего огромное влияние на политическую и религиозную жизнь православных стран. Этот западный Вавилон действует наподобие магнита для полуобнищавших народов Восточной Европы, которые, будучи ослеплены демократической идеологией, кажется, не способны увидеть, что новая Европа обладает всеми чертами второго социалистического монолита, построенного на по существу тех же атеистическо-гуманистических принципах, что и советский монолит, развал которого они только что праздновали (22). К счастью, большинство православных народов Восточной Европы кажутся слишком бедными и нестабильными для членства в новой Европе в ближайшем будущем. Но тогда как они защищены, хотя бы и помимо своей воли, от включения в состав нового колосса, последний, вероятно, придет к тому, что включит в себя всех их прошлых врагов из Центральной Европы. Это придаст большее экономическое и политическое могущество антироссийской Польше, антирумынской Венгрии и антисербской Хорватии. И даже Греция, уже являющаяся частью Европейского Сообщества, может оказаться отсеченной Западом, если продолжит выступать на стороне Сербии и против Албании, Македонии и Турции...

Если угроза воскрешения социализма в Западной Европе может показаться преувеличенной, то следует вспомнить, что социализм будет всегда оставаться искушением для общества, потерявшего свои корни в Небесной Церкви. Государства социалистического типа в той или иной форме появлялись на земле с самых ранних времен (23), и падение социализма "по-советски" не дает гарантии, что менее грубая, более "мирная" форма того же эксперимента не будет испробована вновь. До тех пор пока целями, которые ставят перед собой люди, будут мир на земле (вместо мира с Богом) и материальное довольство (вместо духовного блага), провал одной попытки достижения их путем организации человечества в централизованное, всеобъемлющее государство будет лишь подталкивать их к новой. И во все более комплексном и унифицированном міре сверхкомплексное и ультра-унифицированное Всемірное государство будет неизбежно казаться единственным решением проблемы.

При таком положении дел русские, с их беспрецедентным опытным познанием истинной природы социализма, несут величайшую ответственность за то, чтобы возглавить движение по отвержению новой опасности. Они — единственный православный народ, обладающий реальной военной и политической мощью, только им по плечу тога Христи- анского Рима, только они могут вывести другие православные народы из бездны и принести свет Православия сущим во тьме народам к востоку и к западу от них. Ибо, как сказал псковский старец Филофей великому князю Василию III, "Москва есть Третий Рим, а четвертому не быти..."

Однако, лишь подлинно православная Москва может правомерно называть себя Третьим Римом. А таковой она еще не стала. Ибо к несчастью, несмотря на широкое возрождение религии, российское руководство, как политическое, так и церковное, не оказывает никакого реального сопротивления проникновению в Россию худших аспектов западного влияния — алчности, преступности, половой безнравственности и религиозного синкретизма.

Нужен лидер, который отвергнет западничание, не отвергая при этом непременно Запад, который будут бороться с революцией, не используя при этом оружия революционеров, т. е. исходя в своих действиях из убеждения, что цель не оправдывает средства. Так, он должен быть просвещенным патриотом и в то же время не национал-шовинистом, ревнителем Православия и в то же время гуманным христианином, самодержцем, который любит свой народ и служит ему, но без потворства. Демократический Запад не верит в такого правителя и не желает его, — ибо желает лишь быть свободным от какого бы то ни было правления, человеческого

или Божеского, — что, как пророчествовал Шигалев у Достоевского, а история XX века неопровержимо доказала, есть вернейший путь к абсолютной тирании. Но православный Восток живет верой, и когда он начнет творить дела веры, Господь несомненно удовлетворит его горячее желание иметь праведного царя.

Откуда может придти такой царь? Как мы уже показали, на этот вопрос возможен только один ответ: из России. Ибо восстановление ромеизма возможно лишь там, где есть Православие, и не одно имя Православия, но настоящее, аскетическое, страждущее Православие, Православие новомучеников и исповедников. И таким образом, мы еще раз вернемся к той печи, в которой золото Истинного Православия было в этом столетии очищено в великом изобилии, к наследнице римских катакомб первых трех веков и катакомб Нового Рима VIII–IX веков — к катакомбам Третьего Рима — к России. Ибо если вообще где-либо, то именно здесь следует искать то семя, то зерно возрождения, которое даст жизнь міру.

Но следует соблюдать осторожность, чтобы не прельститься фальшивкой; потому что так же как, возможно, раньше истинного Восьмого Вселенского Собора состоится ложный, так вполне может появиться и ложный православный император раньше истинного. Ибо, как пишет один катакомбный священник из России, "люди, преданные умом и сердцем России, были и в эти семьдесят лет в большом количестве, но назвать их возрождением России мы все же не можем. Для такого возрождения необходимо действительное единение в обществе. Такое единение во исполнение пророчеств возможно только на основе Истинного Православия, а иначе это уже никакое не возрождение. Так что и царь, даже если и будет выбран, то обязательно должен принадлежать к Истинной Православной Церкви. К этой же Церкви должны принадлежать и все люди, являющие собою возрожденную Россию" (24).

Что Россия будет спасена и истинно-православный царь восстанет из среды русского народа, явствует из нескольких пророчеств (25). И если многим это все еще кажется невероятным, то вспомним другое чудесное восстановление ромеизма в истории России, когда Вербное Воскресенье в 1611 г. праздновалось лишь одним человеком — патриархом-мучеником Ермогеном. В те страшные времена, когда бояре открыто восстали против законных гражданских властей, а банды чужестранцев и разбойников неистовствовали по селам, Господь призвал представителя духовенства архимандрита Дионисия из Троице-Сергиевой Лавры, представителя дворянства князя Димитрия Пожарского и представителя народа мясника Косьму Минина, которые, отозвавшись на патриаршее воззвание и с помощью чудотворной Казанской иконы Матери Божией, освободили Москву от католиков, восстановили порядок и созвали земский собор, который избрал первого царя династии Романовых.

Ермоген нынешнего столетия, Святейший патриарх Тихон, уже выпустил свое воззвание около семидесяти лет назад: "Заклинаем и всех вас, верных чад Православной Церкви Христовой, не вступать с таковыми извергами рода человеческого в какое-либо общение: "Измите злаго от вас самех" (I Кор. 5:13).

Зовем всех вас, верующих и верных чад Церкви: станьте на защиту оскорбляемой и угнетаемой ныне Святой Матери нашей.

Враги Церкви захватывает власть над Нею и Ее достоянием силою смертоносного оружия, а вы противостаньте им силою веры вашей, вашего властного всенародного вопля, который остановит безумцев и покажет им, что не имеют они права называть себя поборниками народного блага, строителями новой жизни по велению народного разума, ибо действуют даже прямо противно совести народной.

А если нужно будет и пострадать за дело Христово, зовем вас, возлюбленные чада Церкви, зовем вас на эти страдания вместе с собою словами святого апостола: "Кто ны разлучит от любве Божия: скорбь ли, или теснота, или гонение, или глад, или нагота, или беда, или меч" (Рим. 8:35).

А вы, братие архипастыри и пастыри, не медля ни одного часа в вашем духовном делании, с пламенной ревностью зовите чад ваших на защиту попираемых ныне прав

Церкви Православной, немедленно устрояйте духовные союзы, зовите не нуждою, а доброю волею становиться в ряды духовных борцов, которые силе внешней противоставят силу своего святого воодушевления, и мы твердо уповаем, что враги Церкви будут посрамлены и расточатся силою креста Христова, ибо непреложно обетование Самого Божественного Крестоносца: "Созижду Церковь Мою, и врата адовы не одолеют ей" (Мф. 16:18)" (26).

Сегодняшние архимандрит Дионисий и его монахи представлены Катакомбной Церковью, облеченной в багрянцу бесчисленных новых мучеников и исповедников, которая испытала на себе всю тяжесть нападок антихриста, сохраняя свое исповедание православной веры чистым и неприкосновенным (27). Если народ, наконец, распознает ее потаенную красоту и отвергнет свою преданность не только богоборческой коммунистической власти, но и отступнической Московской патриархии, тогда Господь воздвигнет новых Пожарских и Мининых, и новый Михаил Романов взыдет на трон православных царей для защиты и утверждения Православия во всем міре.

Ибо, по словам новосвященномученика Иоанна, архиепископа Латвийского, "Господь вчера и во веки Той же. В то время как срам безбожия и нечестия ныне гнетет чад нового Израиля, Святой Руси, где-то на равнинах России или в сибирских лесах, или в одной из стран изгнания и рассеяния великого богоносного народа, уже уготовляется благодатная нива, которая произрастит избранного Богом для освобождения и возрождения богоносного народа. Нет более вождей, и пастыри пребывают в стесненных обстоятельствах. Око человеческое не видит, откуда бы могло придти освобождение; но Всеведущий знает это. Господь, Ему единому ведомыми путями, воздвигнет подходящих людей в подходящее время. В этом мы можем и должны быть убеждены" (28).

22) См.: V. MOSS, The European Union: a New Totalitarianism? // Orthodox Life. Vol. 45, № 2 (March–April 1995) 12–21.

23) См.: ШАФАРЕВИЧ, Социализм как явление мировой истории...

24) Священник ВАСИЛИЙ РЕДЕЧКИН, Россия воскреснет // Православная Русь. № 18 (1495) (1993) 11.

25) См. ФОМИН, Россия перед вторым пришествием... Гл. 21. Вот некоторые из известных пророчеств.

Греческое пророчество VIII–IX вв. "На смену одряхлевшему духовно избранному греческому народу Господь Промыслитель пошлет третий богоизбранный Свой народ. Народ этот появится на Севере через сотню-другую лет, всем сердцем примет христианство, будет стараться жить по заповедям Христовым и искать, согласно указанию Христа Спасителя, прежде всего Царствия Божия и Правды Его. За эту ревность возлюбит сей народ Господь Бог и приложит ему все остальное — большие земельные просторы, богатство, государственное могущество и славу.

По немощи человеческой не раз будет впадать в большие грехи этот великий народ и за сие будет наказуем немалыми испытаниями. Лет через тысячу и этот богоизбранный народ поколеблется в вере и в стоянии за правду Христову, возгордится своим земным могуществом и славою, перестанет пещись о взыскании Града грядущего и захочет рая не на небе, а на грешной земле.

Однако не весь тот народ пойдет по сему гибельному широкому пути, хотя и значительное его большинство, особенно ведущий его слой. И за это великое падение будет послано свыше на этот презревший Божии пути народ страшное огненное испытание. Реки крови прольются по его земле, брат будет убивать брата, голод не раз посетит эту землю и соберет свою страшную жатву, почти все храмы и другие святыни будут разрушены или осквернены, множество людей погибнет.

Часть этого народа, не желая мириться с беззаконием и неправдой, покинет родные

пределы и рассеется, подобно еврейскому народу, по всему миру. Все же не до конца прогневается Господь на Свой третий избранный народ: кровь тысяч мучеников будет вопиять к небу о помиловании. В самом народе начнется протрезвление и возврат к Богу. Минет, наконец, определенный Правосудным Судией срок очищающего испытания, и вновь засияет ярким светом возрождения святое Православие в тех северных просторах.

Сей дивный свет Христов озарит оттуда и просветит все народы мира, чему поможет промыслительно посланная заранее в рассеяние часть этого народа, которая созиждет очаги Православия — храмы Божии по всему миру.

Христианство явит тогда себя во всей своей небесной красоте и полноте. Большинство народов мира станет христианами. На некоторое время во всей подлунной воцарится благоденственное и мирное христианское житие...

А потом? Потом, когда наступит исполнение времен, начнется уже во всем мире полный упадок и прочее предсказанное в Св. Писании, появится антихрист, и наступит, наконец, кончина мира".

Старец Глинской пустыни иеромонах Порфирий († 1868) сказал: "...Со временем падет вера в России. Блеск земной славы ослепит разум, слова истины будут в поношении, но за веру восстанут из народа неизвестные миру и восстановят попранное".

Старец Варнава Гефсиманский († 1906): "Преследования против Веры будут постоянно увеличиваться. Неслыханное доныне горе и мрак охватят все и вся, и храмы будут закрыты. Но когда уже невмоготу станет терпеть, то тогда наступит освобождение. И настанет время расцвета. Храмы опять начнут воздвигаться. Пред концом будет расцвет".

Святой Иоанн Кронштадтский († 1908): "Освобождение России придет с Востока".

Старец Алексий (Мечев) Московский († 1922): "Когда придет время, то Бог пошлет нужных людей, которые это дело [спасение России] сделают и уничтожат большевиков так, как буря ломает мачтовый лес".

Старец Нектарий Оптинский († 1928): "Россия воспрянет и будет материально не богата, но духом богата, и в Оптиной будет еще семь светильников, семь столпов".

Старица-новомученица Агафия Белорусская († 1939): "Безбожная советская власть падет, и все ее служители исчезнут. Истинное Православие восторжествует, и люди будут крещены, как однажды они были крещены при св. Владимире".

Старец Аристоклий Афонский († 1918): "Зло на короткое время возобладает в России, и повсюду, где это зло пройдет, потекут реки крови. Это не есть русская душа, а нарост на русской душе. Это не идеология, не философия, а дыхание ада. В последние дни Германия будет разделена. Франция будет совсем ничто. Италия примет суд через стихийные бедствия. Британия потеряет свою империю и все свои колонии и придет почти в полное разрушение, но будет спасена по молитвам женщин на троне. Америка будет кормить мир, но в конце концов падет. Россия и Китай разрушат друг друга. В конце концов Россия будет свободной, и из ее верующих выйдут и обратят многие народы к Богу.

Нынче мы переживаем предантихристово время. А Россия еще будет спасена. Много страдания, много мучения. Вся Россия сделается тюрьмой,... и надо много умолять Господа о прощении. Каяться в грехах и бояться творить и малейший грех, а стараться творить добро, хотя бы самое малое. Ведь и крыло мухи имеет вес..., а у Бога весы точные. И когда и малейшее на чаше добра перевесит, тогда и явит Бог милость Свою над Россией.

...Конец будет через Китай. Какой-то необычайный взрыв будет, и явится чудо Божие. И будет жизнь совсем другая на земле, но не на очень долго".

Архиепископ Феофан Полтавский († 1940): "О Россия, Россия! Как страшно согрешила она пред Господом Богом. Господь Бог благоволил дать России то, чего Он не дал ни одному другому народу на земле. И этот народ оказался столь неблагодарным. Он оставил Его, отверг Его, и по этой причине Господь предал его быть мучиму демонами. Демоны поселились в душах людей, и русский народ стал одержимым, буквально бесноватым. И все, о чем мы слышим, происшедшее и происходящее в России: все хулы воинствующего атеизма и безбожия — все это происходит от одержимости демонами. Но эта одержимость пройдет по неизреченной милости Божией, и народ будет исцелен. Народ обратится к покаянию, к вере. Случится то, чего некто не ожидал. Россия воскреснет из мертвых, и весь мир изумится. Православие возродится и восторжествует в ней. Но того Православия, что было прежде, больше не будет. Великие старцы сказали, что Россия будет возрождена, и народ сам восстановит православную монархию. Могущественный Царь будет воз-
веден на Престол Самим Богом. Он будет великим преобразователем и будет обладать твердой православной верой. Он изгонит неверных архиереев из Церкви. Сам он будет выдающейся личностью с чистой святой душой. У него будет твердая воля. Он будет происходить из династии Романовых по материнской линии. Он будет избранником Божиим, послушным Ему во всем. Он преобразит Сибирь. Но такая Россия не просуществует долго. Скоро случится то, о чем апостол Иоанн говорит в Апокалипсисе"*.

Прим. Ред.: Необходимо заметить, что ко всем такого рода пророчествам следует относиться с известной долей осторожности. Во-первых, в наш век их вообще распространилось слишком много, и проверить их на принадлежность тому или иному лицу часто затруднительно. Во-вторых, они не могут быть безусловными, поскольку, если русский народ в целом не будет достойным их исполнения, то они и не исполнятся. Что Господь может отменять исполение пророчеств, изреченных через святых, видно из библейской истории с прор. Ионой и ниневитянами. В-третьих, мы можем не понимать истинное значение пророчеств, которые могут иметь не буквальный, а какой-то таинственный смысл, для нас неясный. Яркий пример таких предсказаний являют содержащиеся в Летописи Дивеевского монастыря пророчества преп. Серафима Саровского о том, что в Дивеево до самого второго пришествия Христова будет совершаться литургия, и что все дивеевские сестры, кроме трех, спасутся. Если учесть, что после разгона обители в 1927 г. богослужений там долгое время не было, а ныне, когда обитель передана МП, там совершается не литургия, а еретическое приношение, то оба пророчеста преподобного (если только они истинны) уже не исполнились. Между тем, именно основываясь на них, многие верующие МП сейчас стремятся в Дивеево, даже продают свои квартиры и уезжают туда жить, — веря, что туда "антихрист не пройдет", и не разумея, что он уже давно туда "прошел" через общение с еретической Московской патриархией.

26) Послания Святейшего Тихона, патриарха Московского и всея Руси (Москва: Просветететель, 1990) 14–15.

27) Большинство членов Катакомбной Церкви в России в настоящее время пребывают под омофором епископов нескольких юрисдикций: Российской Православной Автономной Церкви (архиепископ Валентин Суздальский и Владимірский и его Синод), Русской Православной Церкви Заграницей, "Серафимо-Геннадиевской" Церкви (митрополит Епифаний /Каминский/ и его Синод) и Старостильной Греческой Церкви ("матфеевский" Синод архиепископа Андрея).

28) Цит. по.: ANDREYEV, Russia’s Catacomb Saints... 593.

Три свидетельства

И пусть завершат нашу книгу слова трех истинно-православных документов, написанных в брежневскую эпоху.

Первый — самиздатовский документ Катакомбной Церкви.

"Все аргументы в защиту и оправдание Московской патриархии противоречивы и, в конечном итоге, несерьезны. Они построены на желании рассматривать существующее положение в церкви как естественное и, с духовной точки зрения, (предположительно) удовлетворительное. Противоречие... открывается легко: когда разговор идет о внешнем нажиме на церковь, то говорят: "Наше царство не от міра сего"; а когда указываешь на духовный компромисс с князем міра сего, то отвечают, что это существенно для сохранения иерархического преемства, храмов и т. д. — то есть внешней организации церкви. Естественно, такая непоследовательность свидетельствует о духовной неуверенности, внутреннем (не говоря уже о внешнем) расстройстве Московской патриархии. Такое положение не может продолжаться вечно. Религиозное сознание должно либо полностью осознать самое себя или вовсе исчезнуть как религиозное сознание. Последнее, рассуждая теоретически, так же возможно, как и первое: ведь исчезла же некогда процветавшая Карфагенская Церковь. Мы, однако, подкрепляем себя верой, что духовное обновление России и освобождение Церкви еще произойдет. Мы верим, что если мір не погибнет, раньше или позже в освобожденной России состоится Поместный Собор нашей Церкви, на который принесет плоды своих трудов и подвигов за долгий без-соборный период Московской патриархии (ибо нельзя назвать Соборами те созывы советских иерархов, которые Совет по делам религий организовывал совместно с патриархией), и гонимая Российская "Катакомбная" Церковь, к которой принадлежат авторы этой статьи и о продолжающемся существовании которой они считают своей священной обязанностью свидетельствовать при первой представившейся возможности. На этот будущий Собор "Катакомбная" Церковь принесет свидетельство чистоты своей веры, незапятнанной какого-либо рода компромиссами с врагами Христовыми; ибо купленная молитва есть молитва нечистая. "Катакомбная" Церковь принесет также свидетельство подвигов во Имя Христово ее мучеников и исповедников... Она принесет также свидетельство своей непоколебимой веры в Иисуса Христа, которой одной она укрепляется и живет уже десятки лет, хранимая Божественной благодатью среди гонений и предательства. Ибо как советское царство есть прообраз антихриста, так и "Катакомбная" Церковь есть ближайший из всех прообраз Церкви времен антихриста — Жены, облеченной в солнце, которая бежала в пустыню. Ризы ее сотканы из подвигов святых. Как во времена Илии-пророка, Господь сохранил Себе семь тысяч верных до времени, ведомого Ему единому.

Наше Церковь живет трудной жизнью; ее члены немилостивно истребляются властями; нас предают братья, считающие себя православными. Мы рассеяны, яко пшеница, но мы верим, что в тот час, когда это будет нужно, Христос пошлет Своего верного ученика, который укрепит Его братию. Вместе с апостолом Павлом мы дерзаем говорить: Мы же несмы обиновения в погибель, но веры в снабдение души (Евр. 10:39). И сия вера наша, которою святые победиша царства (Евр. 10: 39), дает нам силы ожидать часа посещения Божия. С нами Бог, разумейте, язы цы, и покаряйтеся, яко с нами Бог!" (29).

Второй документ — проповедь архиепископа Аверкия Сиракузского.

"Всякому разумному верующему русскому человеку должно быть совершенно ясно, что если первое Смутное Время продолжалось всего лишь пятнадцать лет, а нынешнее второе, во много раз более страшное, Смутное Время продолжается уже свыше пятидесяти лет, и до сих пор нет пока и не видно никакого просвета, то это только потому, что нет прежней горячей веры в русских людях, нет настоящего искреннего покаянного чувства, нет подлинной действенной молитвы и должного упования на помощь свыше — на предстательство Заступницы усердной рода христианского, столько раз чудесно спасавшей русскую землю.

Главной задачей современного русского человека, искренно желающего спасения нашей Родине — России, поэтому является: не о формах правления ожесточенно спорить, не какие-либо чисто человеческие планы строить, не политические программы вырабатывать, а принять все меры к тому, чтобы, с Божией помощью, самым решительным образом изжить все то, что мешает искреннему нелицемерному покаянию, и ни в какой мере никогда больше не возвращаться к тем настроениям, которые привели нашу Россию к гибели. Неверие, безбожие, нравственная нечистоплотность и распущенность, нигилизм и космополитизм, небрежение и

презрение ко всему своему исконному, родному и святому — все это должно стать совершенно чуждым душе русского человека, если он действительно хочет видеть Родину воскресшей к новой жизни.

Другого пути спасения России нет, да и быть не может!

Вот тогда, когда произойдет такая спасительная метаморфоза в душах и сердцах русских людей. Смогут они искренно, из глубины души, в слезах покаяния, воззвать к Заступнице Усердной рода христианского: "Всех нас заступи, о Госпоже, Царице и Владычице, иже в напастех, и скорбех, и в болезнех, обремененных грехи многими, предстоящих и молящихся Тебе умиленною душею и сокрушенным сердцем, пред пречистым Твоим Образом со слезами"... и подлинно "единым сердцем и едиными усты" молитвенно возопить, как вопияли они прежде: "Матерь Божия! Спаси Землю Русскую!" (30)

Третий документ — это проповедь о России, произнесенная великим чудотворцем и апостолом русского рассеяния, недавно канонизированным архиепископом Шанхайским, Западно-Европейским и Сан-Францисским Иоанном (Максимовичем).

"Россия восстанет так же, как она восставала и раньше. Восстанет, когда разгорится вера. Когда люди духовно восстанут, когда снова им будет дорого ясная, твердая вера в правду слов Спасителя: "Ищите прежде Царствия Божия и правды его, и вся сия приложатся вам". Россия восстанет, когда полюбит Веру и исповедание Православия, когда увидит и полюбит православных праведников и исповедников.

Сегодня, в день всех святых, в земле Российской просиявших, Церковь указывает их, и православные с духовным восторгом видят, какое их множество в Царстве Божием! И сколько еще не прославленных, имже несть числа. Вот молча и бестрепетно идет на смерть митрополит Киевский Владимір. Убийцы выводят его из ворот Лавры, чтобы убить вне города, как убили Господа Спасителя, и святитель молча, как агнец заколения, примет смерть за Христа, за Веру, за Русскую Церковь, за то, что искал прежде всего приобретения Царствия Божия, вечной жизни.

Множество мучеников и исповедников, и снова мы видим Божие благословение над их подвигом веры, и снова явление нетленных мощей: то тела праведников, которые уже живут по законам будущей жизни, где нет страдания и тления, и нетленность мощей свидетельствует о том. Так нетленные останки Великой княгини Елисаветы Феодоровны, почивающие в Гефсиманской обители, свидетельствуют нам ее праведность в очах Божиих.

Россия восстанет, когда поднимет взор свой и увидит, что все святые, в земле Российской просиявшие, живы в Божием Царстве, что в них дух вечной жизни, и что нам надо быть с ними и духовно коснуться и приобщиться их вечной жизни. В этом спасение России и всего міра.

...Верность заповеди "Ищите прежде Царствия Божия и правды его" создавало русское смирение, смиряло и власть в дни наибольшей земной славы. Русская власть, устами Императора Александра I, исповедала себя как власть христианскую и на памятнике своей славы написала: "Не нам, не нам, но Имени Твоему".

Русское небо, русские святые зовут нас быть с ними, как они с нами. Зовут приобщиться духу вечной жизни, и того духа жаждет весь мір.

Восстановленная Россия нужна всему міру, от которого отошел дух жизни, и он весь колеблется в страхе, как перед землетрясением.

Россия ждет Христолюбивого воинства, Христолюбивых Царей и вождей, которые поведут русский народ не для славы земной, а ради верности русскому пути правды.

"Не нам, не нам, а Имени Твоему".

В покаянии, в вере, в очищении да обновится Русская земля и да восстанет святая Русь!" (31)

29) ANDREYEV, Russia's Catacomb Saints... 539–541.

30) Архиепископ АВЕРКИЙ, Современная жизнь в свете слова Божия... Т. 2. 583, 586.

31) Архиепископ Иоанн, архипастырь, молитвенник, подвижник (Сан-Франциско: изд. Западно-Американской епархии Русской Православной Церкви Заграницей, 1991) 191–192.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СЕРГИАНСТВО КАК ЭККЛЕСИОЛОГИЧЕСКАЯ ЕРЕСЬ

16/29 июля 1927 года заместитель Местоблюстителя Российского Патриаршего Престола митрополит Сергий Страгородский издал свою позорную "декларацию", в которой он поставил Русскую Церковь в безусловное подчинение богоненавистным атеистам, заявляя, что радости Советского государства есть радости Церкви, а печали государства — печали Церкви. Этот акт исповедниками истины оценивался по-разному: одни смотрели на него как на отступничество в период гонений (Митрополит Антоний /Храповицкий/, Архиепископ Андрей Уфимский); другие — как на каноническое нарушение и узурпацию прав Первоиерарха (Митрополит Кирилл Казанский); третьи — как на экклесиологическую ересь (Архиепископ Димитрий Гдовский). Все эти определения правильны и ведут в конце концов к общему суждению о статусе того внецерковного сообщества, которое известно в настоящее время под именем "Московской патриархии". Тем не менее, поскольку остаются еще такие, кто не желает принимать утверждение, что Московская патриархия — вне Церкви, пока не будет доказано, что она повинна именно в ереси, может быть полезным рассмотрение вопроса о еретической природе патриархии с двух точек зрения: а) исторического развития сергианства и б) определения ереси и того, как это определение приложимо к сергианам Московской патриархии.

А. Историческое развитие сергианства

Сергианство подобно своей сестре-ереси, экуменизму, тем, что оно принимало различные формы в разные периоды времени. Рассмотрим вкратце те несколько фаз, которые оно прошло начиная с 1927 года.

1. От "Декларации" до "интронизации" Сергия "патриархом" (1927–1943)

Эта первая стадия в развитии сергианства отличается его еще не вполне окончательными чертами квази-раскола. Ибо на протяжении первых десяти лет и истинно-православные, и сергиане признавали главенство Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра и формально оставались в общении с ним. Предательство, заключавшееся в "Декларации" 1927 года, было явно всякому имеющему очи видеть, но если говорить формально, митрополит Сергий оставался заместителем главы Российской Церкви и не был, не мог быть смещен митрополитом Петром до тех пор, пока тот оставался в недосягаемости в ссылке за Полярным кругом.

Имели ли сергианские иерархи какое-либо извинение в период с 1927 по 1937 год? В письме, датированном 1934 годом, митрополит Кирилл писал, что сергиане могли бы иметь некое извинение, только если они действительно искренне не понимали реальность сергианства. Он писал, что хотя сергианские священники и совершают действительные таинства, христиане, которые причащаются их, зная об узурпации Сергием власти и незаконности его синода, приемлют их себе во осуждение (1).

В самом деле, реальное незнание приемлется в качестве извинения в Евангелии (Лк. 23:24, Ин. 9:41, I Тим. 1:13). Однако, оно должно быть настоящим, а не произвольным незнанием, не недостатком любви к истине или сознательной попыткой скрыть истину от себя самого. Даже подлинное незнание не вполне освобождает от упрека или наказания (Лк. 12:48); ибо если премудрость свободно подается всем, кто просит (Иак. 1:5), то недостаток мудрости означает некое несовершенство христианина, хотя бы только и в отсутствии ревности или веры при молитве.

Понятно, что старушки в провинции, мало осведомленные в церковных делах, находятся в положении совершенно другом, чем столичный архиерей, который в состоянии узнать все относящееся к делу. И вполне допустимо, что Господь может отсрочить Свой суд над заблуждающимися пастырями, чтобы дать овцам время

распознать и действовать. В этой перспективе десять лет, прошедшие со времени "Декларации" митрополита Сергия 1927 года до смерти митрополита Петра в 1937 году, десять лет, в течение которых сергианские иерархи все еще могли претендовать на некоторое, хотя и сомнительное отношение к каноническому управлению Российской Церковью, можно рассматривать как время, данное Господом сергианской пастве, для того чтобы различить духовную перемену, происшедшую с их предполагаемыми пастырями, и ужаснуться плодам Сергиевой "мудрости". Это было то время, о котором говорит Господь в Откровении: Аз дах ей время, да покается от любодейства своего, и не покаяся (Апок. 2:21). Но с окончанием этого времени остается лишь один путь спасения: Изыдите из нея, людие Мои, да не причастится грехом ея, и от язв ея да не вредитеся (Апок. 18:4). Слепые вожди, конечно же, более ответственны, чем их слепые последователи, но и те и другие, по слову Господню, в конце концов падут в яму (Мф. 15:14).
В этой связи особенно значимым представляется следующее, недавно опубликованное письмо митрополита Кирилла, датированное мартом 1937 года: "По поводу Ваших недоумений относительно Сергианства могу сказать, что те же самые вопросы и в такой же почти точно форме были обращены ко мне из Казани десять лет тому назад, и тогда я отвечал на них утвердительно, потому что считал все сделанное митрополитом Сергием ошибкой, которую он сам сознает и пожелает исправить. К тому же среди рядовой паствы нашей было множество людей, не разбиравшихся в происшедшем, и нельзя было требовать от них решительного и деятельного суждения о событиях. С тех пор много воды утекло. Ожидания, что митрополит Сергий исправит свои ошибки, не оправдались, но для прежде несознательных (верующих) членов Церкви было довольно времени, побуждений и возможности разобраться в происходящем, и очень многие разобрались и поняли, что митрополит Сергий отходит от той Православной Церкви, какую завещал нам хранить Св. патриарх Тихон, и следовательно для православных нет с ним части и жребия. Происшествия же последнего времени окончательно выявили обновленческую природу Сергианства. Спасутся ли пребывающие в Сергианстве верующие, мы не можем знать, потому что дело Спасения вечного есть дело милости и благодати Божией, но для видящих и чувствующих неправду Сергианства (каковы Ваши вопросы) было бы непростительным лукавством закрывать глаза на эту неправду и там искать (духовного руководства) удовлетворения духовных своих потребностей с совестию, сомнящеюся в возможности такого удовлетворения. Все, что не от веры, грех" (2).

Это важный документ, ибо он показывает, что к 1937 году митрополит Кирилл считал, что прошло достаточно времени, чтобы простые верующие пришли к осознанию истинной, "обновленческой" — что значит еретической — природы сергианства. Так что с 1937 года, по мнению митрополита Кирилла, "извинение незнанием" более не имело силы.

С 1937 года, стало быть, сергианская Московская патриархия находится как бы в преддверии ада. Ее последняя связь с Истинной Церковью прерывается с мученической кончиной митрополита Петра в октябре того года. Однако, последние общепризнанные вожди Церкви после митрополита Петра, митрополиты Кирилл и Иосиф, скончались очень скоро после него, в ноябре, так что Российская Церковь более не имела такого руководства, которое могло бы произнести авторитетный приговор над сергианами...

Другой важный фактор, который нужно учитывать, рассматривая статус сергиан в данный период — это степень приятия ими советского режима. Вопрос здесь заключается в следующем: оставались ли они с Сергием ради единства Церкви, как они искренне, хотя и ошибочно, полагали, а не страха ради иудейска или из каких-либо других недостойных побуждений? Или же они оставались с ним потому, что они искренне соглашались с его церковной политикой в целом, и в частности, с его политикой подчинения советам?

В этом пункте часто возникают недоумения из-за того, что как сергианские, так и некоторые катакомбные иерархи заявляли о своей лояльности к советской власти, так что спор по временам, казалось, шел не более чем о церковном управлении и относительных привилегиях различных архиереев. Но это не так.

Следует признать, что с 1923 года почти все иерархи всех ориентаций (за редкими исключениями, вроде епископов Василия Прилукского и Амфилохия Красноярского) последовали за патриархом в отказе от открытого осуждения советской власти, характерного для Собора 1917–1918 годов. Все они заявляли о некоей "гражданской лояльности" режиму. Однако, в понятие этой "лояльности" истинно-православными и сергианами вкладывался различный смысл. Для сергиан она являлась позитивным понятием, принятием того, что советская власть была не просто попущена Богом, но и установлена Им. Для истинно-православных же "лояльность" была лишена такого положительного значения и вряд ли означала нечто большее, чем согласие не благословлять вооруженное восстание против Советов. Поэтому, в то время как сергиане были даже рады поминовению властей за Божественной Литургией, для истинно-православных иерархов это было делом, подлежащим анафеме. Далее, сергиане отождествляли свои радости и скорби с радостями и скорбями советской "родины", а катакомбные иерархи — нет. Короче говоря, сергиане активно участвовали в деятельности на пользу советской власти, а катакомбные иерархи лишь отказывались действовать активно, т. е. открыто и политическими средствами, против нее. Ибо, по выражению священномученика архиепископа Варлаама Пермского, хотя Церковь и не может вести физическую войну против коммунизма, она должна вести против него войну духовную (3).

В чем же состояла эта духовная война? С одной стороны, в распространении истинного христианства в народе, а с другой — в молитвах о ниспровержении советской власти, подобно тому, как свт. Василий Великий молился о низвержении Юлиана Отступника. Вот что писал новомученик М. А. Новоселов: "Я являюсь недругом советской власти опять-таки в силу моих религиозных убеждений; поскольку советская власть является властью безбожной и даже богоборческой, я считаю, что как истинный христианин, не могу укреплять каким бы то ни было путем эту власть... К ней приложимо моление, которое при известных условиях заповедала нам Церковь для ежедневного употребления... Назначение этой формулы — просьба о свержении Богом неверной власти... Но эта формула не означает призыва к активным действиям верующих, а лишь призывает их к молению о свержении богоотступнической власти" (4).

* Другой вариант этой статьи был опубликован в: Вертоградъ-Информ. № 5 (50) (1999) 27–33. — Прим. ред.

1) Ранние письма митр. Кирилла см.: I. ANDREYEV, Russia’s Catacomb Saints (Platina, CA: St. Herman of Alaska Brotherhood Press, 1982) Chapter 15.

2) Письмо митр. Кирилла иеромонаху Леониду от 23 февраля / 8 марта 1937 года // Православная Русь. № 16 (1589) (1997) 7.

3) См.: W. FLETCHER, The Russian Orthodox Church Underground, 1917–1971 (Oxford University Press, 1971) 64.

4) И. И. ОСИПОВА, История Истинно-Православной Церкви по материалам следственного дела // Православная Русь. № 14 (1587) (1997) 5.

2. От "интронизации" "патриарха" Сергия до вхождения Московской патриархии во Всемірный совет церквей (1943–1961)

Подавляющее большинство не только истинно-православных, но и сергианских иерархов погибло в лагерях и тюрьмах до II Міровой войны. Фактически, к 1939 году всего лишь четыре православных архиерея (под "православными" мы здесь подразумеваем "сергиан") оставалось на свободе во всем Советском Союзе. Так что, когда пришло время "возобновить" патриаршество на целиком сталинском основании и Сергий был сделан "патриархом" (или "компатриархом", как называли его немцы), по предложению Сталина, у него (а точнее, у НКВД) нашлись лишь архиереи самого сомнительного качества, чтобы пополнить поредевшие ряды патриархии.

Новых епископов пришлось рукополагать почти поголовно из "кающихся обновленцев", которые, будучи представляемы к хиротонии атеистическими властями, были принимаемы с минимумом формальностей, вопреки правилам Собора 1925 года касательно принятия обновленцев. О том, что Московская патриархия принимала обновленцев в церковь без покаяния, наложенного патриархом Тихоном, свидетельствуют даже патриархийные источники (5). Это означает, что даже если "патриарх" Сергий и его преемник "патриарх" Алексий и являлись бы каноничными архиереями, то каноничность рукоположенных ими епископов все же была бы сомнительной.

"От сентября 1943 года, — писал катакомбный епископ А., — до января 1945 года прошло так мало времени. Поэтому непонятно, откуда же взялось вместо девятнадцати епископов сорок один. В этом отношении наше любопытство удовлетворяет Журнал Московской Патриархии за 1944 год. Просмотрев его, мы видим, что девятнадцать епископов, существовавших в 1943 году, родили в спешном порядке в 1944 году остальных, бывших членами собора 1945 года.

Из Журнала Московской Патриархии мы узнаем, что эти поспешные хиротонии производились в подавляющем большинстве над протоиереями-обновленцами.
В конце 1943 года и в начале 1944 года по мановению волшебной палочки все обновленцы сразу вдруг покаялись перед митрополитом Сергием. Покаяние было упрощенное, без наложения каких-либо взысканий на причинивших столько зла Святой Церкви. А через самое короткое время "кающиеся обновленцы" получили высокое достоинство, места и чины, вопреки канонам церковным и положению о приеме обновленствующих от 1925 г.
Как повествует Журнал Московской Патриархии, "епископские" хиротонии перед "собором" 1945 г. происходили так: рекомендуемый (безусловно, гражданскими властями) протоиерей, почти всегда из "воссоединенных" обновленцев или григорианцев, сразу постригался в монашество с изменением имени и затем через два–три дня ставился во "архиереи Русской Церкви"..." (6)

Все это, конечно, не волновало Сергия и Алексия, которые сами были "кающимися обновленцами". Но это означает, что новое, послевоенное поколение патриархийных архиереев было совершенно отличным от довоенного поколения, поскольку оно обладало уже несомненно еретическим, обновленческим умонастроением и теперь возвращалось в ново-обновленческую патриархию аки пес на свою блевотину (II Пет. 2:22). Эти лже-архиереи теперь образовали еретическое ядро патриархии, державшее под своим контролем все нижние чины, будучи само всецело подконтрольным коммунистам.
Таким образом, если до войны и было некоторое количество архиереев, чье участие в просоветской деятельности патриархии едва ли шло дальше их пассивного членства в сергиевском синоде, то послевоенное поколение почти сплошь состояло из специально отобранных советских лакеев. Одним из возможных исключений был епископ Мануил (Лемешевский), выдающийся борец с обновленчеством (7) . Другим возможным исключением был митрополит Сергий (Воскресенский), патриарший экзарх на оккупированных прибалтийских территориях, который ранее был учеником священномученика архиепископа Феодора Волоколамского, но и он, согласно недавним историческим изысканиям, оказался агентом НКВД, по крайней мере, с 1941 года (8).

Обновленческий характер послевоенной патриархии подтверждается лукавыми ее плодами, первым из которых было решение войти в полное официальное общение с греческими и румынскими новостильниками на Московском соборе 1945 года.
Следует все же признать, что, говоря формально, русские новообновленцы не приняли большинства новшеств, придуманных нерусскими обновленцами в двадцатые годы — новый стиль, второбрачие духовенства и т. д. Московская патриархия на соборе 1948 года даже осудила ересь экуменизма, в которую греческие новостильники были уже широко вовлечены, хотя сделала это по чисто политическим мотивам. То, что такой консерватизм был лишь тактическим ходом, подтвердилось всего несколькими годами позже, в 1961 году, когда патриархия вошла во Всемірный совет церквей, и снова по политическим причинам.

Вторым лукавым плодом была кампания насилия и шантажа, соединенного с заигрыванием, направленная на сей раз против Русской Церкви Заграницей, в различных частях света — в Китае, Иерусалиме, Западной Европе и Америке.

Третьим, еще более лукавым плодом, был церковный культ Сталина — возможно, величайшего гонителя Церкви за всю ее историю, которого изображали теперь "новым Константином", "мудрым, богопоставленным, богоданным Верховным Вождем". Так, в 1949 году по случаю его дня рождения все архиереи МП направили ему поздравление в выражениях столь лживых и идолопоклонических, что, по мнению группы патриархийного духовенства и мірян, "этот адрес без колебаний можно назвать самым позорным документом, составленным от имени Церкви за всю историю существования христианства и уж тем более за тысячелетнюю историю христианства на Руси" (9).

Даже после смерти Сталина в марте 1953 года, патриархия не смогла умерить свою преданность ему. Так, "патриарх" Алексий говорил, что Сталин был "великим строителем народного счастья... Его смерть была воспринята с глубокой скорбью всей Русской Православной Церковью, которая никогда не забудет его благожелательного отношения к нуждам Церкви. Его светлая память никогда не изгладится из наших сердец. С особым чувством непрестающей любви наша Церковь возглашает ему вечную память" (10).

Вспоминаются слова апостола Иакова: Прелюбодее и прелюбодейцы, не весте ли яко любы міра сего вражда Богу есть? Иже бо восхощет друг быти міру, враг Божий бывает (Иак. 4:4)...

Очень маловероятно, чтобы какое-нибудь из высокопоставленных лиц в МП избежало принесения хоть нескольких крупиц духовного фимиама на алтарь Сталина. Вполне возможно, что некоторые священники и их паства на самых окраинах и избежали этого. Но возможность публичного исповедания истины, подобно Господу, свидетельствовавшу при Понтийстем Пилате доброе исповедание (I Тим. 6:13), невероятно умалилась в эпоху, когда каждого с юных лет заставляли исповедывать мерзости советской идеологии.

5) См.: Митрополит ИОАНН (СНЫЧЕВ), Санкт-Петербургский. Митрополит Мануил (Лемешевский) (СПб., 1993) 185.

6) Письмо 2-е катакомбного епископа А. к Ф. М. // Русский пастырь 14.III (1992).

7) Но он также всеми силами боролся и с "иосифлянским расколом", т. е. против Катакомбной Церкви. — Прим. ред.

8) См.: D. VOLKOGONSKY, Lenin (London: Harper Collins, 1994) 385–386.
9 Цит. по: Протоиерей ВИКТОР ПОТАПОВ, Молчанием предается Бог (Тольятти, 1993) 24.

10) См.: Известия (10 марта 1953).

3. От вхождения Московской патриархии во Всемірный совет церквей до падения Советского Союза (1961–1991)

Вхождение Московской патриархии в ВСЦ показало, что даже если и не определять само сергианство как ересь, то во всяком случае оно проложило путь к ереси и даже к "ереси ересей" — экуменизму. Ибо, по словам о. Андрея Кураева, "сергианство и экуменизм взаимосвязаны. Именно по указке властей наша иерархия вела свою экуменическую деятельность, и именно в процессе своей работы заграницей духовенство, завербованное в КГБ, проверялось на лояльность" (11).

Другими словами, сергианство вынудило патриархию принять экуменизм. Ибо у отступников нет своей воли. Предав свою волю в руки антихриста, они будут говорить и делать все, что тот от них потребует, вплоть до самого отвратительного

богохульства.
Поэтому, даже если предположить, что сергианство не является ересью, то все же следует признать, что оно повреждает догмат о Церкви так же, как любая ересь. По вдохновенному определению архиепископа Джорданвилльского Виталия (Максименко), сергианство есть догматизированная апостасия: "Патриархия нарушила существенный догмат о Церкви Христовой и отвергла ее существенное назначение — служить возрождению людей, и заменила противоестественным для Церкви служением безбожным целям коммунизма. Это отступление горше всех прежних арианств, несторианств, иконоборчеств и прочих. И это не личный грех того или иного иерарха, но коренной грех Московской патриархии, утвержденный, провозглашенный и связанный присягой перед всем светом, так сказать, догматизированный апостазис..." (12)

Тридцать лет, прошедшие со времени вступления патриархии в ВСЦ, со всею несомненностью подтвердили истинность этих слов. Ибо в лице различных еретиков, с которыми МП вошла в молитвенное общение посредством участия в экуменическом движении, она вобрала в себя и все прежние арианства, несторианства, иконоборчества и прочее. А с начала 1990 года она формально восприняла и монофизитство, через свое еретическое соглашение с монофизитами в Шамбези.

Одной из первых ересей, воспринятых патриархией, был папизм, когда вторым по значению иерархом в ней стал тайный католический епископ, митрополит Ленинградский Никодим, в результате деятельности которого она вошла в общение с папистами в 1969 году (сам Никодим скончался в 1978 году на руках папы, приняв от него последнее напутствие).

Синод Русской Церкви Заграницей осудил это деяние как "еретическое", а архиепископ Джорданвилльский Аверкий пояснил: "Теперь, если и были кое у кого сомнения, как нам относиться к современной московской патриархии, можно ли считать ее православной, вследствие ея тесного союза с богоборцами, гонителями веры и Церкви Христовой, эти сомнения должны окончательно отпасть: вступив в литургическое общение с папистами, московская патриархия тем самым отпала от Православия, и не может более почитаться православной" (13).

И действительно, сергианство очень напоминает папизм и может рассматриваться как его восточная разновидность.

"Еретическим, — пишет иеромонах Нектарий, — было понимание митрополитом Сергием Церкви (а стало быть, и спасения). Он искренне, как нам кажется, верил, что Церковь это прежде всего организация, аппарат, не способный функционировать без административного единства. Отсюда стремление сохранить ее административное единство любой ценой, даже ценой повреждения содержимой ею истины.

И это можно видеть не только из его церковной политики, но и из соответствующего ей богословия. Особенно показательны здесь две его работы: "Есть ли у Христа наместник в Церкви?" (Духовное наследство патриарха Сергия. М., 1946) и "Отношение Церкви к отделившимся от нее сообществам" (ЖМП № 2, 1930). В первой из них митрополит Сергий, хотя и дает отрицательный ответ на вопрос (поставленный прежде всего по отношению к папе), но отрицание это у него скорее не принципиальное, а эмпирическое. Папа не является главой Вселенской Церкви лишь потому, что он еретик. Но в принципе для митрополита Сергия возможно и даже желательно возглавление всей Вселенской Церкви одним лицом. Более того, в трудные моменты жизни Церкви это лицо может усваивать себе такие полномочия, даже не обладая соответствующими каноническими правами. И хотя митрополит заявляет, что такой вселенский глава не является наместником Христовым, заявление это не выглядит искренним в контексте как других его богословских мнений, так и согласных этому богословию деяний.

Во второй цитируемой статье митрополит Сергий утверждает, что с изменением чина приема в церковное общение членов какого-либо общества, изменяется и реальное присутствие благодати в таинствах оного, которое, стало быть, зависит не от его объективного исповедания веры, а от субъективного (и посему изменяемого)

отношения к нему первоиерарха Церкви. Так, писал Сергий, "мы принимаем латинян в Церковь в сущем сане, а из карловацкого раскола через мvропомазание", чем утверждал наличие у латинян, в отличие от "карловчан", истинного мvропомазания и священства.
Таким образом, — заключает о. Нектарий, — накладывая прещения на несогласных с его церковной политикой, Сергий считал, что он действительно отсекает их от благодати и по сути отправляет в ад. Вот уж воистину папизм и притязание на наместничество Христово!" (14)

Это еретическое превращение патриархии в западного рода папство было следующим образом описано о. Вячеславом Полосиным: "Если митрополит Сергий руководствовался не личной корыстью, а ошибочно понимаемой пользой для Церкви, то очевидно, что богословским фундаментом такого понимания были ошибочные и даже еретические представления о самой Церкви и ее действии в міре. Можно предположить, что эти представления были весьма близки идее "филиокве": раз Дух исходит не только от Отца, но и от Сына, значит и наместник Сына может распоряжаться Святым Духом, так что Тот действует через него "ex operae operato" — "в силу совершенного действия". Отсюда с необходимостью следует, что совершитель таинств Церкви, "minister sacramenti", должен быть автоматически "непогрешим", ибо непогрешим действующий через него и неотделимый от него Дух Божий... Однако, эта латинская схема Церкви значительно уступает той схеме, той структуре, которую создал митрополит Сергий. В его схеме Собор вообще отсутствует, либо заменяется формальным собранием для утверждения уже принятых решений — по образу съездов КПСС.

Место Собора в его структуре Церкви занимает отсутствующая у латинов советская власть, лояльность к которой становится чем-то вроде догмата... Эта схема стала возможной потому, что она была подготовлена русской историей. Но если православный царь и православный обер-прокурор в какой-то степени являли собой "малый Собор", который по общей направленности не противоречил умонастроению большинства верующих, то при перемене міровоззрения тех, кто был у кормила светской власти, эта схема приняла еретический характер, так как решения центральной церковной власти, ассоциирующиеся у народа с волей Духа Божия, стали определяться ни большим, ни "малым" собором, а волею тех, кто хотел уничтожить даже самое представление о Боге (официальная цель второй "безбожной" пятилетки — полное забвение народом даже слова "Бог"). Таким образом, в родник Истины волеизъявления Духа Святого был подмешан смертельный яд... Московская патриархия, вверив себя вместо соборной воли Духа злой богоборческой воле большевиков, являет собой как раз образ такого соблазна неверия во всемогущество и Божественное достоинство Христа, Который Один только и может спасать и сохранять Церковь и Который неложно обещал, что "врата ада не одолеют ея"... Подмена такой веры надеждой на свои собственные человеческие силы, которые сумеют спасти Церковь, так как через них действует Дух, не соответствует канонам и Преданию Церкви, а "ex opere operato" исходит от "непогрешимой" верхушки иерархической структуры" (15).

При таком близком сродстве между сергианством и папизмом неудивительно, что они должны были войти в общение друг с другом как восточный и западный варианты соответственно едва ли не самой древней из всех ересей — человекопоклонничества — ереси, в борьбе с которой пролили свою кровь ветхозаветные мученики Маккавеи и новозаветные мученики римских катакомб. Экуменизм, сам будучи высшим выражением человекоугоднического идолопоклонства, послужил поводом и местом для встречи восточных поклонников Сталина с западными поклонниками папы, позволившей им объединить свои силы в борьбе с Истинной Церковью, благословляя любую форму человекопочитания, кроме истинного почитания Самого Богочеловека, Господа Иисуса Христа. Более того, хотя паписты и вобрали в себя все христианские ереси, а впоследствии и все нехристианские религии, но сергиане пошли еще дальше, восприняв атеизм (16).

Таким образом, напрасно защитники МП утверждают, что сколь серьезны ни были бы ее грехи, они все же не доходят до ереси. Разве отступничество — грех менее серьезный, чем ересь? Разве приносящий жертву идолам или Сталину менее чужд

Христу, чем отвергающий один или несколько Вселенских Соборов? Разве тот, кто входит в общение со всеми ересями, — сколько-нибудь меньший еретик, чем тот, кто "целомудренно" ограничивает свое духовное прелюбодеяние только одной блудницей? Московская патриархия содеяла все это и больше этого, ибо она есть, по выражению Бориса Талантова, "агент мірового антихристианства".

11) Диакон АНДРЕЙ КУРАЕВ, Во дни печальные Великого Поста // День. № 13 (1992).

12) Архиепископ ВИТАЛИЙ (МАКСИМЕНКО), Мотивы моей жизни (Джорданвилль, 1955) 25.

13) Архиепископ АВЕРКИЙ, Современность в свете слова Божия. Слова и речи (Джорданвилль–Нью-Йорк: Свято-Троицкий монастырь,1975) Т. 3. 216.

14) Иеродиакон ИОНА (ныне — иеромонах НЕКТАРИЙ), Сергианство: политика или догматика? (29 апреля / 12 мая 1993; рукопись) 2–3, 5.

15) Священник В. ПОЛОСИН (СЕРГИЙ ВЕНЦЕЛЬ), Размышления о теократии в России // Вестник Христианского Информационного Центра. № 48 (1989).

16) Так, на встрече представителей Православных Церквей на Родосе в сентябре 1960 г. Московская патриархия выступила за прекращение борьбы против атеизма, теософии, спиритизма и масонства. См.: Русская Православная Церковь / Изд. А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ (М.: Прогресс, 1988) 387.

4. От падения советской власти и доныне (1991–1998)

Миллионы людей очень надеялись, что когда коммунизм в России падет, патриархия покается. Этого не произошло, несмотря на то, что огромное количество ужасающей правды о Церкви советского периода стало теперь общедоступно, и что теперь возможно стать членом Истинной Церкви, не рискуя поплатиться за это жизнью (17) или свободой.
Из этого видна сила лжи, которая, поначалу принимаемая против воли, под нажимом, затем становится естественной для лжеца. Убедив себя, что приходится лгать ради спасения своей жизни, лжец начинает затем верить своей лжи, даже любить ее. Она становится "святой ложью", даже более благородной, чем истина, и вызванной чистейшими, самыми жертвенными из всех возможных побуждений.

Апологеты МП обычно оправдывают ее отступничество ссылками на высшую цель, которая оправдывает их грех. Так, митрополит Сергий говорил священномученику Димитрию и его делегации, что своей политикой он "спасает Церковь" — иными словами, будто столп и утверждение Истины (I Тим. 3:15) нуждается в спасении посредством лжи! Точно так же, как экуменизм утверждает, что нужно соединить все лжи, чтобы найти одну истину, так и сергианство, его ересь-сестра, провозглашает, что сама истина основывается на лжи!

На деле, конечно же, Сергий и его приспешники спасли своей ложью только себя самих. Но подобное спасение может быть только спасением для огня геенского (I Кор. 3:15), ибо Господь сказал: Иже хощет душу свою спасти, погубит ю, а иже погубит душу свою Мене ради и Евангелия ради, той спасет ю (Мк. 8:35). Как сказал священномученик митрополит Вениамин Петроградский, пребывая в заточении за веру: "Странны рассуждения некоторых, может быть и верующих пастырей (разумею Платонова) — надо хранить живые силы, т. е. их ради поступиться всем. Тогда Христос на что? Не Платоновы, Вениамины и т. п. спасают Церковь, а Христос. Та точка, на которую они пытаются встать, погибель для Церкви. Надо себя не жалеть для Церкви, а не Церковью жертвовать ради себя" (18).

Вот почему нынешний "патриарх" Алексий (он же агент КГБ "Дроздов") выражался столь двусмысленно о советском прошлом своей церкви. Вопреки тому, что пишет архиепископ Марк Берлинский (19), Алексий никоим образом не покаялся в грехах

прошлого; он отказывается осудить сергиеву декларацию и просто говорит, что она "отошла в прошлое". Он продолжает служить интересам существующих властей, какого бы цвета они ни были. Так сначала он был коммунистом с коммунистами, и даже в годовщину мученической кончины Царя Николая, 4/17 июля 1990 года, молился публично о сохранении коммунистической партии! Но затем, когда партия пала, он стал при демократах демократом, перенеся свою приверженность на демократа Ельцина. Ныне же он становится коммерсантом с коммерсантами, через своих подчиненных занимаясь беспошлинным импортом алкоголя и табака. Так он стал всем вся, но, увы, не в том смысле, который вкладывал в эти слова апостол Павел!

Вот каким путем Алексий "бережет живые силы" — и разрушает Церковь Живаго Бога. Вот как он "спасает Церковь" — предавая ее сатане. Вот она, ересь сергианства в действии: ее "нравственная" заповедь — будь угоден міру, чтобы быть не только в міре, но и от міра, мірским насквозь...

17) Не всегда, впрочем. Конечно, если уходящие из МП в истинно-православную Церковь ограничиваются "катакомбным" служением где-нибудь на квартире, то опасности для их жизни не возникает. Другое дело — при открытом служении. Так, протоиерей Александр Жарков († 14 сентября 1997 г.) был убит через три месяца после ухода из Московской патриархии и перехода в юрисдикцию Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей, т. к. возникла реальная возможность открытия в Санкт-Петербурге "альтернативного" патриархии храма, поскольку о. Александр собирался "перевести" в юрисдикцию РПЦЗ построенный им храм, что для МП, естественно, было крайне нежелательно. — Прим. Ред.

18) Протопресвитер МИХАИЛ ПОЛЬСКИЙ, Новые мученики российские (М.: Светлячок 1994) Т. 1. 61.

19) См.: Вестник Германской Епархии Русской Православной Церкви Заграницей. № 4 (1997).

Б. Определение ереси и сергианская ересь в частности

В шестом правиле Второго Вселенского Собора мы читаем: "Еретиками же именуем как тех, которые издавна чуждыми Церкви объявлены, так и тех, которые после того нами анафеме преданы: кроме же сего и тех, которые хотя притворяются, будто веру нашу исповедуют здраво, но которые отделились и собирают собрания против наших правильно поставленных епископов".

Это определение состоит из трех частей.

Первые — "те, которые издавна чуждыми Церкви объявлены", как ариане, монофизиты, иконоборцы и римокатолики. Хотя Московская патриархия официально и не исповедует эти ереси, она вошла с ними в общение в экуменическом движении и признала их членами Церкви, дойдя даже до снятия анафем с их вождей (например, с монофизита Диоскора на Шамбезийской встрече в 1990 году). И если будут возражать, что патриархия никогда не входила в общение с арианами и иконоборцами, то можно ответить, что англикане и протестанты, с которыми она находится в столь близких отношениях, в большинстве своем являются и арианами, и иконоборцами.

Вторые — "те, которые после того анафеме преданы". К этой категории принадлежат те, кого анафематствовал патриарх Тихон в 1918 и 1923 гг., т. е. большевики и сотрудничающие с ними, и обновленцы. Нет никакого сомнения, что МП подпадает под обе анафемы — под первую по причине ее тесного сотрудничества с большевиками и поддержки их, а под вторую по той причине, что она была возобновлена в 1943–45 гг. обновленцами, принятыми в нее, как мы видели, лишь с минимальными формальностями, по приказанию большевиков.

Иногда утверждают, будто патриарх анафематствовал не большевицкое правительство, а лишь отдельных законопреступников. Однако, в своем послании от 18 июня / 1 июля 1923 года патриарх специально упоминает об "анафематствовании советской власти". И Поместный Собор 1918 года подтвердил патриарший анафематизм в еще более сильных выражениях, убеждая народ не иметь ничего общего с этими "извергами рода человеческого" и даже призывая православных жен бросать своих мужей, если те окажутся большевиками (20).

Мы не должны также забывать об анафеме против экуменизма, провозглашенной Русской Зарубежной Церковью в 1983 году. Хотя нынешняя иерархия РПЦЗ упорно замалчивает эту анафему и трактует ее, как по сути не относящуюся ни к кому, все же не может быть никакого сомнения, что Московская патриархия, как полноправный "органический" член ВСЦ, непосредственно подпадает под нее. Ибо не может быть ереси без еретиков; и если, как справедливо выразился митрополит Виталий, экуменизм — это "ересь ересей", то необходимо согласиться с тем, что МП — это еретики-экуменисты, подпадающие по анафему против экуменической ереси.

Третьи — "те, которые притворяются, будто веру нашу исповедуют здраво, но которые отделились и собирают собрания против наших правильно поставленных епископов". В 1927 году сергиане отделились от тех "правильно поставленных епископов", которые отвергли "Декларацию" митрополита Сергия. Единственное, что объединяло оба лагеря, — это было поминовение митрополита Петра. Однако, в 1936 году митрополит Сергий ложно объявил, что митрополит Петр скончался, и неканонично присвоил себе его титул "Блаженнейшего митрополита Крутицкого". Таким образом, с этого времени или со времени действительной смерти митрополита Петра в 1937 году, между сергианами и Истинной Церковью существует формальный раскол — раскол, который, по определению вышеприведенного правила, также может быть назван ересью.

Остается только собрать воедино все нити предшествовавших рассуждений и попытаться дать самое приблизительное определение сергианства, основной ереси Московской патриархии.

Мы видели, что сущность сергианства заключается в превратном понимании отношения между Церковью и міром, когда Церковь понимается служащей міру не в качестве совести и укора, будучи солью, сохраняющей его от конечного растления и разрушения, — а путем приспособления себя к нему, потворствуя его падшим желаниям и антихристианским взглядам. Как таковое, сергианство очень сродни экуменизму, и посему связь сергианства и экуменизма в современной МП не удивительна. Оба усиливаются полностью покорить свободу и достоинство Церкви господствующим силам современного міра — силам политическим в случае сергианства и религиозным в случае экуменизма (хотя силы обоих видов фактически направлены к одной цели — полному обмірщвлению человеческого рода). Обе ереси суть отступнические движения, обе пытаются оправдать свое отступничество, как бы "догматизировать" его — в случае сергианства утверждая, что только таким отступничеством можно "спасти Церковь", а в случае экуменизма исповедуя, что только такое отступничество может "воссоздать Церковь". По существу, следовательно, они суть два аспекта единой экклесиологической ереси единой борьбы против бытия и догмата Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви.

Возможно, первым это увидел выдающейся богослов иосифлянской Катакомбной Церкви священномученик Феодор Андреев. Он суммировал свою критику в адрес митрополита Сергия в своем письме к нему в следующих выражениях: "Итак, единство Церкви, имеющее, по словам св. священномученика Игнатия Богоносца, свое внешнее выражение в епископе, для целой Русской Церкви, следовательно, — в патриархе, уже поколеблено в целом Вашим единением с синодом, превысившим свои права до равенства с Вами, по отдельным епархиям — незаконными смещениями местных епископов и заменою их другими. Святость Церкви, сияющая в мученичестве и исповедничестве, осуждена посланием, ее соборность поругана, ее апостольство как связь с Господом и как посольство в мір (Ин. 17:18) разрушено разрывом иерархического преемства (отвод митрополита Петра) и встречным движением в нее самого міра" (21).

Выводы священномученика Феодора подтвердил священномученик архиепископ Димитрий Гдовский, написавший 1/17 января 1928 года духовенству своей епархии, что митрополит Сергия погрешил "не только против канонического строя Церкви, но и догматически против ее лица, похулив святость подвига ее исповедников подозрением в нечистоте их христианских убеждений, смешанных якобы с политикой, соборность — своими и синодскими насильственными действиями, апостольство — подчинением Церкви мірским порядкам и внутренним (при сохранении ложного единения) разрывом с митрополитом Петром, не уполномочившим митрополита Сергия на его последние деяния, начиная посланием от 16/29 июля с. г. "Темже убо, братие, стойте и держите предания" (II Сол. 3:18)" (22).

Наконец, посмотрим теперь как это догматическое понимание ереси сергианства воплотилось в следующем анафематизме, включенном в Чин Торжества Православия на ленинградских иосифлянских приходах: "Пребезумную обновленческую ересь сергианскую содержащим: учащим, яко отвержением истины Христовы земное устроение Церкви Божией соблюдается: и тем, иже утверждают, яко богоборческим властем служение и исполнение безбожных велений их, еже к попранию священных правил, святоотеческих преданий и божественных догматов, и к разорению всего христианства, Церковь Христову спасает: и почитающим антихриста и служителей его, и предтечей его, и всех клевретов его, яко власть законну и от Бога поставленную: и всем тоя антихристианския ереси начальником, исповедников и мучеников новых хулителем — Сергию Нижегородскому, Николаю Киевскому и Алексию Хутынскому — и повторителем их, и обновленцем, и прочим еретиком — АНАФЕМА" (23).

20) Из собрания Центрального государственного архива Октябрьской революции: листовка без выходных данных под № 1011 // Наука и религия. № 4 (1989).

21) В. В. АНТОНОВ, Ответ на Декларацию // Русский пастырь 24, I (1996) 78.

22) Цит. по: М. Е. ГУБОНИН, Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве Высшей церковной власти (М.: Изд-во Свято-Тихоновского Богословского Института, 1994) 560–561.

23) С. ВЕРИН, Свидетельство русских катакомб // Православная Русь. №14 (1563) (1996) 11–12.

19 января / 1 февраля 1998 года.
Свт. Марка, митрополита Ефесского.
80-я годовщина анафематствования большевиков
св. Патриархом Тихоном